

Приокские зори

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1

09

Приокские зори

**ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД**

**МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

**ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ**

**ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2009 — 1(14)**

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ И АВТОРАМ ЖУРНАЛА.....	3
К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ	
Николай Васильевич Гоголь. Птица тройка.....	4
Колонка главного редактора: Гоголь и самоосознание русской нации.....	6
Современники о Николае Васильевиче Гоголе:	
Биография из словаря Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона.....	14
Ирина Монахова. Гражданство небесное и земное: Гоголь и Белинский: диалог завещаний.....	15
Виктор Греков. Апостольское служение.....	18
Тамара Белицкая. Гоголь и музыка.....	22
Владимир Мирнев. Мистификации Гоголя.....	25
Наум Ципис. Из книги «Приближение».....	33
Виктор Пахомов. Диалог грешников.....	34
Николай Мых-Степняк. Великий писатель двух великих народов.....	35
РОМАН	
Владимир Сапожников. Порочное зачатие.....	39
ПРОЗА: ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ	
Алексей Яшин. Вторая древнейшая.....	45
Владимир Резцов. Последняя роль.....	64
Сергей Крестьянкин. Деревенька Краево.....	77
Рудольф Артамонов. Затмение. Операция.....	85
Станислав Воронин, Людмила Воронина. Дядя Коля.....	101
Геннадий Маркин. Марфина шахта.....	106
Николай Смирнов. Варакша (Цикл рассказов).....	111
ЛИТЕРАТУРНАЯ ТУЛА МОЛОДАЯ	
Александра Гребенская. Расскажите мне о любви: стихи.....	126
СКАЗКИ СО СМЫСЛОМ	
Николай Макаров. Сказки про лес.....	127
ПОЭЗИЯ	
Юрий Лапин. Мы в церкви свечи вам поставим.....	138
Наталья Квасникова. Когда душа взлетела ввысь.....	140

Николай Бухаринов. Звонок из юности моей.....	144
Татьяна Степанова. Про меня.....	147
Анна Барсова. Хочешь — я стану песней.....	150
Николай Дружков. Четыре дороги.....	153
ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ТУЛЫ И ОБЛАСТИ	
Щекинское литературное объединение «Поэтическое братство»:	
Олег Пантюхин, Нина Ростовцева, Павел Юрьев, Наталья Кожемяко, Анатолий Миронов, Эдуард Малышев.....	159
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ: «МОСБАСС» ИЗ СОКОЛЬНИКОВ	
Валерий Кручинин-Русич. Русский православный писатель Алексей Логунов.....	178
Валерий Кручинин-Русич. Мосбасса блудный сын.....	183
МУЗЕИ ТУЛЫ И ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ	
Людмила Гайдукова. Алексинский художественно-краеведческий музей.....	205
КАВКАЗСКИЕ ВОЙНЫ ХХІ ВЕКА	
От редакции.....	212
Александр Хадарцев. По следам «пятдневной войны».....	213
Владимир Кидалов. Кавказское зазеркалье: Цхинвал 2008.....	221
Ирина Кедрова. Чеченский удар.....	222
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ	
Наталья Ханина. Слово о поэте.....	235
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАМЯТЬ	
Вячеслав Боть. Забытый писатель.....	238
ПРАВОСЛАВИЕ В НАШИХ ДУШАХ	
Николай Васильевич Гоголь. Размышления о божественной литургии.....	241
ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА	
Н. В. Гоголь в журнале А. С. Пушкина «Современник» (1836—1837).....	255
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	271

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи объемом менее одного авторского листа не возвращаются. Требования к рукописям — см. на 4-й стр. обложки. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы не принимаются.

Вниманию читателей: журнал распространяется преимущественно в библиотечной сети.
Адрес: 300026, Тула, а/я 1842, А. А. Яшину; e-mail: medins@tsu.tula.ru; тел.: (4872)35-06-73

Главный редактор Алексей ЯШИН

Первый зам. главного редактора Виктор Пахомов

Редколлегия:

Вячеслав БОТЬ
Виктор ГРЕКОВ (Белев)
Олег КОЧЕТКОВ (Коломна)
Валерий КРУЧИНИН-РУСИЧ
 (Сокольники — Новомосковск)
Валерий МАСЛОВ — председатель
 Межрегионального союза писателей
Николай МИНАКОВ — зам. главного редактора
Владимир МИРНЕВ (Москва), президент
 Академии российской литературы
Олег ПАНТЮХИН
Ирина ПАРХОМЕНКО (Плавск)
Наталья ПАРЫГИНА
Владимир РЕЗЦОВ
Владимир САПОЖНИКОВ
Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор
 Литинститута им. А. М. Горького по Высшим
 литературным курсам
Константин СТРУКОВ — отв. секретарь
Александр ХАДАРЦЕВ
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), вице-президент
 Академии российской литературы
Секретарь редакции Марина БАЛАНЮК

Информационная поддержка:

— *Литературное агентство «Московский Парнас»*
 — журнал «Подъем» (г. Воронеж)
 — «Литературная газета»
 — газета «Российский писатель»
 — газета «Тульский литератор»

Учредители:

Тульская писательская организация Союза
 писателей России
 Тульский государственный университет
 (ректор М. В. Грязев)
 Издательство «Неография»

*Полный текст журнала публикуется в
 электронном виде на сайте интернета:
www.medtsu.tula.ru*

© «Приокские зори», 2009

К ЧИТАТЕЛЯМ И АВТОРАМ ЖУРНАЛА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»!

Уважаемые читатели и авторы «Приокских зорь»!

Начался пятый год планово-периодического издания нашего журнала; своего рода миниюбилей. За прошедшее время издание стало подлинно межрегиональным, получило всероссийскую известность, вырос тираж. О нас неоднократно писали главные литературные издания страны: «Литературная газета», «Российский писатель», альманах «Московский Парнас» и др. Непрерывно возрастает качество публикуемых произведений. Через библиотечную сеть и сайт www.medtsu.tula.ru журнал стал доступен как любому читателю в России, так и всем читающим по-русски в мире.

Редколлегия постоянно работает над улучшением качества публикаций и совершенствует структуру журнала. Как отметила в своей публикации «Литературная газета», у «Приокских зорь» уже имеется «свое лицо», только ему и присущее... Спасибо на добром слове!

В части совершенствования структуры отметим практику издания тематических номеров (№ 4, 2007; №№ 1, 3, 2008; № 1, 2009) и введение постоянной рубрики «Журнал в журнале»: «Мосбасс» из Сокольников». На очереди введение рубрики «Тверской бульвар, 25» — соответствующее предложение уже сделано руководству Литературного института им. А. М. Горького, получено согласие сотрудничать.

Литераторам из числа наших авторов пришла по душе идея издания своих книг под логотипом «Библиотека журнала «Приокские зори». Надеемся на приумножение «Библиотеки» количеством и качеством.

...И в который раз убедительная просьба к авторам журнала: пожалуйста, отсылая материал в редакцию, ознакомьтесь с правилами подготовки рукописей (см. 4-ю стр. обложки): обязательно предоставляйте файл на дискете (лучше на CD) и 2 экз. распечатки; фото и автобиографическая справка, вмонтированные в начале основного текста — обязательны! Также указывать (под фамилией) место своего жительства. Извините за такое постоянное напоминание, но, увы, как раз такие технические моменты часто становятся «камнем преткновения» для авторов. Понятно, люди творческие парят над грешной землей, но все же...

Новость приятная: администрация области в лице департамента культуры обещает нам, начиная с 2011-го года, материальную поддержку в рамках Культурной программы Тульской области, что позволит увеличить тираж издания до 1000 экз. и улучшить полиграфическое исполнение журнала.

Настоящий номер журнала относится к числу тематических, посвящен 200-летию со дня рождения великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя. Этой дате посвящен специальный раздел; гоголевские произведения также составляют содержание традиционных рубрик «Литературная учеба» и «Православие в наших душах». ...И еще одна приятная новость: буквально перед сдачей номера в типографию нам сообщили, что журнал получил госрегистрацию.

...И уповаем на помощь Тульского госуниверситета (ректор М. В. Грязев) — единственно, кто нас сейчас поддерживает материально.

Редколлегия журнала «Приокские зори»

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ

Николай Васильевич Гоголь

ПТИЦА ТРОЙКА *

...Так проводили жизнь два обитателя мирного уголка, которые неожиданно, как из окошка, выглянули в конце нашей поэмы, выглянули для того, чтобы отвечать скромно на обвиненье со стороны некоторых горячих патриотов, до времени покойно занимающихся какой-нибудь философией или приращениями на счет сумм нежно любимого ими отечества, думающих не о том, чтобы не делать дурного, а о том, чтобы только не говорили, что они делают дурное. Но нет, не патриотизм и не первое чувство суть причины обвинений, другое скрывается под ними. К чему таить слово? Кто же, как не автор, должен сказать святую правду? Вы боитесь глубоко устремленного взора, вы страшитесь сами устремить на что-нибудь глубокий взор, вы любите скользнуть по всему недумаящими глазами. Вы посмеетесь даже от души над Чичиковым, может быть даже похвалите автора, скажете: «Однако ж кое-что он ловко подметил, должен быть веселого нрава человек!» И после таких слов с удвоившеюся гордостью обратитесь к себе, самодовольная улыбка покажется на лице вашем, и вы прибавите: «А ведь должно согласиться, престранные и пресмешные бывают люди в некоторых провинциях, да и подлецы притом немалые!» А кто из вас, полный христианского смиренья, не гласно, а в тишине, один, в минуты уединенных бесед с самим собой, углубит вовнутрь собственной души сей тяжелый запрос: «А нет ли и во мне какой-нибудь части Чичикова?» Да, как бы не так! А вот пройди в это время мимо его какой-нибудь его же знакомый, имеющий чин ни слишком большой, ни слишком малый, он в ту же минуту толкнет под руку своего соседа и скажет ему, чуть не фыркнув от смеха: «Смотри, смотри, вон Чичиков, Чичиков пошел!» И потом, как ребенок, позабыв всякое приличие, должное званию и летам, побежит за ним вдогонку, поддразнивая сзади и приговаривая: «Чичиков! Чичиков! Чичиков!» Но мы стали говорить довольно громко, позабыв, что герой наш, спавший во все время рассказа его повести, уже проснулся и легко может услышать так часто повторяемую свою фамилию. Он же человек обидчивый и недоволен, если о нем изъясняются неуважительно. Читателю споллагая. рассердится ли на него Чичиков или нет, но до автора, то он ни в каком случае не должен ссориться с своим героем: еще не мало пути и дороги придется им пройти вдвоем рука в руку; две большие части впереди — это не безделица.

* Печатается по изданию: Гоголь Н. В. Мертвые души / Сочинения в 2-х томах. Т. 2.— М.: «Художественная литература», 1965.— С. 486–488.

— Эхе-хе! что ж ты? — сказал Чичиков Селифану, — ты?

— Что? — сказал Селифан медленным голосом.

— Как что? Гусь ты! как ты едешь? Ну же, потрогивай!

И в самом деле, Селифан давно уже ехал зажмуря глаза, изредка только потряхивая впросонках вожжами по бокам дремавших тоже лошадей; а с Петрушки уже давно невесть в каком месте слетел картуз, и он сам, опрокинувшись назад, уткнул свою голову в колено Чичикову, так что тот должен был дать ей щелчка. Селифан приободрился и, отшлепавши несколько раз по спине чубарого, после чего тот пустился рысцой, да помахнувши сверху кнутом на всех, примолвил тонким певучим голосом: «Не бойся!» Лошадки расшевелились и понесли, как пух, легонькую бричку. Селифан только помахивал да покрикивал: «Эх! эх! эх!» — плавно подсакивая на козлах, по мере того как тройка то взлетала на пригорок, то неслась духом с пригорка, которыми была усеяна вся столбовая дорога, стремившаяся чуть заметным накатом вниз. Чичиков только улыбался, слегка подлетывая на своей кожаной подушке, ибо любил быструю езду. И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «черт побери все!» — его ли душе не любить ее? Ее ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чуждое? Кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь, и все летит: летят версты, летят навстречу купцы на облучках своих кибиток, летит с обеих сторон лес с темными строями елей и сосен, с топорным стуком и вороньим криком, летит вся дорога невесть куда в пропадающую даль, и что-то страшное заключено в сем быстром мельканье, где не успевает означиться пропадающий предмет, — только небо над головою, да легкие тучи, да продирающийся месяц одни кажутся недвижны. Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарябит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро живьем с одним топором да долотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит черт знает на чем; а привстал, да замахнулся, да затянул песню — кони вихрем, спицы в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход — и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух.

Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымитесь под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. Остановился пораженный божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится вся вдохновенная богом!.. Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земли, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства.

1842 г.

**КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:
ГОГОЛЬ И САМООСОЗНАНИЕ РУССКОЙ НАЦИИ**
(С некоторыми современными параллелями)

Николай Васильевич — один из тех русских писателей, чья жизнь, труды и мировоззрение еще при его жизни стали предметом активного обсуждения в литературоведении и литературной публицистике. Что уж тут говорить о последующих полутора веках! Казалось бы, что не осталось при таком «микроскопическом» исследовании ни единого аспекта его творчества, который не был бы вынесен на суд читающей и размышляющей общественности.

Ан нет; как нам представляется, как-то упустили они существенный момент в мировоззрении и направленности творчества «второго после Пушкина» классика отечественной литературы, а именно: роль Гоголя, как впервые раскрывшего в своих художественных и публицистических, включая религиозные, произведениях тему *самоосознания* русского народа, русской нации.

...Чтобы читатель не соскучился за сухим изложением-обоснованием, позволим себе небольшой экскурс личностного характера: как эта тема появилась на свет.

Где-то за год до Московской олимпиады, во время весенней сессии заочников Литинститута им. А. М. Горького, которому, кстати, в декабре прошлого, 2008-го, года «стукнуло» 75 лет, вышли мы небольшой группкой после лекций из «дома Герцена» на Тверском бульваре, 25. Мы — это сдружившаяся еще с первого курса Саша Пытько из Молодечно, «хохол» Витя Гриваков из-под Харькова, из города Змиева, который только-только переименовали в Готвальдов, и «мужик-вячкий» Виталий Игитов. Где-то они сейчас, проживающие в трех царствах-государствах? Чем живут, что творят...

Где-то на траверсе тогдашнего магазина «Армения» нас окликнул из окошка пригормозившей «волги», если не изменяет память, наш преподаватель Владимир Смирнов, ныне зав. кафедрой новейшей русской литературы, а тогда ассистент, моложе нас, матерых тридцатилетних заочников, внешне имиджевавший под молодого же Евтушенку...

— Ребята! Есть один лишний билет в театр на Таганке на дневной спектакль. Садитесь кто-нибудь и поехали. Давай, а то и так опаздываем.

К крайнему изумлению нашего преподавателя, мы, не раздумывая, отказались. Тот же сожалеюще посмотрел на нас, обреченно махнув рукой. Дескать, отказаться от такого театра! Любимов, Высоцкий! Да любой москвич-интеллигент спит и видит: как умудриться достать билет на Таганку? Но мы-то как раз и не были теми москвичами, уже тогда захваченными круговой порукой «тусовки»: обязательно ходить на Таганку, умеренно диссидентствовать и лучшим подарком себе на день рождения считать... пустую бутылку из-под кока-колы (последнее из телевизионных воспоминаний одного известного актера). Были мы уже и жизненным опытом несколько обременены, почти все уже имели высшее образование, не делали себе кумиров — того же Владимира Семеновича оценивали достаточно объективно.* Словом, в «тусовку» интеллигентскую не стремились. Вот поехать в выходной день в Сергиев Посад, тогда Загорск, где я, еще учась в Тульском политехническом институте, три месяца провел на преддипломной практике на оптико-механическом заводе, — это предложение принималось с удовольствием.

А тут — Таганка, Любимов, Высоцкий... При всем их пиетете. Да и компанию разбивать не хотелось. И еще нам показалось, что преподаватель, обреченно махнув рукой, вроде как добавил: «Все равно ведь в пивную идете!» Слова эти мигом сыграли роль катализатора. И без того робкое намерение пересечь улицу Горького, сесть у ки-

* См. литературоведческое исследование Николая Боева (г. Узловая) «Плач по Высоцкому», опубликованное в нашем журнале: «ПЗ» №№ 3, 4/2008.

нотеатра «Россия» на третий номер троллейбуса, доехать до знаменитого литинститутского общежития и, не уставая сегодня стол в нашей комнате батареей портвешка ординарного, готовиться к послезавтрашнему экзамену,— все это улетучилось. Улицу-то имени основателя Союза писателей СССР, в который все мы со временем вступили, мы перешли по подземному переходу, но, оставив памятник Пушкину и «Россию» слева, а памятник Юрию Долгорукому справа, почти автоматически дошли до знаменитейшей подвальной пивной «Серебряная ладья» на Пушкинской. Студенты Литинститута в те годы вполне справедливо полагали ее неформальным учебным корпусом своего вуза.

* * *

Еще раз просим извинения у читателя: это не мемуарные воспоминания, но развернутое введение в тему настоящего очерка. Все мы были под впечатлением только что прослушанной лекции по курсу русской литературы XIX века: блестящий преподаватель (человек хороший, фамилию называть не буду), четкая логика изложения, энциклопедическое знание предмета... И классический прием лектора, чтобы держать аудиторию в постоянной заинтересованности: интермеццо в форме исторических анекдотов, неписанных житейских историй. Вот и наш доцент на правах очевидца рассказал о вскрытии могилы Гоголя. Было такое поветрие в 30-х годах: любопытствовали ученые мужи, ученый и скульптор Герасимов реконструировал по черепам лица знаменитых покойников, еще что-то уточняли и узнавали. Добрались и до Тамерлана — вскрыли гробницу, а через несколько часов, точно в соответствии с историческом зачатком могилы Хромого Тимура, началась Великая Отечественная война. Даже сугубый материалист Сталин накануне Сталинградской битвы распорядился вновь вернуть кости Тамерлана в его могилу. Все же не зря он учился в Горькой духовной семинарии вместе с самим великим мистиком XX века Гурджиевым...

Но Гоголя, кажется, просто перезахоранивали, однако, гроб открыли: интересовались, перевернулся ли он, как гласит предание, после захоронения в летаргическом сне? И вот здесь добрейший наш преподаватель с восторгом в лице, голосе и жестах стал рассказывать, как приглашенные на эксгумацию видные писатели начали хватать «на память» различные артефакты из одежды великого писателя. Особо повезло советскому классику Лидину: ему достался размером с ладонь кусок позеленевшей кожи — голенища сапога. И Лидин вмонтировал — не сам, конечно, а искусный переплетчик — этот лоскут в переплет томика Гоголя прижизненного издания. Этой книжкой он очень гордился и демонстрировал гостям своего дома...

Конечно, будь мы стандартными московскими интеллигентами-обывателями, так тоже вместе с добрейшим нашим преподавателем порадовались бы за маститого классика; но... мы были сугубыми провинциалами, отягченными предрассудками, в том числе и от традиций православного христианства, хотя бы и некрещеные. И выйдя за ворота Литинститута, самый импульсивный из нас Виталька Игитов (не зря он в бурно-политические 90-е годы стал воеводой партии Жириновского по Кировской области...) завозмущался: «И чего радуются? Да это самое паскудное дело — с останков покойного одежду и сапоги срывать! Правильно Владимир Ильич, будь он не к ночи помянут, назвал русскую интеллигенцию гнилой и так далее...»

Раз разговор свернул на Гоголя, то он и продолжился в «Серебряной ладье» с ее раскрепощающей обстановкой. Харьковский «хохол» Гриваков, мужик обстоятельный, тем более по профессии железнодорожник, много поработавший на подвижном составе, а все паровозники-тепловозники склонны к философскому восприятию жизни, еще подначил: дескать, украинские националисты напрочь отрекаются от Гоголя, не считают его своим, но московским сочинителем... Но вот прошла четверть века — и Николая Васильевича на современной Украине (не «в Украине», что нарушает всю грамматику русского языка!) очень даже зауважали, считают литературной гордо-

стью самостийно-незалежной и по-новому переводят его произведении на мову. Но что удивительно: слово «русский» переводят как «козак», человек неопределенной национальности. Как-то невнятно говорится в новых переводах о врагах исторической Украины-Малороссии: и не поляки, и не турки... а кто? И получается, что «козаки» Тараса Бульбы всю жизнь с кем-то воевали, но с кем? — Из переводного текста неясно; прямо-таки виртуальные враги, это как в современной компьютерно-интернетской субкультуре.

...Но тогда до этого было еще далеко, поэтому, посмеявшись на слова Вити Гривакова, перешли к более высоким материям. Обстановка опять же располагала. И договорились до сакраментального: так в чем же непреходящее значение Гоголя для русской литературы? И как-то складно вышло, что творчество Николая Васильевича и самоосознание русского народа, как нации, как некоей *самости* в среде других народов и наций, есть факторы неразрывные.

И на ночь глядя, уже в общежитии, под портвешек все ординарный, тема эта продолжала развиваться. Подключились к ней заинтересованно и другие наши однокашники, даже из числа принципиально непьющих, попросту заходящие в нашу комнату. Как помнится, особенно горячо поддерживали такую идею поэты: Олег Кочетков (ныне член редколлегии «Приокских зорь»), Анатолий Кузьмичевский, очень известный тогда, замечательный поэт Николай Тряпкин. Он, приехав по издательским делам в Москву, остановился в гостинице Союза писателей СССР, что занимала два этажа литинститутского общежития, и зашел на огонек к своим землякам-заочникам...

На том и порешили...

* * *

Прошло много лет, можно сказать — прошла вечность, даже живем мы в другом государстве: «без меня меня женили». Но тот давний разговор вспомнился именно сейчас, при формировании этого номера «Приокских зорь», посвященного 200-летию со дня рождения второго классика русской литературы. И отбирая юбилейные материалы, порой и отличающиеся от канонического взгляда — см. рубрику ниже, размышлял: а мое-то отношение к вопросу о связи творчества Гоголя с самоосознанием русской нации изменилось или нет? Тем более, что в новейшие времена были изданы (ведь что-то должно быть положительным?) ранее недоступные «Выбранные места из переписки с друзьями», «Размышления о божественной литургии», книги о Гоголе и его творчестве, ранее «отсеянные» знаменитой комиссией «Луначарского — Крупской» навроде «Болезни Н. В. Гоголя» известного русского психиатра Владимира Федоровича Чижика (1855—1922). Много чего другого стало достоянием читателей и литературной общественности. Так изменилось? — Нет, честно отвечу себе, не изменилось, но более того — укрепилось. Значит не зря мы тогда не польстились на Таганку, а пошли на Пушкинскую...

В данном контексте нелишним будет заметить, что сам Гоголь очень интересовался историей и даже несколько самонадеянно, что было в его характере, полагал себя отменным ее знатоком. И даже, добившись соответствующей кафедры в университете, короткое время читал курс всемирной истории, но, полностью «провалившись», оставил это занятие. Но это опять же характеристика Гоголя-человека, но Гоголь-писатель мыслил именно категориями истории. И в этом аспекте его не могла не занимать тема исторического самоосознания русского народа. По законам же психологии творчества все это и преломилось в его литературных и публицистических произведениях. Сразу оговоримся, чтобы уже больше не возвращаться к «самостийной» теме: Гоголь жил во времена, когда «оранжевые революции» в Киеве не могли присниться в самом пьяном сне героев «Вечеров на хуторе близ Диканьки». И для

него Малороссия являлась лишь Юго-Западом России. Потому и Тарас Бульба называет себя и своих бойцов русскими... В противовес, например, Тарасу Шевченко — духовному отцу украинского национализма Нового времени.

А мысля категориями историческими, Николай Васильевич при обширности его интересов, а главное — при характерной для него убежденности в истинности своих убеждений, не мог не задумываться: когда русский народ осознал себя как нацию? Именно не отдельные провидцы, которые имелись и во времена Гостомысла и Рюрика, но мыслящие люди в достаточной полноте, имя которой — общественное мнение.

А теперь, мысленно пробежавшись по строкам всех основных художественных и публицистических произведений Гоголя, попробуем реконструировать размышления писателя в означенном выше аспекте.

Современная ему Россия, Российская империя, то есть Московская Русь — третья Русь после Киевской и Литвы (той, русской, на восток простиравшейся до Оки в Тульской земле, до унии и католичества) — есть государство совсем молодое по историческим меркам. Действительно, только три века минуло с небольшим, как де-юре будущая Россия перестала именоваться Улусом Джучиевым и вышла из состава Золотой Орды. И к началу творческой деятельности Гоголя Европейская Россия, уже и не говоря о гигантской территории между Уралом и границей с Канадой на Аляске, являла собой конгломерат славянских, тюркских, угро-финских, кавказских и пр. народов, связанных в единое государство административно и отчасти торгово-экономически.

Нам, ныне живущим трудно поверить, что еще двести лет назад жители губерний, введенных Петром Первым, по отношению друг к другу, в смысле к жителям другой губернии, на подсознательном уровне испытывали определенную разъединенность этнического характера. И было это не только следствием не столь уж и давней раздробленности по враждующим княжествам, но и более давней генетической памяти, когда они принадлежали различным славянским племенам вятичей, древлян, дреговичей, кривичей и пр. Пишем особо не справляясь с авторитетными источниками — также читал лекции по истории и Гоголь, — но смысл понятен. И это еще не все. Даже в самой русской Центральной России были обширные территории, заселенные не чисто славянскими, но исторически смешанными племенами: это обширная поюкская область, где славянские племена смешались с первоначальниками этих мест — мордовскими племенами эрзя и мокша; это и архангелогородский Север, где совсем недавно были ассимилированы десять тысяч шотландцев, которым царь Алексей Михайлович дал приют и спасение от протестантско-католической резни на их исторической родине.

...И эта неизжитая к началу XIX века разъединенность ощущалась зримо и словесно: «косопузая Рязань», ловкие и переимчивые ярославские мужики, язвительные хитрованы-калужане, хмурые вологодцы, у которых «ножики-засапожники», «тамбовские волки» и так далее.

А собственно-то русская, правильнее — великорусская, нация сложилась очень быстро (сработал диалектический закон перехода количества в качество) и на глазах Николая Васильевича, а именно в эпоху правления Николая Первого, которого нынешний ректор Литинститута Б. Н. Тарасов удачно назвал «рыцарем самодержавия». Действительно, что бы там не говорили о Николае I демократы-разночинцы, пролеткульт и агитпроп, да и нынешние СМИ тоже (здесь полная аналогия со Сталиным), но этот классик самодержавной власти — не своей волей, конечно, но в силу исторических обстоятельств — сумел сформировать всего за тридцать лет своего царствования *русскую нацию* из конгломерата доселе лишь административно и, отчасти, торгово-экономически связанных территорий. Самое существенное, что создал-то именно административными мерами, начав с разгрома декабристов, наивных продвигных пешек формирующегося мирового масонства.

И — от противного, как говорят математики — самым проигрышем Крымской войны в конце своего правления император дал мощнейший стимул для окончательной консолидации русской нации. Остается только добавить, что и великая русская литература — порождение эпохи его правления. Такой вот «пролеткульт» получается...

* * *

Литература есть мера интеллектуализации общества, с одной стороны; с другой — в определенном смысле *vox populi**. Даже без осторожных оговорок можно сказать: до Гоголя русская литература была сугубо дворянской. Уже не говоря о старинном Тредиаковском, масонах Новикове, Радищеве и так далее, включая Фонвизина, Грибоедова, Карамзина, но и у Александра Сергеевича ведь этого *vox populi*, увы, нет. Даже в описании пугачевского восстания; даже в самом названии «бунт» Пушкин оценивает события крестьянской войны, что называется, «со стороны» дворянской. При всем нашем почитании первого гения русской литературы.

Итак и непредвзято: до Гоголя — и даже одновременно с ним — персонажами произведений отечественной литературы были дворяне и пейзажи, как фон. Поэтому можно было говорить о самоосознании только «со стороны» привилегированного класса. Последнее слово употребляем в единственном числе, ибо в отличие от Европы низовое русское духовенство и весь его причт мало чем отличался от массового народа.

И только у Гоголя народ становится главным действующим лицом. Причем не только в «Тарасе Бульбе» и во всем малороссийском цикле его произведений, но и в «Мертвых душах», «Ревизоре», «Петербургских повестях». Естественно, значительная часть персонажей и здесь формально из верхнего сословия, но разве это рафинированная аристократия, разве они близко стояли с Онегиным, Чацким, Печориным? Худородные питерские и уездные чиновники, мелкие помещики, не выезжающие из своих деревень, предтеча Остапа Бендера (и современных «предпринимателей» тож) жуликоватый Чичиков... — дворяне лишь «по паспорту», тогдашний «средний класс»; опять же аналогия с новейшими российскими реалиями. Итак, это уже не господствующий класс де-факто, а массовая социальная группа, неотделимая от народа. Во всяком случае знаменитая фраза «страшно далеки они от народа» к гоголевским Акакиям Акакиевичам, «мертвoduшникам» и ссорящимся деревенским помещикам никак не относится. По крайней мере в том ракурсе, который избрал Гоголь для создания широкой панорамы показа тогдашней русской жизни: от Диканьки до Петербурга.

И самоосознание русской нации через эту группу есть уже не чисто дворянское самосознание, как то было в литературе до Гоголя, но де-факто народное. И великий наш писатель, несмотря на специфику своего характера и мировосприятия, здесь палку не перегнул. Ведь кто бы ему поверил, вздумай он самоосознание это «поручить» только крепостным крестьянам или уездным мещанам? Он верно и провидчески почувствовал: именно «средний класс» в любом социуме является базовым для самоосознания нации как исторической и/или текущей самости.

Опять же параллель с современной Россией: даже в этом вопросе, если задуматься и проанализировать, видно: при кажущейся, почти декларативной хаотичности движение социума в последние двадцать лет его очень тонко, выверено и запрограммированно направляют. Куда? — Об этом знают только вполне реальные творцы сегодняшнего мира. Мира глобализма, а может и чего другого. Но для пресловутого *типпа* условной целью ставят капитализм. И чтобы дебилизированный СМИ народ наш самоосознал себя строителем его, хотя бы в нарушении всех законов последовательности смены общественно-экономических формаций, для этого и потребовалось срочно создать этот средний класс. И это не просто уже набившие оскомину «песни о среднем классе» от радио и ТВ, но его вполне реальное формирование; естественно,

* Глас народа (лат.).

за счет остального, без того не жирующего народа. Итак, чрезмерно раздутое чиновничество плюс положенное число среднеклассников от торговли и финансовых спекуляций, да с учетом их ближайших родственников-компатриотов и дают те 10—15 процентов населения, которые и решат требуемую задачу. Кстати, это мы говорим совершенно безотносительно, без «правого» или «левого» уклонов. Просто мы объективны и не задаемся вопросом: кому это нужно?

...Вот это-то гениально понял Гоголь, к творчеству которого мы и возвращаемся, совершив необходимый экскурс в наши времена.

* * *

Определимся с самим понятием самоосознания нации, особо не апеллируя к классикам историко-философской науки. И отмененной ныне политэкономии. Тем более, что читают ныне «толстые» литературные журналы люди поколений, получивших образование в советское время (более молодые генерации читают только кроссворды и собственную чековую книжку...), то есть прекрасно помнящие эти классические определения нации. И заключительным аккордом, торжествующим крещендо формирования ее является процесс самоосознания.

Здесь имеется одна тонкость: самоосознание молодых, динамично растущих наций, обладающих обширной территорией и многочисленным населением; и тот же процесс для малых наций, почти весь исторический период не имевших своей государственности. Последние не следует путать с некоторыми недавно самоопределившимися государствами (не нациями! Не народами!), вовсе ране не угнетенными, но составными, равноправными частями более крупных государств. Увы, это реалии нашего смутного времени; здесь наличествуют и большие политические игры, и искусственно раздуваемый национализм. Отсюда самостийность, незалежность, великие ханства; словом, перефразируя: «у нас, несоветских, особая гордость...». Наконец, есть специфические национальные черты, но современная политкорректность и декларированная толерантность накладывает на эту тему табу. Тема увлекательна и конспиративна, по вернемся к юбилею.

...И опять Николай Васильевич здесь оказался великим провидцем. Речь идет о той любопытной закономерности, достаточно хорошо известной, которая относится к внешнему антуражу самоосознания больших и малых наций в данном выше определении. Если для последних это, по преимуществу, обретение чувства национальной гордости («гордый имярек», «свободолюбивый имярек», и так далее), не терпящий никакой иронии и вообще любого негатива. Даже добродушного юмора. Это все объяснимо; никакой вины такого народа здесь нет. Противоположный национальный характер, не совсем толерантно заметим мы, присущ большим народам (см. выше), с великим будущим. Декларированная гордость ему ни к чему; член такого социума уже априори горд принадлежностью к такому народу, но горд подспудно, без манифестации. Более того, он не стыдится признавать и негативные, исторически обусловленные черты национального характера. Резюме: малая нация самоосознает себя через гипертрофированный позитивизм, большая — допускает и признание негативных черт характера.

Вот здесь-то чудесным образом нашли друг друга специфика самоосознания большой, великой нации и меланхолический, по-русски — желчный, характер Гоголя. Но это, конечно, не его вина, таким он появился на свет. И его талант писателя с возрастом все более приобретал адекватные личному характеру черты.

* * *

Итак, в произведениях Гоголя русская (включая, естественно, и Малороссию) нация самоосознает себя преимущественно со стороны «негатива». Как будто есть на белом свете нации, носительницы абсолютного позитива... Эдакие ангелы во плоти!

Понятно, что в том же «Тарасе Бульбе» и в «Птице тройке», завершающей первый том «Мертвых душ», Николай Васильевич достигает таких высот в поэтизации цельного русского характера, до которых он как далеко иным записным квасным урапатриотам! Но все же явный перекося в похождениях Чичикова и Хлестакова в сторону критическую. Условно срединное положение занимают «Петербургские повести». Еще далеко было до «Братьев Карамазовых», где Достоевский как по полочкам разложил три доминанты русского характера. Труднее было Гоголю, как первым нащупывающему эту тропу. Но получилось ведь великолепно? И на все последующие века русской литературы Николай Васильевич дал «зеленый свет» самоосознанию через показ негероических характеров, но таких типичных!

Не говоря уже о калке с Чичикова — Остапе Бендере одесских классиков, из Гоголя «вышел» каждый в своей ипостаси, если не каждый второй, то третий-четвертый русский писатель последующих ста лет. Затем был перерыв на соцреализм — при всех его немалых достоинствах и достижениях, но вот уже двадцать лет, как Николай Васильевич в его Чичикове и Хлестакове, а равно и в других агероических персонажах отдыхает... Другое дело, что пока нет Николая Павловича с его знаменитым: «Высек всю Россию, а более всего меня», — который бы заставил в приказном порядке всю чиновную братию заучить наизусть новых «Ревизоров» и принять к исполнению. А заодно и высечь их всех в околотках для твердости памяти. Нелишним будет заметить в данном контексте, что в истории России нашлось лишь два руководителя страны, истинных рачительных хозяев, которые простирали свой государственный интерес на все явления жизни, включая и литературу. И главное — делали оргвыводы для пользы этих интересов. Это Николай Первый и Иосиф Виссарионович. Если для царя такими авторитетами являлись Пушкин и Гоголь, то для генералиссимуса — два Михаила, Шолохов и Булгаков. Более того, здесь имела место и выраженная обратная связь. Прислушиваясь к словам художественной правды, оба «классика самодержавия» умело подправляли и направляли творцов этой правды. Несмотря на происки Александра Христофоровича Бенкендорфа и Пролеткульта, соответственно. Но — это к слову.

И еще одна *nota bene* в данном контексте. Сам Гоголь, как это видно хотя бы из «Выбранных мест», не считал себя выраженным «обличителем» негативных сторон тогдашней жизни страны. Вряд ли он даже задумывался об этом, как истинно талантливый писатель не дисциплинирует себя замыканием в той или иной «специализации». Ярлык же целенаправленного «обличителя существующего строя» ему последовательно навешивали демократические сочинители-разночинцы XIX века, пролеткультовцы с комиссией Луначарского — Крупской и окончательно затвердили учителя советской средней школы. Этот ярлык и по сей день остался. Опять же сработал принцип «без меня меня женили»...

В главе «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» — из книги «Выбранные места...» — говоря о Фонвизине, Гоголь пишет: *«Все в этой комедии кажется чудовищной карикатурой на русское. А между тем нет ничего в ней карикатурного: все взято живем с природы и проверено знаньем души. Это те неотразимо-страшные идеалы огрубения, до которых может достигнуть только один человек русской земли, а не другого народа».*

Если бы эти слова кто сказал о Гоголе, то была бы еще бóльшая правда.

* * *

Итак, самоосознание нации через показ-подчеркивание негативных черт национального характера — это интуитивное использование Гоголем диалектического закона отрицания отрицания. Тем более, создатель диалектики Гегель как раз в годы творчества писателя входил в «философскую моду». Как человек с широким кругозором и интересующийся всеми новыми европейскими веяниями (зачастую, правда,

несколько поверхностно), Гоголь наверняка был знаком и с философией Гегеля. Хотя в философии для него первенствующим — до начала активных духовно-религиозных исканий истины — являлся Кант. Но чтобы художественными средствами решить такую задачу, нужно быть гением. Только ему это удастся сделать.

Действительно, все последующие попытки «повторить» похождения Чичикова такой сверхзадачи не решали, хотя для своего времени и имели определенный резонанс. Но и только. Выше мы уже проводили параллель с Остапом Бендером. То же самое, но еще в меньшей степени можно сказать о «Москва — Петушки». Заодно вспомним, что моему мурманскому земляку (из города Апатиты) Венедикту Ерофееву недавно исполнилось бы 70 лет, а в самих Петушках на границе Московской и Владимирской областей, вообще-то известным широким массам едоков страны по относительно качественным консервам из речных сортов рыб, к этой дате открылась экспозиция, посвященная писателю.

И явно неспроста тот назвал свою повесть *поэмой*. Но поэма поэме рознь. И если бы не диссидентская, хотя бы и помимо воли и желания автора, предыстория, то Петушки так бы и ассоциировались с лещом с сазаном в томатном соусе... Хотя написана вещь замечательно, по-гоголевски, причем канва Чичикова весьма естественно развивается на фоне «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Проще говоря, *a la delirium tremens*, как художественный прием.

Но все дело-то в том и состоит, что, отправляя Чичикова в губернское путешествие, Гоголь создавал средствами литературы энциклопедию национальных характеров «от противного». Герои же Ильфа с соавтором и Ерофеева изначально заангажированы, лучше сказать — запрограммированы, на конкретную роль. Вот и вся разница, но она напрочь отсекает творческий метод Гоголя от возможных повторений и, тем более, подражаний и стилизаций.

Однако, пора и итоги подводить. Как-то тихо сошли с общественной сцены после ажиотажа 90-х годов и самого начала века нынешнего историки-гипермодернисты Фоменко и Носовский: это которые Куликовскую битву «перенесли» в село Кулиши (ныне центр Москвы), самого Дмитрия Донского перекрестили в хана Тохтамыша, из одного Ивана Грозного сделали подряд царствующих целых шесть царей и так далее. Но при всех разночтениях, возражениях и недоумениях скорее всего заслуживает внимания их исходная посылка к пересмотру русской и вообще мировой истории: историческое время не есть эквивалент времени физического; оно неравномерно и по нашему, современному восприятию слишком отдалено вглубь веков и тысячелетий. Это парадокс психологии мышления человека: близкое лучше видится на расстоянии. На самом же деле, в реальности исторические события ближе к нам, чем это кажется. Даже вопреки всевозможным артефактам давних времен. Включая, как метко замечают наши гипермодернисты, и регулярно, особенно при смене династий и общественных формаций, переписываемые летописи и другие памятники письменности.

...Это мы все к тому же: русская нация московского этноса очень молодая. Соответственно, и ее самоосознание относится не к Куликовской битве, не к стоянию на Угре, спустя сто лет, даже не к окончанию Смутного времени и воцарению Михаила Романова. И это самоосознание активно готовили его сын, царь Алексей Михайлович и Петр Первый. Не преминем упомянуть, конечно, и Ивана Грозного (шестерых Иванов по Фоменко и Носовскому...). Но точку в этом долгом процессе поставил 1812-й год. История предельно близка к нам; ведь еще и полных двух веков не минуло! Ведь 200-летие этого судьбоносного для оформления русской нации события мы только через три года будем отмечать — вместе с сочинским спортивно-политическим шоу...

И вовремя — не раньше и не позже — в России появился и проявился гений Гоголя, закрепивший в литературном самовыражении феномен самоосознания русской нации. Причем художественным приемом, который **«может достигнуть только один человек русской земли, а не другого народа»**.

**СОВРЕМЕННОКИ О НИКОЛАЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ ГОГОЛЕ:
БИБИОГРАФИЯ ИЗ СЛОВАРЯ Ф. А. БРОКГАУЗА И И. А. ЕФРОНА**

Гоголь. — 1) *Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский*, писатель, сочинял комедии на малор. языке для деревенского театра Д. Пр. Трошинского (бывш. министра), 1822—25, на сюжеты из народн. сказок: «Собака-вівця» и «Простак, или Хитрость женщины, перехитренная солдатом» (1872, 1882, 3-е изд.). — 2) *Николай Васильевич*, 1809—52, сын *Василия Афанасьевича Г.*, знаменитый писатель, род. 19 марта 1809 в м. Сорочинцах, Полт. губ., учился в Нежинск. гимн, в 1821—28. Поступил в 1830 на службу в департ. уделов в СПб. Первые значительные произведения Г. — повести из народн. малоросс. быта: «Вечер накануне Иван Купала» (1829), «Сорочинск. ярмарка» и «Майская ночь». Знакомство с Дельвигом, Жуковским и Плетневым помогает ему в 1831 получить должность учителя истории в Патриотическом инст. Гоголь входит в круг литераторов, во главе которого Пушкин, и под влиянием его расширяет свой умственный горизонт и намечает истинные задачи творчества. В 1831—32 изд. «Вечера на хуторе близ Диканьки», блиставшие тонким юмором, поразившим Пушкина, кот. оценил глубину таланта Г. В 1835 — сб. «Арабески» и «Миргород». В 1834 Гоголь выступил адъюнкт-профессором истории в СПб. унив., но неудачно. К этому же времени относится замысел «Ревизора» (в печати в 1836, но мог быть представлен только по воле имп. Николая I). В 1842 появилась ком. «Женитьба». В 1836 Гоголь уезжает за границу, где написаны были им «Шинель», «Мертвые души» (ч. I, 1842) — широкая по замыслу сатира на русск. чиновничье и помещичье общество 1830-х. Созданные здесь, как в «Ревизоре», художественные образы: Чичиков, Манилов. Ноздрев, Плюшкин, Коробочка, Хлестаков — сделались бессмертными и нарицательными в литературе. В Г. все сильнее развивались пиетическое настроение и мистицизм. В минуту тяжелого раздумья Гоголь сжигает 2-й том «Мертвых душ». Это новое настроение особ. выразилось в «Выбран. местах из переписки с друзьями» (1847), где Г. в пророческом тоне выражал одобрение тому самому обскурантизму, который ранее обличал. Книга вызвала негодование, но от Г. ускользнул общественный смысл полемики против него (письмо Белинского), хотя он смутно чувствовал, что сделал какую-то ошибку; он ищет убежища в религии, посещает Палестину и возвращается в Россию в 1848. В 1851 поселяется в Москве; 21 февраля 1852 скончался, сжегши все бывшие у него бумаги. Гоголь не мыслитель, но гениальный художник, одаренный глубоко проникающею в жизненные явления наблюдательностью и возвышенными стремлениями к идеалу; но недостаток широкого образования помещал ему выработать себе вполне устойчивое мировоззрение в вопросах общественной и политической жизни, и он сделался жертвой тяжелой внутренней борьбы между стремлениями художника и сатирика и порывами мечтателя и мистика. Лучшее полное собр. соч. Г. начато Тихонравовым и окончено Шенроком (7 т.).

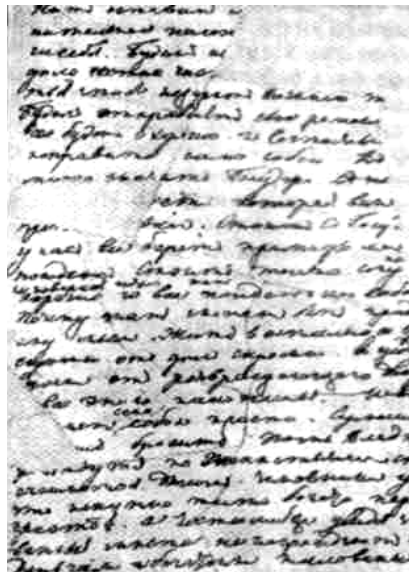
Примечание ред. Сохранены сокращения первоисточника.

Ирина Монахова
(г. Москва)

**ГРАЖДАНСТВО
НЕБЕСНОЕ И ЗЕМНОЕ:
ГОГОЛЬ И БЕЛИНСКИЙ:
ДИАЛОГ ЗАВЕЩАНИЙ***

О знаменитом «зальцбруннском» письме В. Г. Белинского Н. В. Гоголю, написанном в июле 1847 года, А. И. Герцен сказал: «Это — гениальная вещь, да это, кажется, и завещание его». То же, по существу, можно сказать и о книге «Выбранные места из переписки с друзьями», которая вызвала столь яркий отклик критика. Последняя из опубликованных при жизни Гоголя, эта книга тоже стала завещанием. И оба эти произведения потрясли читающую публику своего времени. Оба сочинения воспринимались как крамольные: книга Гоголя — потому что он в ней выступил как проповедник неожиданно для многих, письмо Белинского — потому что было похоже на некий политический манифест. И хотя оно еще долго оставалось неопубликованным, но во множестве списков разошлось по всей России.

А в советское время вообще произошла странная вещь. Письмо Белинского, которое знали даже школьники, по понятным идеологическим причинам было более известным, чем сами «Выбранные места...», о которых в нем шла речь. Этой книги не было ни в каких учебных программах, и пониманием идей Гоголя особенно не утруждались. Считалось, что Гоголь, в конце жизни подпавший под влияние духовенства, стал вдруг реакционером и «мракобесом».

Казалось бы, этот период давно остался в прошлом. Но изменилось ли понимание исторического диалога двух классиков? В основном, нет.

Нередко приходится слышать от просвещенных вроде бы людей повторение штампов почти столетней давности — о Белинском-«революционере» и Гоголе-«мракобесе».

Не был Гоголь мракобесом. Его пристальное внимание к нравственному уровню современного ему общества и шокировавший многих призыв к христианизации жизни, прозвучавший в «Выбранных местах...», — это все означает, что Гоголь на определенном этапе своей жизни решил обратиться к обществу напрямую с религиозной проповедью. А это никак нельзя назвать реакционной позицией. Наоборот, следование религиозным заповедям — это, возможно, и есть самый прямой путь эволюционного развития. Не был и Белинский революционером. Как известно, он довольно прохладно, с разочарованием отнесся к революционным событиям 1848 года во Франции.

Они оба писали об эволюционном развитии общества, правда, руководствуясь при этом разными побудительными мотивами. Белинский — сочувствием к обездоленным слоям населения, а Гоголь — болью за нравственное несовершенство общества в целом, грозящее гибельными последствиями всем.

Более того, они оба, по существу, вели речь о влиянии христианства на жизнь. По мнению Гоголя, влияние религии должно выразиться в смягчении нравов. И тогда лю-

* Перепечатано из «Литературной газеты» (2008, № 42 (6194) от 15—21/X, С. 7) с разрешения редакции «ЛГ»: электронное письмо первого зам. гл. ред. Леонида Колпакова от 05.12.2008 г.

ди, находясь в тех условиях, которые есть сейчас, не дожидаясь внешних перемен, данных сверху властью, сами в силу своего более гуманного, разумного и рационального отношения ко всему смогут изменить многое в жизни. А затем эти внутренние изменения приведут и к изменению внешних форм, но естественно и закономерно.

Белинский противопоставляет этой гоголевской логике уже имеющиеся достижения европейской цивилизации: гражданские свободы, права человека, просвещение, более прогрессивные законы и их выполнение. Это и более гуманно по отношению к людям, и ближе к христианскому идеалу.

Однако Белинский пишет о *результатах* влияния христианства на жизнь народов и ничего не упоминает о процессе, как это было и как это должно быть в России, чтобы достичь подобного состояния дел. Достаточно ли только реформ? Или проблема еще и в низком нравственном уровне человека и, следовательно, общества, что приводит к негативным последствиям и во внешних проявлениях — в социальной, политической, экономической областях?

Что делать с качеством самого человека, если оно оставляет желать лучшего и в таком же негативном направлении влияет на все? Белинский эту проблему как будто вовсе не замечает. Гоголь, в противоположность ему, всецело сосредоточился на решении этого вопроса. И хотя ни тот ни другой не дали полного и исчерпывающего ответа на вопрос о том, как усовершенствовать жизнь российского общества, но все-таки гоголевский подход был более реалистичным.

Действительно, в будущем неоднократно повторялась ситуация, когда общество возлагало много надежд на реформы, надеясь с их помощью решить сразу все проблемы или многие из них. А потом разочаровывалось в результатах этих реформ. Потому что какие бы ни были прогрессивные цели и правильные лозунги, но при их практическом исполнении выступает на первый план качество самих исполнителей, которое наполняет конкретным содержанием абстрактные идеи. А оно зачастую уводит куда-то далеко в сторону от тех лучезарных перспектив, которые поначалу рисовались в мечтах и планах. И в результате получается то, что соответствует не лозунгам и названиям, а качеству (то есть нравственному уровню) человека и общества в целом.

Прежде чем совершить великое дело, нужно «состроиться» внутренне. Это одна из любимых мыслей Гоголя. Это правило он применял в первую очередь к самому себе, но видел его универсальность во всех областях жизни, в том числе и в судьбах людей, и в исторической судьбе российского общества. Он писал в неотправленном письме Белинскому:

«Нужно вспомнить человеку, <что> он вовсе не материальная скотина, <но> вы>сокий гражданин высокого небесно<го гра>жданства. Покуда <он хоть>ско>лько-нибудь не будет жить жизнью <неб>есного гражданина, до тех пор не <пр>идет в порядок и зе<мное> гражданство».

Как помочь человеку «состроиться»? Как повернуть душу человека к благу, чтобы вследствие этого не было ни уродливых отношений, ни антигуманных законов? Вот какую задачу пытался решить Гоголь в то время, когда он жил, и в тех условиях, в которых находилась тогда Россия.

Одним из таких условий было, в частности, крепостное право. Казалось бы, в этих уродливых отношениях не до нравственного роста. Но Гоголь и в такой ситуации увидел возможность возрождения и развития. Помещик должен стать не просто владельцем богатств и поглотителем чужого труда, а должен сделать из своих крестьян трудолюбивых, зажиточных и высоконравственных людей. А для этого он должен забыть о роскоши, руководить своим хозяйством, помогать разорившимся крестьянам, быть для них судьей, воспитателем, благотворителем и даже проповедником христианства. Словом, жить по принципу: кому много дано, с того много и спрашивается. Эта утопия Гоголя имеет мало отношения к тому, что на самом деле

тогда существовало в России. Только названия здесь прежние: помещик, крепостные. Фактически за эти названия и критиковали Гоголя, в частности Белинский назвал его «проповедником кнута, апостолом невежества».

Утопия Гоголя современникам показалась нелепой и смешной. Но знание дальнейшего хода истории (с убийствами царей, революциями и Гражданской войной, сталинской диктатурой и ГУЛАГом) заставляет иначе посмотреть на утопию Гоголя. И смешной она уже не кажется.

И возникает вопрос: действительно ли Гоголь, заботившийся о христианском преображении человека, написал утопию, или утопией как раз является намерение только лишь экономической или политической реформой преобразовать жизнь и обеспечить эволюционное развитие? И не был ли его подход как раз самым реалистичным и видимый им путь — самым прямым и коротким?

Ведь Гоголь предлагал не идеал навсегда, а путь, который можно начать с любого момента и в любых условиях. Эволюция подразумевает и внешние перемены, вырастающие на основе внутренних. И Гоголь писал о нравственном росте человека не только как о том, что ценно само по себе, но и как о необходимой основе для преобразования общества:

«Общество тогда только поправится, когда всякий частный человек займется собою и будет жить как христианин, служа Богу теми орудиями, какие ему даны, и стараясь иметь доброе влияние на небольшой круг людей, его окружающих. Все придет тогда в порядок, сами собою установятся тогда правильные отношения между людьми, определятся пределы законные всему. И человечество двинется вперед».

Тогда результатом могут быть те достижения, которые были так необходимы России, и образцы которых Белинский видел в западной цивилизации:

«...Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение».

Справедливые права и законы и строгое их выполнение — это и есть те самые «правильные отношения между людьми» и «пределы законные всему», к которым стремились и Гоголь, и Белинский. Но для Белинского это был лишь положительный пример из чужестранной истории и в основном мечта. Он хотел бы, чтобы подобные отношения сами собою вдруг возникли и в России. А какой путь нужно к этому пройти человеку (обществу) и что должно его двигать на этом пути — именно в сторону смягчения нравов, а не в другую? Однако такой движущей силой является только религия и, не пройдя под ее влиянием необходимого пути, нельзя достичь и желаемого результата, сколько бы ни приходилось мечтать о нем. Но насколько обществом осознана эффективность такого подхода? Насколько оно готово видеть на каждом месте возможность нравственного роста? Или оно, скорее, готово увлекаться другими, более заманчивыми ориентирами, которые при ближайшем рассмотрении как раз и оказываются утопиями?

И напрашивается вывод, что утопичность — это как раз свойство общественного сознания, когда оно стремится определить пути будущего развития общества.

Но для того и дан исторический опыт, чтобы эту утопичность корректировать в более реалистическом направлении. А еще для этого есть и такие образцы публицистического, проповеднического и даже пророческого слова, как «Выбранные места из переписки с друзьями» и письмо Белинского к Гоголю по поводу этой книги. Из них обоих мы должны извлечь урок. Ведь в них речь идет о вечных для России проблемах, решение которых так до сих пор и не найдено.

Виктор Греков
(г. Белев)

АПОСТОЛЬСКОЕ СЛУЖЕНИЕ

Оба они любили путешествовать... И оба предпочитали это занятие другим, более неотложным. Судьба благоволила им в этом желании «проездить», но и заставляла скакать из конца в конец... необъятной России: Гоголь и Жуковский, несмотря на разницу в возрасте, на роль в литературе, на положение в свете и, наконец, «при дворе», были расточительно добропорядочны и нескончаемо отзывчивы, и редкий из страждущих на их пути не получал от них помощь... Впрочем, и после череды потерь в среде друзей и лучших людей России, и прежде всего, Пушкина, Крылова, поэта-слепца Козлова, они, Жуковский и Гоголь, еще крепче соединяли узы своего братского союза.

Как знать, ужель только лишь дружеское желание посетить родину Жуковского как своего старшего товарища и наставника, привело однажды Гоголя на Оку, — в уездный город Белев, а не ниспосланное ему свыше?

И не фантастика ли это, не мифическая ли случайность, что впервые на провинциальной сцене России был поставлен спектакль по пьесе Гоголя «Ревизор» (где бы Вы думали?) — в Б е л е в е!!! А засвидетельствовал этот факт писатель и критик, профессор Московского университета, редактор журнала «Телескоп» — Николай Иванович Надеждин: «Театр в Белеве! Можете себе представить...»

На самом деле, «Ревизор» Гоголя был поставлен сперва на сцене Мариинского театра, затем и Александринского столичного, в провинции же — в Белеве, на родине Жуковского.

Но, опять-таки, не фантазия ли все это утверждение о театре в Белеве? И когда? — в начале девятнадцатого века!? А зрительский восторг белевской публики по поводу постановки (впервые на провинциальной сцене!) «Ревизора» — и когда? — в 1836 году...

Но вот что, кроме публикаций в том же приснопамятном 1836-м есть хроникальные воспоминания режиссера 20-х годов XX столетия, уважаемого Эльмановича. Оказывается, как он рассказывает, в 1920-ом году были еще целых два старых белевских театра. Один — на Нижней площади города, второй — то есть летний, — на известном бульваре, где торжественно встречали великого земляка Жуковского, сопровождавшего цесаревича, будущего Александра II, в его ознакомительной поездке по России в 1837 году.

По поводу представлений тульской труппы актеров на белевском театре в 1836 году свои исследования опубликовал бывший секретарь Л. Н. Толстого, Валентин Федорович Булгаков (Журнал «Русская литература». Изд. Пушкинского Дома Академии наук СССР. Ленинград., кн. 4, изд. 1959 г.) Гастролировала труппа таким образом нередко, частности под руководством И. А. Турчанинова, а на сей раз публике были представлены 4 оперы, в том числе «Русалка» А. С. Даргомыжского. Иван Александрович Турчанинов, прося дозволения «...открыть в городе Белеве театр», обращался в служебном порядке в высшие инстанции, «...прося тамошнему городничему (то есть, белевскому)» распоряжения на это счет.

В отношениях между Жуковским и,— как бы его подопечным, причем в самом душевном смысле этого слова,— Гоголем, было чрезвычайно немало трогательного, какого-то даже забавного слегка, и в то же время очень и очень обаятельного.

Вот как в своем письме к А. С. Данилевскому Гоголь описывает часы пребывания его в Царском Селе, — без натяжки, памятуя о том, что Николай Васильевич и при жизни классик и поэт от Бога; и невольно ловишь себя на том, что все здесь живо, предметно просто, предсказуемо, без тени вычурности и несколько наивно: «Все лето я прожил в Павловске и Царском Селе... Почти каждый вечер собирались мы: Жуковский, Пушкин и я. О, если бы ты знал, сколько прелестей вышло из-под пера сих мужей. У Пушкина повесть, октавами писанная: Кухарка, в которой вся Коломна и петербургская природа живая.— Кроме того, сказки русские народные — не то что Руслан и Людмила, но совершенно русские... У Жуковского тоже русские народные сказки...»

То есть, письма Гоголя к адресатам, и Жуковского к нему в частности, много привносят нового, буквально нехрестоматийного, в представления наши об этих безупречных гениях русских, и они, во плоти, становятся ближе нам в их творческом содружестве, а если точнее, то,— в творческом товариществе. Кажется, я не ошибусь, если скажу, что мы, вольно или невольно, сами становимся для них собеседниками. Чего стоят такие простецкие замечания Гоголя в письме к тому же Данилевскому, когда он в литературском упоении пишущего человека восклицает: «Жуковского узнать нельзя. Кажется, появился новый о б ш и р н ы й (разрядка моя,— В. Я. Грек.) поэт и уже чисто русской. Ничего германского и прежнего. А какая бездна новых баллад! Они на днях выйдут!» (Орфография текста того времени сохраняется,— примеч. В. Я. Грек.)

Невозможно избежать искушения в этом отношении, чтобы не поведать, насколько безыскусен и элементарно прост был Гоголь в отношении своего покровителя Жуковского. Прямо-таки подкупает его манера обращаться с просьбами к своему почтенному учителю по столь необходимому попечительству. Подкупает и ангельская бескорыстность оказываемой помощи Гоголю. И (как тут не отойти прочь от хрестоматийности!), — насколько по-юношески наивными кажутся ныне их записки друг к другу,— доподлинное товарищество верных до конца. Подкупающе поразительна простота доверительных просьб, едва ли не воплей с вызыванием спасти от безденежья, как от катастрофы.

«Сделайте складку,— просит он Жуковского в абсолютном безденежье,— сложите все те, которые питают ко мне истинное участие, составьте сумму в 4000 р. И дайте мне займы на год». И ведь откликнулся Жуковский, и отыскал нужную сумму, но в счет своего долга пред кредитором, и помог Гоголю, и поддержал морально.

Но вот и не менее трогательное, хотя и совершенно по другому поводу, и уж не из финансовых затруднений, а как бы, метафорически, говоря по существу образа главного героя его «Мертвых душ». Судите сами: и каков стиль, и какова манера общения, и,— (главное то),— как принято было совсем недавно воскликнуть: — каков шарм!: «Скотина Чичиков едва добрался до половины своего странствования. Может быть, оттого, что русскому герою с русским народом нужно быть несравненно увертливей, нежели греческому с греками. Может быть, и оттого, что автору «Мертвых душ» нужно быть гораздо лучше душой, нежели скотина Чичиков». (Говоря о греческом народе, Гоголь апеллирует потому к Жуковскому, что в то время Жуковский работал над переводом «Одиссеи» Гомера.)

(Из письма В. А. Жуковскому, 1849, ПСС, т. XIV, с. 152)

Однако, тем временем, в плоскости нашего разговора о театре, на сцене которого в уездном городке И. А. Турчанинов вдохнул жизнь в спектакль «Ревизор» Гоголя, обра-

тимся вновь к характеру безраздельной преданности друг другу великанов отечественной литературы, Жуковского и Гоголя, порукой творческой дружбы которых было существование Белева. Кстати отметить, религиозный философ и поэт середины XIX века Вл. Соловьев, без тени сомнения утверждал стихотворением «Родина русской поэзии», что этот благодатный и благословенный край в Верховье Оки и есть на самом деле не просто родина Жуковского, но *родина русской поэзии*. Гоголь как раз и акцентирует внимание на более существенном, и даже программном, подходе к разрешению поднятого им вопроса об искусстве вообще **к о н ц е п т у а л ь н о**.

Жуковскому он пишет пространственно, нежели прежде, с волнением, и каким-то даже торжественным, вроде бы даже и не свойственным ему, слогом. Он риторически задается вопросом, именно в стиле этакого завязанного полемиста в критической литературе, и, — о чудо! — на самом деле этот его прием делает письмо и более доверительным, и более энергичным. «Что нас свело неравных годами? Искусство. Мы почувствовали родство, сильнее обычного родства. Отчего? Оттого, что чувствовали оба святыню искусства.

Не мое дело решить, в какой степени я поэт; знаю только то, что прежде, чем понимать значение и цель искусства, я уже чувствовал чутьем всей души моей, что оно должно быть свято. И едва ли не со времени этого первого свидания нашего оно уже стало **г л а в н ы м** и первым в моей жизни, а все прочее вторым...»

Видит Бог, я, как автор этих своих скромных замет, нисколько не дал повода тем, что, якобы, привел эти строки к примеру и иллюстрации с пристрастием... Более того, якобы как громогласную декларацию Гоголя. Вовсе нет! Уж кого другого, но Гоголя в этом никто не упрекнет... Но есть одна фраза в другом его письме к своему старшему товарищу, попечителю, покровителю и наставнику, в коем открыто и наглядно проецируется каждой фразой на чистый лист бумаги ясная и искренняя мысль христианина, отдавшего всего себя своему делу, которым одарил его Господь, то есть, **л и т е р а т у р е**.

«Могу сказать,— пишет он Жуковскому, — *что я никогда не жертвовал свету моим талантом*. Никакое развлечение, никакая страсть не в состоянии была на минуту овладеть моею душою и отвлечь меня от обязанности. *Для меня нет жизни вне моей жизни*».

(В.А.Жуковскому, 28 июня 1836, ПСС, т. XI, с. 49.)

Согласитесь, нужна была кристальная чистота души и помыслов при гигантской силе духа подлинных титанов той эпохи, с тем чтобы выполнить предназначенное им свыше, не запятнав ничем своей совести... Хотя, в письме М. П. Погодину Гоголь обронил, пусть и как бы походя, ненароком, без мелочных обид на общество, и, уж тем более, на страну, на любимое Отечество: «Писатель современный,— написал он Михаилу Петровичу Погодину,— писатель комический, писатель нравов должен подалеке быть от своей Родины. *Пророку нет славы в отчизне*». Господи, как горько-то при всем при том, не правда ли? Но на то и был призыв Пушкина: «Восстань, пророк, и виждь и внеми, Исполнишь волею моей, И обходя моря и земли, Глаголом жги сердца людей»

Упаси нас Бог от деклараций, но порукой к искренности тезис и еще одного, близкого Жуковскому, единомышленника,— а именно Вяземского. Как нельзя лучше соотносится этот его тезис с образом литературского подвига нашего Гоголя, говорит Вяземский о Жуковском. О чем речь? Речь об **а п о с т о л ь с к о м** служении литературе, искусству в целом. «*Не забывай* — пишет Вяземский Жуковскому 21 ноября 1842 года,— что у тебя на Руси есть апостольство и что ты должен проповедовать евангелие правды ...»

Вот какова точка отсчета национального назначения и самого Гоголя. И нет сомнения в том, что он осознавал это, однако (по совестливости и природной скромности) — он же и стеснялся личностного ужасно, и потому поведал о назначении только самым-самым близким.

Ныне, когда «хрестоматийному глянцу» эпохи, избирательно (а не просто разборчиво!!!), подходившей к творчеству и жизни Гоголя, то есть, глянцу той своеобразной «охранной» идеологии, дан решительный «отбой», нам желательно было бы высветить истинные грани служения литератора своему делу.

И как нельзя кстати в этом контексте сугубо концептуальное изречение Гоголя. В письме к Жуковскому (от 29 декабря 1847 г., ПСС, XIV, с. 33—34, 36—38.), он затрагивает сокровенное и для себя и для эпохи. В частности он касается распространенного в обществе понятия о том, что «Искусство есть примиренье с жизнью». И он соглашается, утверждая, — во всяком случае лично для себя: « Это — правда». А далее Гоголь, без обиняков, убедительно заключает: «Искусство есть водворенье в душу стройности и порядка, а не смущенья и расстройства. Искусство должно изобразить нам таким образом людей земли нашей, чтобы каждый из нас почувствовал, что это живые люди, созданные и взятые из того же тела, из которого и мы...»

Поразительно, но ведь Н. Г. Чернышевский в фундаментальной своей работе «Эстетическое отношение искусства к действительности» программно заключил: «Истинное определение прекрасного таково: *«прекрасное есть жизнь»*. И далее наш выдающийся мыслитель поясняет: «...прекрасным существом кажется человеку то существо, в котором он видит жизнь, как он ее понимает; прекрасный предмет — тот предмет, который напоминает ему о жизни».

Насколько все здесь прозрачно, и никакой замудренной вычурности — «прекрасное есть жизнь». Но, господа, а не Гоголь ли как раз и предвосхитил тезис Чернышевского? И прежде всего, конечно же, произведениями своими как в прозе, так и в драматургии? Вот почему все, что нежизненно в поделках якобы в стиле «модерн», то рассыпается во прах и мерзкую пыль в свете яркого и живоносного луча эстетики нашего безупречного Гоголя. Все прочие жалкие потуги вокруг подлинного искусства, — увы! — не выдерживают с позиции Гоголя никакой критики.

Гоголь любим и всегда с нами, какие бы ветры поганных нашествий и подлых набегов на Русь ни дули от старых границ Великой Империи. Охранители святоотеческого, поборники православия, зиждители «Единой и Неделимой» во все времена, традиционные продолжатели изначального в богоспасаемой Родине, — начиная от Андрея Боголюбского, Александра Невского и Дмитрия Донского, — такие как Гоголь, Жуковский и Пушкин... всевозможно оберегали заветное именно служа апостольски. Бессмертный «Тарас Бульба» Гоголя еще вернется к поколению нового века и нового тысячелетия и встанет бойцовски лицом к товарищам-защитникам Земли Русской, и еще прозвучат державно и вместе с тем свято слова богатыря: «Не жаль расстаться с светом. Дай Бог и всякому такой кончины! Пусть же славится до конца века Русская земля!» (Из повести «Тарас Бульба»).

Тамара Белицкая
(г. Тула)

ГОГОЛЬ И МУЗЫКА

То, что Гоголь великий писатель знали уже его современники. А последующие десятилетия в полной мере выявили степень воздействия его творчества на всю русскую литературу 19 и отчасти 20 веков. «Давно уже не было в мире писателя, который был бы так важен для своего народа, как Гоголь для России» — эта известная фраза Н. Г. Чернышевского навсегда закрепила главенствующее положение писателя, который, наряду с Пушкиным, вывел отечественную литературу за пределы узкого круга русских читателей и сделал ее достоянием всего просвещенного человечества.

Но влияние творчества Гоголя не ограничилось литературой. Другое великое искусство — музыка, вобрала в себя многое, им созданное, и подарила русской культуре адекватные по своим достоинствам шедевры. Однако не надо забывать, что и творчество самого писателя выросло не на пустом месте. Он многому научился у народа, обращаясь к первооснове — к фольклору, к народным преданиям, фантастике, характерам, обрядам, песням. Все эти Панночки, Ганночки, Хиври, Чубы, Параси, Оксаны, Левко — не выдуманные образы, а подсмотренные в самой гуще народной. И рисуются они удивительно ярко, остроумно, зрелищно! Какой благодатный материал для музыкально-сценического воплощения!

А начиналось все с повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки». Известно, что, прочитав их, Пушкин воскликнул: «Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности! А местами, какая поэзия! Какая чувствительность! Поздравляю читателей с истинно веселою книгою!»

Эти повести вызвали к жизни целую вереницу опер — «Черевички» Чайковского, «Сорочинскую ярмарку» Мусоргского, «Майскую ночь» и «Ночь перед рождеством» Римского-Корсакова. Вслед за писателем композиторы обратились в них к фольклорному материалу, который любовно собирали и изучали.

Но создать, а вернее, воссоздать эти сюжеты и характеры в своих повестях писатель не смог бы без природной, тонкой музыкальности. Если добрая фея и не положила свирель в его колыбель, то, конечно, оставила где-то рядом, наполнив его творчество то нежной переливчатостью, то свистящим бичеванием. Об этом его качестве замечательно сказал Валентин Катаев: «Гоголь был музыкален до кончиков ногтей. И этим он, несомненно, был обязан стихии дивной народной украинской песни, под звуки которой засыпал, еще лежа в своей младенческой колыбели, и которая потом всю жизнь звучала в его удивительной, израненной душе». Обратите внимание на то, что песня и танец проникают почти во все его сочинения, поэтизируя и возвышая быт. Позволю себе небольшую цитату из «Майской ночи»:

«...Звонкая песня лилась рекою по улицам села. Было то время, когда утомленные дневными трудами и заботами парубки и девушки шумно собирались в кружок, в блеске чистого вечера выливать свое веселье в звуки, всегда неразлучные с уныньем.

И задумавшийся вечер мечтательно обнимал синее небо, превращая все в неопределенность и даль»...

Песни персонажей вплетаются и в народные обряды (колядование, завивание венков, гадание о суженом), и сливаются со звуками природы (шелест листьев, шорохи ночи, серебристость ночного света). И это придает развитию сюжета и лиричность, и таинственность, и фантастичность, тем более, что фантастика — важная черта повестей Гоголя, тоже идущая от народных преданий, в которых правда легко уживается с вымыслом. А эти особенности гоголевского стиля, наряду с «лирическим разгулом» (по определению Белинского), дают возможность музыке развернуться в полную силу, проявить свои неограниченные возможности.

Гоголевские повести предоставляют много возможностей и для комедийных сцен и ситуаций. И на страницах многих опер оживают живописные картины народной жизни, полные веселого юмора. Комизм Гоголя хорошо ложится на язык музыки, подсказывая ей остроумные, изобразительные приемы. Вспомним, хотя бы, полную комизма сцену Солохи со своими поклонниками в опере Чайковского «Черевички», или Хиври с Поповичем из «Сорочинской ярмарки» Мусоргского.

Менее интересно воплощена в музыке патриотическая тема, воссозданная писателем в повести «Тарас Бульба». К ней обратился в 1890 году украинский композитор Н. В. Лысенко, а ее постановка была осуществлена лишь в 1924 году харьковским оперным театром. Однако музыкальные достоинства оперы и ее сценическое воплощение были значительно ниже художественного уровня первоисточника. И не случайно, что она быстро сошла со сцены и осталась лишь фактом биографии композитора. Достойно сожаления, что никто из позднейших композиторов 20 века не обратил взор на эту эпическую повесть Гоголя, в которой поднимаются вечные вопросы — свобода и верность, любовь и долг. А линия Андрия и прекрасной шляхтянки по-своему продолжает вечную тему «Ромео и Джульетты» и поднимает этот сюжет до уровня шекспировского накала страстей. Другая опера Холминова «Утопленница» (по Гоголю) тоже не стала заметным событием в истории музыки. А вот критическая, сатирическая направленность творчества писателя весьма достойно отражена в русской музыке прошлого века. Гоголь сам призывал «не сокрывать печальное в жизни, не щадить ничтожества... обнажать страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь... беспощадно разоблачать зло, чтобы все почувствовали, что с ним надобно сражаться и крепкою силою неумолимого резца выставить на народные очи».

Первым, кто обратил внимание на сатиру Гоголя, был Д. Д. Шостакович. Он увидел в гротеске повести «Нос» благодатный материал для осмеяния современного ему мещанства. После премьеры одноименной оперы И. И. Соллертинский писал:

«Несбыточный анекдот о майоре Ковалеве, утеравшем нос, превращен в убийственную сатиру на человеческую пошлость... Музыка разрушает узкоисторические оттенки выведенных типов, обобщает, показывает их живыми, даже — нашими современниками».

И нашими — добавим мы, ибо разящий гоголевский смех бессмертен!

Среди «тысячеголового мещанства», описанного Гоголем в повести «Невский проспект», мы, может быть, и не заметили бы Пифагора Пифагоровича Чертокуцко-го, когда-то служившего в кавалерии и вынужденного уйти в отставку, то ли потому что «он дал кому-то оплеуху, то ли ему дали ее». А вот композитор А. Н. Холминов приметил его колоритную фигуру и создал оперу «Коляска», в которой беспощадно издевается над пошлостью, пустым бахвальством и фанфаронством, прибегая к яркой изобразительности (например, мычание спящего героя, ржание кобылы, громкий смех) и к гротесковой характеристике персонажей средствами танцевальных ритмов.

Известная фраза «все мы вышли из гоголевской «Шинели», приписываемая Дос-

тоевскому, определяет, как мне кажется, трагедию бесцветной жизни, несостоявшейся личности, ужас невостребованности. Поэтому вполне естественно, что композитор Холминов выбрал жанр монооперы, сосредоточив смысл повести в монологе Башмачникова, гибнущего от своей незащищенности и незначительности. Но, к сожалению, музыка оперы не достигла трагических высот повести Гоголя.

Настоящей сенсацией стала опера Родиона Щедрина «Мертвые души», поставленная на сцене Большого театра в 1977 году. Казалось, композитор взялся за непосильную задачу, стремясь воссоздать в опере многослойный гоголевский роман. К чести Щедрина — он справился с ней блестяще! Эту многослойность романа он проинтонировал в многослойно-полифонической звуковой ткани. Первая интонационная сфера создает мир «мертвых душ», всех этих собакевичей, ноздревых, коробо-чек, плюшкиных, в которых господствует бессердечие, черствость, равнодушие. Однако язык каждого дифференцируется, приобретая, например, у Манилова сладкотонные интонации, у Собакевича — лающие, грубые, у Ноздрева — бесшабашно-удалые.

Вторая интонационная сфера создает образ народа и опирается на народно-песенные истоки. Она утверждает внутреннюю силу, душевную красоту и благородство национального характера и противостоит миру «мертвых душ».

Даже из этого краткого анализа «гоголевских» опер видно, что с его именем в русскую музыку вошли новые идеи, новые художественные задачи, блестяще разработанные композиторами 19 и 20 веков. Гоголевская эстетическая позиция выдвинула перед музыкой и задачу создания правдивого музыкального языка, как обобщенного, так и индивидуализированного.

Чем дальше время отодвигает от нас исполинскую фигуру Николая Васильевича Гоголя, тем яснее становится непреходящее значение его творчества для отечественной культуры. И отмечая 200-летие со дня его рождения, мы всегда должны помнить слова, высеченные на его надгробии: «Правда возвышает язык». Правда Гоголя — это правда времени, правда мысли, чувства и сердца, правда человеческого духа!

Владимир Мирнев
(г. Москва)

МИСТИФИКАЦИИ ГОГОЛЯ

Издавна предполагалось, что человеческая мысль, а равно, выходит, и литературная, построена по единой непрерывно восходящей вертикали совершенствования и достижения все новых духовных вершин. Как ни грустно и как то ни прискорбно констатировать, но литература нашего XX века так и не смогла достигнуть или повторить образцов прошлого. Вероятно, имелись на то причины. Кто осмелится подобное оспаривать? Найдется ли такой человек? Вряд ли. Литература — не просто наиважнейшая функция самовыражения человека. Она отражает духовную ипостась человека, общества и т.д. В том ее сила и в том — слабость. Современные писатели, заядлые материалисты, далеки от мифических творцов прошлого, от подлинного интеллектуализма, они — суть подопытная человеческая общность, полноправным членом которой мог стать до недавнего времени лишь носитель известных черт, как-то: атеизм, коллективизм, всеобщий принцип солидарности и т.п. и т.д. Десятилетиями «общий» порыв превалировал над индивидуальными конвульсиями «отщепенцев общества». Человек воспринимался — как самая малость той субстанции, из которой складывалось высшее и отдельными лицами непостижимое мыслительное действие — безраздельное служение Идее.

И даже смерть во имя Идеи, сработанной в кабинете и за чашкой кофе вождем, генсеком, вменялась обществу и каждому в отдельности — как высшее благо.

Стоило бы определить, откуда и из каких-таких дремучих недр нашей постдействительности появилось именно подобное рвение служить отечеству?

При каких обстоятельствах? В человеке ценилось не его истинное духовное начало, а некий фантом, привнесенный извне. Идея, заключенная в Слово, возвращалась, как возвращаются семена, брошенные в землю. Заземленность восприятия человека — отличительная особенность большевистской идеологии. Человек воспринимался как почва, на которой можно взрастить любую нужную Идею. Конечно, как любил повторять в свое время Наполеон:

«Кто может все сказать, тот может все сделать». Не отсюда ли? Слово, как видите, имело свой смысл, наполнялось действенной энергией. Слово ценилось, ему верили. И умные люди на полную мощь использовали его энергию. Выражение типа: «Почта — самое необходимое народу»; «Коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны»; «Кино — наиважнейшее из искусств», — все эти величайшие по «глубине» мысли совсем недавно красовались на видных местах, включая отхожие, и призваны были внедрять в сознание людей определенные стереотипы. Что это? Из каких таких глубин привносилось в наше сознание простое до глумливого идиотизма откровение, что мы, русские, если не полные болваны и дурачки, то уж очень походим на них? Дело в том, что Слово в России даже для простого циничного обывателя имело — абсолютную ценность! И каждый мало-мальски мыслящий разночинец знал об этом. Слово для русского — как для дыхания воздух.

А если Слово, то значит, и литература в общественном российском сознании занимала особое место, играла исключительную роль и имела принципиальное значение в жизни — как самоценность! И умный человек знал то. И очень даже прекрасно ведал про «особое место» в сознании русского человека. Литературные герои, образы в обществе девятнадцатого века — их копировали, им подражали, ценили больше самой жизни! Литературные идеи — наука жизни! Перед обществом ставились вопросы масштабные: «Кто виноват?», «Что делать?» Литературные идеи в то время — моральный и нравственный кодекс русского, создавшего оригинальную православную цивилизацию. В романах и повестях по всей империи судорожно искали ответы на вопросы: как надо правильно жить? И пишущий человек в то благодатное время слыл совестью народной. Сие сказкой звучит по нынешним временам, но это было, было, было. Все литературные портреты, образы, характеры, идеи воспринимались — как натуры живые, таинственные, данные Богом. Слово-то было магическим символом! Если хотите — божественным! «Неученье — тьма, ученье — свет». Возьмите Татьяну Ларину Пушкина или Лизу из «Дворянского гнезда» Тургенева — героини несут свет нравственности, одухотворенности, святость и неизбежность моральных устоев, то, на чем зиждется православие и государственность, Символом того времени стала — книга. Подобный феномен в мировой истории — единственный, уникальный в своем роде, и он принадлежит российскому характеру, выделяет нас среди других народов. В лучшую ли сторону, худшую, судить не нам. Но он вносил оригинальный штрих в характер русского человека. Литература воспитала в народе наивную веру в святость Слова. Это внушение во всемогущество Слова имело для российского народа катастрофические последствия, принесшие неисчислимые бедствия, воспитав в нем благодушие, доверчивость. Ни один народ в мире не подвержен такой зависимости от информационного потока, как наш. На гигантских просторах величайшей из империй народ, словно ребенок, воспринимал Слово — как закланье от всех бед, как единственное, во что можно верить на земле, ибо: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Эти постулаты воспринимались буквально, и прививались народу нашей литературой, исполненной не пером, а совестью народной. Слово и Бог — как равнозначные составляющие некоей праведной Силы, некоего провидения. Слово воспитывало в русском человеке черты характера нам противоположенные по своей природе, в силу особенностей русской жизни. Слово воспитало русского человека подверженным внушаемости, а русская душа слишком воспринимала чужое — как свое. Мысли, чувства, образы — как свое. Мы до сих пор любим повторять вслед за кем-то «отработанные» истины, копировать идеи, характеры; мы вечно плетемся в хвосте Запада, копируем, стыдясь, его образ жизни во всем, но в то же время, как великая нация, претендуем на свою собственную цивилизацию и свой образ жизни. Виной тому — Слово. Внушение Словом. Нам внушили, что мы такие-сякие, плохие, и мы поверили в ложь.

Так гений Гоголя внушил русскому народу, что придуманные им второпях замечательные, хотя и бездуховные, карикатуры на русских людей, им, не знавшим русской жизни и только что приехавшим в столицу России, в «Ревизоре», «Мертвых душах», «Шинели» — это и есть самые что ни на есть реальные русские характеры, из которых состоит многомиллионная православная империя. Не будем утверждать, что сие преднамеренное действо российскими дворянами и мужиками в произведениях писателя и не пахнет, не пахнет там и русским духом, о котором так пекся Пушкин. Скажем: великий лицедей, зная о внушаемости русской души, мистифицировал! Гений мистификатора убедил российских простодушно-наивных людей, что они и есть те самые корбочки, плюшкины, собакевичи, бобчинские-добчинские и — прочие персонажи его знаменитых произведений. Даже разнеслась в то время молва, что сам-де Пушкин «подкинул», мол, Гоголю тему о мертвых душах, а Гоголю пришлось

всего лишь препроводить ее в жизнь. Случайно ли шла играла от имени Пушкина? Восклицание просвещенного императора Николая I: «Над кем смеетесь, над собой смеетесь», — окончательно закрепило в сознании русских людей, что они сами и есть те самые и из тех самых произведений Гоголя. Увы! И тому множество доказательств.

Русские идеи, образы, характеры — они из романов Пушкина. Все! А ставшая крылатой фраза: «Все мы вышли из шинели Гоголя», — лишний раз подтверждает мысль о том, что даже творцы Слова приняли лукавство величайшего мистификатора за свет Истины. К сожалению, эта мистификация внесла разрушающее начало не только в могучую русскую литературу.

Впоследствии Гоголь осознал и ужаснулся содеянному им в российской империи и попытался в «Выбранных местах из переписки с друзьями» исправить чудовищную ошибку. Исправить содеянное и самого себя. Он мученически страдал, плакался перед смертью, призывал кару на свою голову, стремился сжечь свои произведения (и сжег второй том «Мертвых душ»). Он просил прощения у православного люда, места не находил и, достигнув христианского миропонимания, проклял свои деяния на ниве Слова, полагая себя величайшим из грешников. Он понял главную ошибку: он, верный православный, принялся разрушать фундамент обожавшей им империи, в которой добра больше, чем во всем западном мире.

Девятнадцатый век убедил нас в том, что Слово всегда светилось Истиной вечно-го мира, то есть божественным светом. Ибо духовная система Льва Толстого, например, предполагает непременно мораль христианскую. Великий безбожник в своих произведениях следовал христианским заповедям: «Не убий», «Не укради» и т.д. Ибо ничего лучшего пока человечество не придумало. С ярчайшей выразительностью те же самые постулаты утверждаются и Ф.Достоевским, определившим истинный смысл русской души — как путь постижения божественной Истины, носителем которой для него являлся русский человек — богоносец. Откровенное торжество христианских добродетелей. Но «жили» по соседству и другие истины.

Возникновение декабристского феномена в православной России — явление чрезвычайное и до конца неосмысленное. В каждом благонамеренном действии предполагается добрый умысел. В декабристском движении он явно скрывается за завесой слов о прекрасном будущем для народа. Сейчас мы знаем, что такое «прекрасное будущее». Предполагается лишь пустое циничное и заведомо ложное обещание, а дальше... дальше просматривается — материальное торжество победителей. Как то имело место в семнадцатом. Передел собственности — конечный итог любой революционной передраги. Имелась конечная цель и у декабристов — истребить царскую семью до корня, уничтожить самодержавие. Приходишь к мысли, что реально декабристы с их программой истребления царской семьи, с разветвленной сетью осведомителей и соратников в армии есть ничто иное как — заговор террористов. Группа вооруженных высокопоставленных чиновников из высших сословий решила захватить власть, которая так заманчиво-обнаженно лежала в бездействии, как всегда, на российской дороге. В заговор было вовлечено много случайных людей, как то всегда бывает. Но и тут Слово совершило свое дело: кучка террористов впоследствии была мифологизирована тем же самым Словом, превратив их в мучеников, борцов за народное счастье. Позже подобными мифами активно занимался Александр Иванович Герцен, мечтавший стать, несмотря на очевидную скудость таланта, «совестью народной». Он разрабатывал теорию русского социализма и, по выражению большевика Ленина, вплотную подошел к историческому материализму. До сих пор стоит мыслитель у очерченного Лениным предела — ни писатель, ни герой.

Стоило бы помнить: «все люди идут к счастью, но приходят чаще всего к несчастью». Что ни говорите, а «мечта о сладкой жизни, всегда слаще самой жизни».

Общественная мысль в российской империи всегда на равных, как две гнемые в упряжке, неслась вместе с литературной, и по своей сути являлась литературной. Ибо литература угадывала и точно отображала дух народа, его устремления. То есть литературная мысль питала государственную, общественную. Герцен призывал русский народ к восстанию, а вот Чернышевский шел дальше и — призывал к топору, то есть к настоящему террору, а видный юрист Кони оправдывал террор. Диалектическая системы — «призыв — террор — оправдание» — не соответствовали христианским канонам, разрушали духовную систему Пушкина. Кони на суде оправдал террористку Засулич, убившую Петербургского губернатора Трепова. Не мог предположить Гоголь, что его идеи заронят зерно разрушительной ненависти. Ненависть рождала страха который создавал хаос.

Достоевский все это понимал и призывал «смириться гордому человеку». В то же время литературные эскапады Белинского, Герцена и Чернышевского, а впоследствии Писарева и Горького, не вписывались в христианские, православные каноны духа.

Русская литература выстраивалась по классическому образцу духовной системы Пушкина — как вокруг солнца выстраивались планеты. Система Пушкина покоилась на основании, уходящем в древнюю Грецию, Константинополь и русский дух. Духовную систему Пушкина приняли вольно или невольно все русские писатели — Лермонтов, Тургенев, Достоевский, Толстой, Гончаров, Чехов, все — кроме вскормленного с пера великого поэта — Гоголя. Он прошагал мимо. Хотя как Петр I оформил российскую государственность, так Пушкин оформил и объединил российскую духовную общность.

Литература таила в себе могучие духовные, исторические потоки нации, возвращала общественную мысль и мораль. Но именно там и были замечены впоследствии зерна отрицания, которые зародил Гоголь: надо отрицать все, чтобы отрицать хоть малость. Максим Горький, пожалуй, один из тех, кто свое литературное поприще начал с гоголевского принципа отрицания всех и вся. Своим творчеством он отрицал всю нашу классику, воспевая: «Убей и торжествуй!» Не смирение, не доброту, а силу и жестокость — как способ выживания в волчьем мире людей. Горький отрицал выработанные веками моральные устои. Особенно раздражал Достоевский, ставший мишенью его обличений. Не владея и малой толикой образованности, которой обладали писатели девятнадцатого века, он пустой, но громкой фразой заглушал их голоса, бравировал позой, скоморошествовал: «А вот мы вас!». Он — скорее шаманствующий площадной обличитель, манкировал мастерством: если кто заметит, то подумает, что специально пишу с ошибками! Горький — типичный представитель того, каким не должен быть на Руси писатель. Но он показывал, что каждый смывленный человек мог им стать. Уничжая словом умных людей, выражался вычурно, перебивая их. Ему во всем следовал поэт Маяковский и менее интересные поэты.

«Золотой век» русской литературы кончился под аккомпанемент бунта, под дикие вопли воинствующих разночинцев. Среди вакханалии всеобщего отрицания моральных постулатов слышался все более торжествующий голос темной души. «Золотой век» требовал образованности, помимо таланта, знаний, даже, если хотите, наследственной культуры слова, а в новом XX веке образованность воспринималась — как лишний груз на ногах «творца».

Слово отступило в тень, предоставив первенство Идее. Неважно как выраженной, главное — во всеуслышанье заявленной. В определенной степени олицетворявший девятнадцатый век англичанин Оскар Уайльд утверждал, что «нет ни нравственных книг, ни безнравственных. Есть книги, хорошо написанные, и есть, плохо написанные. Только». В двадцатом веке в России мало кого интересовало и то, и другое. Главным становилась мораль бунтарей, имя которой — отрицание! Когда все можно!

Горький не снисходил до доказательств. Он — утверждал. Он учил жить по-новому. Вспомним знаменитое, с апломбом утвержденное: «Рожденный ползать летать не может». Или: «Буря, скоро грянет буря!» Он призывал к восстанию. Бунт — главный фактор в умонастроениях двадцатого века. Бунт — как стихия разрушения.

Казалось, православному русскому человеку мало было трудиться, и его торжественно, с поспешностью ташили в полосу губительного разрушения и как бы для счастья же. Разрушать всегда проще, эффектнее, внушительнее его влияние на психику человека, чем медленное строительство. Разрушение удовлетворяет низменные страсти людишек, находящихся не у власти, но стремящихся к таковой. Храм, строившийся несколько столетий, можно разрушить за несколько минут. Подобное восторгало ненасытные темные души смердяковых, ибо Зло — демонстрация силы. Но Зло торжествует только под прикрытием хаоса. Даже целенаправленное зло — хаос. Оно взращивается при больших беспорядках за короткое время, как взращивается раковая опухоль. Хаос — родная стихия зла. Как только страна опрокидывается в пучину хаоса, зло вопит во всю глотку и требует крови. Кто мог сказать в девятнадцатом веке: «Я люблю смотреть, как умирают дети». Эти кошунственные слова Маяковского невозможно было произнести поэту или простому человеку в прошлом веке даже шепотом. Из Лондона поносил самодержавие болезненно тщеславный Герцен, вкрадчиво призывал к топору Чернышевский, творческую импотентность которого никогда никто не оспаривал, бунтовал, стушевываясь, гордый Тургенев, но никто не решался ошарашить публику российскую подобными омерзительными словами, как то сделал впоследствии Маяковский. Да! Да!

На самом деле человек, ничего не знающий, похож на фанерный шар, который ошибочно принимают за глобус по той простой причине, что он круглый.

Вся западная литература преследовала единственное — создавать яркие, сильные характеры, трагические сцены. Русская же литература в прошлом веке прониклась идеей маленького человека. Маленький человек — чисто христианский символ. Ее подхватил из жизни Пушкин; развил и пустил гулять, смеясь и улюлюкая, Гоголь по российским равнинам. Русская литература на все лады обставляла здание нравственности идеей сострадания к маленькому человеку, сочувствуя, жалея, заставляя умиляться его страданиями. Западная литература и русская — две противоположности. Но обе они имели под собой прочный фундамент нравственности — христианство.

Горький, не осмыслив эти потоки в культуре народов, возвел сильную, атеистическую по вере личность на святой пьедестал христианской морали. И тем — отрицал христианство. Горький опередил нынешних американских деятелей культуры.

Конечно, скрипку создает Страдивари, но драгоценной она становится благодаря Паганини. Нельзя не согласиться с этим. М. Горький всегда страдал одним — желал в глазах читателей выглядеть лучше, нежели был на самом деле, мифологизировал свою жизнь, лгал о ней. Он опутал собственную жизнь ложью, как опутывает паук паутиной свою жертву. Для Горького жизнь была главной жертвой, от которой он много желал — личного счастья, известности, денег и прочее. Но мечта о сладкой жизни всегда, как уже говорилось, слаще самой жизни. Нежный, тончайший лирик Блок понял это раньше других, когда его, в то время первого поэта России, Троцкий, захватив с Лениным власть, назначал в голодную пору революционных страданий своим личным секретарем. Разночинцы, то есть самые настоящие революционные демократы, революционные народники, убедили, что террор — одно из величайших зол на свете. Они взяли в семнадцатом году власть посредством террора. Разве Ленин и вся его команда — не разночинцы, не продолжатели идей Чернышевского? Для разночинцев литература — орудие классовой борьбы за власть, тот же топор Чернышевского. Террор словом — самый гнусный на свете террор. Блок невзлюбил босняка Горького: художник не имеет права бравировать ничтожными страстями. Столбовой

дворянин Бунин со странным вниманием взирал на Горького,— тот же разночинец! Лучшим другом Горького оказался Ленин, который относился к писателю как к подсадной утке для интеллигенции, которую при случае всегда можно вышвырнуть на берег другой жизни.

Вот как обернулась хитроумная мистификация Гоголя. Слово, путешествуя в сознании людей, может разрушить не только одну империю, но и целый земной мир.

Изменился в начале двадцатого века характер и смысл литературы. Ушли в мир иной великие творцы. Их духовные системы — как воплощение совести народной, безусловно, остались. Но в XX веке они в значительной степени оказались невостребованными в силу следующих обстоятельств. От Пушкина до Достоевского величайшие духовные системы освящались христианским самосознанием. К власти же в начале двадцатого века пришли братья-разночинцы, все, как один, атеисты, пылавшие жестокостью к России. Они перекроили ее до неузнаваемости, даже имя империи с безгласностью отбросили прочь, заменив его Советским Союзом.

Над некогда великой империей не пролился свет Истины. Мы не в состоянии осмыслить взнезменных почти богов — Достоевского, Льва Толстого. А если нет способностей осмыслить ими сотворенное, то как же можно хотя бы повторить ими рожденное? Осмысление надо начинать с того естественного обстоятельства, что Достоевский и Толстой не появились сами по себе и вдруг, их гений вырос на российской почве, пропитанной духом того времени, величием дел и творений своих современников, и являются они не просто случайно занесенными зернами и столь же случайно взрожденными и принесшими свои плоды. Они — дети величайшей из эпох России представляют величие народа, мощь и гений общественного сознания

Эпоха родила их, эпоха величия и процветания Российской империи и народа ее. Только великий народ мог взрастить великих творцов. Слон не может родить барана, дабы не устыдиться его. Эпоха представляет человечеству своих лучших детей, наделив их возможностями духовного покорения человечества. Дух их витает над Россией.

Можно писать романы размером с «Войну и мир». Немалая плеяда писателей жаждала славы, повторяя размерами своих сочинений роман Льва Толстого. Как выяснилось, желания недостаточно, потому что повторять — не означает созидать.

Горький, «буревестник» XX века, в тридцатых годах процветал при сменившемся власти, если учесть, что он получил роскошный особняк с обслуживанием на правительственном уровне на Малой Никитской, в центре столицы, навсегда и задарма — от вождя товарища Сталина. Слава Л. Толстого не давала покоя. Но в начале он стал повторять вслед за вождем Сталиным что «если враг не сдается, его уничтожают». Эта мысль отвечала его внутреннему классовому настрою. И только спустя какое-то время Горький продолжил работу над романом «Жизнь Клима Самгина». Этот роман должен был превзойти по размерам «Войну и мир», стать вторым крупным произведением в мире, а «по своему политическому значению он имел право и возможность превзойти все романы мира», о чем впоследствии твердила верная и своя в доску властям пресса. В тридцатые годы слова «буревестника» Горького, как вождя литературы, уже приобрели властное значение. Впервые в истории человечества писатель располагал властью. К нему прислушивались, на него молились. Он учил Андрея Платонова, что тот якобы не умеет писать прозу и наставлял «попробовать» себя в стихах, а Александру Твардовскому он советовал «попробовать» себя в прозе, начиная с рассказов. С его властной руки Федора Достоевского не издавали до шестидесятых годов, объявив творчество писателя вредным для народа. Горький обозначился в своих действиях, как классовый пролетарский писатель. Он объявил себя родоначальником социалистического реализма и занимал вызывающе вождистскую позицию, принимал крутые решения, мог отправить в ссылку, посещал концентрационные

лагеря, своими посещениями оправдывая их существование. Перед ним заискивали прихлебатели от литературы, называя самыми льстивыми эпитетами. Сам товарищ Сталин, ярко демонстрируя отличное знание мировой литературы, заявил на весь мир, что поэма Горького «Девушка и смерть» посильнее «Фауста» Гете. С тридцатых годов он перестал быть в традиционном смысле писателем и определился в рупоры политических игроков. Его до самой смерти подхалимская пресса, ни от кого теперь не таясь, называла гениальным, великим, самым, самым. Его духовные «открытия» использовали молодые трубадуры. Поэт Э. Багрицкий самозабвенно повторял о том, что если он скажет: «Солги!» — солги! Но если скажет: «Убей!» — убей! Что это означало: «Убей во имя идеи!» Вот что означало подобное. Другой трубадур А. Сурков, звал к тотальной ненависти друг к другу, к воспитанию в душе этого «прекрасного понятия ненависти».

Бес — согрешивший ангел. Бесовщина — групповое действо, и она овладела умами писателей, и они, радуясь, торжествовали, «Поднимали целину», перекраивали христианскую мораль наоборот. «Не убий!» — надо одно: «Убей!» «Не солги!» — надо лгать обязательно. И так далее.

Горький окончательно взорвал мост, ту самую связующую нить между веком девятнадцатым и веком двадцатым. Он попытался покончить с литературой прошлого века, когда даже вседержавные венценосцы искали дружбы с писателями, как носителями Истины. Литературный вождь вел себя — как вождь. Он стал изобретать рецепты того, как надо писать в русле не «отвратительно бездуховного прошлого критического», а в духе социалистического реализма. Классовый подход к литературе и искусству торжествовал, «буревестник» самолично определял развитие всей советской культуры, ее духовные приоритеты, превратив литературу в обыкновеннейшую агитку партии, приравняв с гордостью перо к штыку. В то время страдал за рубежом И. Бунин, играл со своей судьбой в прятки В. Набоков, в полном бессилии изнемогали И. Шмелев, Л. Андреев, А. Куприн, писал уничижительные письма у себя на родине Сталину М. Булгаков, через годы заточен был и нес крест невольника в концетрационных лагерях смертников объявленный «врагом народа» непокорный властям А. Солженицын и т.д. А в саду советской власти не скупилась и щедро раздавали литературные премии, ордена своим верным классовым товарищам, тем, кто возглавлял «передовой отряд советской интеллигенции» — писателям, объявленных теперь «инженерами человеческих душ». Можно перечислить имена тех, кто написав несколько сносных рассказиков, умудрились в «саду советской власти» оборвать все плоды с деревьев, именуемых материальными удобствами — квартиры, дачи, звезды, ордена, премии, ленинские и государственные, назначались советниками по культуре при президенте СССР, членами обкомов, членами ЦК. Литература становилась прибыльной отраслью, огосударствлялась — как земля, как заводы и фабрики. Слово переходило в другое качество. Еще годы поколения советских писателей оглядывались на тень «Буревестника», учившего смотреть на мир сквозь призму очков неистового Виссариона Белинского, которого великий Достоевский с присущей ему откровенностью назвал «самым смрадным явлением в истории русской культуры».

Полное духовное перерождением Слова произошло на наших глазах за короткий двадцатый век. Винить в том не имеет смысла лишь Гоголя.

Мастера литературы, в частности, все тот же насмешник над человечеством Владимир Набоков доказал, что не литература принадлежит человеческому миру, как то имело место в XIX веке, а мир человеческий принадлежит литературе исключительно, как материал, как то случилось в XX веке. Литература имеет свою собственную жизнь, под ее образы подстраиваются с удовольствием люди, отдельные личности, группы людей. Слава Богу, обширный список характеров в бездуховном паноптикуме Н. Гоголя всегда находился рядом, и торопятся по бескрайним просторам все та-

кой же неохватной страны всякие коробочки, плюшкины, собакевичи, бобчинские и добчинские и прочее, прочее, прочее. Извращенная в духовном сознании гением страна была особенно любима и почитаема большевиками и — они любили Россию не реальную, а гоголевскую, обратив ее в орудие классовой ненависти против настоящей. «Золотой век» оставил нам таинственные знаки деяний величайших гениев, дурные и великолепные в своей реальности.

Недаром, как то ни грустно признать, литература XIX века для нас современнее и духовно ближе литературы XX века. Увы!

В наше время все значительно упростилось. Слово стало маской, под которой может скрываться любой плюшкин, бес или живодер, или маньяк, или кто еще пострашнее. И каждый мистификатор умудрится использовать его по своему желанию или назначению. Слово — живая энергия человека, но это не живой организм, и самостоятельно заявлять о себе оно не в состоянии. На гигантских просторах русской равнины так уж случилось, что часто Добро уживается со Злом, и тому не придается большого значения.

Наум Ципис
(г. Бремен, Германия)

ИЗ КНИГИ «ПРИБЛИЖЕНИЕ»*

Учитель, журналист, писатель. Родился на Украине, учился в России, долгие годы жил и работал в Белоруссии. Сейчас живет в Германии.

...Гоголь был известным и, как сказали бы у нас, на Замостье, определяя высшую степень предмета разговора, сильно уважаемым писателем. Масштаб его как литератора тогда уже вполне определился. Другое дело, что избавиться от комплексов, присущих провинциалам — робости, застенчивости, инстинктивного желания ходить «под стеночкой» и быть незаметным, как и стремление к спасительному одиночеству, — от этого он и в своей известности избавиться не смог. А еще и при такой-то, мягко сказавши, не золотого сечения внешности.

Взяв в учет все это, представь такое... (А еще я думаю: как же трудно, до невозможности, было ему договориться с собой, уговорить себя решиться на это. Сумасшествие бросает человека под трамвай. А любовь — ломает его волю и бездумно упрямо противостоит обстоятельствам.) Вот и представь такое.

Гоголь часто бывал в семье графа Вильегорского. Семейство культурное — граф, тот и на виолончели поигрывал, — понимало, кем был их постоянный гость. Соседям говорили в некотором возвышении:

«А к нам сегодня Николай Васильевич заезжал, Гоголь... Опять просил графа поиграть». Не к каждому, значит, заезжает и не всякую виолончель слушает. А гость имел свой тайный и сильно сердечный интерес — дочь выросла в семействе, красавица, умница. Только что не комсомолка.

Без памяти влюбился в нее гений русской прозы, которая, как известно, вся из его «Шинели» выросла. Гений-то гений, а сердце обыкновенное, мужское. Может быть, впервые встретился Гоголь со своей единственной...

Нарочито уверенным и спокойным был голос, когда он сделал предложение своей избраннице. Немая сцена из его «Ревизора», только по другому поводу. То есть как?! Как посмели надеяться? Выскочка из-под какого-то Конотопа! Мама-графиня недоуменно резюмировала: «Николай Васильевич, вы такой умный человек, и как же вы можете предлагать такие глупости?».

Бедная графиня, могла ли она предположить, что ее отказ Гоголю автоматически оставляет имя Вильегорских в истории. Даже отказ. А случись графине ответить согласием... Уже не только фамилия вошла бы в анналы. И знали бы мы с сегодняшней радостью, не только какой флердоранж был на свадебном платье невесты, но и какого цвета был кринолин на ее сиятельстве — теще самого Гоголя. О дальнейших балах и приемах и речи нет. Целый абзац в истории России! Дура, прости Господи! А может, и нет...

Вот и я сомневаюсь: стала ли бы счастлива молодая Вильегорская? Быть женой писателя — судьба нелегкая. А уж ежели муж гений...

* Из книги: Ципис Н. Приближение.— Минск: Издатель А. Н. Варакин, 2007. По просьбе редакции «ПЗ» материал подготовлен Ириной Кедровой (Академия российской литературы. Альманах «Московский Парнас»).

Виктор Пахомов
(г. Тула)

ДИАЛОГ ГРЕШНИКОВ

— Я — Гоголь Николай, ну да, тот самый, грешный
Чьи книги на земле читаются дондесь.
Мир скучный, спору нет, но только не потешный.
Не верилось юнцу, за что и маюсь здесь.
А ведь хотел и мог служить святому делу
И с постригом уйти от мира в монастырь,
Где б мог служить душе — не алчущему телу,
Но не услышан был тогда мной поводирь.
— Как это понимать, в толк не возьму я что-то?
— Написанное мной мне надо было сжечь!
Мир высмеять тогда глупца взяла охота.
Бумагу пожалел, а душу бросил в печь!
— Позвольте возразить, вы как-никак писатель,
А рукописи, всем известно, не горят!
Не зря же держат строй писак несметных рати,
И держится в цене литературный яд!
— Мой грех, мой грех! И впрямь усердствовал без меры,
Ведь под руку толкал лукавый всякий раз.
Отсюда вздор и глум и прочие химеры.
Не мог расслышать я предупреждений глас!
— О, многое стоит за вашими словами!
Я тронут. Жизнь — ничто! Безумье и мираж...
— А вы, любезный, кто? Знакомы ли мы с вами?
— Как, не признали вы? А я — читатель ваш!

Николай Мых-Степняк
(г. Тула)

**ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ
ДВУХ ВЕЛИКИХ НАРОДОВ**

Нет, бывает время, когда нельзя иначе устремить общество или даже все поколение к прекрасному, пока не покажешь глубину его настоящей мерзости.

Н. В. Гоголь

В этом году весь цивилизованный мир отмечает 200-летие со дня рождения великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя, автора бессмертных произведений «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Ревизор», «Тарас Бульба», «Вий», «Невский проспект», «Мертвые души» и других. Удивительный талант Н. Гоголя проявился в этих столь непохожих друг на друга произведениях по-разному: то поражая читателей богатством языка и колоритностью украинской темы, то увлекая фантастикой петербургских повестей, то вызывая смех в «Ревизоре», «Женитьбе», «Мертвых душах».

Жизнь и творческий путь Гоголя и его трагическая судьба до сих пор представляют собой загадку, которую разгадывает не одно поколение исследователей.

Чтобы понять и полюбить Гоголя, пройдемся по основным вехам его биографии и, отталкиваясь от них, кратко проанализируем основные произведения гениального мастера слова.

Великий русский писатель, которого считают своим два народа — украинский и русский, родился 31 марта 1809 года в семье мелкопоместного дворянина Василия Афанасьевича Гоголя-Яновского, владевшего имением в селе Васильевка Миргородского уезда Полтавской губернии.

Николай был одним из двенадцати детей, рожденных Марьей Ивановной Гоголь, из которых пятеро умерли — кто во младенчестве, кто в отрочестве, а кто в молодости.

Отец Гоголя служил чиновником на Полтавском почтамте, а также управляющим у соседа-вельможи. Умер Василий Афанасьевич в 1825 году, не дожив и до пятидесяти лет.

В 1818 году братья Иван и Николай поступают в Полтавское уездное училище, а затем Николай поступает в Нежинскую гимназию высших наук. В науках Николай не усердствовал, однако его интерес к литературному творчеству проявился уже в гимназические годы. Кроме того, когда в гимназии был устроен театр, Гоголь с увлечением участвовал в постановке спектаклей, рисовал декорации, сам играл. С особым успехом он исполнял роль госпожи Простаковой в «Недоросле» Д. И. Фонвизина.

По табелю о рангах того времени, в котором первый ранг принадлежал канцлеру, Гоголь в 1828 году окончил гимназию с чином чиновника четырнадцатого класса. Дослужился он за всю свою жизнь лишь до восьмого класса — коллежского асессора.

В гимназии Гоголь пробует писать трагедии, поэмы, баллады, сатиры... Но из всего им написанного сохранилась лишь поэма «Ганс Кюхельгартен» (1827 г.), с которой и

приехал некрасивый нескладный юноша в Петербург. В северной столице Гоголь долго не может найти работу, изданная им на собственные деньги поэма не имела успеха.

Успех имела его другая книга «Вечера на хуторе близ Диканьки».

С юности благоговейно любивший Пушкина, Гоголь по примеру пушкинской прозы решает выступить с повестями о том, что он знал и видел с детства. «...Здесь так занимает всех все малороссийское...», — писал он матери еще в апреле 1829 года. Повесть «Вечера на хуторе близ Диканьки» появилась в февральской и мартовской книжках журнала «Отечественные записки» за 1830 год.

Великий Пушкин высоко оценил творчество Гоголя: «Сейчас прочел «Вечера близ Диканьки». Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия!.. Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе», — писал поэт. «Отрадно вспомнить, — позже подчеркивал Н. Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы», — что первый оценил Гоголя, первый заговорил о нем печатно тот самый человек, который до Гоголя был величайший из наших писателей... Радужным приветом встретил, благословением своим напутствовал Пушкин двадцатилетнего одинокого юношу, который сделался преемником его славы».

Лирический образ Украины, созданный Гоголем в «Вечерах...», навсегда вошел в русскую, да и в целом в европейскую литературу. Восхищенно встретил их появление и молодой, еще мало кому известный критик В. Г. Белинский, которому суждено было сыграть не последнюю роль в жизни Гоголя. Детально анализируя в дальнейшем каждое новое произведение, навязывая общественному мнению свою точку зрения, «неистовый Виссарион» в то же время будет вмешиваться и в личную жизнь писателя, в его взаимоотношения с друзьями и обществом, усложняя и без того серьезный душевный кризис Гоголя.

Уже во второй части «Вечеров...» лирические и героические картины Украины сменяются попытками «изобличительных портретов» обывателей — «существователей», мягкий искрометный юмор постепенно уступает в творчестве Гоголя место безжалостной сатире и едкому сарказму.

Потомок запорожцев, он воспел героические подвиги казачества, своей неповторимой ритмической прозой создал удивительный живописный портрет Украины. И в то же время Гоголь — сын малоизвестного украинского драматурга — всегда мечтал стать русским писателем. Возможно, именно в неприятии его великорусским обществом, в какой-то степени кроется источник его обличительной горькой «русской прозы». Как бы то ни было, сборник его повестей «Вечеров» имел успех.

В 1833—1834 годы Гоголь на перепутье. Он в поисках своего места в жизни. Уже будучи известным писателем, он еще не уверен, что художественная литература — его основное призвание. И, может быть, больше склоняется стать ученым историком: он увлекается историей Украины, задумывает написать «Историю малороссийских казаков» и «Всеобщую историю». Он изучает специальную литературу, летописи, собирает и исследует народные песни, мечтает получить кафедру всеобщей истории в только что учрежденном Киевском университете.

Стать профессором истории в Киевском университете Гоголю не удалось. А «История Малороссии»? Он продолжал работать над ней, перестраивать и перекраивать ее, пока летописные сказы не переплавились в живой, буйно-энергичный образ Тараса Бульбы. Эта могучая фигура сказала, как он понимал старинную жизнь Украины. Больше к работе над историей Украины Гоголь не возвращался.

В 1835 году вышла в свет первая часть сборника «Миргород».

Еще в 1833 году Гоголь задумывает написать комедию, полную «злости, смеха и соли». Сперва это — «Владимир третьей степени», затем «Женихи» (позднее переработанные в «Женитьбу») — обличение провинциальных семейных нравов.

И, наконец, в 1835 году он создает одно из своих величайших произведений — обличительную общественную комедию «Ревизор». 19 апреля 1836 года состоялась премьера комедии в Александринском театре. Каждый ее образ, вплоть до второстепенных, был так выразителен и правдив, что буквально с первого появления на сцене персонажи «Ревизора» стали именами нарицательными. Столичная публика, переполнившая Александринку на премьере, узнала себя и возмутилась. Реакционная критика ополчилась против автора, обвиняя его в клевете — на чиновников, на добропорядочных людей, то есть на общество в целом. Иначе была встречена пьеса в Москве. Тут в спектакле, состоявшемся 25 мая 1836 г., играл цвет Малого театра во главе со Щепкиным (Городничим). Известный критик В. В. Стасов вспоминал: «Вся тогдашняя молодежь была от «Ревизора» в восторге. Мы наизусть повторяли целые сцены». Восторженно откликнулся на премьеру В. Г. Белинский.

Однако атмосфера, сложившаяся вокруг имени Гоголя после выхода в свет «Ревизора», угнетает и раздражает писателя. Не находя в себе силы для открытой борьбы, Гоголь 6 июня 1836 года уезжает из России.

Еще в 1835 году писатель по совету А. Пушкина начинает работу над новой поэмой «Мертвые души». В Швейцарии Гоголь вновь принимается за работу над этим произведением. Интенсивно он работает над «Мертвыми душами» в Париже. Здесь в марте он получает известие о смерти А. Пушкина. «Все наслаждение моей жизни, все мое высшее наслаждение исчезло вместе с ним. Ничего не предпринимал я без совета с ним», — писал Гоголь Плетневу.

Появление в конце мая 1842 года первого тома «Мертвых душ» вновь разделило Россию на два лагеря. Бескомпромиссная сатира Гоголя была встречена злобной худой реакционной части общества. Яркие реакционеры всячески старались очернить писателя и доказать, что его произведения не имеют ничего общего с русской действительностью. «Друзья» из либерального славянофильского лагеря пытались приглушить обличительное социальное звучание поэмы, уверяя, что Гоголь не стремится создать сатирическое произведение. Белинский же дал другую трактовку «Мертвых душ». Вслед за ним Герцен писал: «...Поэзия Гоголя — это крик ужаса и стыда, который испускает человек, униженный от пошлой жизни, когда он вдруг замечает в зеркале свое оскотинившееся лицо».

В отличие от героизированного Гоголем украинского народа, народ русский, увиденный им за страшным лицом помещичьей России, — это в большинстве своем либо споенный, деморализованный рабской психологией крепостной, либо те же самые умершие крестьяне, которых скупает Чичиков. Лишь в лирических отступлениях и пейзажах поэмы проступает иная Россия — с ее былинным размахом, с неистребимым стремлением вперед, подобно птице-тройке.

Со школы все мы помним эти вдохновенные, взволнованные строки: «И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «Черт побери все!» — его ли душе не любить ее? Ее ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чуждое? Кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь, и все летит: летят версты, летят навстречу купцы на облучках своих кибиток...» И далее: «Не так ли и ты, Русь, как бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади».

«...Летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

В 1843 г. в Петербурге вышли «Сочинения» Гоголя в четырех томах, что принесло писателю некоторый доход. На часть этих денег писатель создал Фонд нуждающимся талантливым студентам Петербургского и Московского университетов.

С 1845 г. произведения Гоголя начинают издавать в Европе: на чешском языке из-

даны «Старосветские помещики» и «Нос»; на французском — «Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Вий»; через год на немецком — «Мертвые души».

Последнее десятилетие жизни Гоголя ознаменовано как тяжелым душевным кризисом, так и мучительными творческими поисками. Он замышляет в последующих частях «Мертвых душ» показать нравственное перерождение своих героев, нарисовать перспективы возрождения общества и государства. Одновременно писатель работает над новой редакцией «Ревизора».

Утопическая идея «светлой России», во имя которой он начал писать вторую часть поэмы «Мертвые души», видится ему, однако, настолько несостоятельной, что он в июне 1845 года сжигает несколько глав готовой рукописи.

Под влиянием нарастающих религиозных настроений Гоголь снова и снова пытается переосмыслить многие свои произведения. Но его морализаторские потуги встречают отпор со стороны самых близких друзей.

Однако испуганный выводами, которые неизбежно следовали из его лучших произведений, изолировав себя в Европе от передовой русской мысли, поддерживая переписку с ограниченным кругом друзей, Гоголь в январе 1847 года издает книгу «Выбранные места из переписки с друзьями». Новую книгу составили письма, адресованные друзьям-журналистам, писателям, издателям, а также статьи — о Пушкине, Карамзине, о русской поэзии... «Моя душа изнемогла..., я думал, что в книге моей скорее зерно примирения, а не раздора,— писал Гоголь в «Авторской исповеди».— Мне показалось только непреложной истиной, что я не знаю вовсе России, что многое изменилось с тех пор, как я в ней не был...» Вернувшись в Россию, Гоголь бесконечно переделывает рукопись «Мертвых душ», но так и не может дописать поэму.

Наконец, в состоянии глубокого разочарования, страха в ночь на 11 февраля 1852 года, за десять дней до смерти, Гоголь сжег второй том «Мертвых душ». Уцелели только письма Пушкина, Жуковского и его личные. Среди бумаг, оставшихся после смерти Гоголя, были обнаружены первые четыре главы черновика второго тома «Мертвых душ» и еще одна глава, не обозначенная номером.

Последние две недели Гоголь ничего не ел, только пил воду, разбавленную красным вином. Умер он 21 февраля (4 марта по новому стилю) 1852 года от истощения. Как рассказывала теща М. Погодина (русского историка и писателя, находившаяся рядом с писателем до самой его кончины в последние минуты он требовал: «Лестницу! Поскорее лестницу...») Куда спешил подняться Гоголь в последние мгновения жизни, мы никогда не узнаем. Все имущество, оставшееся после кончины Гоголя, не считая разной мелочи, составляли шуба, шинель и часы, а также 170 рублей 10 копеек от продажи книг. Истинным богатством великого писателя был его портфель с рукописями.

Еще раз: так в чем же значение литературного наследия, всего творчества Гоголя? Лучше всего на этот вопрос, пожалуй, ответил другой великий писатель, современник Гоголя И. С. Тургенев в статье, которой он откликнулся на смерть Гоголя. «Гоголь умер! — писал он в статье «Письмо из Петербурга».— Какую русскую душу не потрясут эти два слова?... Да, он умер, этот человек, которого мы теперь имеем право, горькое право, данное нам смертью, назвать великим; человек, который своим именем означил эпоху в истории нашей литературы; человек, которым мы гордимся как одной из слав наших! Он умер, пораженный в самом цвете лет, в разгаре сил своих, не окончив начатого, подобно благороднейшим из его предшественников...»

Хорошо сказано.

P.S. Что же касается нас, тульских этнических украинцев, то мы в своих планах наметили ряд мероприятий, чтобы достойно отметить славную дату, связанную с жизнью, творческой деятельностью гения двух великих славянских братских народов.

РОМАН

Владимир Сапожников
(г. Тула)

ПОРОЧНОЕ ЗАЧАТИЕ
(Глава из романа)

Книга члена Союза писателей России Владимира Сапожникова представляет собой детективный научно-фантастический роман.

Профессор Ситников после упорных попыток разрабатывает новые методы, позволяющие создавать гибриды человека с другими живыми существами, искусственно оплодотворять тех женщин, которые раньше считались абсолютно бесплодными... Открытия привлекают к себе внимание различных мафиозных кланов, спецслужб, совпадают по времени с началом передела сфер влияния, захватом заложников, гибелью любимой женщины главного героя романа... И Ситников находит свои пути рассчитаться с мафией, пытающейся, по сути дела, захватить для начала провинциальный Приокск... В настоящее время роман находится в печати.

Все представленные в романе герои и события вымышленны. Возможные совпадения с реальной жизнью носят случайный характер.

В полуподвальной лаборатории НИИ экспериментальной генетики в этот поздний час было тихо и сумрачно от подслеповатого света люминесцентных ламп.

В окружении различного оборудования, термостатов, колб и пробирок, заполненных разноцветными растворами, за старым, широким и длинным столом с ободранными углами над микроскопом склонился старший научный сотрудник Иван Петрович Ситников. Микроскоп был модернизирован им самим таким образом, что на предметном столике помещалась специальная стеклянная камера с микроманипуляторами. Их рукоятками этим вечером сосредоточенно и манипулировал исследователь.

На его округлом, широкоскулом лице с выдающимся вперед подбородком, голубыми глазами, скрытыми толстыми линзами очков, застыло напряжение.

Вот уже три месяца, меняя методики забора материала, время и условия инкубации донорских клеток, он пытался безуспешно соединить, казалось бы, несоединимое — и в эксперименте зачать новое живое существо — получеловека-полукошку.

Но донорская клетка, взятая от женщины, никак не хотела соединяться с клеткой, взятой от кота Васьки — любимого домочадца профессора Ситникова.

От усердия у Ивана Петровича покрылась потом намечающаяся на макушке лысина. От многочасового смотрения в окуляры микроскопа слезились покрасневшие глаза, мелко подрагивали пальцы рук.

Ученый вновь и вновь проникал тончайшим шприцем внутрь живой женской клетки, пытаясь соединить ее с кошачьей клеткой, но слияния их ядер почему-то не наступало.

В изнеможении Ситников опустил руки, откинулся назад на протертую, местами забрызганную химическими реактивами спинку кресла.

Его затуманенный взгляд пробежался по обшарпанным, с обвалившейся, местами растрескавшейся штукатуркой стенам своей лаборатории, не ремонтировавшейся с советских времен, остановился на темном проеме небольшого окна, выходившего в глухой институтский дворик.

Идее создания клонов человека с животными Ситников посвятил двадцать последних лет своей пятидесятилетней жизни. Спустя пять лет после окончания мединститута подающий большие надежды, отлично оперирующий врач неожиданно для коллег по больнице и своей семьи ушел работать младшим научным сотрудником в НИИ экспериментальной генетики, на мизерную зарплату. И с головой погрузился в реализацию своей, как многим тогда казалось, сумасшедшей идеи.

Ему с детства не давали покоя египетские сфинксы. Ситников пришел к выводу, что древние цивилизации владели методикой клонирования новых невиданных существ из различных птиц, животных и людей. Нужно было просто найти, восстановить утраченное когда-то и кем-то...

Жена, не выдержав хронического безденежья и полного безразличия Ивана Петровича к бытовым проблемам, ушла от него через год.

А он полностью посвятил свою жизнь реализации так заинтересовавшей его проблемы.

По существу Ситников, особенно в последние годы, когда почувствовал, что стоит на пороге решения научной задачи, переселился в полуподвальную лабораторию НИИ.

Задерживаясь на экспериментах допоздна, здесь же и оставался ночевать, благо в углу комнаты имелся кожаный диван с протертыми подлокотниками.

Профессор отвел взгляд от окна, посмотрел на настенные квадратные часы — те показывали полтретьего ночи.

«Как же простимулировать соединение двух разных клеток?! Те — древнеегипетские ученые знали, как это сделать... А я никак не могу додуматься», — досадовал Ситников, машинально переставляя на рабочем столе стеклянные колбочки с различными рабочими растворами.

От многодневной бессонницы разламывалась голова, напряженно стучало в висках...

— Надо чем-то взбодриться! — произнес вслух научный сотрудник. — А не пропустить ли мне для этого капельку спиртяшки, как случалось в молодости?!

Ситников, не вставая со своего места, взял стерильную мензурку, в которую плеснул спирт из стоявшей неподалеку на столе колбы. Чтобы разбавить, в чистый, «медицинский», долил в соотношении один к одному дистиллированной воды из носика дистиллятора. При этом немного не рассчитал, и разведенный спирт плеснулся через край мензурки, так что несколько капель упало на предметный столик микроскопа.

Иван Петрович, предварительно выдохнув, проглотил порцию разведенного спирта, зажевав его валявшейся на столе откусанной сушкой.

— Вот, черт, плеснул-таки в камеру для клонирования... Посмотрим: наверное, клетки от спирта погибли напрочь, — вслух подумал Ситников.

Протерев мятым, как изжеванным, носовым платком запотевшие окуляры микроскопа, ученый вновь склонился над ними...

И — о чудо! Он не поверил своим глазам: две клетки — женская и кошачья — соединились своими ядрами, слились в единое целое! Свершилось то, над чем он бился последние годы!

Иван Петрович бережно перенес созданный эмбрион в заранее припасенную стерильную пробирку с питательной, специальной, им же разработанной средой, которую поставил в термостат-инкубатор, работающий в режиме поддержания температуры 37 градусов по Цельсию — как в человеческом теле, в утробе матери.

Радость просто распирала ученого! Ему наконец-то удалось сделать это! Сделать то, что большинству в научном мире казалось несбыточной мечтой!

Теперь остается только ждать, когда эмбрион созреет до стадии новорожденного...

Вопрос — сколько ждать? Девять месяцев, как это бывает у женщины при вынашивании беременности? Или гораздо меньше, как бывает у кошачьих?! Время покажет... Да и ответит на вопрос — как будет выглядеть человеко-кот?.. Фантастика! А, может, волшебство?!

«Да ты же становишься волшебником, Ситников! — с восторгом подумал ученый. — Или дьяволом?! Время рассудит... А сейчас такое событие нужно отметить!»

Иван Петрович радостно позвонил по телефону в восемь утра Лиле. Точнее — Лилии Михайловне Вяземской, младшему научному сотруднику своей лаборатории.

После продолжительных гудков трубка телефона, наконец, была снята, и Ситников услышал заспанный женский голос:

— Алло... Слушаю вас...

— Лилечка, это я, Иван Петрович... Не разбудил тебя?

— Вообще-то сегодня суббота, к вашему сведению, уважаемый профессор, — и в трубке явственно прошуршал сладкий зевок. — Но ничего. Я всегда рада вас видеть и слышать, тем более что, несмотря на ваши научные ночные бдения, продолжаю фатально проживать на вашей даче, не особо терзая себя глупыми вопросами, где вы пропадаете по ночам... Надеюсь, вы звоните с работы, а не от любовницы?

— Из лаборатории. Только что закончил опыт. Представляешь, мне удалось значительно ускорить клонирование, соединить две клетки...

— Ты, наверное, на небе от счастья? Сколько времени бился над этим — и добился все-таки своего... Молодчина, Ванечка! — хохотнула Вяземская.

— Лилия, это следует отметить! Как ты смотришь на это?

— Резко положительно... Без задержки приезжай-ка домой, товарищ профессор... По пути купи на рынке свиную вырезку — зажарим сегодня шашлычок, попаримся в баньке...

— С удовольствием... Скоро буду. — Иван Петрович положил телефонную трубку. Еще раз открыл инкубатор и проверил температурный режим. Пока все в эксперименте развивалось штатно.

Своим ключом Ситников закрыл замок в двери лаборатории, опечатал ее. По тускло освещенной лестнице поднялся на первый этаж, в холл, к вахтерке. У выхода распрощался с дежурным сторожем, который, как всегда, дожевывал свой громадный гамбургер.

Нынешний сентябрь выдался просто удивительно красивым. За месяц — почти ни одного дождя, сушь, теплынь. Разноцветные желтые, коричневые пожухлые ли-

стья, медленно кружась, падали на тротуар с увядающих деревьев под ноги редким прохожим. Уже вставшее солнце розовело на востоке, даря свое последнее тепло.

Иван Петрович зашел в мясной отдел рынка, выбрал аппетитный кусок свиной мякоти для шашлыка. В винной лавке купил бутылочку молдавского коньяка, и спустя минут сорок его старый «жигуль», повиляв по проселочной дороге, посыпанной гравием, остановился возле ворот местами покосившегося деревянного забора, окружавшего старый сад, в глубине которого виднелся двухэтажный кирпичный дом.

Не очень большой, но и не маленький. В этом доме, доставшемся профессору в наследство от покойных родителей, и проживала сейчас со своей девятилетней дочерью Катей совместно с ним Лилия Михайловна Вяземская — тридцатитрехлетняя вдова бывшего ведущего конструктора одного из оборонных предприятий Приокска.

Она овдовела три года тому назад, когда ее муж погиб в автомобильной катастрофе. С Иваном Петровичем они сошлись как-то легко и быстро, через месяц после того, как Вяземская устроилась на работу в НИИ.

Ситников вышел из машины, развел по сторонам скрипучие створки деревянных ворот, ведущих за ограду усадьбы, припарковал автомобиль во дворе.

Сизый густой туман хлопьями клубился возле дома, цепляясь за стволы садовых деревьев, ватно облепив контуры деревянной русской бани в дальнем углу дачного участка, ближе к берегу речки, заросшему густыми ивами и березками.

— Ну, как вы тут живете-можете?! — весело спросил Ситников, снимая на веранде обувь, верхнюю одежду.

В проеме двери, ведущей на кухню, показалась высокая, дородная, но статная, красивая русской красотой русоволосая женщина в наброшенном на плечи ситцевом халатике.

Ее очаровательное, немного помятое после сна продолговатое лицо с правильными чертами, с выразительными серыми глазами открыто улыбалось:

— Ой, Ванечка, проходи, милый...

Лилия Михайловна забрала из рук Ситникова пакеты с продуктами и напитками, прислонилась к нему, тепло коснувшись своими влажными пухловатыми губами его губ.

На кухне было тепло. Жар исходил от протопленной, видимо, еще вчера русской печи.

— Хочешь чаю? — засутилась хозяйка, выставляя на стол вазу с печеньем, перламутровые синеватые чашки и блюда.

— Нет, не хочу чаю... Тебя хочу. — Ситников обнял подругу за тугие бедра, еще раз поцеловал в чуть-чуть липкие губы, ощутив под легким халатиком набухшие, с затвердевающими сосками, высокие груди.

— Катюша еще спит... Так что давай поднимемся в спальню тихонько, чтобы не разбудить ребенка...

Они осторожно пробрались по деревянной лестнице в одну из трех спален на втором этаже.

Разобранная постель показалась Ивану Петровичу еще теплой от не успевшего улетучиться женского тепла. Быстро сбросив одежду, он прижался всем телом к Лиле.

— Подожди, не спеши... Давай понежимся немного, — шептала женщина, прикасаясь к его ногам своими горячими бедрами, животом.

Он не спешил, зная, что впереди ждет радостное и светлое погружение в самую приятную из всех женщин на свете. И в конце настанет момент, когда покажется, что солнечный свет брызнул из глаз, заливая все вокруг негой и теплом...

Ближе к вечеру они протопили баню и пошли вместе в парную, благо Катюша в это время с интересом просматривала очередной мультфильм по телевизору.

Сидя рядом под потолком раскопчегаренной до ста градусов парилки, уже облепленные влажными березовыми листьями от веников, они с удовольствием вдыхали терпкий банный дух, испытывая истинное блаженство и расслабление.

— Ты, знаешь, Лиля, я ведь сегодня не просто убедился, как можно ускорить клонирование, над чем я официально тружусь как сотрудник НИИ под мудрым руководством Коргеняна и Рахмилевича... Я сумел сегодня сотворить другое — то, о чем так много лет размышлял и мечтал... — делился наболевшим Иван Петрович.

Вяземская игриво провела ладошкой по его бедру:

— О чем же мечтал и размышлял наш великий ученый современности?

— Вчера ночью мне впервые в мире удалось осуществить казавшееся невозможным — оплодотворить женскую яйцеклетку клеткой кота...

Заметив, что при этих словах Ситников посерьезнел, Лилия Михайловна тоже нахмурилась:

— Постой-ка, но ты рассказывал кому-нибудь о своем эксперименте?

— Нет, конечно. Ни Коргиняну же с Рахмилевичем говорить о таких вещах... Речь идет об открытии, которое сможет перевернуть слишком многое в нашем мире... К тому же оно мной пока даже не запатентовано... А эти жлобы — Леня с Шагеном, если узнают, — сразу сообразят, что можно наварить бешеную кучу денег, а возможные последствия такого бизнеса их вообще не интересуют... Так что им об открытии я не скажу ни слова... Но нужны деньги, и немалые, для продолжения исследований...

— Подожди-ка, а в качестве донорских клеток для эксперимента ты использовал чьи клетки?

— Яйцеклетка — та, что я брал от тебя, а другая клетка — от Васьки...

— Интересно, что же может получиться от скрещивания меня с твоим милым Васей? Да и кто это будет — женщина-кот или кошка-человек?

— А может, кот с женской головой?!.. — хохотнул Иван Петрович, полуобняв Вяземскую.

— Шутки шутками, но это нужно будет где-то содержать и прятать до поры до времени, — размышляла Лилия Михайловна. — Наверное, здесь, на даче?

— Ой, Лилечка, пока не знаю... Посмотрим, что из этого получится... И получится ли вообще что-нибудь путное... А там — видно будет... В понедельник с утра пойду на поклон к Коргеняну — пусть просит у Рахмилевича деньги на развитие эксперимента... Нужно покупать дополнительное оборудование, без этого тему не поднять... А у Рахмилевича с его заокеанскими связями денег куры не клюют. И я чувствую, что он может заинтересоваться моей разработкой... Так что придется обращаться к нему... Больше некуда...

— Да уж, с кем только не приходится иметь дело... Этот Шаген Игишарович меня уже замучил своими вечными сальными домогательствами...

— Он что приставал к тебе?! — встрепенулся Ситников. — Я разберусь с этим дерьмом!

— Успокойся, Ваня, не горячись. Ты же знаешь — он не пропускает мимо ни одной юбки, старый ловелас... Но я ему дала достойный отпор...

— Какой же?

— Он попробовал меня лапать у себя в кабинете — так я ему так заехала по рожу, что он чуть было не упал со стула! — засмеялась Вяземская. — Видел бы ты его бешеный взгляд после этого!

— Вот, паскуда!.. Не пойду я к нему в понедельник... Или пойду — набью ему морду и швырну заявление об увольнении...

— Ты не сделаешь этого... Завтра пойдешь и попросишь о финансировании... Ты

же у меня гениальный русский мужик... Сейчас главное — довести работу до конца... И не засветиться насчет непорочного зачатия человеко-зверей до поры до времени... А дальше видно будет...

— Ложись-ка на полоч, я тебя веничком похлопаю, — согласился Ситников. — Представляешь, я ж с этим Леней Рахмилевичем на одном курсе учился. Он ничем не выделялся, да и в науке не блистал... Но сумел выбиться в люди благодаря своим родственным связям с покойным ректором и родне в США... А сейчас посмотри — все под себя подмял: создал крупнейшую сеть аптек, открыл НИИ, контролирует крупнейший банк, главврачи всех приокских больниц под ним ходят — всех купил...

— А что творится в этих больницах: с подачи Рахмилевича, без согласия больных, на них испытывают новые неапробированные лекарственные препараты... Сколько уже было случаев, что пациенты после этого становились неизлечимыми инвалидами, бывали случаи и скоропостижной смерти...

— Да уж... И все замяли... Чего ж ты хочешь: родственник и однофамилец Коргеняна — первый заместитель прокурора области. Говорят, не успевает пришивать все новые карманы для размещения взяток...

— И вот такие люди правят бал в нашей сегодняшней действительности, — горько согласилась Лилия Михайловна, переворачиваясь на полке с живота на спину под хлесткими ударами веником. — Ну ладно, милый, достаточно. Пойдем обдадимся водой в моечной. Что-то у меня уже кружится голова... Да и Катя там одна в доме осталась...

— Так мы же закрыли на замок входную дверь...

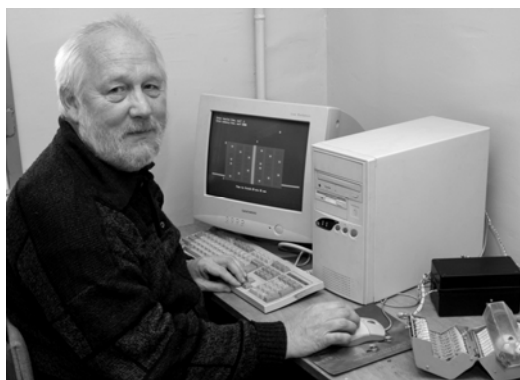
— Мало ли чего... Все-таки маленькая она еще... Пора заканчивать баню...

ПРОЗА: ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Алексей Яшин
(г. Тула)

ВТОРАЯ ДРЕВНЕЙШАЯ*

*О, на что только ты не толкаешь
Алчные души людей, проклятая
золота жажда!*

Вергилий «Энеида», кн. III

Миша Афремский хорошо отметил с однокашниками окончание журфака МГУ. Родная его тетка Елизавета, сестра матери, у которой Миша жил все годы учебы, при всей ее терпимости, даже слегка побранила племянша, вернувшегося после трехсуточного загула. Впрочем, ругала-укоряла для проформы и памятуя чувство ответственности, ибо хорошо знала его компанию, ребят и девушек, по нынешним временам почти что агнцев небесных. А потом Михаил утром, днем и ближе к одиннадцати вечера аккуратно докладывал о себе по телефону. Голос его и узнаваемые теноры, дисканты и фальцеты приятелей и приятельниц успокаивали Елизавету Филипповну. Она же раз в день докладывала по междугороднему сестре в Т.: «Миша отдыхает с друзьями. Скоро едет домой».

Она даже слегка обижалась: квартира пустая, могли бы и у них собраться! Ей и самой было скучновато: супруг в подмосковном санатории, где он привык отдыхать еще со времен службы в министерстве, а дочь уехала на лето на заработки в Италию — по своей специальности переводчицы. Вот и Миша загулял, бросил ее... А ведь привыкла почти за пять лет к племяннику, жалко расставаться. Елизавета Филипповна вспомнила к случаю: как весело встречала «миллениум» вся Мишина группа у них дома, тогда еще безусыми второкурсниками. Благо квартира, полученная мужем еще в бытность зав. отделом главка, позволяла по своим размерам и обстановке; хотя не новомодного евродизайна, но хорошего вкуса эпохи позднего Брежнева: румынская супружеская спальня, чешский сервант, польская стенка... кухня тоже не сборная солянка. А после смерти матери четвертая комната считалась гостевой, в основном, для Т-их родственников, часто наезжавших. В ней и Миша квартировал. Племянник у нее почему-то ассоциировался, воспринимался душой как внук. Может

* Журнальный вариант.

потому, что она и сестру свою, моложе почти на пятнадцать лет, понимала очень долго дочерью. Воспитывала ее до переезда в Москву: супруг на повышение пошел из промышленного отдела обкома партии.

Елизавета Филипповна вздохнула, но долго не могла заснуть после вечернего звонка племянника. Было грустновато, но как-то светло, без слез. Вот и Миша в жизни почти что определился! Не сбился с пути в это сумасшедшее время...

♦ Три дня гульбы даже на осторожном по воспитанию Мишеле, как привычно звали его в школе и в университете, сказались.

*Я думала, ты в обществе, с друзьями,
А ты один, больной, в плену тоски.
И у тебя, я вижу, под глазами
Следы ночной бессонницы, мешки.*

Этими строками из «Марии Стюарт» Юлиуша Словацкого, лукаво усмехаясь, пробудила его ранним утром тетка Елизавета, до выхода на пенсию преподававшая литературу в платном лицее с гуманитарным уклоном и контингентом, в основном, из дочерей столичных нуворишей того среднего ранга, у которых денег на лондонский колледж еще не хватает, а учить детей в обычной школе уже стремно.

...Строки давнего польского поэта застряли в голове Мишеля и периодически всплывали в слегка тяжелой голове весь быстрый (но не для него, несчастного) двух-часовой бег коммерческого автобуса от Домодедовской до родной Т.

Все же Мишель старался — и не без успеха — привести в порядок свои мысли перед решающим шагом, который предстояло свершить не далее как завтрашним днем. Мысли эти имели две примерно равные, но антагонистические составляющие: условно пессимистическую и не менее условно оптимистическую.

Первая из них собственно от Мишеля не зависела, ибо все мы не в силах выбирать родителей — за исключением, как зло шутили журфаковцы, наших выдающихся демократов: можно сегодня называть себя потомственной самурайкой, а завтра, например, перед выборами — потомственной псковской крестьянкой. А вдова почтенного академика в пору наибольшей публичной активности даже путалась в идентификации своей ближневосточной личности, называя себя то грузинской, то армянской княжной...

Так вот, Мишелю определенно не повезло с родителями в этой стране и в это время. Опоздал он родиться лет на двадцать-тридцать. Вот тогда был бы он сыном подающего надежды доцента, племянником министерского дядьки, выпускником престижнейшего вуза с ясной перспективой не менее престижной в то время журналистской карьеры: годик-другой работы в родном городе, потом прыжок в столицу, загранпоездки, вальяжная жизнь человека свободной профессии... По тем временам все замечательно.

Мишель подозревал автобусную буфетчицу, во рту заметно ссохлось. С неудовольствием глотая тепловатую «пепси», он продолжил пессимистическую тему.

♦ Но ведь иные времена, в духе которых Мишель рос и воспитывался, почитай с детсадовского пребывания? Иные потребности, другие цены, другие возможности... А в эти времена, как учили классики и основоположники, которых изучали Мишины родители, все или почти все зависело от родителей. Как говорится, где родился, там и пригодился. Увы.

Но главный негатив в другом: не родился он троюродным племянником кого-либо из тех великих, что в начале девяностых раздавали родичам нефтяные промыс-

лы, авиакомпании, металлургические гиганты. А родился он от своего отца со старорежимным увлечением совершенно невероятной наукой — физикой металлов. Из-за этой странной физики даже женился уже за тридцать лет. А сейчас, когда в стране половина населения торгует, половина ворует, все носится с докторской диссертацией за несколько лет до пенсии.

Хорошо хоть мать, красивая и бодрая в свои сорок пять лет, вовремя смекнула получить второе образование, экономическое естественно, работает главбухом в устойчивой фирме — что-то из остатков отечественной промышленности за бугор гонят — и кормит всю семью.

Итог в общем-то невесел: родители не те, воспитание слишком интеллигентное, характер несколько мягковат и так далее. А жизнь неумолимо диктует, орет взбесившимся телеящиком, строками желтой прессы: без денег ты — дурак. Купи и продай... лучше продай мать родную. Про родину уже никто и не вспоминает: трижды как продана.

Мишель обо всем этом рассуждал без эмоций, как истинное дитя своего времени и места. Ни зависти, ни горечи особой, ни оптимизма, ни сколь-либо выраженного пессимизма; просто констатировал. Эпоха роботов.

Суммировать позитивные моменты новой жизни он не успел: автобус на рысях вкатился в родной город, где частые торможения на светофорах, рывки и толчки, постоянно освобождающие салон пассажиры мешали сосредоточиться.

Главное же — хоть место работы по специальности гарантировано. Потому и уехал из Москвы так скоро, особо не разгулявшись. Место могли занять.

♦ Действительно, с местом этим следовало торопиться, упустить — себе дорожке обойдется. Дело в том, что Мишель, хотя и типичное порождение эпохи «часа волка», но в чем-то он унаследовал от папани толику старорежимного идеализма. Поэтому, учась на журфаке, особенно на старших курсах, совершил глупость. Нет бы, как большинство однокашников, все практики, в том числе и преддипломную, проходить в скандально известных центральных и многотиражных газетах, рупорах демократии и рыночных реформ, набить руку, обзавестись полезными знакомствами среди журналист и редакционной братии... Нет же, поддался на уговоры отца, что де у желтой прессы век короток, а вот реноме научного журналиста высоко ценится даже на Западе. Хорошо хоть ума хватило не сунуться по наущению образованного Афремского-старшего в узкоспециальный академический журнал по физике металлов! Вот бы смеху на журфаке было?

К моменту первой серьезной редакционной практики в Москве начал выходить толстый и достаточно серьезный журнал, задуманный по типу дореволюционных историко-политических и литературно-публицистических изданий — от пушкинского «Современника», «Северных цветов» и «Московского телеграфа» до «Вестника Европы» и «Русского инвалида» — и предназначенный для научной и педагогической интеллигенции, не перешедшей случайно в «челноки».

Самое существенное — солидную финансовую базу журналу организовал создатель его, один из столпов раннедемократической эпохи, кстати, внук Каменева и внучатый племянник аж самого иудушки Троцкого... В советское время этот двойной внук ректорствовал в крохотном, но узкопрестижном столичном институте гуманитарного толка, а к началу второго великого передела собственности в новой России развернул по всей стране — от Калининграда до Владивостока — гигантскую сеть коммерческих вузов с торгово-воровской и криминально-юридической специализацией. Теперь ему, как эстету и снобу, понадобился солидный рупор печати.

Мишеля поразил роскошью и научной солидностью первый номер нового журнала. Семен Евгеньевич выбор одобрил и позвонил кой-кому из московских знако-

мых и дальних родственников в ученом мире. Те и порекомендовали второкурсника. В этой же редакции Мишель делал дипломную работу по теме *«Легенды и предания в обработке Мартина Бубера в эмигрантской русской публицистике 1920–30-х годов»*. Защита диплома на журфаке прошла блестяще, сам декан выступил с похвальным словом, а в родном журнале напечатали выдержки из исследования. Кафедра научной журналистики (так ее на журфаке именовали для простоты понятия) рекомендовала Мишеля в аспирантуру. Но здесь даже Семен Евгеньевич засомневался: не то время, перебор будет...

К окончанию МГУ Мишель запоздало сообразил, что сейчас работать в толстом журнале, даже элитном, могут только скучающие дочери миллионеров, отчаянно некрасивые, которым не могут помочь выйти замуж даже папины евры и баксы. Опять же Мишель реально оценивал ситуацию: для Москвы он не тянет. Надо начинать с родной провинции, а тут и случай подвернулся.

♦ Наутро после приезда и обеда в кругу семьи с шампанским за обмывку диплома, проспав почти двенадцать часов, Мишель наконец-то отошел от суеты последних дней. Раннее летнее утро приятно освежало, время в запасе имелось, и Мишель продолжения удовольствия для неспешно пошел в редакцию «Юного ленинца» через центральный городской парк. Да оно и по пути: комплекс издательских зданий, где помещалась редакция, и дом Мишеля на углу Краснознаменной и Октябрьского проспекта, что в самом центре города, как раз и располагались с южной и северной сторон парка соответственно. Парк являлся гордостью и визитной карточкой вообще-то безалаберного по архитектуре и всему прочему старого провинциального города. После пробензиненной в зените лета столицы этот солидный кусок центра города казался курортной зоной. Вчера, оговаривая с сыном последние штрихи ответственного визита, Семен Евгеньевич все-таки попенял сыну, променявшему научную журналистику на желтую прессу. К случаю процитировал из взятого накануне в университетской библиотеке академического журнала из статьи, посвященной борьбе российских академиков с лженаукой, слова телевизионного профессора Сергея Капицы *: *«Думаю, что если когда-нибудь будет суд над нашей эпохой, то СМИ будут отнесены к преступным организациям, ибо то, что они делают с общественным сознанием и в нашей стране, и во многих других странах, иначе квалифицировать нельзя»*.

Мишель, превозмогая воспитанную вежливость в отношении к родителям, все же рассмеялся с оттенком приобретенного в столице цинизма:

— Новый Нюрнберг уважаемые академики предвещают? Напрасно. Команду Гитлера судили, как сам прекрасно понимаешь, западники. Сталин бы их просто расстрелял. А сейчас и в России, да и почти во всеми мире, кроме азиатского мусульманского и китайского, кто заправляет? Не будет, папá, нового Нюрнберга, его величество Бакс и великий князь Евро не позволят!

Впрочем, сам Мишель умело отвел беседу от щекотливой темы...

А вспомнил этот эпизод вчерашнего дня Мишель в прямой связи с визитом в редакцию: в какой степени позволительности будет откровенность предстоящей беседы? Так ничего и не решив для себя, Мишель мерно пошагал по самой дальней боковой аллее обочь каскада прудов.

♦ От советской власти городу, как и любому другому областному центру, достались две газеты: бывший обкомовский «Ленинец» и бывший же комсомольский «Юный ленинец». Еще каждый район области имел свою малоформатку, а крупные

* Коль скоро упоминается конкретное лицо, то приведем ссылку на источник: журнал «Вестник Российской академии наук», 2004, Т. 74, № 1. С. 20.

заводы-фабрики, НИИ и КБ (а мелких тогда не было), оба городских вуза выпускали для своих нужд многотиражки. Больше и не требовалось, как мы все сейчас убедились...

После лихой танковой атаки на Дом Советов на Краснопресненской «Ленинец» как-то тихо увял и вовсе исчез, поскольку редакционные ортодоксы не сумели скоренько разобраться в обстановке и потеряли читателя, устремившегося в своей массе к демократическим ценностям.

Иное дело с младшим братом бывшего органа обкома КПСС. Хотя какие-то десятилетия с небольшим лет отделяют нас от тех славных времен первоначального накопления через разграбление, а уже кажутся далекой историей: ведь время-то наступило динамичное, год за пять старорежимных, умиротворенных считается! Поэтому не грех и напомнить, что первыми в схватку ринулись профессиональные комсомольцы из райкомов и обкомов, ведь жива в них память о Павке Корчагине, ударных пятилетках, БАМе и иных всесоюзных комсомольских стройках века! С унаследованной неистовостью бросились они открывать первые в городе публичные дома под видом досуговых клубов, ставить на попа в людных местах ларьки-сникерсные, по-крупному играть на новомодных товарно-сырьевых биржах, собирать с доверчивого, но жадного на дармовые проценты народа мешки денег в вырастающих чуть не каждый день «пирамидах»...

Но самая горячая пора пришла с чубайсовыми ваучерами и повальной прихвятизацией. Дошло дело и до СМИ. Еще до ГКЧП главный редактор, выходец из обкома ВЛКСМ, двадцатисемилетний Сергей Горбунков мигом переориентировал бывший комсомольский орган на свежее восприятие действительности, взяв за идеал-ориентир гремевший в те годы «Московский сексомолец». Теперь же шеф-редактор издательской фирмы «Юный ленинец» Сергей Анатольевич Горбунков, недавно отменивший свое сорокалетие, владел самой тиражной газетой города, далеко опережая два-три десятка других газет и газетенки.

Правда, ближе к дефолту бывший его заместитель, с которым Сергей Анатольевич вусмерть рассорился по финансовым делам, нашел солидного инвестора с боевым прошлым, которому срочно нужно было отмыть крупную сумму, и основал бульварную многостраничную, в цвете, газету «Толковище» — с ударением на предпоследнем слоге.

Хозяин пухлой газеты не пожалел денег и нанял опытных консультантов по *VIP* и *PR* в СМИ, создавших великолепный имидж новому изданию. Теперь уже передовой «Юный ленинец» казался едва не ретроградом по сравнению с нахальным «Толковищем». По всему городу стояли рекламные щиты с девизом на фоне пляшущих канкан красоток: *«У нас читают «Толковище» — не нужна иная пища!»*.

Началась затяжная война между ведущими городскими — и областными — рупорами демократии — война за массового читателя, что всегда сопряжено с непроизводительными затратами финансов. Бензину в огонь подлили наглые журналюги и даже технические работники обеих газет: требуя прибавки к жалованью, они чуть что угрожали перейти к конкуренту.

Первым опомнился более умный Сергей Горбунков и обратился за третьей помощи к местному авторитету Щекастому, курировавшему в бандитском раскладе города СМИ и учреждения культуры с образованием и слышшему интеллигентом: в свое время окончил ПТУ и два курса приборостроительного техникума... На исторической стрелке был забит меморандум о разделе сфер влияния. Суть его состояла в следующем.

Статус «Юного ленинца» относился к условно интеллектуальному, а его бывшего конкурента — к условно народному. То есть «ЮЛ» (к такой аббревиатуре было сведено название газеты — дабы не упоминать имени Вождя) предназначался для

идиотов и просто малоумных с высшим образованием, преподавателей вузов, студентов, бывших инженеров, учителей, клерков частных фирм, милиции... нет, милиция вообще газет не читает.

«Толковище» же адресовалось всем остальным, то есть женщинам — независимо от образования и возраста, лавочникам, школьникам, безработным, пенсионерам, грамотным бандитам, мелким служащим частных фирм, проституткам и прочая, прочая.

В «Юльке» — это уже популярное прозвище — брали профессионализмом сотрудников, а в «Толковище» — рекламой и пестротой охвата самых обыденных сторон народной жизни. Впрочем, тематика обоих изданий была выражено демократической, антисоветской и, вообще-то говоря, сходной. Но подавалась с учетом умственного развития (а может, и неразвития?) потенциальных читателей, начатков воспитания и образования. Преобладали секс и баксы, а также выраженная оппозиция к губернской и городской властям — область входила в «красный пояс».

Взять пресловутый секс, то есть б...во, говоря по-русски. «Толковище» имело постоянную двухполосную рубрику «Секс в небольшом городе». В сегодняшнем номере, например, корреспондентка с псевдонимом Груня Трахбальская подробно объясняла, что регулярно делать минет — значит крепить семью. А в следующем выпуске газеты некто под болгарской фамилией Стоян Кривосуев доверительно сообщал, что некоторые т-ие девушки ведут интимные дневники, попутно делалась похвала столь грамотным девушкам, подробно записывая антропометрические и физиологические характеристики своих многочисленных партнеров; здесь пальму первенства держали южане и начинающие молодые наркоманы.

А вот интеллигентная «Юлька» время от времени разрожалась большой статьей о быте польских публичных домов с русской охраной и посетителями из торговых чеченов. Живописные картины в статье завершались аналитическим обобщением.

Свою специфику в «Юльке» и «Толковище» имели и публикации на тему баксов и губернской политики.

Именно в «Юльку» и шел задумчивый Мишель.

♦ Денис Самойлович Шамордин, заведующий главнейшим в «Юном ленинце» отделом политхроники и публицистики, тоже шел на работу пешком, но не по парку, а по тротуару Октябрьского проспекта. Был он слегка недоволен, но это не хроническое стариковское утреннее раздражение, нет, только что разменяв седьмой десяток, Сэмыч, как его за глаза звала вся редакция и полгорода впридачу, ощущал себя если не кандидатом в отряд космонавтов, то уж во всяком случае играющим тренером в лаун-теннисе.

Да, собственно говоря, не недовольство огорчало Дениса Самойловича, а понятное раздражение, когда хоть на йоту меняется содержание размеренной, установившейся жизни... а вот это уже из комплексов шестидесятилетних. Опять же не прошло негодование — это при его толерантном характере — от истории двухнедельной давности. Привыкнув к отечественным реалиям, он и не подозревал, что у самостийных соседей ситуация еще более клиническая. А все дело в почте.

Полмесяца назад проездом из Москвы в родной Харьков остановился у него на денек двоюродный племянник, мелкий коммерсант. По опыту зная, что почта между Россией и Украиной работает из рук вон плохо, Денис Самойлович и попросил Илью прихватить несколько экземпляров только что вышедшей в Т. его публицистической книги «Перестройка глазами провинциала» и уже из Харькова выслать в Запорожье тамошним родственникам.

С тем большим изумлением и негодованием услышал он через несколько дней в телефонном звонке от Ильи, что незалежная почта имеет указание не брать к пере-

сылке печатную продукцию, «дрюкованную в Рссиянии», без особого на то разрешения. А кто должен разрешать — этого почтарки не ведали... должно быть, папа Римский. Поначалу Денис Самойлович подумал: Илья пьян и плохо шутит, но тот его разубедил. Тьфу! Немного успокоился, когда Илья пообещал со временем доставить книги в Запорожье, коли случится оказия по коммерческой деятельности.

А вот сегодняшнее мелкое раздражение — от предстоящего разговора с сыном доцента Афремского из технического университета, или как там он сейчас называется, после серии переименований? Отказать милейшему Семену Евгеньевичу нельзя. Во-первых, везде надо иметь полезных и обязанных знакомых... А во-вторых и последних, ему действительно нужен был расторопный и бойкий на перо собкор взамен перебежавшего в губернский официоз Витьки Толмачева — на место заведомо; в деньгах Витька проигрывал, но собирался делать политическую карьеру.

Но все одно, нужно будет долго вводить в курс дела желторотого выпускника журфака, выбивать из юной головы всякие высокие штили, словом, натаскивать для большой охоты. Уже свернув в переулок, упирающийся в здание-башню редакции, Денис Самойлович отошел, даже почувствовал интерес к новому знакомству.

Кстати, он свысока смотрел на своего главного редакционного конкурента, заведомо бизнеса и предпринимательства Рогальского, имевшего нетрадиционную половую ориентацию и даже, по слухам, в молодые годы привлекавшегося по редко используемой статье о мужеложестве. До отсидки, правда, не дошло...

◆ — А-а, Миша! Заходи, дорогой, заходи. Вот молодец Семен Евгеньевич, истинно сказано: вовремя позвонить в нужное место хорошему знакомому!

Денис Самойлович поднялся с кресла, обогнул продолговатый совещательный стол, дружески похлопал по плечам Мишеля.

— Присаживайся, дорогой, а я вот насупротив тебя умоощусь, побеседуем...

— Я вас от дел не отрываю, Денис Самойлович?

— Ка-а-кие дела? Сейчас летняя засуха, в отделе с утра я сам-один; кто в отпусках, кто под видом служебного задания бездельничает, а иной просто и честно хронически на час-другой опаздывает. Да и кому в такую распрекрасную погоду нашу газетенку читать? Даже пенсионеры разбрелись по своим плодоовощным дачкам. Бизнесментеры — эти все на Канарах, вузовские и школьные педагоги законно два месяца отдыхают от «полоумных» студизусов и школяров. А все остальные в «Толковище» про пляжный секс читают и конспектируют... Ну, как там первопрестольная новобуржуазная? Как журфак, Ясен-то еще бодрячком?

— Вы знаете его?

— А кто же его не знает, кто в последние сорок лет в МГУ учился, на журфаке тем более. Такое впечатление, что он был деканом со времен Елизаветы-царицы, со времен основания... Как это у нас пели на междусобойчиках: «Я спросил у Ясена: где-е-е моя стипендия?» Да-да, когда этот фильм на экраны вышел, еще ездил экзамены сдавать; я ведь на заочном учился. По первому образованию учитель истории, местный пед окончил.

— Поют так же, Денис Самойлович, правда, слово «стипендия» уже со смехом распевается...

— Да-а, растет благосостояние трудящихся, растет как хрен, в глубину земли. Ну да хватит о грустном. Нам, старикам, есть о чем вспомнить, а молодым, как говорится, всегда дорога есть, главное, маршрут верно выбрать, багажа предрассудков меньше взять и — вперед к победе капитализма! Ха-ха! Да, давай-ка без официальных, а то пока ты тщательно имя-отчество выговариваешь, за день рабочий с полчаса набегит. Наши все меня шефом кличут, за глаза Сэмычем, а из других отделов и служб — каждый в силу своей ущербности или воспитания, что, впрочем, одно и то

же. Родители говорили: я неделю назад в гостях вашего дома был, Семен Евсеевич любезно пригласил. Редкой души человек! Ученый выдающийся. Жаль, редко встречаемся, суэта эта мелкотравчатая нашего брата журналюгу заедает. Но матушкой твоей воистину восхищен: настоящая русская красавица, умна, деятельна! С такими родителями, Миша, и от тебя многого ожидаю. Вот что, мне к главному на планерку сейчас, а ты пока дуй в отдел кадров оформляться; я уже звякнул туда. Да, черкани заявление, я продиктую и завизирую. Далее на сегодня свободен, все равно мне к полудню на презентацию какой-то дури в Выставочный зал нужно по обязательке. А завтра с утра — как штык!

♦ Началась этим теплым, ласковым летом трудовая деятельность Мишеля. Сэмыч бросал его для приучки в самые затхлые места: дескать, научить сначала из г... конфектку делать, а из высших материй и дурак гешефт соорудит!

Но у Дениса Самойловича, матерой акулы пера провинциального рóзлива, была своя школа ускоренного натаскивания. Помимо обычных, служебных замечаний, кратких поучений, ремарок и отчетов испытуемого, Сэмыч с новыми сотрудниками в первые месяц-два проводил регулярные сам-двое дидактические беседы.

Свыше десятка новобранцев, со временем — если не спивались — стали матерыми журналогами. Беседы с Мишелем Сэмыч проводил по пятницам после официального окончания рабочего дня. День этот выбирался и из чисто психологических соображений: день начала отдохновения от пятидневной гонки. Дело в том, что «Юлька» выходила с понедельника по четверг в классическом черно-белом четырехполосном формате, а в завершающую пятницу, как и конкурентное «Токовище», на прилавки киосков «Роспечати» и пресловутых оранжевых ларьков «КП», сваренных из танковой брони, выбрасывался «Юный ленинец» в цвете и на сорока страницах среднего формата. В пятничный выпуск сливалась вся чушь, не включенная в черно-белую «Юльку», подробная телепрограмма и откровенно заказные статьи от местных воротил бизнеса и демократической политопозиции.

Поэтому, свалив пятничного монстра и заверстав базовый материал на понедельник, редакция пустела на два дня. «И нашим и вашим выходные!» — подшучивали в ближней пивной заскочившие туда по причине *уик энда* соборы Генка Смирнов и Макс Гольдштейн.

Мишель, пожелав приятного отдыха коллегам Генке и Макс, плелся в свой кабинетик, доставший от предшественника, перебежавшего в губернский официоз, навел порядок на рабочем столе, так воспитан отцом-педантом, без интереса тыкал по клавишам компьютера, наугад листая страницы интернета.

Где-то ближе к шести в дверь заглядывал шеф отдела и делал отмашку пухловатой ладошкой. Мишель выключал комп и шел вослед Сэмычу, но не в его кабинет, а в торец этажного коридора, где оба и располагались на широком подоконнике.

— Понимаешь, Мишаня, — объяснил Сэмыч в первую пятничную беседу озадаченному столь неформальным местом наставничества сотруднику, — оно, конечно, мы сейчас и на хрен никому не нужны, будут еще тратиться на подслушку в нашей шарашке! Но я старого закала журналюга, поэтому у меня уже идеосинкрзия на приватные беседы в служебных кабинетах и тому подобных местах. Уж извини, зад не отсидишь.

♦ Первую пятничную беседу Денис Самойлович педагогично начал с разбора очерка Мишеля, опубликованного в сегодняшнем же «цветном» номере. Собственно педагогичным явилось только начало; Сэмыч похвалил подопечного за «обстоятельный разбор темы и широту охвата проблемы века в скромном объеме газетной пуб-

ликации». Мишель не успел даже порозоветь от похвалы, как шеф беззлобно матюгнулся и устроил настоящий разбор-нагоняй:

— Мишаня! Ты для кого изводил бумагу и чернила?..

— Денис Самойлович, я на компе набирал, так что...

— Молчи! Он еще и иронизирует!

Сэмыч внимательно посмотрел на Мишаню, лицо которого от начальной розовости переходило в красноту досады.

— Смысл же моего тебе вразумления в том, что надо закрывать себе рукой глаза на реальный мир, когда то требуется, оставляя только щелочку: видеть частичку мира, желательно искаженного.

Для кого выпускается наша газета? — Для среднестатистического обывателя со средним и высшим образованием, оболваненного телящиком, сбитого с толку уродством последних пятнадцати лет нашего прозябания. По уровню мышления, то есть его отсутствию, этот наш читатель уже вплотную приблизился к обывателю западному, более того — американскому, то есть полному идиоту во всем, что не касается баб, баксов, жратвы и самодвижущейся жестяной коробки. А если он еще и работает, а не пьянствует на пособие для негров или вэлфер* для латиносов, то в круг его интересов входят две-три механические операции на конвейере или по заворачиванию гамбургеров...

Зачем, Мишаня, метать бисер? Понятно, тебе хотелось из шкуры вылезти, по показать свою журфаковскую квалификацию и начитанность. Тем более, что тема злободневная: снижение рождаемости в современной России. Но зачем вместо всем понятного сожительства употреблять «конкубинат» — слово из медицинской энциклопедии?

— Так сейчас повальное увлечение кроссвордами, даже шоферы и проститутки на досуге их чиркают, много новых слов узнают...

— Не перебивай меня. Кстати говоря, раз такой умный, то должен догадаться: засилье кроссвордов и сканвордов — это опять же для окончательной дебилизации масс трудящихся и не очень. Это на американцах давно проверили: разгадывая эти штучки-дрючки, обыватель забивает себе голову отдельными, не связанными друг с другом словами, приучается потому и мыслить бессвязно, что приводит к функциональной неграмотности. То есть человек вроде и читать умеет, но смысл связного текста, речи уже не воспринимает. Только отдельные слова из ограниченного их набора. Как в ширпотребовском компьютере. В Америке таких идиотов уже добрая половина. А наша задача какая? Правильно, догнать и перегнать! Как светлой памяти Никита Сергеевич говаривал...

Но — к теме вернемся. Правильно все, нынешние недоноски жениться не желают, сожительствуют, трахаются в свое удовольствие и детей не рожают. Но как ты это подаешь в очерке? Разводишь целую теорию с экскурсами в дальнюю историю, пишешь о мировых тенденциях, вырождении белой расы, «Зеленую книгу» Муаммара Каддафи и новомодное сочинение Бьюканнена из Штатов о грядущем мировом засилье желтых и негров цитируешь... Зачем пугать на сон грядущий людей?

Наконец, к чему эти неуместные параллели: дескать, даже в насквозь католических Испании и Италии такая же ситуация паскудная с рождаемостью?

— Не понимаю все же, Денис Самойлович, что такого криминального в очерке? Если только негры... политкорректность там всякая.

— Да наплевать нашему доброму полуумку-читателю на политкорректность. В газетах областного ранга эта вольность допускается, я имею в виду политкоррект-

* Пособие для официальных эмигрантов в США.

ность. А вот негры — это наше светлое будущее... шучу, конечно. Здесь надо осторожнее в выражениях. Вот в Воронеже студента черного хлопнули пацаны, да и у нас, помнишь наверное, несколько лет назад здоровенного такого студента из Габона прирезали. Шуму было на всю губернию! Правда, оказалось, никакой он не студент, а нелегалом барменом в кабаке для нуворишей баксы сшибал, первый к нашему парню прицепился... да разве в этом дело. Государство у нас интернациональное, обывателя против черных побуждать никак нельзя.

А мое общее неудовольствие твоим очерком в трех слова такое... Однако, пойдем ко мне в кабинет, попьем кофейку, а потом вернемся на подоконник разлюбезный.

♦— Эх, подоконничек, не одни штаны на нем протер! А, скажу тебе, раньше газеты были интереснее, информативнее, как сейчас говорят. Вот когда передовицы чуть не с лупой по тексту и наоборот прочитаешь — чтобы при обратном чтении случайно не выпало чего аполитичного — несколько раз, так даже пролетарский девиз на всех языках, кроме грузинского и армянского, запомнишь на всю жизнь. Это в центральных изданиях; был у меня эпизод по молодости, в столице работал, да не закрепился...

Но до сих пор от зубов отскакивает: «Барлык елдирдин пролетарлары биригиндер!» Или вот: «Пролетархон хамаи мамалхатхо як шавед!». Это на каких-то азиатских языках. А вот работал у нас давно татарин, потом куда-то делся. Так раз со вчерашнего веселья у себя в кабинетике лист бумаги на стене закрепил, а на нем фломастером написал: «Ленин мыш, Ленин кыш, Ленин тохтамыш!». Хорошо дело ограничилось взысканием в нашей первичке; парторг у нас душевный был, хода дальше не дал. Не помог и русско-татарский словарь, с помощью коего Фиряз доказал, что это точный перевод на татарский девиза: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет вечно жить!».

Отделался весельчак почти пустяком, правда, неделю парторга коньяком после работы поил. Только коньяк этот Вадиму Леонидовичу не в то горло пошел. Вскоро-сти его из парторгов поперли. И только в начале девяностых узнали случайно, что душка Фиряз по линии того самого ведомства трудился у нас кротом смотрящим... Бдительность нашу проверял.

Ну, это к слову. Хотя, как думается старому еврею, редко ошибающемуся, еще год-другой, и у нас партком с медвежьей эмблемой объявится. А вслед за тем потянутся и новые Фирязы. Старик Маркс, даром что сын раввина, как в воду смотрел, переиначивая гегелевскую спираль развития к текущей и долгосрочной политике.

Однако же вернемся к нашим кэмелам-верблюдам.

Искусство журналиста в том и состоит, что, будучи даже сверхумным, он пишет глуповато. Это льстит читателю, который и себя начинает примеривать к мыслящему существу, оставаясь полубезъязыной.

И второй момент: журналист, в отличие от писателя, всегда служит. Кому мы сейчас служим в нашей «Юльке» — это тема отдельной беседы.

Короче говоря и в качестве сегодняшнего резюме: где-то по осени, когда твой очерк уже напрочь вылетит из дубиноголов нашего читательского электората, ты его переведешь на понятный язык и опубликуешь, изменив название. Во-первых, никаких итальянских параллелей. Никаких негров и китайцев, только родные пенаты. О вымирании нации — вполголоса, скороговоркой. Главный мотив: беспредельная свобода выбора, даже грядущего вымирания. Дескать, хочет молодежь без забот о детишках, так за это и сражалась она на баррикадах...

— Извините, Денис Самойлович, какие баррикады? Если только пива выжрали столько, что заслон из пустых ящиков образовался?

— Ха-ха, молодец! Это я так, запортовался, все же четверть века на партсобраниях околесицу нес... Ну, неважно, главное — свобода.

— Как осознанная необходимость,— съязвил Мишель.

Сэмыч шутливо погрозил пальчиком:

— Не расслабляйся. Именно свобода без границ и краев. Со времени французской революции, которая великая, этой свободой миллионам и миллиардам дурней голову морочат... Это как про вора, что шапку украл и кричит: «Держи вора!».

Добрым словом упомяни службу планирования семьи; эти труженники, как мне кажется, зарплату прямо из ЦРУ получают... А в самой Америке Буш-младший эти конторы прихлопнул в первом же своем указе.

А недобрым словом, как бы вскользь, вспомни эпоху тоталитаризма советского, как запрещали коммуняки свободолюбивые аборты, как с холостяков драли налоги за бездетность. А главное — во всем вини батьку усатого. Про нынешних коммунистов из КПРФ не упоминай. Они сейчас в прогаре, им любое упоминание — реклама.

— Кстати, а отец мой партбилет хранит, не выбрасывает. Раза два даже в зюгановскую партию вступить хотел; мать отговаривала.

— А я что? Не храню? Да он у меня в сейфе лежит. Память... а потом, вдруг спираль истории сделает оборот на нашей еще жизни? Такие вещи надо хранить.

Вот собственно и все для первого раза. Толк из тебя получится. Чую это. Пойдем по домам. До Краснознаменной нам по пути, пешочком пройдемся, зайдём в кафешку, что у твоего дома, примем по стопке.

♦ Чем больше набегало пятничных вечеров на опасливом подоконнике, тем больше Мишель восхищался своим шефом, его уверенной педагогической дидактикой, отработанной методикой введения в профессию ангажированного журналиста. Однажды Мишель даже поинтересовался, а не пишет ли Сэмыч долгими зимними вечерами и прохладными ранними летними утрами по заказу некоторого заинтересованного ведомства учебника с грифом «Для служебного пользования»?

Денис Самойлович похвалу принял с кисловатой улыбкой, мол, твоими бы устами, да... Дескать, много таких желающих за солидный гонорар, да не всякому доверят. Но и это все сладкие фантазии, по таким темам учебников не пишут, тут опыт, передаваемый, как в античных философских школах, из уст в уста, из поколения в поколение.

В одной из первых бесед Сэмыч объяснил, как топором вбил, отношение к самой щекотливой теме в газетном деле — к национальной:

— При всех немислимых извивах внутренней и внешней политики, Мишаня, государство наше остается многонациональным. Кстати, хорошо запомни: выражения типа «эта страна», «это государство» негласно позволительны только столичным *VIP*-персонам из числа наиболее именитых политиков, журналистов, телекомментаторов, преимущественно, из числа имеющих двойное, а то и тройное, гражданство. Они уже неприкасаемые, но не в индийском кастовом смысле, а наоборот. Нам же, серым провинциалам, указано использовать только местоимение «наше».

Опять же наименования некоторых национальностей в провинциальных демизданиях к употреблению запрещены. Это опять же прерогатива героев многочисленных капустников на центральном телевидении. Им и позволено рассказывать анекдоты и воспоминания об актерской кухне с прямым текстом. Это, кстати говоря, безусловно выполняет и оппозиционная печать, причем любая: центральная и провинциальная. Им, бедным, вовсе приходится прибегать к эвфемизмам типа «лицо демократической национальности». А прямое наименование — табу, как и в советские добродушные времена.

Итак, пресловутый национальный вопрос. А он у нас короткий выйдет: в газетах типа нашей этот вопрос отсутствует. Мусульмане — переданы центральной печати, благо и их забота: в Москве нынешние ее хозяева поселили миллион бакинских тру-

дящихся. Чечен нам тоже трогать не позволено. Да и опасно это, прирезать могут. Цыгане?... Их трогать тоже нельзя. Почему? Увы, сам понять не могут. С Индией, откуда их выгнали триста лет назад, что ли боятся отношения испортить?

Но вот в похвалу этих инородцев, хоть и умеренную, чтобы народ не перестал нас читать, иногда рекомендуется доброе слово вставить. Мол, чеченский *фермер* (слово-то какое уродское!) бывший колхоз «Заря коммунизма» в образцовое ООО «Аксакал» превратил. Азербайджанцев хорошо к благотворительности подначить. И так далее, благожелательно.

А вот кого ругать позволено даже в провинциальных газетах, особенно когда надо отвлечь внимание трудящихся от очередного кризиса в верхах, дефолта там, международного унижения державы, так это русских фашистов...

— Так это в Москве скинхеды, — невежливо перебил учителя Мишель, — подозрительно хорошо и вовремя организованные и экипированные, а здесь-то где этих виртуальных фашистов отыскать?

— Дадут редакционное задание, так и отыщешь. Кстати, для всех щекотливых тем сооруди себе псевдоним, например, М. Ахромеев. И на свою фамилию похоже, и звучно, патриотично этак! А вообще говоря, старайся отбрезгиваться от этих национальных проблем. Пусть Генка Смирнов изгаляется, он уже насобачился. Пошли по домам!

◆ — Кстати, — ни к селу ни к городу поинтересовался как-то в начале беседы на подоконнике Сэмыч, — а что, наш родной журфак действительно пострадал весной, в марте, ну-у, когда нашего дорогого президента переизбирали всенародно, а под вечер Манеж запылал; пресса не раз упоминала, что пламя и вотчину Ясена Засурского лизало. Ты-то где четырнадцатого марта пребывал?

— Дома пребывал. А на журфаке кой-где стекла полопались со стороны Моховой. А что это вас заинтересовало? Кроме естественного компатриотства...

— Да так. Что-то в голову пришло. «Шумел, гудел пожар московский...». Кстати, о теме исторической сегодня поговорим. Вас-то какой истории на журфаке учили? О школьной не спрашиваю, учебники младшего внука для самообразования почитываю: бред сумасшедшего, учебники кто ни попадя пишет. О Сталинградской битве треть страницы, а главные сражения Второй мировой, оказывается, в Северной Африке и на Гвадалканале происходили — стычки дивизионного масштаба. И так далее. А у вас?

— В демократической ретроспективе с позывами к объективности.

— Ха-ха-ха! Молодец, Мишаня, становишься объективным журналистом с позывом к здоровому цинизму. Хвалю! Кстати, все же память на седьмом десятке хочешь-не-хочешь, а слегка уже начинает зашкаливать. А тут вот к слову пожар московский, сразу пушкинские бакенбарды зримо всплыли. И тут вспомнил: когда беседовали о национальном, так сказать, вопросе, то забыл про один пикантный момент. Обратил, наверное, внимание: когда по телеку или по радио центральному говорят о людях искусства, вообще известных в истории России людях, то четко выдерживают название: русский или российский. Если Пушкин, то *знаменитый российский* поэт, а вот Ося Бродский, кстати, мой любимый поэт, так обязательно *великий русский* стихотворец.

— Ну да, ведь Бродский нобелевский лауреат, а Александр Сергеевич даже премии ЖЭК'а номер восемнадцать города-героя Санкт-Петербурга не имел...

— Ха-ха-ха! Остроумец ты наш. Но — намотай на ус. Значит, так надо. Однако, вернемся к истории; отрасль знания, так сказать, наиболее политически конъюнктурная, проститутка точнее. Главное, вали все на Сталина, батьку усатого. Вот тебе в лоб, на каком-нибудь склочном сборище перед выборами, некий замшелый коммуна-

ка говорит: «Сталин страну спас от американской ядерной бомбардировки, заставил свою бомбу сделать!». А ты что в ответ?

— По стандартной схеме: идею бомбы не Курчатов с сотоварищами изобрел, а супруги Розенберги у штатников украли и передали Советам.

— Молодец. Более того, здесь даже Берию следует больше спасителем отечества представлять, а Сталин, дескать, малограмотный и про атомную бомбу долго не мог понять. Еле-еле Лаврентий Палыч уговорил тирана...

— Денис Самойлович! А вы знаете новый анекдот: кто убил Пушкина?

— Знаю, знаю. Сталин убил из-за засады. Только анекдоту этому лет уже под тридцать... Впрочем, нашим потенциальным читателям, быдлу торговому и быдлу интеллигентному, так сказать, вся эта история до лампочки.

— То нельзя, то до лампочки, так о чем же писать?

— А хрен его знает. Слушай, Мишаня, у меня сегодня хандра, плюнем на историю и на нашу кормилицу «Юльку». Пойдем в нашу кафешку, хлопнем по рюмахе!

♦ Однако вместо рюмки сам-двое на сей раз учитель с учеником запотелили в «Хантах-мансях» целиковую бутылку вполне съедобного коньяка — изделия подмосковных умельцев. Того хандра Сэмыча требовала. Кстати, стекляшку эту недавно привели в кой-какой порядок, появились официантки, публика стала собираться почище, косящая под «средний класс».

После второй рюмки Сэмыч проговорился о причинах хандры:

— Лето на закате, природа отдыхает, а людям все покоя нет. Сегодня с утра на пятничном междусобойчике шеф взбеленился: дескать, без отпуска уже три года горю на работе, на рекламу по радио и телевидению, мол, «ЮЛ» — самая читаемая газета в области, бешеные деньги трачу, а вы все поуспокоились, по накатанному катитесь...

Правда, чуть попозже Сергей наш Анатольевич отошел и пояснил: тираж «Толковища» в гору прет, а у нас только растет нераспроданный возврат из «оранжевых киосков». А ведь через три месяца выборы в облдуму, а там и за губернаторское кресло битва начнется. Те и другие выборы архискандальными грозятся получить, коммуняки к последнему и решительному готовятся. От конкурентов их денежные мешки бабок на макулатуру посыпятся... А у нас тираж не распродается. На чем зарабатывать будете, господа газетчики!

Долго мурзил нас, велел по всем отделам сверстать планы жареных публикаций по месяцам. Словом, догнать и перегнать перед выборами «Толковище»!

Ты вот, Мишаня, сей минут навскидку дай такую тему на следующую неделю — не слабо?

— Ну-у, отчего же, Давид Самойлович. Вот чем мы сейчас с вами этот, так сказать, полуконышок закусываем?

— Как чем? Ассорти колбасное, салатик из моченой кукурузы, что в банках продают, с покрошенными крабовыми палочками. А что? На антрекоты-бифштексы мы с тобой еще не заработали. Они ведь по сотне за порцию идут!

— Бифштексы мы с вами по домам покушаем, на мороженое-то мясо, наверное, заработали. Просто, глядя на это ассорти и моченый, как вы остроумно выразились, салатик, я припомнил читанную недавно статью из газеты наших идейных противников — местной «Правды». Причем статья никого иного, как батьки Кондрата...

— Чего это ты антисемитов начал почитать?

— Его наклонности всем известны; самое существенное, что Кондрат их и менять не думает: и губернатором будучи, и сейчас так называемым сенатором. Хоть и враг, но достоин если не уважения, то понимания. Но я не о том. Сейчас нам надо перехватывать жареную тематику и у коммуняк...

— Очумел, Мишаня! Сделать «Юльку» антисемитским органом? Действительно, паленый коньячишка по мозгам бьет.

— Не смешно, шеф. Я о другом. В статье этой он пишет, как вместе с делегацией этих самых сенаторов из аграриев побывал в Италии, в частности, на молочном комбинате под Неаполем. Оказалось, что на этот гигантский комбинат молоко вообще не поступает, а все эти чудо-йогурты, «растишки» там всякие и прочую чушь, что у нас с утра до полуночи по телеку рекламируют, делают чисто химически из порошков, эмульгаторов, ароматизаторов, стабилизаторов и других реактивов. Поставляют исключительно неграм в Африку и в Россию; сами они видели несколько рефрижераторов из Питера и других городов. А макаронники, нимало не смущаясь, рассказали, что доходы от этой пищевой химии идут на поддержание отечественного сельского хозяйства, что нормальную жратву уже для них самих выращивают.

— Но при чем здесь наша закуска? Это ведь не чудо-творожок из колбы или реторты?

— Как сказать. Колбаса эта ассортёвая, судя по вкусу и вязкости, из геноперерожденной сои с теми же консервантами и ароматизаторами. Кукуруза в салате — тоже генномодифицированный продукт. А «крабовые палочки», сами понимаете, и рядом с крабами не лежали, а так, пресервированные отходы рыбопереработки из Китая, краситель и вкусовые добавки. То есть все та же продуктовая химия. Левые это называют хорошо спланированным продуктовым геноцидом русского народа... то есть российского народа.

— Так-так-так, помаленьку врубаюсь. Давай еще по стопке, а потом ты продолжишь.

◆— Мишаня, но ведь если это делается санкционированно, а так оно и есть, неважно кем, мы люди маленькие, так зачем нам залупаться? Мы ведь не «красная» газета, а вроде как наоборот.

— Вот и я о том, Давид Самуилович. Как говорится, без меня меня женили, значит это кому-то нужно. Впрочем, понятно кому. Но тема-то животрепещущая, конфетка для левых. Наша задача — перехватить и подать в нужном ракурсе, то есть свести правду к минимуму реальной информации, а остальное обратить против нашего противника.

— Ну, брат Мишаня, растешь не по дням, а по часам. Скоро тебя и в самостоятельное плавание можно пускать. Конкретизируй.

— Вот я и говорю. Начнем с названия. Как вы говорите: половина содержания статьи должна заключаться в названии. Предлагаю фольклор: «Как потопает, так и полопает!». А в качестве анонса реплика: «Кто помним хрущевские очереди за буханкой ржаного, тот счастлив от изобилия сегодняшнего продуктового рынка: К вопросу о пресловутых происках Запада в продуктовом геноциде».

Далее такой планчик накидаем. Бульварная пресса — с неявным намеком на «Толковище» — и желто-коричневые листки — это про областную «Правду» — уже который год, нет... лучше — второе десятилетие и с удивительной периодичностью, до и после очередных выборов, запугивают мирное население низким качеством импортных продуктов питания, договариваясь в пылу ура-патриотизма и ксенофобии до того, что наши западные друзья поставляют в Россию специально отравленные психотропными добавками колбасу, окорочка — «ножки Буша» и йогурты-творожки, к тому же изготовленные на заводах химических удобрений... Понятна и цель: поскорее свести в могилу 100 миллионов доверчивых россиян, а оставшихся вполне хватит для нефтегазопромыслов, алюминиевых и никелевых заводов и для обслуживания...

— Стоп! Ишь распелся! Ты что? — Для «Совраски» или «Завтра» прохановского пишешь?

— Понял, шеф. Это я так, для себя. Конечно, для чего травят — пояснять не следует. Итак, пишут злонамеренно, не задумываясь о предыстории вопроса, как говорят в аналитических программах-шоу телевидения. А вот читатели постарше нашей молодежи помнят колбасные очереди и присказку про электричку из нашего города в столицу: «Длинная, зеленая, пахнет колбасой»...

— Стоп опять, Мишаня. Про «постарше нашей молодежи» это ты хорошо сказал, почти афоризм. Однако нет у тебя еще пафоса надыбанного, ненависти к славному советскому прошлому. Ты Геббельса не читал? А напрасно. Сейчас издают. Он, хотя и сволочь нацистская, но всем нам учитель на века.

Так вот, начинать обличать следует не с московских электричек, а с России царской. А по Геббельсу следует: пропагандист должен мыслить, говорить и писать предельно зло. А злость в высказываниях — это прежде всего злость на самого себя за вольное или невольное раздвоение личности. По-русски это определяется как кривить душой. Поэтому, охаивая советскую власть, ты сам для себя должен знать всю правду. Только зная правду, можно ее перевернуть на сто восемьдесят градусов, а отсюда и наша несвятая злость, но во благо той идеи, который мы с тобой, Мишаня, и еще миллионов пятнадцать россиян, кормимся. Даже вот на выпивку пока хватает.

— Это все понятно, Денис Самойлович, но зачем царей-то трогать? Вроде как они сейчас в официальном фаворе.

— А вот послушай, если вас истории на журфаке спустя рукава учили.

◆ — Наверное, не забыл еще фильм именитого нашего кинодеятеля, увлекшегося политикой на заре демократизации, про ту «Россию, которую мы потеряли»? Понял, к чему говорю? А какой-то чудацк чуть ли не с академическим званием по экономике сказал, как припечатал: дескать, царская Россия всю Европу хлебом кормила! И вот этот бред воспаленной головы уже почти двадцать лет подневольные люди, как мы с тобой, без конца повторяют, дура головы нашим бедным соотечественникам, совсем потерявшим разум... кстати говоря, жалеть их нечего: из-за жадности потеряли, когда им для приманки кость частнособственничества кинули.

А истина такова — в совпартшколе нас хорошо истории царизма учили, — что в девятнадцатом и начале двадцатого веков, до первой мировой, понятно, Россия продавала зерно не от его изобилия, а от отсутствия чего-либо другого для продажи. И это при урожае сам-три, как и во времена Ивана Грозного. А промышленность царской России во всем уступала Западу. Вот и приходилось, дабы что-то покупать у Европы минимально необходимого, гнать по пятнадцати миллионов тонн зерна ежегодно, обрекая почти все население страны на полуголодное существование. Сам ты, понятно, не читал, но на лекциях-то по русской литературе говорили о Толстом, других писателях и деятелях, что организовывали разные там комитеты по помощи голодающим крестьянам и прочий помещичий либерализм. Так вот, голодали и вымирали целые губернии, края, а в это время купцы и дворяне гнали бесчисленные эшелоны с зерном в сторону западной границы. «России, которую мы потеряли...». Кстати говоря, этим хлебом не всю Европу, а максимум одну среднюю страну можно было прокормить.

А когда грянула «ерманская», наложившись на недород засушный, то царю и Думе пришлось ввести... продразверстку. Да-да, не большевики ее изобрели, но правительство царское. А Временное правительство уже подготовило указ о введении продразверстки по всей России и подчистую, да грянула Великая и одновременно Октябрьская. Даже большевики, поставленные в жесточайшие условия, и то установили разверстку раз в пять меньше по сравнению с планировавшейся Керенским и К°.

А теперь начни все с начала и изложи конспективно — под последнюю стопку.

♦ — Преамбулу оставим прежнюю. Не возражайте, Денис Самойлович? Тогда в следующем ракурсе. Царская Россия безо всяких тракторов, колхозов и комбайнов, исключительно своим трудолюбием, особенно так называемых кулаков, досыта кормила себя и в придачу всю Европу. Даже во время Первой мировой войны в стране не вводились карточки и обязательные хлебопоставки.

Все изменилось после Октябрьского переворота. Далее по накатанной схеме: продразверстка с расстрелами, светлое пятно НЭПа, далее раскулачивание, голод в Поволжье, колхозное насилие и так до самой войны. Особо — искусственно созданный голод на Украине. И красной строкой: во всем вина Сталина. Даже после его смерти, даже сейчас и в обозримом будущем.

Словом, от революции до войны народ погибал от голода, а сама система сельхозпроизводства была напрочь разрушена, тем самым еще в 20—40-е годы предпринимая продовольственную недостаточность страны на веки веков.

Передохнула страна только в войну: американцы завалили тушенкой и шоколадом, причем бескорыстно. Читателям вовсе не интересно, что за «второй фронт» СССР платил золотом. Далее опять же набившее оскомину: волонтеризм, брежневский застой, бесполезное вбухивание в село десятков и сотен миллиардов и так далее. Да, про Хрущева лично — умолчать. Так сейчас принято; все же первые ростки либерализма при его содействии проклюнулись. Опять же и сын его сейчас на ПМЖ* в Америке.

И вот пришла демократия, колхозы развалились, фермерам старые номенклатурщики, засевшие в госдуме, не дали развернуться в 90-е годы, хорошо Америка с «ножами Буша» и европейскими йогуртами-растишками на помощь пришла и завалила рынок России высококачественными продуктами. Понятно, на Западе привыкли покупать все, продукты в том числе, по достатку: хочешь парное мясо — плати, нет этого самого достатка — ешь замороженное из натовских складов. Вот и у нас теперь так стало. Главное — полная свобода: что хочешь, то и ешь. Если деньги, конечно, имеются. Но это пустяки, образуется.

Таким образом, два мотива, проходящие красной, тьфу-тьфу, голубой, конечно, нитью через весь очерк: тяжелое наследие сталинщины и качество импортных продуктов. Причем первый мотив по тексту все усиливается, а второй как бы сам собой сходит на нет. Да, еще мимоходом ругнуть нечистоплотных наших фирмачей, которые, в погоне за прибылью, специально по всей Европе закупают просроченные продукты и везут в Россию. Но это тоже временное явление. Как вам?

— Почти хорошо, Мишаня. Еще немного подработай в выходные, в понедельник я просмотрю, а в следующей пятничной «толстушке» и тиснем.

Вот помни слова старого газетного лиса и акулы одновременно: в тот день, когда твой папа, добрейший и наивный в этой жизни Семен Евгеньевич, прочитав за ужином номер «Юльки» с твоей статьей, вспылит и проклянет тебя, то знай — ты стал настоящим журналюгой, постиг вершины нашего мастерства. За тебя, мой юный друг!

♦ И наступил день «Х»; и именно «день ху», как его произносят военные, а не «день икс», как то принято у людей партикулярных. Кстати, еще в юные годы Мишель узнал от своего двоюродного деда, полковника в отставке, происхождение этого военного «дня ху». В тридцатых годах офицеры Красной армии, выпускники всяких скороспелых курсов, еще не знали иностранных языков, а значит и латинского алфавита. Поэтому встречая в военных учебниках, написанных старорежимными полковниками генштаба, перешедшими на службу советской власти, словосочетание «день Х», они и читали его по простоте душевной как «день ху». После войны офи-

* Постоянное место жительства (новодемократич.).

церы уже знали латинский алфавит, кое-кто и начатки немецкого языка знал, но тут началась борьба с космополитизмом, поэтому всякие иностранные слова, в том числе и несчастливый «икс», в армии и учреждениях понимания начальства не встречали. А поскольку этот самый «день X» на маневрах и учениях обычно ассоциировался с разборками и нагонями, то офицеры и перекрестили его в «день ху». По понятной народной фене...

Отец Мишеля первый раз заворчал, когда прочитал заметку сына, подписанную псевдонимом. «Что, никак фамилии стыдишься? А стыдиться нечего. У нас в роду никто ее не опозорил, все честно работали приват- и просто доцентами, врачами и адвокатами. Прадед твой и вовсе профессором в Новороссийском университете в Одессе был на кафедре самого Мечникова... Тем более, что не тридцать седьмой год на дворе!».

Поворчал и неодобрительно успокоился. Регулярно, с профессиональной методичностью читая публикации сына в «Юльке», иногда похваливал, не раз хмурился, чаще рассеянно молчал. Иногда заводил разговор-монолог о перспективах преподавательской карьеры сына на недавно открытом в их университете, бывшем техническом вузе, факультете истории и литературы. Мишель отмалчивался, понимая бесполезность возражений. Старорежимный и влюбленный в свою науку Семен Евгеньевич никак не мог понять, что в наше время наблюдается не классическое тургеневское, то есть временное, биологически обусловленное, непонимание отцов и детей, а нечто новое и пугающее: пресеклась преемственность поколений, один мир рухнул, а новый строится на пустом месте, где клубками змей невероятно сплелись отбросы псевдокультуры и квазинравственности западной цивилизации и пещерное мурло дикаря-людоеда. В наше время часа волка милейший Иван Сергеевич со своим Базаровым отдыхают. Кстати, как выпускник журфака МГУ, где многое знают, Мишель ведал нечто о великом русском писателе: тот был глубоким патриотом, полковником жандармерии по линии внешней разведки и резидентом во Франции и прилегающих стран.

Наивный Семен Евгеньевич! А вот мама Надежда Филипповна хорошо все понимала, предчувствовала материнским сердцем скорую карьеру, а на своего супруга смотрела жалостливыми добрыми глазами.

♦ Итак, день «ху» наступил в один позднеосенний пятничный вечер. Мишель вернулся с очередной беседы с Сэмычем, поспел к позднему ужину. А после жареной курицы и легкого салата — Надежда Филипповна была кулинаром от бога — глава семьи развернул «толстушку» завершающей неделю «Юльки», что принес сын.

Просматривал он газету в своем крохотном кабинетике. Надежда Филипповна, помыв посуду, смотрела по телевизору бесконечный сериал про ментов, а Мишель в своей комнате перебирал заготовки к серьезной статье, анализирующей итоги только что прошедших выборов в облдуму, от исхода которых многое зависело в политическом истеблишменте губернии. Однако в голову ничего путного не шло. Втайне Мишель слегка трусил, тревожно прислушиваясь. Ждал шагов отца.

Дело в том, что в сегодняшнем номере Мишель впервые в своей недолгой газетной практике коснулся злободневной ныне темы высшей школы. Не так давно Сэмыч всячески рекомендовал этой теме избегать:

— Понимаешь, Мишель, вузы сейчас помойка; преподаватели от безденежья во взятках погрязли, студенты — в основном сволочи и идиоты, от армии косят. Ну-у и много еще чего дерьмового. Но не лезь. Сам понимаешь, у кого, как твой отец, там родственники из наших газетчиков работают, опять же дети-племянники учатся. Не следует змеиное гнездо ворошить.

Однако неделю назад сам Денис же Самойлович, вызвав к себе в кабинет Мишеля, огорошил:

— Надо крепкий материал по городским институтам, или как там они сейчас называются, сделать. Намедни шеф на планерке раскричался, дескать, боитесь что ли за своих детей-студентов, молчите о бардаке в вузах! Вон опять профессор на взятке попался и от сердечного по такому случаю приступа скончался. Молчите!? А вот «Толковище» даже анонимки студентов-двоечников тискают.

Словом, кровь из носа, а к пятнице материал мне на стол! Вот тебе целая папка с анонимками; их, как правило, по ранней весне и поздней осени чуть не мешками в редакцию доставляют. Мне знакомый психиатр, сосед мой по подъезду, разъяснил: в эти времена года у всех психически полунормальных, тихих шизофреников и невротичных дам обострение начинается, вот и самовыражаются кто как может. А склонные к кляузам и борцы за справедливость анонимки пишут...

Иди и работай. Сталина и вообще коммунистов не забудь гневным словом помянуть.

♦ Ох, лучше бы Денису Самойловичу промолчать напоследок, не напоминать про генералиссимуса и большевиков, не забивать Мишелю голову и без того огорченную маловразумительным служебным заданием.

Полдня он читал анонимки, написанные либо нервическими старческими почерками, либо же выведенные руками отчаявшихся двоечников безграмотные обличительные письма без подписи. А если и случались подписи, то типа *«Абиженные студенты третьего курсу»*.

С изумлением он встретил имена всех знакомых ему коллег отца, честнейших старорежимных педагогов. Даже библиотекаршу Любовь Тимофеевну, проживавшую в соседнем подъезде их дома и работавшую в институте чуть ли не со времен его основания в тридцатых годах, не забыли упомянуть: деньги за утеранные книги старушка, дескать, берет себе лично...

От души посмеялся Мишель над анонимкой, героем которой оказался его отец. Неведомый автор этого пространного сочинения на листах из школьной тетрадки «в клеточку» подробно описывал, как доцент Афремский еще с советских времен обложил студентов данью за сдачу экзамена по физике металлов, а на взяточные деньги построил трехэтажную виллу в дальнем пригороде, выучил сына, то есть Мишеля, в престижном, понятно платном, московском экономическом институте и купил ему должность в столичной мэрии...

После этого Мишель анонимки читать перестал и сходу написал статью, где, памятуя вводную Сэмыча, всю вину за нынешний беспредел студентов, бесправие нищих преподавателей и общий упадок системы высшего образования свалил на Иосифа Виссарионовича, Крупскую, Луначарского и почему-то на всплывшую в памяти старую ленинскую гвардию. Перечитав содеянное, понял, что получилась развешистая клякwa, противно самому стало, но хотелось поскорее отделаться. От чтения анонимок осталось стойкое ощущение липкого и противного. Хотелось вымыться под душем и напиться.

Сэмыч молча прочитал материал, хотел что-то сказать, но скривился и махнул рукой: давай, мол, в набор.

♦ Время, без того тягучее в темный декабрьский вечер, остановилось. Мишель все так же чутко прислушивался, но в его полуотворенную дверь доносились только пьяные голоса ментов из тихо включенного телевизора.

Поняв, что итоги выборов в облдуму его сейчас меньше всего интересуют, Мишель прилег на свой спальный диванчик, раскрыл на заложенной странице том «Истории жизни покойного Джонатана Уайльда Великого» Генри Филдинга. Имел он привычку, внушенную отцом еще со школьных лет, отдыхать со чтением высокой классики. Но

все и вся сговорились сегодня испортить настроение ему. Первая же фраза на раскрытых страницах, попавшаяся на глаза, заставила Мишеля поморщиться:

«В самом деле, всякий, кто знакомится с судьбой, обычной для великих людей, должен признать, что они вполне заслуживают и нелегко стяжают те хвалы, какими их дарит мир; потому что, когда мы подумаем, с какими трудами и муками, с какими хлопотами, тревогами, опасностями сопряжен их путь к величию, мы скажем вслед за проповедником, что попасть в рай человек может, не затратив и половины тех трудов, какими он покупает себе ад».

Мишель отложил досадливую книгу, зевнул. В этот момент в комнату решительно вошел отец. Доброе его лицо выражало сложное чувство, с каким человек встречает известие о том, что лучший друг предал его. У женщин такое выражение лица возникает при известии, что ее лучшей подруге муж подарил на день рождения золотое кольцо с бриллиантом в два карата; смотрит она при этом на своего супруга.

— Я прочел твою, мягко говоря, писанину. Далеко пойдете, молодой человек. Я проклинаю тот день, когда поддержал твоё желание учиться на журналиста. Я все сказал!

Аккуратно положив на стол толстую пятничную «Юльку», раскрытую на странице с очерком Мишеля «Кто и чему нас учит», отец молча и так же аккуратно вышел. Так выходят из змеиного вивария, наверное.

Свершилось-таки предсказание старого лиса Сымыча: проклял сына отец!

♦ Через полгода на зональном смотре-конкурсе молодежных газет «Юлька» получила первое место среди аналогичных изданий Центрального округа, а Мишель на том же конкурсе вошел в пятерку лучших молодых журналистов, пишущих на актуальные темы. Еще через год Денис Самойлович ушел на покойное место старшего редактора в частное книжное издательство, лучшее в городе. На свое место Сэмыч рекомендовал Мишеля и был поддержан шеф-редактором газеты.

Отец с Мишелем *примирился*, а он, в свою очередь, *помирился* с отцом. Ведь дети отцов не выбирают, а последние по мягкости характера не решаются пороть ремнем своих отпрысков в воспитательных целях каждую субботу — с первого класса и вплоть до совершеннолетия.

Владимир Резцов
(г. Тула)

ПОСЛЕДНЯЯ РОЛЬ

Вечной молодости театра посвящается

Памяти незабвенной

Зои Васильевны Григорьевой,

Режиссера, Учителя, Друга (2006 г.)

Я вернулся в народный театр, в котором со студенческих времен провел много лет, и который оставил потому, что так сложилась жизнь. Наш бессменный режиссер, Зоя Сергеевна, сразу же включила меня в работу над репертуаром, и я, как в юности, с жадностью и упоением с головой окунулся в омут чарующей и радостной круговерти бесконечных этюдов, репетиций и прогонов.

К новогодней елке готовили для малышей волшебную сказку, в которой мне была поручена такая вкусная роль блестящего сказочного короля! Зоя Сергеевна так и сказала кому-то из худсовета: «С такой характерной ролью никто не справится лучше Николая Сохина». Изготовлены великолепные декорации, установлено умопомрачительное освещение, сшиты потрясающие костюмы, музыкальное оформление, как всегда, выше любых похвал. В общем, в таком спектакле даже участие в качестве статиста большое счастье, а тут еще не роль, а конфетка!

Генеральный прогон и сдача спектакля художественному совету Дворца культуры прошли на «ура», и первый день Нового года стал днем премьеры.

Низенькая сцена с кулисами и платформами разной величины установлена в просторном фойе с таким расчетом, чтобы актеры могли с нее сходить, свободно перемещаться по всей площадке и подходить вплотную к маленьким зрителям, сидящим со своими родителями в несколько рядов вдоль витража.

Через небольшое отверстие в заднике видны большие, распахнутые в сладком ожидании чуда глазенки детворы — маленьких девочек в нарядных платьицах и по-новогоднему расфранченных мальчуганов. Великолепие декораций до того их ошеломило, что они сразу как-то притихли и даже старались не шуршать подарочными пакетами. Рядом с ними — эффектные, обольстительные молодые мамы, от которых исходит дурманящий запах жасмина. Они тоже сияют от предвкушения встречи с прекрасным!

Возле колонны на стульчике с блокнотом в руке сидит Зоя Сергеевна, готовая по ходу спектакля брать на карандаш наши промахи. На ней строгое праздничное платье с кружевным воротничком. Глаза ее светятся щемящей тревогой, но в то же время и оптимизмом. Еще бы! Работа проделана огромная: актеры, режиссеры, их ассистенты, осветители, художники, костюмеры, постановочная часть и, конечно же, дирекция Дворца, сумевшая профинансировать постановку — буквально все душу вложили в то, чтобы праздник состоялся!

К той же колонне прислонился Евгений Петрович, муж Зои Сергеевны и тоже наш режиссер. На нем новенький костюм-тройка; пышная седая грива уложена безукоризненно. Он нетерпеливо теребит свою тщательно расчесанную бороду, поблескивает стеклами роговых очков и то и дело бросает взгляды на жену. А та уже давно, не мигая, смотрит на сцену.

У другой колонны с нарочито кислыми лицами примостились на банкетке трое маститых критиков, которых я, впрочем, вижу впервые. Всем своим видом они как бы дают понять окружающим, что на своем театральном веку повидали и не таковское, так что их ничем не удивишь.

Но вот загремели фанфары жизнерадостной увертюры, и осветители дружно заработали разноцветными прожекторами, щедро поливая сцену и декорации сочными красками подобно талантливым живописцам. Мой выход! Именно мое появление на сцене открывает действие!

— Ни пуха, ни пера! — шепчет Коля Еременко, поправляя на голове цилиндр.

— К черту! — машинально отвечаю я и, взяв характерность, с лучезарной улыбкой стремительно лечу «туда, где море огней», — на сцену! К зрителям!

На мне роскошный желтый камзол с большим кружевным воротником и алой перевязью, белые чулки с подвязками и начищенные башмаки, на голове коричневый парик в стиле Людовика Четырнадцатого и золоченая корона. Мои движения изящны и величественны, но вместе с тем энергичны и непринужденны. Я милостиво несу себя публике, как подарок!

Малыши дружно ахают и зачарованно смотрят во все глаза на «блестящего дядю» — с раскрытыми ртами, с затаенным до поры до времени восторгом. Но когда я эффектно останавливаюсь в трех шагах от первого ряда и делаю сдержанный, истинно королевский комплимент, самая маленькая и самая курносая девчушка, не в силах больше скрывать свои чувства, радостно взвизгивает и принимается неистово бить в ладошки. За ней, как по команде, начинают аплодировать остальные дети. К ним присоединяются их очаровательные мамы, которые вообще смотрят на меня, как на живое божество. И вот уже рукоплещет вся аудитория, и даже критики бросили изображать из себя зануд и кричат «браво!»

Зоя Сергеевна прячет довольную улыбку, а верный себе Евгений Петрович улыбается во весь рот, не таясь, и в возбуждении потирает руки. Оvation не смолкает. Ничего себе начало! Я еще только появился, я еще ничего толком не успел сделать, а меня уже все любят, меня обожают! Значит, и спектакль пройдет отлично, — остальные актеры не хуже меня. У нас прекрасный театр, замечательная команда! Мое сердце переполняется радостью. Кажется, я поймал кураж!

Понемногу буря восторгов утихает, но внимание зрителей по-прежнему приковано к блестящему королю. Все глядят на него с радостной надеждой: что же будет дальше? Милая ребятня и вы, красивые мамы! Дальше все будет только здорово: вас ожидает чудо — прекрасная и добрая сказка...

Пошла новая музыкальная тема, и радость, доселе меня переполнявшая, почему-то мало-помалу пошла на убыль. Со смутным беспокойством начинаю чувствовать, что что-то не так. Но что? Ведь несколькими мгновениями раньше все было так хорошо... И вдруг леденящий ужас опалил мою душу и сковал тело: *я забыл слова!*.. Никогда прежде со мной такого не случалось. Всегда имел отличную память и на зависть другим легко выучивал роли с большим количеством текста — и стихотворного, и прозаического. Композицию по «Илиаде» Гомера вообще читаю без остановки минут сорок. А тут на тебе, забыл! Это же всего-навсего детская сказка, а не Шекспир и не Достоевский... Какой позор... Конечно, когда тебе сорок шесть, это немного не то, что когда тебе двадцать один. Давно надо было для профилактики попринимать танакан...

Пауза затягивается. Зоя Сергеевна недоуменно округляет глаза, а Евгений Петрович вращательными движениями руки подает знаки: давай, дескать, текст! Какое там — текст! Оказывается, бывают вещи пострашнее забытого текста. Пришла беда — отворяй ворота: *я совершенно не помню о чем пьеса!!!* Память отшибло напроочь! Покрываюсь холодной испариной; по коже, как тараканы, пробегают мурашки. Стараясь не подавать виду, лихорадочно соображаю: что же делать? Как на грех, по пьесе в первой картине никого, кроме меня, быть не должно, так что спасать некому. Режиссеры находятся среди зрителей и тоже помочь не могут. Да и как подать им сигнал бедствия? Торчу в трех шагах от первого ряда — в эффектной позе, с застывшей улыбкой, которая чем дальше, тем глупее, и с памятью новорожденного. Вот если бы отступить к заднику и шепнуть притаившемуся за ним Еремеенку: мол, тезка, выручай!.. Но такое отступление еще как-то надо сценически оправдать: ведь зачем-то я же приперся к самому первому ряду!

Продолжая мило улыбаться не сводящим с меня восторженных глаз детишкам, начинаю степенно расхаживать и несу какую-то околесицу, как бы о чем-то рассуждая сам с собой. Угловым зрением замечаю, как, не веря своим ушам, Зоя Сергеевна пораженно заглядывает в режиссерский экземпляр пьесы, и как вытягивается лицо Евгения Петровича. Положение — врагу не пожелаешь: как ни дернись, что ни скажи — будет только хуже, а стоять и молчать нельзя! Летят к черту многомесячные усилия всего театра, труды многих людей, ждавших этого дня, как праздника. И все из-за меня... От стыда готов провалиться сквозь паркет, но веду себя так, как будто все идет по штатному расписанию. Без боя не сдамся, мы еще покувыркаемся!

Спасительная мысль — позвать слуг! Какая-никакая, а все-таки зацепка, — это же благовидный предлог, чтобы вернуться к заднику! Уж теперь-то кто-нибудь из актеров, играющих слуг, наверняка что-нибудь да подскажет! Да мне и надо-то всего словечко, — глядишь, туман в башке и рассеется. А не рассеется, так хоть как-то сумею сориентироваться. Главное — нащупать удобный момент, чтобы слинять за кулисы и уступить площадку товарищам, а уж там будет достаточно времени, чтобы взять у кого-нибудь экземпляр пьесы и, не спеша, его пролистать. Слава богу, роль короля не главная, и он вновь появляется на сцене лишь в финале. (Спасибо, что хоть это еще помню!) Но как объяснить публике зачем мне слуги? Да ну, надо быть проще!

Сообщаю маленьким зрителям, что мне надо дать кое-какие указания слугам, кокетливо намекнув благоухающим красавицам-мамам, что сегодня какой-то там особенный день.

«Это какой же? — пронеслось в мозгу. — Мужья их, что ли, все до единого в море ушли на полгода?» Эта шаловливая мысль меня рассмешила, и моя веселость немедленно передалась ничего не подозревающему зрительному залу. Ободренный смехом и аплодисментами, я уверенно направляюсь пружинистой походкой к заднику, стараясь не смотреть на режиссеров. Однако становится не по себе, когда мельком замечаю бледного, как полотно, Евгения Петровича и потемневшую от гнева Зою Сергеевну, которая исподтишка показывает мне кулак.

— Эй, слуги! — взываю я хорошо поставленным сценическим голосом и для пущей убедительности трижды хлопаю в ладоши. Но никто не пришел! Только за задником слышится сдавленный возглас Еремеенка:

— *Атас!..*

Что значит «*атас*»?!

— Эй, слуги! — не унимаюсь я и снова делаю три хлопка. — Куда вы запропас- тились? Король зовет, а этих нет, как нет!

Это я что-то из Шекспира загнул. Хорошо еще, что хоть к месту...

— Ты что, с ума сошел? — доносится до меня еле слышный шепот Еремеенка. — Какие еще слуги?!

Оказывается, слуги автором пьесы не предусмотрены. А кто ж тогда предусмотрен?! Что за драматурги пошли? Где же логика? Ведь если есть король, то должен же он кем-то повелевать!

«Облом!» — отчетливо вспыхивает в моем сознании. И тут же зал взрывается гомерическим хохотом и рукоплесканиями, — потому что подумал я, оказывается, вслух...

На режиссеров страшно смотреть. Зоя Сергеевна окаменело сидит, вся сторбленная, упершись локтями в колени и обхватив голову руками. Евгений Петрович так прижался спиной к колонне, как будто хотел стать с ней единым целым. И это ему удалось: цвет его лица и кистей рук совершенно слился с матовой белизной колонны, и казалось, что к ней каким-то странным образом прикрепили роскошный костюм-тройку. Что же я за изверг за такой...

Однако критики — ничего: смеются, хлопают и веселятся, как дети, вместе с залом. Выходит, *о моем позоре, кроме наших, не знает никто?! Отлично! Очко в нашу пользу!* Это придает мне уверенности, и я снова принимаюсь гнуть свою линию, конечная цель которой — любой ценой подготовить почву для логичного ухода за кулисы.

Я мечу громы и молнии по поводу низкой трудовой дисциплины слуг, которые совсем отбились от рук, служат спустя рукава и только и знают, что ведут разгульный образ жизни. При этом в порыве благородного негодования, сгоряча, зачем-то вворачиваю, что, мол, не так уж и неправ был Горбачев, когда в прежние годы вел бескомпромиссную борьбу против пьянства и алкоголизма.

Ослепительные мамы и веселые критики просто визжат от смеха. Не отстают от них и детишки, которые хоть и мало что поняли, а кто такой Горбачев вообще не могут знать по малолетству, но хохочут до посинения, и некоторые уже описались.

Вот он, долгожданный момент! Сейчас я, наконец-то, уберусь со сцены!

— Совсем распустились! Вот я им задам! — С этими громоподобными возгласами я спешу к проходу за кулисы в сладостном предвкушении тайм-аута...

Но тут в проходе очень некстати появляются две девочки и один мальчик в причудливых сценических костюмах и становятся таким образом, что мимо них мне никак не пройти. Ну не могу же я их толкать, я ведь добрый король! Ясно, что они участвуют в спектакле и, кажется, пришли к королю.

— А вы еще кто такие? — озадаченно спрашиваю я.

— Я — *Земляничка*, — сонно отвечает девочка в красном костюмчике и такой же шапочке, вяло взмахивая над головой зеленой веточкой.

— Я — *Ор-р-эшиничек!* — очумело картавит вторая, в зеленом костюмчике и бурой шапочке и к радости детворы рассекает воздух здоровенной хворостиной. Мда... Если бы не остатки моей былой реакции, общая численность одноглазых королей могла бы несколько возрасти.

— Я — *Ежик* — *без головы, без ножек*, — запинаясь, выдавливает из себя мальчик в сером костюмчике и серой шапочке с наклеенными картонными иголками.

— Обалдеть! — ошалело апеллирую я к рыдающей от хохота публике, а сам про себя думаю: что же мне с этими тремя делать-то? Сразу видно — на сцене в первый раз: зажаты, стеклянные глаза, дикция подгуляла, дергаются, мордой хлопочут. От этих помощи не жди, — им свои бы слова дай бог вспомнить и вовремя вставить... А вот только куда, если я им ни одной правильной реплики дать не могу?

Замечаю на сцене круглый стол и приглашаю неожиданных гостей (будь они неладны!) проходить, садиться и чувствовать себя, как дома. Так они и сделали, но тут я пожалел, что не посоветовал им помнить, что они в гостях. Стульев-то всего три штуки; они на них расселись, а мне, монарху, пришлось при этом стоять! Чему их только родители учат? Ведь никому и в голову не придет уступить старшему место!

Самому шугануть вроде как неудобно... Но обидно до невозможности! Опустили короля до «шестерки» и сидят себе, хлопают глазами да на меня пялятся, невежи эти-кие! Вижу — чуть дальше, на тумбе возле задника, что-то вроде полотенца. Я его со злостью хватаю, перекидываю через левую руку и, угодливо изогнувшись, язвительно так спрашиваю у юных бесстыдников: «Что прикажете, господа? Не желаете ли кофию?» Сидят, как истуканы! За задником Еремееенко рассуждает на тему «Имеет ли Сохин крышу, а если имеет, то куда она поехала». Туда, где находятся режиссеры, не гляжу с принципиальностью нашкодившего кота. И тут до меня доносится звонкий залиvistый смех той маленькой курносой девчушки:

— Ой, мама! Смотри: король, а делает, как тот дядя в ресторане!

И новый взрыв хохота и аплодисментов...

Спасибо тебе, не по годам смышленная малышка! Твою бы головку да этим трем отсиженным ногам: ведь сидят, как аршин проглотили!..

Понимая, что метать перед ними бисер все равно, что угощать пивом памятник, кладу полотенце на стол и уже серьезно спрашиваю, с чем они пожаловали. И тут началось! Наверное, из-за того, что не было точной реплики, они после довольно неуклюжей паузы заговорили все разом, наперебой. И ведь понимают, что что-то не то, а все равно тупо тарашатся друг на друга и монотонно, как обкуренные, шпарят каждый свой текст. Мне даже нехорошо сделалось, оттого что, как ни напрягался, так и не смог разобрать, что они мне грузили. А они, как заведенные, все что-то там лопочут и лопочут.

— Дурдом! — заметил я укатывающейся публике, кивнув в сторону бестолковой троицы. Махнул рукой и неторопливо двинулся поближе к первому ряду, чтобы по дороге обмозговать дальнейшие действия.

Приближаюсь это я к зрителям, погруженный в раздумья, и вдруг чувствую, что мне почему-то расхотелось прятаться за кулисы. А и в самом деле, что я там забыл? Экземпляр пьесы? Так ведь хуже уже не будет, огрести за свои художества я всегда успею. А здесь, на площадке, мне пока *очень даже неплохо*: зрители меня обожают, что ни отмоchu встречают на «ура», регочут, как больные, рта не закрывают... Ишь, как их разобрало... Просто дурниной орут. Все стонут и задыхаются, как астматики... То в одном, то в другом месте раздается подозрительный треск. Наряды у них, что ли, едут по швам? И как-то становится... душновато...

Вон справа, в первом ряду, черненький мальчуган свалился со стула и, рассыпав из кулька конфеты, хохочет на полу...

А мама у черненького хороша: в теле, но не толстая; упругая такая, как хорошо накачанный мячик; личико с броскими такими чертами (наверное, украинка), и мини ей так идет, что дух захватывает... Куда это меня несет?... С трудом отрываю глаза от края дорогой черной кожаной юбки, перевожу взгляд выше, невольно задерживаюсь на идеальном бюсте, содрогающемся с частотой станкового пулемета, и меня как током ударило: *а ведь у короля по идее должна быть королева!* Конечно, нынешние авторы непредсказуемы: вон без слуг оставили, а могут запросто и жену увести... Но все же шансы есть, — пятьдесят на пятьдесят. Даже больше, — скажем, шестьдесят на сорок: один раз не угадал, второй по теории вероятности должно повезти...

— Однако как давно я не видел ее величество королеву! — погнал я пургу. — Вот кто поможет нам разобраться со всей этой фигней. Кто, как не она, с ее чутким женским сердцем, тактом и добротой сумеет проникнуть в самую суть вещей и понять, что там буровят эти чокнутые? Право же, в таких вопросах я без нее, как без рук.

— Ах, что за прелесть эта ее величество королева, моя милая женушка! — продолжал я. — Подумать только, мы женаты целых два дня, а я по-прежнему влюблен в нее так, как будто мы обвенчались лишь вчера!..

Вот это сморозил... В зале истерика...

— Полный *водец*! — стонет за задником Еремееenko, и от этого душа уходит в пятки: неужели опять мимо?!

— Ваше величество, супруга наша, где вы? Соболаговолите выйти к нам! — возопил я с отчаянием, готовясь к худшему.

Слышу — за кулисами переполох: что-то там засуетились, забегали, чем-то даже громыхнули... И в проходе — ну слава богу! — возникает королева. Да еще какая! Я прямо глазам своим не поверил — Алевтина Акимовна Янковская собственной персоной в роскошном королевском платье с жабо! Потрясающе! Наверное, срочный ввод. По крайней мере, не помню, чтобы я с ней репетировал... Приятный, очень приятный сюрприз! Давненько мы с ней не виделись, а вместе в одном спектакле играли вообще лет двадцать назад. Она и тогда-то мне в матери годилась, а сейчас... А сейчас выглядит просто изумительно! Нет, в какой она великолепной форме! Безукоризненная фигура, лицо здоровой тридцатилетней женщины, со вкусом и чувством меры наложенный макияж. Учитесь, молодые красавицы, как должно женщине за собою следить!

— Ну, наконец-то, ваше величество! — Я так обрадовался Алевтине Акимовне, что не ограничился церемонным рукоцелованием, а к восторгу молодых мам организовал долгий голливудский поцелуй. — Вы не можете себе представить, как я по вас соскучился, *мон анж*! *Ву компрене, ком же ву зем, — сэ трэ импосибль*!

И по системе Станиславского с еле скрываемой страстью я снова прикладываюсь к руке Алевтины Акимовны.

Вообще-то монарх у меня получается весьма своеобразный. Его королевская изысканность парадоксальным образом уживается с развязностью разудалого не то ковбоя, не то нового русского и похотливостью ходока. Кстати, что это меня понесло на французский язык, в котором я разбираюсь, как свинья в апельсинах?

— Однако, сударыня,— продолжаю я гнуть свое,— у меня к вам большая просьба. Видите вон тех чудиков за столом? — Я показал на своих гостей, которые даже при появлении королевы не догадались хотя бы встать.— Так вот эти ненормальные являются ко мне и гонят такую метель, что сам черт без бутылки не разберется. Сделайте одолжение, мадам, объясните мне, что тут происходит, и о чем, собственно говоря, базар?

Вижу — королева в некотором замешательстве, но постепенно овладевает собой. Чтобы оправдать вновь зависшую паузу, она интеллигентно и не без грации отводит меня в сторону и говорит не совсем в тему:

— Ваше величество! Я пришла, чтобы серьезно поговорить с вами по очень важному делу.

«Вот как! — думаю себе. — У нее свои дела! А как же быть с моими? И что делать с теми тремя? Зачем они вообще здесь ошиваются? Что это, драматургия такая дурацкая или накладка? И как теперь эту мелюзгу со сцены убирать? Сами-то они нипочем не уйдут: сидят себе и, знай, моргают, как совы белым днем.»

Но то, о чем дальше поведала королева, заставило меня забыть о трех недотепах.

— Вы ведь знаете, ваше величество,— продолжала она,— что *наши три дочери уже выросли и им пора замуж...*

Я чуть не упал! Значит, по пьесе у нас *три дочери*?! И они *выросли*?! *Уже*?! А я-то минуту назад брякнул, что женился *позавчера*... Ай, спасибо, женушка, выручила, нечего сказать, со своими скороспелками! Будешь знать, старый дурень, как на женщину надеяться! Что ж мне так на баб-то не везет?..

А вот критикам везет. Им так весело, что они уже не в силах смеяться по-человечески, а только шипят, как гуси. Один из них вообще пошел куда-то — на четвереньках...

Я что-то затараторил насчет того, что, мол, мать моя женщина, кто бы мог подумать, как время быстро летит, просто черт знает что такое; я-то думал, всего два дня прошло, а на самом деле, как один миг, пронеслось столько лет... А ловко это я, однако, вывернулся!

— Ты бы хоть не ругался... — печально вздохнула Алевтина Акимовна и с тоской посмотрела куда-то в сторону.

Меня бросило в жар. Я с ужасом понял, что от растерянности начал пересыпать свою скороговорочку легким матерком...

— Ах, да какая разница, мадам? — воскликнул я с беспечностью обреченного. — Все равно по окончании всей этой заварухи мне трандец!

Тут я ни к селу ни к городу напомнил о горькой участи Людовика Шестнадцатого и сделал заумное обобщение, однако при этом умудрился так органично загрузить, что публика сразу перестала ржать. Наступила звенящая тишина. Потом красивые мамы завсхлипывали, поднося к глазам надушенные платочки, и у меня мелькнула нескромная мыслишка о том, сколь велика и безгранична волшебная сила искусства.

— Не надо так расстраиваться, ваше величество, — мягко сказала королева и заботливо взяла меня под руку. — Все образуется. Пойдемте в сад!

И я, весь такой в расстроенных по системе Станиславского чувствах, понуро кивнул и послушно поплелся туда, куда увлекала меня супруга, — за желанные кулисы.

В этот момент грянула следующая музыкальная тема — радостная, зажигательная, в самых, что ни на есть, современных ритмах. Уже спиной к зрителям я рефлексивно обернулся по направлению к той точке сцены, где сфокусировались разноцветные огни прожекторов. Там появилась главная героиня сказки — белокурая синеглазая девушка, невысокая, но стройная и очень спортивного вида. Уж не знаю, кем она доводится королю, и каково ее социальное происхождение, только одета она в красивый блестящий купальник. И так это она энергично и виртуозно исполняет упражнения на трапеции, что сердце заходится, и глаз не отвести! Черт подери, что за прелесть!.. Вообще-то Зоя Сергеевна любит устраивать на сцене этакий синтез различных искусств, и это одна из ее сильных сторон... А воздушная гимнасточка — до чего же хорошенькая! И где такую раздобыли? Если она еще и играет хорошо, то это просто Гойко Митич в женском обличье! И уж тогда одно из двух: или быть ей великой актрисой, или я на ней женюсь!..

Да куда меня эта женщина все тащит и тащит, тащит и тащит?! Просто безобразие, честное слово! Как моя сцена, так иди, Коля Сохин, и отдувайся за всех, а когда на площадке происходит что-нибудь этакое, завлекательное, так уж и посмотреть нельзя! Свинство какое-то!

— Что, седина в бороду — бес в ребро? — тяжело дышит Алевтина Акимовна и изо всех сил тянет меня за левую руку к проходу за задник. Ей усердно помогают Земляничка и Ежик, — они, как бурлаки, подтаскивают меня за правую руку, а Орешничек подталкивает руками в спину, оперевшись головой чуть ниже. Все они громко сопят, потому что я сопротивляюсь, как могу.

— А Сохатый-то совсем двинулся! — подытожил Еремееenko, когда общими усилиями я оказался за пределами сцены.

Здесь я перестал возмущаться, вспомнив, зачем еще совсем недавно сам хотел сюда попасть.

— Братцы! — говорю. — Дайте скорее экземпляр пьесы! Все на фиг позабыл, горю!

Но обступившие меня плотным кольцом коллеги были в таком шоке, что туго соображали. Одни смотрели на меня со страхом, другие с презрением, третьи с

жалостью, четвертые с возмущением и гневом. И все требовали, чтобы я объяснил, в чем дело.

— Некогда объяснять! — с досадой отмахиваюсь я. — Да и незачем: один черт после спектакля Сергеевна даст мне *воды*... Дайте же пьесу, в самом деле! Будьте людьми, — время дорого!

Дошло, наконец! Хотя на поиски заветной книжечки какое-то время потратить все же пришлось, но через пару минут она была у меня в руках, и я отправился искать подходящее место, чтобы ее пролистать. Это оказалось не так-то просто, поскольку за задником было темновато, да и актеры то и дело сновали туда-сюда, задевая на ходу то плечом, то бедром, то реквизитом. Я было примостился у самого светлого участка задника, но буквы перед глазами плясали из-за того, что осветители запускали серпантин. Иногда становилось совсем темно, потому что так было нужно, иногда музыка играла так громко, что ничего в голову не лезло. А тут еще одна напасть: я смотрел в распечатку пьесы, а перед глазами была юная и прекрасная девушка в блестящем купальнике на трапеции. Интересно, как там она управляется со своей ролью? Не забыла ли, не дай бог, слова, как это некоторые?.. Нет-нет, девушки потом! Сначала со своим текстом хоть как-нибудь разгрестись...

Я опять вспомнил, что во второй раз мне надо появиться перед зрителями только в самом конце спектакля. Открыв последнюю страницу, я сумел разглядеть лишь то, что у короля в финале небольшой монолог, которым сказка и заканчивается. Больше, сколько ни прищуривался, ничего не разобрал: снова пошла затемненная сцена.

Появился разгоряченный Еремееenko, который только что отработал свой выход. Когда он проходил мимо, я схватил его за руку:

— Слушай, что там в последней сцене? Что я говорю и делаю в финале? Прочтешь не могу — темно!

Еремееenko холодно и недоверчиво на меня покосился:

— Ты что, в самом деле ничего не помнишь?

— Да в том-то и дело, — говорю, — что все, как корова языком слизала!

Он видит, что я это искренне, и отвечает уже мягче:

— Ну, в финале король соединяет любящие сердца после того, как рыцарь спасает свою невесту от лесных чудищ... Ну!!! Которых на них напустила злая колдунья! Поздравляет и все такое...

Еремееenko покачал на мой счет головой, а потом заторопился на свой следующий выход. И хотя детали моего появления в финальной сцене так и остались за кадром, я был благодарен своему тезке: теперь хоть приблизительно знаю что делать. Прорвемся!

Что-то там подделывает главная героиня? Я прильнул к холсту задника, пытаюсь сквозь него рассмотреть, что происходит на сцене. Ничего почти не видно. Вот если бы проделать хоть малюсенькое отверстие... Только чем? Я снял корону и приспособил для этой цели один из ее зубцов.

— Вы зачем декорации портите? — раздался над ухом чей-то негодующий шепот, и куда-то я этого умника послал. Он не отставал и продолжал разоряться, но я его не слышал, потому что уже смотрел спектакль через дырочку...

А там события развивались стремительно. Я даже позавидовал зрителям: им и после эксцентричной клоунады с королем-склеротиком в главной роли было не до скуки.

Злая мачеха наезжала на мою гимнастку, чтобы та ушла в монастырь. Тогда наследство, оставленное девушке покойным отцом, перешло бы к этой мегере и ее плаксивой ябедо-дочке. Рехнулась старая! Да чтобы такая юная, славная, спортивная девушка, такая ловкая, что за ней парням не угнаться, жизнерадостная, мечтающая о большой любви — да в монахини?! А фасад не треснет?

Сбывается мечта главной героини. Она встречает прекрасного (с ее точки зрения) рыцаря из соседнего королевства, который едет ко мне с дипломатической миссией от своего монарха. Тот, видите ли, хочет трех своих принцев на моих скороспелках женить. Девушка и этот нахал влюбляются друг в друга и договариваются пожениться, когда новоявленный женишок на обратном пути повезет мой ответ своему шефу. Расставание, светлая грусть, надежда на счастье...

А мачеха видит такое дело — бабки-то уплывают! — и задумывает, зараза такая, совсем погубить свою падчерицу! По совету злой колдуньи она посылает бедняжку в дремучий лес. От возмущения я даже не запомнил, за каким лешим. В общем — пойди в лес и посмотри, нет ли там меня!

Едет смазливый жених назад, а невесты нет. Мачеха лепит ему горбатого: мол, девка такая-сякая вертихвостка-изменщица его, славного рыцаря, не дождалась, выскочила замуж за проезжего богача и скрылась в неизвестном направлении. Этот молокосос распустил нюни и уши развесил для новой порции спагетти. А мачехе-стервозе того и надо. Она ему кубок вина с зельем подносит — горе подсластить и свою плаксу-ябеду подсовывает, чтобы тот на ней женился. Он ведь какой-то там граф. У старухи губа не дура: и наследство оттяпать, и титул урвать!

Посмотрел я на этого графа... Длинный, уши, как лопухи, а на них лапша, что твои аксельбанты... Эх, правду говорят — любовь зла...

От выпитого парень закосел и спать улегся, а мачеха повела свою ябеду примерять свадебное платье. Тогда из леса приходят Земляничка, Ежик и Орешничек. Орешничек так съездил бухого рыцаря по мягкому месту своей волшебной хворостинкой, что тот истребителем взмыл под потолок и еще некоторое время раздумывал, приземляться ли. Когда все-таки приземлился, Земляничка сняла с него похмелюгу, а Ежик, запинаясь, сообщил, что падчерица заблудилась в густом лесу, и вызвался быть проводником.

Возвращается мачеха и конопатая зануда в подвенечном платье, а графа уже и след простыл: в лес побежал. Плакса — в рев, а мачеха распсиховалась и давай икру метать: полетели вдогонку проклятия и угрозы, мол, вот пожалеюсь своей «крыше», колдунья тебе стрелку-то забьет!

Женишок успел вовремя: девушка была опутана какими-то дьявольскими лианами, а к ней со всех сторон подбирались вурдалаки и прочая сказочная мерзость. Освободил он ее от пут, разогнал противную пакость. Влюбленные обнялись, а я у себя за спиной услышал топот десятка пар ног. Пришло время финала: это пошла на сцену массовка, изображающая лесных чудищ, которых науськала на молодых злая колдунья. Вот первые из них с картонными пнями на головах, растопырив руки-коряги и раскорячившись, вступают в бой с рыцарем. Малыши испуганно завизжали и давай ножонками топать! Чудища наступают, а маленькие зрители вопят и топают все громче и громче. Молодые сражаются. Девушка творит чудеса: акробатические прыжки, подсечки, мавашки-гэри. Залюбуешься! А вот «доблестный» рыцарь, женишок ее, подкачал. Мечом, как веником, машет, стоит на прямых ногах. И кто его так учил? Срам один. Хорошо еще, что артисты, играющие чудищ, отыгрывают даже то, чего не было, и делают это так здорово, что создается иллюзия, будто суженый главной героини — искусный воин. Глаза бы не смотрели...

— Что же вы не переодеваетесь?! — внезапно налетели на меня две юные актрисы. — Вы что, забыли? *Вы же тоже выходите в массовке!*

И они меня, совершенно опешившего, буквально поволокли к выходу на сцену. Откуда-то возник картонный пенёк, который нужно надевать на голову и плечи.

Я растерялся:

— Девчата, да мне же на финал выходить, у меня там монолог. Когда же я успею?!

Но мне объяснили, что как только рыцарь погонит со сцены плохих, я должен удалиться первым, и тогда у меня хватит времени, чтобы снова принять облик короля и чин-чинарем выйти на финал.

— Ну, быстрее! Ну что вы копаетесь? Опоздаете же! — торопили меня.

Такие напористые девицы! Мне совсем не хотелось выходить на сцену именно сейчас и в таком качестве. Я готовился как-нибудь отыграть финал, чтобы потом, после спектакля, принести коллегам повинную и сказать: «Простите старика и прощайте!» Но эти появившиеся ниоткуда девчонки взяли меня в такой оборот и так насели, что я невольно поддался их натиску и засуетился.

Напялив на себя пень, я, подражая участникам массовки, растопырил руки и, дивясь собственной выворотности, поспешил на сцену походкой, так свойственной жертвам внезапного приступа диарреи.

И вдруг я почувствовал, как кто-то крепко схватил меня сзади за пояс и не пускает. Послышался зубовой скрежет и почти плачущий голос Еремееенко:

— *Штаны бы хоть передел!..*

Я глянул вниз и ахнул: на мне королевские панталоны, белые чулки с подвязками и начищенные башмаки его величества! Еще один конфуз. Да что ж такое...

Но обратной дороги уже не было: меня узнали!

— Ой, мама! *Король! Король!* — заголосила курносая девчушка, показывая на меня пальчиком. И вслед за ней остальная малышня захлопала в ладоши, еще сильнее затопала и закричала: «Король! Король! *Ура!!!*»

У меня защемило сердце. Нельзя обманывать маленьких детей! Нельзя разрушать их надежду на лучшее! Не позволю! Не я!..

Ничего другого не оставалось. Я решительно расцепил чужие пальцы на моем поясе и, не меняя характеристики, набросился на арьергард темных сил, награждая ненавидистых малышам чудищ пинками и затрещинами. Участники массовки не сразу поняли в чем дело, но потом, умницы, врубились и стали правильно отыгрывать мои действия, то есть, падать и уползать со сцены. Я вдруг осознал то, что *благодаря им, артистам массовки, это была моя лучшая, звездная, хотя и последняя роль*, ибо в том, что меня с позором выгонят, сомнения не было.

А напоследок хотелось пошалить, и я, вспомнив старое доброе кино, приподнял, как забрало, пень, показал ликующей детворе свое лицо и схулиганил.

— *Не видать, Гаврила, какая твоя работа!* — закричал я отвесившему челюсть женишку. — *А ну, покажь храбрость!*

И, нахлобучив пень обратно, я снова принялся за дело. Краем глаза вижу, как удивлена главная героиня. Она не сводит с меня своих больших голубых глаз, но сражаться продолжает как надо.

Вот только «доблестный» общую картину портит в ударном порядке. Он так ошарашен, что вообще застыл и тупо глазеет на меня с откляченной челюстью, а меч держит — ну очень неприлично... Закрой рот, ты, щелкунчик,— птеродактиль залетит! И двигайся хоть как-нибудь, а то у зрителей создается впечатление, что чудища натыкаются на волшебную статую, после чего корчатся в судорогах и уползают прочь зализывать раны, которых ты им, жлобина, не наносил!.. Нет, этот паралитик, как бог свят, погубит сцену.

Пользуясь тем, что зрители следят только за мной, а на хватившую «славного» рыцаря кондрашку внимания пока не обратили, подсакиваю к этому дылде, со словами «Дай-ка сюда, сынок!» отбираю у него меч и, размахивая клинком, обращаю полчище лесных чудищ в бегство! Когда последнее из них после увесистого пинка скрывается за кулисами, я сбрасываю с головы картонный пень и воздеваю к небу победоносный меч:

— *Наша взяла!*

Ах, если бы кто знал, как приятно, хоть на один миг, почувствовать себя Александром Невским! Может быть, примерно вот так встречали его псковичи после Чудского озера, как восторженно приветствуют меня сейчас благодарные малыши...

Зазвучала бравурная музыка финала. Я облегченно вздохнул. Гимнастка склоняется передо мной в глубоком реверансе и при этом незаметно наносит распрекрасному графу короткий удар кулаком в подколенную впадину. Иначе этот олух ни за что бы не опустился перед королем на одно колено,— так долго длится его удивление.

— Встаньте, милая! — Я галантно беру девушку за руку и помогаю ей подняться.— Ты тоже вставай! — милостиво кивнул я ее кавалеру и прочувственно заговорил в том духе, что, мол, друзья мои, самое страшное позади,— рухнули чары злой колдуньи, враги разгромлены наголову.

— А с вашей мачехой, красавица, я еще разберусь. Она у меня в два счета узнает, что такое нары!

Главная героиня смотрит на меня с живейшим интересом. У нее от смеха трясутся плечи. Она разругалась и стала еще краше. Жаль, что пора выдавать ее замуж, да еще за этого охламона. Однако то, что спектакль подходит к концу, вселяет надежду...

Я соединил руки молодых и с пафосом воскликнул:

— Дети мои! Будьте счастливы! Совет вам да любовь и — детишек побольше!

Потом потрепал графа по щеке и проникновенно добавил:

— *Будут проблемы, сынок,— обращайся без церемоний!*

Перед тем, как обняться со своим избранником, героиня лукаво сверкнула глазами и едва заметно показала мне язык.

Отгремел последний мажорный аккорд. Спектакль окончен. Артисты выходят на поклон. Гром аплодисментов и шквал эмоций зрительного зала. Вместе с основной группой участников спектакля я отступаю назад, оставляя на переднем плане главных героев — жениха и невесту. Но что это? Ушам своим не верю: детвора, а вслед за ней и взрослые начинают скандировать: *«Ко-роль! Ко-роль!»* Смотрю — вышедшие на поклон артисты тоже аплодируют. Уж не знаю, с каким сердцем они это делают... Приходится вернуться. Исполнительница главной роли перебежала, чтобы стать от меня справа и взять под руку, так что я вообще оказался посередине, в центре всеобщего внимания.

После нескольких поклонов ко мне стали подбегать малыши и подходить их мамы. Дети восторженно прыгали вокруг. Мамы протягивали для автографа программки. Особенно усердствовали русоволосая мама умненькой курносой малышки и та жгучая украинка, мамаша черненького хохотуна. Отпихивая друг друга, они просили кроме автографа еще и номер моего телефона. При этом они так выразительно на меня смотрели, что я вконец обнаглел и стал лихорадочно соображать, как распланировать вечера на неделю.

Мои вычисления прервал внезапно появившийся перед носом большущий букет цветов. Как честный человек и дворянин я рассудил, что было бы несправедливо, если бы он не достался отважной гимнастке. Я преподнес ей эти цветы и, поздравив с премьерой, негромко спросил, не согласится ли юная героиня после спектакля где-нибудь в уютном кафе за чашечкой кофе и бокалом шампанского рассказать мне, только поподробнее, где она научилась так восхитительно работать на трапеции. Когда я нагнулся, чтобы поцеловать изящную, но сильную ручку, то услышал возле самого уха: *«Ваше величество, вы неотразимы!»* И мою щеку обожгло многообещающее прикосновение горячих губ.

С ума сойти! Сердце мое бултыхнулось в океан оливкового масла, переполненная чувствами душа бурлила, как забродившая брага, воображение рисовало красочные картинки, одна другой соблазнительнее, вследствие чего в голове варилась черт знает

какая дьявольская каша. Мне еще никогда в жизни не было так хорошо! Пусть всем и всегда будет так же хорошо, как мне сейчас!..

Едва подумав об этом, я вздрогнул и с опаской покосился в сторону режиссеров. Там происходило нечто странное в свете того, что я только что наворочал. Критики, в отличие от зрителей, бросились не ко мне, а к Зое Сергеевне: «*Успех! Полный успех!*» — перебивая друг друга, кричали они и при этом горячо пожимали и трясли ей руки, покрываемые их же поцелуями. Евгений Петрович, наконец, отлепился от колонны, и лицо его начало приобретать прежние, естественные краски.

Зоя Сергеевна потрясенно и с недоверием смотрит поочередно на каждого из критиков, явно желая понять, не изволят ли шутить маститые эксперты в области театрального искусства. Но те совершенно искренне захлебываются от восторга:

— Ваш король — просто чудо!.. Редкостное дарование! Этот актер — поистине открытие сезона!.. Сколько ему лет?.. Неужели так много?! Ну — ничего, ничего... Зато какой *недюжинный талантище!*

Не понимая, как серьезные взрослые люди могут нести такой чудовищный вздор, Зоя Сергеевна переводит взгляд своих расширенных до предела глаз туда, где я давно уже, сам того не замечая, стою в обнимку с юной гимнасткой, причем нас всю фотграфируют. Зоя Сергеевна опять показывает мне кулак, но уже не так уверенно, и в уголках ее глаз теплится растерянная улыбка.

А критики не унимаются и теперь расхваливают режиссуру:

— Какая глубокая концепция!.. Какая оригинальная трактовка!.. Неожиданная сверхзадача!.. Злободневная проблематика!.. Актуальная тема!.. Современное звучание!.. Верно подмеченные параллели!.. Выпуклые характеры!.. Гражданская позиция!.. *Высокий жизнеутверждающий гуманизм!*

Зоя Сергеевна, совершенно сбивая с толку, снова оборачивается ко мне и, как бы ища поддержки, разводит руками: что они, мол, рыбный суп ели?

Меня разбирает смех. Действительно, неужели они это серьезно? Но окончательно добил меня тот критик, который подытожил:

— Вам непременно надо дать этот спектакль на сцене областного драмтеатра. *Его должна увидеть широкая театральная общественность!*

Я представил себе, как при полном аншлаге на сцене академического театра блестящий сказочный король кроет матом... И меня прорвало — расхохотался во все горло! Никогда раньше я так не смеялся! Меня буквально скрючило от смеха. Я задохнулся, я осел на пол, держась руками за живот, всерьез опасаясь, что что-нибудь внутри вот-вот лопнет, но остановиться не было никакой возможности. От натуги в глазах замелькал калейдоскоп разноцветных искр; голова закружилась, я потерял равновесие, стремительно падая куда-то в тартарары, и от собственного хохота... проснулся!

Я все смеялся, смеялся, смеялся и, наверное, минут тридцать корчился на своей постели в веселых мучениях. В течение этого получаса приступ хохота то затихал, то разгорался с новой силой. Наконец, я успокоился и огляделся.

На столе в напряженной позе сидел мой верный сибирский кот. Он встревоженно глядел на меня, выпучив свои зеленые глазища, как бы спрашивая: «Папа, что это с тобой?» Светящиеся электронные часы показывали без нескольких минут три.

Я встал, подошел к столу, погладил большого пушистого кота и, глубоко вздохнув, стал смотреть в окно, за которым безраздельно хозяйничала ночь. Тихо. Не слышно ни лая собак, ни ора затевающих драку котов. Все замолкло и замерло до утра в сонном оцепенении. Только часа через два зазвенит, зашаркает лопатой дворник, расчищая тротуар от свежего снега, и нехотя потянутся, каждый по своим делам и в своем направлении, первые прохожие.

Я всматривался в ночную мглу, прокручивая в памяти годы, посвященные народному театру. Как давно и как хорошо это было! Их не вернуть, этих радостных лет, наполненных светлыми ожиданиями и жаждой творчества. Никогда больше мне не выйти на сцену в театральной роли. Но я не испытывал горечи от того, что свою последнюю, самую веселую и яркую роль я сыграл во сне, и от того, что самое прекрасное и желанное так и осталось там, в волшебном мире сладких ночных грез. На душе у меня было покойно и светло. Мне хорошо. Хорошо, оттого что я здоров и полон сил, а под моей ладонью умиротворенно мурлычет большой сибирский кот. Мне хорошо, оттого что у меня есть дело, позволяющее сводить концы с концами, а иногда устраивать себе маленькие праздники. Мне хорошо, оттого что я знаю, зачем живу и что делать.

Скоро забрезжит рассвет. Встанет солнце. Будем работать, жить и радоваться жизни. Будем любить и, если повезет, будем любимы. А еще — понесем и дальше в своем сердце то удивительное, прекрасное, согревающее душу, вдохновляющее и наполняющее наше бытие высоким смыслом живительное добро, имя которому — *театр!*

Сергей Крестьянкин
(г. Тула)

ДЕРЕВЕНЬКА КРАЕВО

Родился в 1962 г. в г. Орле в семье военнослужащего. В конце 70-х годов минувшего века вместе с родителями переехал в Тулу, где окончил школу, а затем ТГПИ им. Л. Н. Толстого, ф-т русского языка и литературы. Окончил школу репортеров при газете «Молодой коммунар» и был ее внештатным корреспондентом. Публикации в газетах «За педагогические кадры», «Тульская молва», «Ударник», «Московский комсомолец», «Коммунар» и на областном радио.

Колокольный звон был слышен за много верст вокруг. В гору по дороге к церкви шла огромная толпа народа. Видно, вся деревня Краево вышла проводить помещика Сомова в последний путь. Впереди похоронной процессии шел поп с кадилом и библией в руках. За ним шесть человек несли богато убранный гроб. Следом шли певчие. После них медленно двигались оборванные и грязные, с усталыми лицами, крепостные.

Придя на кладбище, гроб поставили около свежевырытой могилы. Вокруг, насколько это было возможно, стояли люди — образуя плотное кольцо.

Постояв некоторое время в полном молчании, поп Нестор принялся читать молитву, певчие ему подпевали. Гроб заколотили и на веревках опустили в могилу. Все пришло в движение, крестьяне учащенно закрестились. Быстро образовался холм на том месте, где только что была яма.

Далеко за полночь в деревню въехал экипаж, запряженный парой стройных коней. Он остановился возле дома помещика Сомова. На стук в дверь вышел заспанный старичок. Он закланялся, впуская приезжего в дом, а лошадей отвел в конюшню.

На следующее утро из барского дома вышел молодой человек в черном смокинге и цилиндре. Окинув взглядом все вокруг, он заспешил в сторону церкви.

Поп Нестор находился еще в опочивальне, когда ему доложили о прибытии молодого господина. Неторопливо одевшись и расчесав бороду, он критически осмотрел себя в зеркале, проверив каждую деталь своего туалета. После чего степенно вышел к гостю. Каково же было его удивление, когда в молодом человеке он узнал Андрея Сомова.

— Андрей Романович, дорогой мой! Сколько же я тебя не видел?! — обнимая Сомова, восклицал поп Нестор. — Правильно сделал, что приехал. Не надо забывать родные места. Да, немного ты не успел. Роман Алексеевич так хотел тебя увидеть перед смертью. Он так и говорил: «Посмотреть бы на Андрюшу счастливого и достигшего высот науки, а тогда и помирать можно...» И вот, не дождался всего нескольких дней.

— Я хочу, чтобы вы проводили меня к могиле.

— Конечно, конечно, Андрей Романович, это же свято. Хоть сейчас сразу и пойдем.

После посещения кладбища, молодой помещик и святой отец Нестор возвратились в барское поместье, но вскоре священник покинул дом Сомовых.

На протяжении трех следующих дней Андрей Романович не выходил из дому и, как уверяли домохозяева, пил без передыху, требуя все нового и нового зелья.

На четвертые сутки, в пятницу, ближе к вечеру, к дому Сомовых подкатила телега, с нее слез, по всему видимо, офицер. Отряхнувшись, осмотревшись, заплатив мужику, он неторопливо вошел во двор. Как его встретил хозяин, о чем они вели беседу, никто этого не знает. Но на следующее утро, Андрей Романович не затребовал, как бывало, очередную порцию водки, хотя Аграфена уже приготовила даже на несколько бутылок больше, рассчитывая и на вновь прибывшего гостя. И до самого обеда из барских покоев не доносилось ни звука. Лишь в обед появился молодой офицер и сказал, что барин повелевает приготовить к пяти часам ужин на две персоны. Все эти три дня молодой помещик не притрагивался к пище, поэтому повар, араб Маиз, постарался на славу, и стол просто ломился от всевозможных вкусных и разнообразных блюд.

Аграфена послала Анфису — молодую девку, в барские покои, дабы сообщить, что стол накрыт. Но не успела та проделать и половину пути, как дверь во втором этаже распахнулась, и по лестнице неторопливо начал спускаться помещик в сопровождении своего гостя — молодого стройного человека в офицерском мундире с маленькими усиками на верхней губе и пышными бакенбардами, переходящими в аккуратную бородку.

Барин, в свою очередь, совсем не походил на человека, который на протяжении нескольких дней пил без передыху. Хороший, здоровый цвет лица, гладко выбритая кожа, абсолютно ясный, хотя и печальный взгляд карих глаз, аккуратно расчесанные волосы. Все это вызвало крайнюю степень удивления у всех окружающих, не ожидавших увидеть молодого барина в таком хорошем состоянии.

Ужин прошел в полном молчании.

Андрей Романович ел мало и вяло. Его же гость, напротив, уплетал все подряд без разбору с огромным аппетитом. И смотря на него, можно было подумать, что это не Сомов, а он трое суток отказывался от еды.

После ужина офицер от имени хозяина распорядился заложить тройку.

Андрей Романович продолжал молчать.

Экипаж подали к крыльцу. Барин, так и не проронив ни слова, уселся, рядом с ним — его гость, и они медленно покатали неизвестно куда. Кучер тихо, но умело правил лошадьми. Видимо, настроение господ передалось и ему. Он то же молчал, сидел сгорбившись, и думал о чем-то своем.

Почти около каждой крестьянской избенки экипаж надолго останавливался. Мужики и бабы кланялись и ждали, что скажут господа, но те молча смотрели, и крестьяне постепенно расходились по своим делам, а экипаж продолжал двигаться дальше. Было похоже, что молодые люди изучают крестьянские жилища или быт. Создавалось впечатление, что барин никогда не видел такой жизни и теперь, как бы случайно наткнувшись, с удивлением рассматривал ее во всех подробностях.

Уже совсем стемнело, когда барин с гостем соизволили вернуться домой. Наскоро выпив по чашке чая, господа отправились в опочивальню, не сделав никаких распоряжений на завтрашний день.

Вся прислуга была в недоумении; не привыкшие к такому поведению господ, они не знали, что и подумать. «Уж не кондрашка лихватила их молодого барина... Что-то он все молчит, а распоряжается приезжий... Не потерял ли их хозяин, чего доброго, дар речи! Ох, не к добру все это...» Все были взволнованы, в ожидании, что что-то должно произойти. Спали эту ночь плохо: кого мучили кошмары, кто вообще не спал.

А утром, ни свет ни заря, господа вновь уехали, никого не предупредив и не сделав никаких распоряжений.

Вернулись опять поздно. Андрей Романович был очень рассержен, кого-то сильно ругал, и не мог найти себе места от волнения. «Вот оно. Началось...» — в страхе подумали домочадцы, прячась по углам. Но на удивление очень скоро Сомов успокоился, затребовал к себе самовар, варенья и сдобных булочек.

Часов до двух они с приятелем о чем-то тихо беседовали. Причем молодой помещик вскакивал с места, размахивал руками, горячился, но, постоянно натываясь на спокойный, хладнокровный и убедительный говор гостя — остывал, садился и продолжал пить чай, слушая неторопливую речь офицера.

В шесть утра дверь во втором этаже отворилась и на балкончик вышел молодой барин в пестром халате.

Оглядевшись вокруг и постояв немного в задумчивости, он поскреб подбородок и негромко позвал:

— Аграфена...

Ему ответом была полная тишина.

— Аграфена! — слегка крикнул он.

Тотчас же в глубине дома раздалась возня, захлопали двери и перед взором Сомова предстала пожилая женщина в сером выцветшем платье и каких-то лохмотьях на ногах. Редкие с сединой волосы туго закручены на затылке. Рукава платья закатаны по локоть, обнажая сильные, мускулистые, привыкшие не бояться никакой тяжелой работы, совсем не женские руки.

— Чего изволите, барин? — она смотрела на него снизу вверх в ожидании.

Молодой помещик не торопился с ответом, видимо что-то обдумывая.

Постояв несколько минут в молчании, он вероятно пришел к какому-то решению, так как быстро спустился вниз и подошел к женщине.

— Ты вот, что, Аграфена... Кстати, как твое отчество?

— Да зачем это вам, барин? Аграфеной меня кличут. Всю жизнь Аграфена... Я так и привыкла... А вы — отчество...

— Вот и плохо, что привыкла. Так как же твое отчество, я тебя спрашиваю?

— Никитична, барин...

— Никитична... Значит вот, что, Аграфена Никитична, во-первых, не называй меня барином, а зови просто Андреем.

— Да как можно, барин,— опешила Аграфена.

— Ну вот, опять ты за свое... Скажи, пожалуйста, я твой барин?

— Ясное дело — барин.

— Значит ты должна выполнять все, что я тебе прикажу?

— Приказывай, барин,— покорно согласилась женщина.

— Вот я тебе и приказываю не называть меня барином, хозяином или господином, а зови меня, если не Андреем, то Андреем Романовичем. Ясно?

— Ясно, барин.

— Ну вот опять. Я же только что говорил. Уясни себе это хорошенько и всем остальным передай. Иначе буду наказывать, и очень строго. Теперь ясно?

— Ясно.. Андрей Романович,— со вздохом отвечала Аграфена.

— А я тебя буду называть Аграфена Никитична. Ты все-таки раза в три старше меня... А что, есть у тебя муж, дети?

— Муж конюхом еще при вашем батюшке, царство ему небесное, на службе состоял. А дети... Двое в солдатах, один маленький помер, дочка сейчас растет... Пятнадцатый год пошел.

— Так, понятно... И еще. Гостя моего зовут Аркадий Львович Инсаров. Запомни. Аркадий Львович и никак больше. Ясно?

— Да уж куда ясней,— развела руками Аграфена.

— Ну вот и чудесно. А теперь ступай и вели приготовить нам завтрак.

Завтрак удался на славу. Господа плотно поели и все не переставали расхваливать поварское искусство в приготовлении необычайно вкусной пищи. После чего были подготовлен экипаж и молодые люди отправились в свою очередную поездку.

На кóзлах сидел все тот же мужик в какой-то грязной, прожженной в нескольких местах хламиде и бесформенном рваном картузе. На ногах у него виднелись дырявые лапти, да такие, что лучше бы их было снять вовсе и ходить босиком, чем носить такие.

Кучер был заросшим до такой степени, что казалось, будто бы борода у него начинается под самыми глазами. Он сидел сгорбившись и со стороны казался маленьким беззащитным птенцом, который еще не умеет летать. Но лошадыми управлял здорово. В натруженных мозолистых руках мужика чувствовалась необычайная сила, и лошади слушались малейшего его движения. Любо-дорого было смотреть на этот хорошо слаженный, отточенный годами «механизм».

В городе экипаж остановился возле владений цирюльника. Господа привели себя в надлежащий вид. И с огромным трудом, прилагая неимоверные усилия, удалось затащить туда возничего и придать ему человеческий облик.

После посещения цирюльника кучер превратился в молодого человека лет тридцати, да к тому же еще и приятной наружности. Тихон, так звали кучера, долго стоял перед зеркалом; рассматривал свое отражение; трогал лицо руками... Господа сидели в стороне молча, только тихо посмеивались, но не мешали Тихону созерцать и привыкать к новому своему обличию. Вот он последний раз посмотрел в зеркало, тяжело вздохнул, как бы смиряясь со своим положением, вышел на улицу, проверил подпруги у лошадей и уселся на свое привычное место.

Отъехав от цирюльника и повернув обратно экипаж, не доехал до деревни Красной неторопливо направился к следующей деревеньке. Пассажиры вели тихую непринужденную беседу; возничий дремал на кóзлах; в абсолютно чистом, без единого облачка, небе пел свою знаменитую песню жаворонок; солнце лениво смотрело с высоты, но все-таки по крупицам, как бы нехотя, одаривало землю теплом. Дождь, по всей очевидности, в ближайшие сутки не предвиделся.

Андрей Романович вот уже на протяжении нескольких минут рассеянно слушал своего товарища, думая о чем-то своем, но вдруг встрепенулся, чуть приподнялся, высматривая что-то впереди. Инсаров проследил за взглядом Сомова и увидел далеко по направлению их движения черный столб дыма.

— Ну вот и деревенька Горелица,— проговорил Андрей и, печально усмехнувшись, добавил:

— А это — ее опознавательный знак, чтобы не сбиться с пути.

— Почему Горелица? — поинтересовался офицер.

— Да уж так ее привыкли называть. Испокон веков ей везло на пожары. Я с детства помню — там вечно что-либо горело. Народ привык к этому, утвердившись во мнении, что это бог наказывает их за прегрешения. Тихон, прибавь-ка немного ходу!

Когда они въехали в деревню, то увидели, что (скорее всего) сарай сгорел дотла. Дымились еще отдельные головешки, но в основном пожар закончился. Огонь умирал и бился в своих предсмертных судорогах. Погода стояла тихая и безветренная, поэтому огонь был не опасен — у него не было уже сил перекинуться на соседние деревянные постройки.

— Удивительно, но я не вижу ни хозяев, ни толпы зевак. И по-моему никто даже и не пытался затушить пожар,— не переставал удивляться увиденному Аркадий Львович.

— Я же тебе говорил, что дело привычное и никого этим не удивишь. Такое случается чуть ли не каждые полгода. Все привыкли и считают, что это бог гневается.

Они долго стояли над огромным затухающим кострищем, о чем-то тихо переговариваясь, прежде чем отправиться дальше.

Но не проехали и сотни метров, как снова пришлось останавливаться. Какой-то мужик яростно избивал женщину. А та не кричала, не стонала, лишь молча плакала, утирая глаза тряпицей.

Андрей с Аркадием, не сговариваясь, одновременно выскочили из экипажа и в мгновение ока оказались на месте расправы. Мужик и глазом не успел моргнуть, как был отброшен далеко в сторону.

— Да как ты смеешь, подлец, бить женщину! — Сомов прямо кипел от возмущения.

Инсаров склонился над женщиной и что-то тихо ей говорил.

— Дык... это, барин... как его, — поднимаясь на ноги, кряхтел Ермолай. — Да ведь это баба, и к тому же моя жена.

— А что, если — баба, то ее и бить можно, словно скотину? — закричал молодой помещик.

— Дык, провинившаяся она, вот я ее и учу уму-разуму-то. Всегда так было...

— А теперь больше не будет! — резко прервал мужика Сомов.

Ермолай не знал уже куда и деться от грозных очей барина. А тот в свою очередь проговорил:

— Во-первых, это — не баба, а — женщина. Во-вторых, проси у нее прощения сейчас же, здесь, при мне.

Когда перепуганный до смерти Ермолай выполнил приказание господина, тот продолжил:

— И в-третьих, чтобы впредь я не видел больше таких вещей, иначе шкуру с тебя спущу. Запомни хорошенько все, что я тебе сейчас сказал и — смотри у меня!

Экипаж уже отъехал от этого места, но в ушах еще долго стоял лепет опешившего мужика: «Дык, это... как его... ясно... Дык, это... можете не сумлеваться... Дык, барин, конечно... чего же тут непонятного... Дык, это...»

На следующий день офицер ходил по дворам и переписывал всех крестьян от мала до велика, а молодой помещик до самого вечера, отобрав у обалдевшего от неожиданности мужика плуг, самолично пахал землю. И так было несколько дней. Инсаров за это время согнал часть крестьян в летний дом барина и принялся их обучать грамоте...

А Сомов объявил всех своих крепостных вольными. Сам целыми днями пахал землю. Хорошим работникам дарил сапоги, платки, платья... А совсем уж нищим крестьянам давал некоторое количество денег.

И пошел по деревням слух, что молодой помещик или тронулся умом, или околдован нечистой силой в образе офицера, так как все это началось с его приезда.

Несколько раз поместье Сомова навещал святой отец Нестор и соседи-помещики. Но Андрей Романович очень мало уделял им внимания и уезжали они обиженными, взволнованными и рассерженными. Зарекаясь, что впредь «ноги их больше не будет в этом доме».

А жизнь в деревеньке Краево и в других деревушках поместья Сомовых шла своим ходом. С тех пор прошло несколько месяцев, как приехали господа и взяли бразды правления в свои руки. У жителей этих деревень пропал тот первобытный страх, который они испытывали при старых хозяевах. Андрей Романович на свои деньги закупил несколько коров, лошадей, уток, гусей и раздал всю эту живность самым бедным из крестьян.

После всех тех перемен, которые произошли за эти месяцы, люди окончательно уверовали, что бог услышал их неоднократные молитвы и ниспослал им доброго барина.

В конце концов барский дом оказался тесен и не мог уже вместить всех людей обучающихся грамоте. Нужно было новое просторное и светлое помещение. Поэтому Аркадий Львович, с помощью крестьян, расчистил место под школу, привез кое-какие материалы, и крестьяне, под его руководством и по его собственноручно изготовленным чертежам, принялись воздвигать стены будущего храма науки.

Как известно, людская молва распространяется необычайно быстро и вскоре о деревеньке Краево заговорили не только в окрестных деревнях и близлежащих городах, но и в самом Санкт-Петербурге. Сначала при царском дворе диву давались, прослышав о творившемся в поместии Сомовых. Затем многозначительно улыбались и даже смеялись... Стали очень модными, на некоторое время, появившиеся анекдоты про деревеньку Краево, тамошнего помещика, молодого офицера и т.д.

Но вскоре до высшего света начали доходить слухи об очередных новшествах, придуманных и приводимых в исполнение молодым помещиком, и стало совсем не до шуток...

— Если и дальше эдак пойдет, то что ж это будет-то!? — возмущался помещик Нахопетов — ближайший сосед и когда-то лучший друг семьи Сомовых.

— Ты, Николай Трофимыч, не горячись, — убеждал того Елизар Палыч Маров — помещик из «Орлиных Гнездовий». — Мы для этого и собрались здесь все вместе. Тут надо с умом подойти и не спеша во всем разобраться.

— Да пока разбираться станешь, — вмешался в разговор помещик Логвинов, имеющий самые лучшие и сочные луга во всей округе, — там одному богу известно, что может произойти!

— И то верно, — поддержал того Никодим Егорыч. — Среди моих крепостных уже шумок какой-то ходит. А дальше что, я вас спрашиваю? Различные недовольства, волнения всякие начнутся. Выйдут из повиновения, а там и до бунта недалеко. Вы этого хотите?

— Ну зачем же сразу рисовать такие мрачные картины, — скривился, как от зубной боли, Маров. — Все-таки Андрей Романович, недавно вступивший во владения — помещик молодой. Опыта у него недостаточно. Я предлагаю встретиться с ним, побеседовать. Разъяснить, что к чему. Указать на ошибки, раскрыть ему глаза и помочь, если потребуется.

— Эх, Елизар Палыч, — вздохнул Петр Евграфович Климов, — Вы долгое время отсутствовали в своей деловой поездке и не в курсе настоящего положения дел.

— Так в чем же дело? Объясните мне, наконец!..

— А дело в том, — продолжал Петр Евграфович, — что мы уже неоднократно, и по одиночке, и группами навещали Андрея Романовича, но образумить его, как видите, не удалось.

— А я считаю, — задумчиво произнес после некоторого молчания Никодим Егорыч Паташов, — что во всем виноват тот молодой офицер, который почти с самого начала правления Сомова проживает у того в поместии и, как видимо, имеет огромное влияние на вновь испеченного помещика.

— Кстати, что он из себя представляет — этот офицер, случайно никто не знает? — поинтересовался Нахопетов.

— Как же, как же, — сразу откликнулся, до сих пор молчавший, Евлампий Порфирьевич — маленький лысоватый человечек с длинным и удивительно острым носом и с хитрым прищуром глаз. — Навели справочки, кое-что разузнали. Аркадий Львович Инсаров, 26 лет отроду, холост. Поручик армии Его Императорского Величества и все в таком духе. Короче, он после ранения находился на излечении, а сейчас в долгосрочном отпуску.

— Я предлагаю вот что, — опять поднялся со своего места Макар Спиридонович Логвинов. — Всем нам, кто сейчас здесь собрался, поехать к Сомову и пригро-

зять, что если он не прекратит своих безобразий, то мы будем вынуждены принять крутые меры. А уж какие меры, можете не сомневаться, все вместе мы найдем на него управу, какое бы не имел его батюшка, царство ему небесное, высокое положение при дворе.

На том и остановились, так и порешили, с тем и поехали в деревеньку Краево.

Недолго удалось помещикам погостить у Андрея Романовича. Не успели они приехать, как уже уезжали восвояси.

На их лицах было красноречиво написано, что всем этим взрослым, умудренным опытом, людям не удалось укротить одного единственного, совсем еще молодого помещика, направить его, как они выражались, «на путь истинный».

После этого случая, как обычно, на смену дня приходила ночь; повар Маиз также превосходно готовил завтраки, обеды и ужины; Аркадий Львович продолжал обучать людей грамоте, счету и всевозможным интересным вещам, в которых сам прекрасно разбирался, и к тому же принимал непосредственное участие в строительстве школы.

А Сомов закупал для крестьян коз, лошадей, коров, кур, индюшек и так далее, и всячески помогал поднимать их хозяйства. Сам пахал, сеял, чинил инвентарь, учился плести корзины из ивовых прутьев, добывать лыко, обжигать горшки, ковать железо, ставить силки и капканы. Одновременно с этим он начал постройку десятка домов для, теперь уже не крепостных, крестьян в различных своих деревушках.

Полгода уже прошло, как появился новый барин. С тех пор люди перестали испытывать чувство страха. Они были спокойны за завтрашний день — знали, что голодными теперь не останутся. Стали хорошо одеваться, распрощавшись с лохмотьями; привели себя в надлежащий человеческий вид. Взяли за правило умываться каждый день. Теперь всякий — работает не надрываясь; почти все живут в достатке и в каждой семье есть все самое необходимое. На лицах у людей теперь не такое уж редкое явление — обыкновенная улыбка. Дети радостно играют в свои детские игры.

Все чаще в деревнях поместья Сомова слышится смех и веселые песни.

Поговаривали, что способных крестьян хотят послать учиться в большие города, а наиболее одаренных — даже за границу.

Казалось, ничто уже не сможет нарушить такого положения вещей, но так только казалось...

Помещики все-таки выполнили свою угрозу. Что они проделали, никто толком не знает, но только через месяц после последнего их посещения деревни Краево, на имя молодого помещика из самого Санкт-Петербурга пришел большой пакет с гербовыми печатями, на который, кстати сказать, Андрей Романович никак не отреагировал. А спустя месяц пришел еще один такой же пакет, которому тоже было уделено минимум внимания. После этого на протяжении двух месяцев их никто не беспокоил. За это время уже около сорока процентов всех людей поместья Сомова было обучено грамоте; построено около двух десятков домов для крестьян, и белокаменная школа возвышалась на пригорке — осталось только покрыть ее крышей и вставить стекла.

Но неожиданно в деревеньке Краево появилась богатая карета с каким-то важным чиновником, как уверяли: особо приближенным к Его Императорскому Величеству, в сопровождении полсотни верховых.

Почувствовав неладное, Аким — самый одаренный из крестьян и первый помощник молодых господ, отправил в деревню Крапивино посланника за Инсаровым.

Около трех часов находился чиновник в доме Сомова. О чем они беседовали — одному богу известно. После этого Андрея Романовича усадили в карету и с почетным эскортом увезли неизвестно куда.

Аркадий Львович прибыл с опозданием, но застал дожидавшегося его посыльного, который передал тому пакет от прямого начальника Инсарова. В послании говорилось о немедленном прибытии поручика к месту службы.

Ни Инсаров, ни Сомов больше не вернулись в деревеньку Краево.

Все крестьяне были вывезены далеко за пределы поместья и проданы малыми группами различным помещикам.

Андрея Романовича, это не составило большого труда, поместили в дом для умалишенных.

Дальнейшая же судьба Аркадия Львовича неизвестна. Поговаривали, что он воевал где-то на Кавказе и будто бы был убит. Другие, знавшие его, уверяли, что он попал под лавину в горах, что сорвался в пропасть. А третьи говорили, что он оставил военную службу и подался не то в Англию, не то во Францию.

И как-то сразу все забыли о Сомове и Инсарове, по крайней мере перестали об этом говорить. И только белокаменное здание на холме без крыши и окон напоминало о былых временах. Оно являлось своеобразным памятником, как бы подтверждающая, что все это происходило в действительности, а не являлось каким-то голубым сном...

Шел 1861 год — год отмены крепостного права.

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

ЗАТМЕНИЕ

1

По окончании рабочего дня Роберт Петрович, вышел из института, где работал. Был осенний, но еще теплый день. Шел в самом хорошем расположении духа, потому что был молод, успешен в работе, свободен и хорош собой. Знал, что нравится девушкам. Уже была Лариса, с которой встречался почти год, и намечалось что-то серьезное.

Только что вернулся из отпуска, был свеж и полон разнообразных планов.

Шел, напевая легкий мотивчик.

Минут через пять он встретил девушку. Интуитивно почувствовал, что для нее встреча с ним не была случайной. Она, увидев его, сразу направилась к нему. Еще чуть-чуть и она сказала бы «здравствуй». Роберт Петрович замедлил шаг, но только на мгновение. Ничего необычного, яркого, достойного его внимания в ней не было. Серые глаза, приятное, улыбчивое лицо. Улыбнувшись в ответ, пошел дальше, краем глаза успел заметить недоумение и разочарование на ее лице.

По мере отдаления от места мимолетной встречи почувствовал, что где-то эту девушку видел раньше. Что-то знакомое ему было в ее фигуре, лице. Но что?

Весь дальнейший путь его занимала мысль, где и когда мог ее повстречать. Через некоторое время им овладело странное чувство, что не только видел ее раньше, но памятью рук знает ее фигуру, тело, даже запах его. Обернулся, чтобы спросить, где они встречались, но она исчезла в толпе, которая всегда образуется перед входом в метро по окончании рабочего дня.

И тут он вспомнил все.

2

Как молодому сотруднику, первый год по окончании вуза принятому в НИИ, Роберту Петровичу пришлось работать все лето. Отпустили через год, в сентябре, и снабдили путевкой на круиз на теплоходе до Волгограда и обратно.

Пришлось согласиться, хотя перспектива две недели провести в замкнутом пространстве в обществе неизвестно каких попутчиков радовала мало.

На Речном вокзале Роберт Петрович взошел по шатким сходням на оказавшийся вполне приличным теплоход «Николай Гоголь». К немалому разочарованию узнал, что по его профсоюзной путевке ему полагается на нижней палубе место в четырех-

местной каюте, за иллюминаторами которой совсем близко плескалась мелкая речная волна. По праву первого пассажира расположился на нижней полке. Через некоторое время явились его попутчики — молодые парень и девушка, как потом выяснилось, молодожены, и средних лет мужчина, тоже по профсоюзной путевке от завода отправленный в круиз.

Перезнакомились.

— Миша.

— Даша.

Это молодожены.

— Петя, — сказал коротко человек с завода.

— Роберт Петрович. Я врач и поэтому привык представляться по имени-отчеству.

Теплоход издал три гудка — два коротких и последний — длинный и стал медленно отдаляться от причала. Провожающие с причала махали руками, отбывавшие с борта теплохода делали то же самое в ответ. Лариса не пришла проводить, была в командировке. Но обещала встретить по возвращении. Она была газетный журналист, поэтому часто бывала в командировках, и эти частые разлуки, иногда по неделе и больше, поддерживали в них интерес друг к другу, который они считали любовью.

Первые день-два Роберт Петрович не знал, куда себя деть. Миша и Даша были заняты только собой и просили без стука не входить в каюту, где проводили большую часть дня. Петя быстро нашел себе компанию для игры в карты. Пройдя весь теплоход снизу доверху, Роберт Петрович на верхней палубе нашел кают-компанию, просторную, светлую от больших окон, с большим портретом Николая Васильевича Гоголя в простенке. Стеклопанель из кают-компании выводила на площадку, которая простиралась до самого носа теплохода. Здесь можно было постоять, опершись на перила, и полюбоваться проплывающими по обеим сторонам пейзажами.

В погожие дни кают-компания была почти пуста. Несколько человек, чаще пожилые пары проводили здесь послеобеденное время. Сидели молча или неторопливо и неслышно разговаривали. Читали. Смотрели телевизор. Если же принимался нудный сентябрьский дождь, да еще и ветер, кают-компания наполнялась, и можно было видеть большее разнообразие лиц. Вечерами публика менялась. Приходили немногие среди пассажиров молодежь, молодые замужние пары. С первых же дней стали бывать здесь соседи по каюте — Миша и Даша. По корабельному радио давали танцевальную музыку. До одиннадцати часов длились танцы.

В первые дни Роберт Петрович часто сиживал в кают-компании. Разглядывал окружающих. Иногда читал прихваченный на время неизбежной, как он думал, скуки в вынужденном путешествии только что вышедший роман «Путешествие дилетантов». Думал, что это роман о путешествиях, и будет что сравнить со своим круизом, но, раскрыв книжку, обнаружил, что это «записки отставного поручика Амираана Амилахвари», и вовсе не о путешествиях, и вообще девятнадцатый век.

По прошествии нескольких дней понял, что, собираясь в это непривычное путешествие, «дал маху», как он сказал себе. По утрам некоторые из пассажиров бегали трусцой по палубе. Это стало в последнее время модно. На них были спортивные костюмы и кеды. Роберту Петровичу бегать было не в чем. Взял лишь костюмную пару, куртку на случай непогоды, рубашки и даже два галстука, полагая, что это приличествует принадлежности его к врачебному сословию, а также круизному путешествию.

Бегать трусцой в костюме и штиблетах было невозможно, и он стал ходить в хорошем темпе по второй палубе, решив делать, переходя с одного борта на другой, не меньше десяти кругов в день.

В один из дней, выполняя необходимую в условиях ограниченного пространства

физическую нагрузку, увидел сидящих в шезлонгах двух женщин. Одной из них было явно за сорок. Другая была молодая, моложе его, девушка приятной, как про себя отметил, наружности. Они были заняты разговором и не обратили на него внимания. Через пару дней, когда проходил мимо, невольно для себя улыбнулся им, как знакомым вследствие каждодневных встреч, и получил улыбку в ответ. В другой раз на первом круге своей пешеходной прогулки поклонился им со словами «доброе утро» и в ответ получил благосклонный наклон головы обеих женщин.

Перед обедом, проходя мимо кают-компаний, он услышал звуки фортепьяно. Войдя, увидел за инструментом ту самую молодую девушку, которая ответила поклоном на его приветствие утром. Он сел и стал слушать. Слушателей было мало. Кроме старшей подруги девушки, еще несколько человек тихо сидели, впечатленные необыкновенностью обстановки — звуки фортепьяно и за широкими окнами кают-компаний проплывающие пейзажи ранней русской осени. Когда она закончила играть, раздались редкие хлопки немногочисленных слушателей. Роберт Петрович тоже несколько раз ударил в ладоши.

И девушка заиграла снова.

Когда импровизированный концерт закончился, обе женщины вышли из кают-компаний, и Роберт Петрович последовал за ними.

— Что вы играли в самом конце? — спросил он.

— А вы не узнали? — вопросом ответила девушка.

— Я люблю классическую музыку, — почти правду сказал молодой доктор, — но не настолько, чтобы узнавать редко исполняющиеся произведения мало известных авторов.

— Вы угадали, это редко исполняемое инструменталистами произведение пока еще мало известного у нас композитора, — ответила спутница девушки. — Оно звучит в фильме Михалкова про Обломова. Помните? Это переложение для фортепьяно каватины Нормы из оперы Беллини «Норма». Называется «Casta Diva».

— Я врач. Такие тонкости мне недоступны.

— Какое совпадение. Инна Григорьевна тоже врач.

— А Лена студентка консерватории, — пояснила Инна Григорьевна.

— Тогда все ясно, — заключил Роберт Петрович.

* * *

После знакомства с Леной и Инной Григорьевной Роберту Петровичу стало не так скучно на теплоходе «Николай Гоголь». От утренних прогулок быстрым шагом по палубе он не отказался, но все чаще они втроем стояли на палубе и смотрели на проплывающие мимо берега. Теплоход плыл все дальше и дальше. Миновали Рыбинск. Любовались колокольной церкви, затопленной рукотворным морем.

— Вы кто, Роберт Петрович, по специальности? — спросила Инна Григорьевна.

— Педиатр. А вы ?

— Как интересно — мужчина педиатр. Я врач, как говорят, темных дел.

— Как это?

— Угадайте, — весело сказала Лена.

— Патологоанатом.

— Не угадали.

— Сдаюсь. Не знаю.

— Кто работает в темноте? На ощупь? — не унималась Лена.

— Может быть, извините, гинеколог?

— Хватит гадать. Я рентгенолог, — прервала дальнейшие отгадки Инна Григорьевна. — Педиатр редкая для мужчин специальность. Почему? Только не говорите, что любите детей.

— Именно потому, что люблю детей. Больше, чем взрослых.

— Взрослые интереснее,— вступила в разговор Лена.— Попадают артисты, художники...

— Не скажите. Взрослые скучны, не искренни. Я, когда утром вхожу в отделение, мне навстречу бегут мои пациенты, и я вижу, что они искренне рады мне...

— Бегут? Разве они не лежат на кроватках? — спросила Лена.— Они же больные.

— Не все больные лежачие... Знаете, как бывает трудно завоевать доверие ребенка. Но если это удастся...

— Вам, наверное, всегда удается? — сказала Лена.

— ...как бывает приятно. Доверие ребенка многого стоит. Но его можно легко потерять, если...

— Если что? — Лена не сводила с Роберта Петровича глаз.

— ...если быть невнимательным к нему, к его вопросам, просьбам.

Молодому доктору было приятно внимание девушки. Он старался его удержать.

* * *

Вечером в каюте, улегшись на свою нижнюю полку, Роберт Петрович раскрыл «Путешествие дилетантов». Окуджава уже был известен своими песнями под гитару, и он думал, что роман будет о путешествиях, песнях у костра и веселых компаниях. Но первые же строчки обманули его ожидания. «Я присутствовал на поединке в качестве секунданта князя Мятлева. Князь стрелялся с неким конногвардейцем, человеком вздорным и пустым...». Он дошел до того места, где князь Мятлев музицирует за фортепиано, и некий заезжий музыкальный гений бурно восхищается его игрой. «В следующий раз попрошу Лену играть, и постараюсь выказать восхищение», решил Роберт Петрович. «Собственно, зачем?», спросил себя. «Да, так», ответил себе доктор.

В каюту после ужина и танцев возвратились Миша с Дашей и Петя. Начались разговоры о медицине, как бывает всегда, когда в компании оказывается врач. Книгу пришлось отложить в сторону.

Миша и Даша совсем юны. Мальчик и девочка. Они сидели на нижней полке напротив Роберта Петровича тесно, бок о бок. Когда говорил Миша, Даша с восхищением смотрела на него. Когда говорила Даша, с нее не сводил глаз Миша. Их речь была эмоциональна, но бедна словами, чтобы выразить то, что они хотели сказать. «Техникум или профучилище... Или рабочая молодежь», отметил про себя Роберт Петрович.

Пришедший следом рабочий Петя взобрался на верхнюю полку, в разговоры не вступал, и вскоре оттуда послышался легкий, но все усиливающийся храп.

— У нас в деревне была бабка. От всех болезней могла заговаривать. А фельдшер не понимал ни шута. К нему и не ходили. А ты умеешь заговаривать? — спросил Миша.

— Зубы заговаривать умею,— хотел отшутиться Роберт Петрович.

— Н-е-е-т, от всяких других болезней?

— От всяких других болезней я умею лечить.

— Лечить это долго. Бабка пошепчет, пошепчет и все сразу как рукой снимет.

— А ты сам ходил к ней? Она тебе шептала? — улыбнулся Роберт Петрович.

— Я нет. Один раз у меня воспаление легких было. В зад уколы ставили. Целую неделю.

— Понимаешь, Миша, заговор бабок рассчитан на внушаемость человека...

— Как это?

— Прежде всего ты должен верить этому человеку. Бабке. О ней уже молва идет. Она говорит, шепчет то, чего ты не понимаешь...

— Это точно,— огласился Миша.

—...И ты думаешь «всем помогает, и мне сейчас поможет». И ты чувствуешь облегчение.

— Вы знаете, правда. Я когда маленькая была...

— Ты и сейчас еще маленькая,— авторитетно сказал Миша, прервав Дашу.

—...У меня чего-нибудь заболит, ну, живот, например, бабка моя положит мне руку на живот и говорит «придет киска, придет лиска, боль у Дашки заберет и в лес унесет». А рука у нее теплая, мягкая. Несколько раз так скажет и живот перестает. Или когда ухо болело. На ухо руку клала.

— А почему только бабки умеют так делать? Шептать, заговаривать? — спросил Миша.

Молодому доктору нравилась любознательность ребят. Вопросы их были просты, наивны. Ответить не представляло труда.

— Потому что это бабки. Наши или чужие бабушки. Мы же любим своих бабушек, доверяем им. Поэтому помогает. Это и называется внушаемость.

Храп на верхней полке прекратился. В разговор вступил Петя.

— А ты хирург? — спросил он, свесившись с полки.

— Нет. Детский врач.

— Я только хирургов признаю. Ни тебе таблеток, ни уколов. Болит? Отрезал и все дела.

— А если то, что болит, отрезать нельзя? — вопросом ответил Роберт Петрович.

— Тогда само пройдет. Лечи, не лечи.

Роберт Петрович почувствовал, что разговор с Петей будет бессмысленный.

— Все, ребята, спать пора.

Закрыв книгу, которую так и держал открытой. Выключил над головой свет и отвернулся к стене.

Еще не заснув, он слышал, как Петя убеждал молодоженов, что во врачи должны идти только мужики, а бабам следует быть только акушерками.

* * *

Плавание продолжалось.

После Куйбышева, отплыв несколько часов, теплоход причалил к берегу. Это была так называемая «зеленая стоянка». Предлагалось сойти на берег и погулять не по надоевшей уже палубе, а по зеленой травке, пройти по опушке леса, а на поляне поиграть в футбол. Место для такой стоянки было выбрано удачно — были и лес, и поляна, и небольшое футбольное поле с воротами.

По трапу сошли на легкий деревянный причал и ступили на землю. Был теплый сентябрьский день, и только иногда воздух наполнялся знобящим прохладным ветерком. Роберт Петрович сошел на берег вместе с Леной и ее неизменной спутницей Инной Григорьевной. Пошли прогуляться по лесу. Не частый, с просветами лес был полон солнечного света. Начинали желтеть лишь самые молодые деревца. Взрослые, сильные деревья еще держали зеленый лист.

— Как хорошо,— сказала радостно Лена, посмотрев на Роберта Петровича.

— Здесь хорошо, смотри, внизу блестит река...— неожиданно для себя запел Роберт Петрович.

— О, да вы поете! — сказала Инна Григорьевна.— Только слова в этом романсе не совсем такие.

— Нет, конечно. Я когда был маленький, лет семь, может быть, однажды запел какую-то песенку, сейчас не помню, чтобы показать, как я хорошо пою, своей тетке Анастасии, приехавшей в гости. Только первую фразу пропел, тетка говорит — чего это ты, Робик, блеешь? С тех пор не пою.

— А сейчас, что вас вдохновило? — в тоне Инны Григорьевны слышалась ироничная нотка.

— От избытка чуйств,— стараясь отшутиться, ответил Роберт Петрович.— А вы, Лена, когда начали играть на фортепьяно? В смысле, с какого возраста? Вас заставляли?

— Сначала заставляли. Потом нет. Сейчас сама не могу оторваться от инструмента.

— Вы, Лена... Роберт Петрович запнулся, подбирая нужное слово,— блистательно играете. Вчера, когда вы играли, кажется, Бетховена, я не ошибся? я любовался вашими пальцами. Как можно так быстро бегать пальцами по клавишам!?

— Это не самое трудное. Труднее понять то, что играешь.

В разговорах о музыке попеременно с медициной вышли на поляну. Там собрались две команды из пассажиров теплохода играть в футбол.

— Врач, иди, играть, — позвал кто-то.

Этот кто-то был Петя, сосед по каюте.

— Я не в форме,— отозвался Роберт Петрович,— в штиблетах,—показывая на ноги.

Ему не хотелось оставлять своих спутниц.

— В воротах постоишь. Можно и в штиблетах,— не унимался сосед.

— Ну, что же вы, доктор, идите поиграйте. Вам, наверное, надоели наши дамские разговоры.

Это говорила Инна Григорьевна. В ее тоне Роберт Петрович почувствовал скрытую неприязнь к себе.

— Так и быть. Иду.

Снял куртку и, передав в руки охотно взявшей ее Лены, влился в команду.

Стоял в воротах на совесть. Вошел в азарт. Отбивал мячи, летевшие в его ворота. Брал мяч, валясь на землю. Подбадривал своих, указывал, кому куда встать, когда назначали угловой его команде. Вел себя как мальчишка.

— Молоток,— говорил не раз подбегавший к нему Петя после удачно взятого неминуемого гола.

Когда матч закончился, Роберт Петрович вернулся к своим спутникам.

— Вспомнил детство золотое,— сказал он Лене и Инне Григорьевне.

Накинул куртку на вспотевшее тело, отряхнул брюки.

— Вы хороший игрок, доктор,— заметила Инна Григорьевна.— Совмещаете медицину и спорт?

То ли это была похвала, то ли — ирония, Роберт Петрович так и не понял.

— Роберт Петрович, в самом деле, хорошо играл.

Это были слова Лены.

Раздались гудки с теплохода. Это означало, что «зеленая стоянка» заканчивается.

Все направились к причалу.

* * *

В Волгограде Инна Григорьевна сказала больно и отказалась от экскурсии на Мамаев курган.

— Вы позволите мне сопровождать Лену, если она захочет пойти на экскурсию? — спросил Роберт Петрович Инну Григорьевну как можно вежливее.

— Если она не захочет остаться с заболевшей тетей, то позволяю... — был ответ.

— Что вас беспокоит, может, я могу вам помочь, Инна Григорьевна?

— Благодарю. Еще никогда не лечилась у педиатров.

— Мы только туда и обратно. Мы нигде не задержимся,— сказала Лена.

Роберт Петрович не без удовольствия отметил про себя прозвучавшее слово «мы».

Они вышли из каюты и присоединились к пассажирам теплохода, изъявившим желание посетить главную достопримечательность Волгограда.

Экскурсионные автобусы подвезли их к подножью Мамаева кургана. В автобусе и на экскурсии они были вместе. Когда поднимались по лестнице, которая казалась бескончаемой, Лена взяла Роберта Петровича под руку и уже не отпускала ее.

— Мамаев Курган имеет высоту 192 метра над уровнем моря. Скульптура «Родина мать зовет» изваяна знаменитым советским скульптором Евгением Вучетичем и ее высота равна 52 метрам, а длина меча, который она держит в своей руке 33 метра. Итого получается 85 метров.

Экскурсовод, пожилая женщина с усталым лицом, слегка охрипшим голосом скороговоркой говорила текст.

— Наш мемориал в год посещают сотни тысяч экскурсантов нашей страны и из-за рубежа.

Лена слушала внимательно. Роберт Петрович любовался ее слегка раскрасневшимся лицом и взглядом, которым она смотрела на все, на что обращала внимание экскурсантов пожилая женщина с уставшим лицом.

— Через месяц наш мемориал отметит десятилетие своего существования. Он был открыт 15 октября 1967 года.

Экскурсия закончилась. Было предложено самим осмотреть мемориал уже без сопровождающего текста.

Они повторили маршрут экскурсии. Особенно долго Лена оставалась перед композицией «Скорбящая мать».

— Какая мелодия вам сейчас слышится?

— Честно сказать, на память ничего соответствующего моменту не приходит.

— А мне — «Грезы» Шумана.

Лена вполголоса стала напевать мелодию. Голос у нее был чистый, мягкий.

— Леночка,— неожиданно для себя Роберт Петрович в первый раз так назвал свою спутницу,— я слушаю музыку, но не всегда запоминаю имя композиторов.

— Как же так. Может быть, и эту мелодию слышали, а имя композитора не помните. Шуман. Кстати, его тоже звали как вас — Роберт...

— Теперь я запомню на всю жизнь, что эту мелодию написал мой тезка Шуман...

— ...австрийский композитор.

— Австрийский композитор,— повторил за ней Роберт Петрович, как ученик за учительницей.

Они спустились в город.

Пассажиров «Николая Гоголя» ждали экскурсионные автобусы.

— Молодые люди, поедете? — спросил шофер одного из автобусов, обращаясь к ним, видя, что Лена и Роберт Петрович не спешат на посадку.

Они посмотрели друг на друга.

— Пожалуй, мы погуляем,— за обоих ответил Роберт Петрович.— Скажите, как добраться до причала?

Они погуляли по городу, посидели в кафе и на подсказанном им маршруте автобуса вечером добрались до теплохода.

Роберт Петрович не стал входить в каюту, но через дверь, которую открыл перед Леной, услышал, как Инна Григорьевна недовольно сказала ей — «уже хотела объявлять тебя в розыск».

* * *

От Волгограда поплыли обратно. Плыли быстро, без остановок. Через четыре дня должны быть в Москве.

Роберт Петрович виделся с Леной каждый день. Инна Григорьевна не появлялась. Недомогала. Выходила только в ресторан поесть и сразу уходила в каюту.

— Что с ней? — спрашивал Роберт Петрович.

— То ли дуется, то ли в самом деле плохо себя чувствует, — отвечала Лена. — Я должна была плыть с подругой. Но та уехала в подшефный колхоз с концертной бригадой из наших студентов. А тетя не хотела отпускать меня одну и решила, что с ней мне будет лучше. У нее как раз отпуск выпал на это время.

— Она, наверное, боится за вас. Решила беречь вас от опасных знакомств во время путешествия.

— Разве вы опасный человек?

— Для вас, конечно, нет. Мне приятно проводить время с вами. Я так боялся, что умру со скуки в этом неожиданном «путешествии». Честно сказать, я не хотел *так* проводить свой отпуск. Но теперь не жалею.

— А я наоборот. Мне так нравится плыть на теплоходе, любоваться пейзажами, видеть другие города... Узнавать других людей... Это так интересно. Не люблю сидеть на одном месте. Если стану хорошей пианисткой, буду ездить с концертами по разным странам, городам...

— Я уверен, вы обязательно станете хорошей пианисткой и будете ездить по разным городам и странам с концертами.

Они сидели в шезлонгах на палубе и любовались уплывающими вдаль пейзажами ранней осени. Вечерело. Надвигались сумерки. Берега реки стали видаться смутно.

Кто-то сзади хлопнул его по плечу.

Роберт Петрович обернулся. Это был Петя. Уходя, он подмигнул доктору.

— Кто это? — спросила Лена.

— Сосед по каюте. Помните, который пригласил меня играть в футбол?

— Пойду к тете. Уже поздно. Она будет недовольна. Спасибо вам, что проводите со мной время. Я бы тоже скучала, если бы не познакомилась с вами.

Это прозвучало очень искренно.

Лена сама протянула ему руки.

Роберт Петрович поднял ее из шезлонга и проводил до каюты.

Когда он вернулся к себе, там за столиком у окна сидел Петя. Молодоженов не было.

— Доктор — молоток. Роман закрутил с молоденькой пианисткой, — сказал Петя. — Девочка ничего себе. Вполне.

— У тебя хороший вкус. Разбираешься в девушках, — сказал Роберт Петрович. — Сердцеед?

— У нас на производстве в основном женский персонал. Попадают хорошие. Теряться не приходится... Тут на корабле много наших. Есть даже очень ничего. Ты не замечаешь. Пианистку все свою обхаживаешь.

— За всеми не угонишься, — отшутился Роберт Петрович.

— Ну-ну.

— А ты где работаешь?

— В Орехово-Зуеве. На ткацкой. Слышал?

— Все больше про Иваново слышал. Город невест.

— Мы тоже что-то вроде этого. Хочешь, познакомлю, — предложил Петя.

— С меня одной хватит.

— Ну-ну. Как знаешь.

Петя поднялся на полку.

Роберт Петрович лег на свое место. Включил над головой свет. Стал читать. Чтение подвигалось медленно. За все дни путешествия дошел только до того места, где князь Мятлев, главный герой повествования, был определен корнетом в кавалергардский полк. «Там со всей юношеской страстностью окунулся он в неистовства, принятые в этой среде». Его позабавила детскость проказы, которую он и его полковой

сослуживец проделали с графиней Барановой. Всего-то закутались в белые простыни и до смерти напугали глупую старуху.

Пришли Даша и Миша. Кончились танцы.

— Как вам, понравилось ваше свадебное путешествие? — просил их Роберт Петрович, прервав чтение.

— Да, — сказал Миша.

— Очень. Так здорово! — добавила Даша.

— Мне тоже, — сказал Роберт Петрович.

«А, собственно, чем?» — спросил он себя. «Да так», — ответил себе сам.

* * *

Инна Григорьевна продолжала хандрить. Выходила только к столу и сразу исчезала в каюте. А с нею и Лена. Рука об руку они проходили мимо Роберта Петровича, отвечали на его приветствие коротким кивком головы и, не задерживаясь ни на секунду, уходили. Это повторилось не один раз, и он понял, что ему дана отставка. Кто был ее инициатором, не вызывало сомнения.

«Поэтому она и поплыла с Леной. Побоялась предоставить ее самой себе». Эта мысль показалась Роберту Петровичу самой правдоподобной.

Делать было нечего.

После этого молодому доктору стало по-настоящему скучно в этом путешествии.

До окончания круиза оставалось два дня. Пешеходные круги по теплоходу стали не нужными. В кают-компанию он не заходил. Звуки фортепьяно там уже не раздавались. Один день ему удалось убить чтением «Путешествия».

В тот, последний, вечер накануне прибытия в Москву он читал лежа в каюте. Даша и Миша оттанцовывали последний вечер круиза. Петя находился в возбужденном состоянии, прихорашивался, оделся в самое свое лучшее, что взял с собой в круиз.

— Надо отметить окончание плавания. Иду к своим. Пока, — сказал он и исчез.

Роберт Петрович продолжал читать. Разные мысли мешали сосредоточиться на чтении.

«Лена хорошая девушка. Наивная, искренняя. Вся как на ладони. Откуда такие берутся. Тепличное растение. Лариса другая. Журналист. Много ездит. Много видела. С ней легко и трудно. С Леной легко и не трудно. В институте в основном скучные люди. Молоденькие ординаторши по большей части примитивны, неразвиты. Будущие врачи, причесанные кое-как, в стоптанных туфлях, тупеющие от невероятных нагрузок... Те, что постарше, погрязли в науке. Говорить с ними скучно. Одежды, будто в монашки собрались... Лариса хороша в постели, но, наверное, этого мало... Интересно, Лена что-нибудь понимает в этом деле. Еще ребенок. Впрочем, будущая артистка. Народ чувственный. Но говорить, скорее всего, будет только об искусстве, композиторах. С Ларисой есть, о чем поговорить. Одногодки. Нет, на полгода старше. Это не в счет. Она остроумна, язвительна. Это возбуждает. Яснее видишь свои недостатки. А то думаешь о себе Бог знает что. Она умеет спустить на землю. Это развивает... А Лена?..»

Роберт Петрович засыпал, когда в каюту ворвался Петя.

— Бутылку забыл прихватить. Специально для прощального вечера приготовил. А ты чего киснешь тут один?! Пойдем со мной. Хватит тосковать по своей пианистке. Подумаешь, краля!

Петя был уже явно подшофе.

— Неудобно как-то, — вяло возразил Роберт Петрович.

— Петрович, знаешь, что неудобно?

Роберт Петрович молчал.

— То-то. Значит, знаешь. Нечего интеллигентничать. Вставая, одевайся, пошли.

Доктор повиновался. В самом деле, последний вечер. Один. Куда ни шло.

* * *

Роберт Петрович проснулся очень рано, как всегда с ним бывало, если накануне крепко выпил. Еще было темно. Его попутчики крепко спали на своих полках. Сверху доносился могучий Петин храп. И пары спиртного. Он чувствовал, что и от него исходит тошнотворный дух плохой водки. Казалось, что все качается в каюте, словно на больших волнах. Сердце билось быстро, биение его отдавало в голове болью. «Тахикардия»,— констатировал он.— Наверное, повысилось АД». Он хотел было заснуть, но никак не удавалось. Постепенно вчерашний вечер стал всплывать в его памяти, и когда через некоторое время он всплыл почти весь, угрызения совести, как всегда после попойки, стали особенно обостренными.

А это была именно попойка ...

— Это мой друг. Лучший вратарь всех времен и народов,— представил его Петя.— Между прочим, врач. Столичный.

Его встретили радушно, как встречают в подвыпившей компании нового участника застолья.

Петя распорядился подвинуться и усадил Роберта Петровича рядом с девушкой.

— Это Настя,— сказал он.— А это Роберт Петрович. Можно просто Робик или Боб. Да, доктор?

— Столичную столичному. Штрафную!

Роберт Петрович повиновался.

— Штрафную до дна! Догонять надо.

Пришлось опорожнить всю чайную чашку, в которую была разлита водка.

И пошло-поехало.

Он не помнил всех, кто были за столом. Наверное, их было человек пять или шесть. Может быть, больше.

Роберт Петрович помнил только девушку, которая оказалась с ним рядом. Пока голова еще не замутилась от выпитого, он успел разглядеть ее. Сероглазая, с простым, но приятным лицом. Смешливая.

По мере того, как хмелел, становился все смелее. Стал обнимать ее за плечи, как бы невзначай трогать ее грудь. Она смеялась, как от щекотки, но не отстранялась.

Никто не обращал на них внимания.

Градус попойки поднимался все выше.

Роберт Петрович совсем захмелел.

Бутылки пустели.

— Петя, держи десять. Еще водки,— сказал доктор Пете, сидевшему по другую руку от него, протягивая красную купюру.

— Не надо, хватит уже,— сказала сероглазая девушка, забрала деньги и сунула Роберту Петровичу в карман.

— Где твоя каюта? — заплетающимся языком спросил он.

— А тебе зачем?

— Надо!

Он вспомнил, как взял ее за руку, которую она не отняла, и, обращаясь к застолью, сказал: «Без стука не входить!»

Никто не обратил на них внимания.

В ее каюте они легли рядом, и он стал ее раздевать. Она смеялась, как от щекотки. Позволила ему ласкать свое тело, целовать. Но в главном настойчиво отказала, как не просил ее совсем захмелевший Роберт Петрович.

Как очутился в своей каюте, он не помнил. Наверное, его довел туда Петя. Сейчас все качалось вокруг него. В темноте не было никаких ориентиров, но чувствовал эту

качку всем своим телом. По мере того, как в его памяти всплывали события прошлого вечера, его лицо, и без того горевшее от выпитого, горело еще больше от стыда.

«Как такое могло со мной случиться,— думал Роберт Петрович.— Неужели я такой подонок? В незнакомой компании так напиться. Так пошло вести себя... Может, во всем виновата она?»

В оглушенной алкоголем памяти всплыли строчки, которые он прочел перед тем, как в каюту пришел Петя и затащил его к своим приятелям. Князь Мятлев, «едучи в свое костромское имение, соблазнил молодую розовощекую поповну. Вернее, она его соблазнила. От нее пахло молодостью, рекой и луком».

«Да, это она меня соблазнила. Она!.. — От этой мысли Роберта Петровича поколебало.— Ну, и гад же я... Чем от нее пахло? Чем-то очень приятным. Очень приятно пахло ее тело. Так пахнет молодое тело. Как от ребенка... Все-таки она не дала. Было бы совсем гадко, если бы уступила. А так хоть как-то легче. Я не изменил. Ни Лене... Ни Ларисе».

Постепенно каюта наполнялась утренним светом.

Постепенно прояснялась и голова молодого доктора.

* * *

Он не стал ждать, когда проснуться его попутчики. Быстро и тихо, чтобы никого не разбудить, встал, оделся, взял свои вещи и вышел на палубу. Свежий прохладный воздух отрезвил его еще больше.

Когда теплоход пристал и ошвартовался, первым вышел на причал, чтобы никто, особенно Лена с Инной Григорьевной, его не заметили, и направился к входу в Речной вокзал. Там его встретила Лариса. Он торопливо повел ее к выходу.

— Ты чего так торопишься,— спросила она его.

— Осточертел мне это круиз,— сказал он.

3

У входа в метро вспомнил, что еще до того, как совсем опьянел в тот злополучный последний вечер круиза, он, по-джентельменски занимая Настю разговорами, сказал ей, где работает. И даже назвал адрес: «Ну, знаешь, где метро Каширская?»... Вот почему она пришла в надежде встретить его. Вот почему она устремилась к нему, наконец, увидев его, может быть, не первый раз приходя к институту. А он?! Даже не узнал ее. Узнал, но не сразу. Узнал, когда было уже поздно. Где искать ее теперь? В Орехово-Зуево? На ткацкой фабрике?

«Впрочем, это было просто какое-то помрачение сознания. Затмение»,— подумал он.

И эта мысль успокоила его.

ОПЕРАЦИЯ

— Завтра операция,— сказал заведующий отделением.— Придет ваш лечащий врач и все вам расскажет. Не волнуйтесь.

У Сергея Петрович был рак желудка. Диагноз поставили недавно. Болел же он давно. Да все считали врачи, что это хронический гастрит. Когда стал быстро худеть, заволновались, сделали гастроскопию, взяли кусочек желудка на анализ и под микроскопом увидели рак.

И вот теперь предстояла операция.

Сергей Петрович сам был врач, доцент, лет уже тридцать преподавал в медицинском институте хирургию. Что предстояло ему, знал в общих чертах, так как был хи-

ругом урологическим. Из хирургии желудка помнил только то, что осталось со студенческих лет.

Сейчас, лежа в больничной палате, недоумевал, как это сам не догадался, что у него онкология. Да и у кого из врачей, к тому же оперирующих хирургов не болит желудок. Ночные дежурства, многочасовые стояния за операционным столом. Не до еды. Кроме операций студенты. Наспех перекусил, и то хорошо. А что перекусывал? Бутерброды да кофе покрепче. Конечно, сигарета. Курил и ночью. Поступит срочный больной по «скорой», чтобы прогнать туман в голове покуришь, и к операционному столу. А после операции, сядешь в кресло расслабиться, опять сигарета. Иногда прилжешь «на грудь», не без этого. Какой желудок выдержит. Студенты тоже нагрузка. Разные бывают. Иного бы выгнал из клиники и на пушечный выстрел не подпускал. Ан нет. Держат в институте. Какой врач из него получится? Не дай Бог попасть к такому, особенно под нож.

Такие мысли одолевали врача, ставшего пациентом, когда в одноместную палату, которую ему, как коллеге и доценту, предоставил главный врач больницы, вошел человек, молодой, приятной наружности в белом халате поверх зеленой пижамы, в которых оперируют хирурги.

— Сергей Петрович? — сказал он, заглянув в историю болезни, которую держал в руках — Здравствуйте. Я вас буду оперировать завтра. Как настроение?

Голос у молодого хирурга был мягкий, располагающий.

— Э-э, да, вы врач... Доцент... В каком институте? — говорил хирург по мере того, как листал историю болезни.

Сергей Петрович назвал.

— Я кончал этот институт. Семь лет назад. Но хирургии учился не на вашей кафедре. — Он назвал имя известного хирурга, которого хорошо знал Сергей Петрович.

— Хорошая школа, — сказал Сергей Петрович, и у него отлегло от сердца. В первую минуту он насторожился, когда увидел, что оперировать его будет столь молодой врач. — А кто ассистировать вам будет?

— Вы знаете, ординатор второго года. Способный малый. Я с ним уже оперировал. Руки растут из того места, что надо.

«Попал, однако, как кур в ошип», — подумал Сергей Петрович.

— Ну, вам, наверное, не надо объяснять, в чем заключается операция по поводу рака того типа, который у вас. Вы же сами все знаете.

— Нет, потрудитесь объяснить, — строго сказал Сергей Петрович.

Он слышал, но не слушал объяснения.

Его обуревали сомнения. Может быть, сказать заведующему, чтобы оперировать его доверили более опытному хирургу. Ведь почти мальчишка. А с ним еще мальчишка... Удобно ли это? Скажет, ты же молодой учился оперировать. Как говорят — хирургами не рождаются, хирургами становятся. Что ж, скажет, на других пусть учится, а не на тебе? «Где же твоя преподавательская этика?» Эти слова Сергей Петрович сказал самому себе. Скажет, как учишь, так и лечить тебя будут. И ведь возразить нечего. А учим, конечно, не как следует. Уходишь на операцию, а студенты болтаются на лестнице. И так два, а то и три часа, пока операция не кончится. Можно было бы взять их в операционную, да тесно будет. Будут шеи тянуть из-за плеча друг друга да перешептываться. Интересно им, конечно, но так хирургии не научишь. В ординатуре еще можно научить. Так ведь и ординатору не все доверишь. Каждый учится, как может. Один посмотрит и сразу все схватывает. А другой бьется, бьется, а все не получается. Не сразу поймет, что хирургия не его стезя.

Сергей Петрович тяжело вздохнул.

— Не бойтесь, — сказал молодой хирург, видимо, закончив объяснения. — Я такие операции уже делал.

— Сколько? — строго спросил Сергей Петрович.

— Пять.

— Не много.

— Я забыл представиться. Андрей Петрович.— Молодой человек привстал. — Мы с вами тезки по батюшке. Спите спокойно. Не волнуйтесь,— сказал Андрей Петрович, вставая и направляясь к двери.

— И вы спите спокойно, Андрей Петрович, но все-таки немного волнуйтесь. Это говорит о чувстве ответственности хирурга перед операцией. И атлас полистайте на сон грядущей. Полезно не только для молодых хирургов... У вас есть хирургический атлас?

— Нет. Я в интернете посмотрю.

— В интернете,— неодобрительно заметил как бы про себя Сергей Петрович. Молодой врач вышел из палаты.

«Что-то завтра будет»,— подумал Сергей Петрович.

Рано утром пришел заведующий отделением, пожилой человек, с лицом злостного курильщика, костисто худым.

— Как настроение?.. Я забыл вам сказать, Сергей Петрович, что оперировать вас будет молодой, но очень перспективный хирург Андрей Петрович. Он недавно защитил кандидатскую по эндоскопической хирургии желудка.

— Будем надеяться, что кандидат окажется на уровне,— тихо сказал Сергей Петрович.

— Не волнуйтесь, голубчик.

— Вы же сами хирург, знаете, что операция всегда дело непредсказуемое.

— Это мы говорим родственникам больного. На всякий случай.

— Все-таки я попрошу вас быть на операции.

— Буду,— заведующий протянул руку, и Сергей Петрович пожал ее холодной от волнения рукой.

Пришла сестра со шприцами. Сделала два укола.

«Премидикация,— отметил про себя Сергей Петрович.— Значит через полчаса придут».

Он встал с кровати и надел зеленую хирургическую пижаму, которую прихватил с собой в больницу.

Эндоскопической техникой он владел и знал ее до тонкостей.

В его голове прошел весь ход операций, делаемых с помощью эндоскопа. Подготовят операционное поле. Сделают два прокола брюшной стенки. В одно отверстие введут эндоскоп, в другое — подсветку. Введут воздух. Далее буду искать этот самый рак. Долго будут искать? Сразу найдут?

На лбу выступил холодный пот.

«Ага, каково в шкуре больного оказаться»,— подумал он.

В палату вошла медсестра, катя перед собой коляску.

— Зачем коляску, я сам дойду,— торопливо сказал Сергей Петрович и встал.

— Такой порядок,— коротко сказал сестра.

«В сам деле, что это я. У нас тоже на операцию везут в коляске. После премедикации голова может закружиться, и шлепнешься»,— пронеслось в его голове.

Он сел, и сестра повезла его по коридору. По коридору ходили «ходячие» больные, медсестры, врачи, и Сергею Петровичу казалось, что все они сочувствуют ему и желают удачи.

В предоперационной он ощутил знакомый острый запах лекарств, йода, нашатырного спирта. Сердце билось учащенно, слегка щемило в левой половине груди. Он нащупал холодными пальцами пульс на левой руке, артерия на запястье совершала какую-то сумасшедшую пляску.

«Что это я так разволновался... Надо взять себя в руки. Неловко перед персоналом. Все знают, что я врач, да еще хирург».

Вспомнилось, как сам, спуская мочу катетером, говорил трясущимся от волнения мужчинам — будьте мужчиной, что это разволновались, как барышня.

С него сняли тапочки, надели бахилы, на голову — привычную хирургическую шапочку и ввезли в операционный зал.

За предназначавшемся ему столом стояли два хирурга. Лица были скрыты маской. Сергей Петрович старался угадать, кто из них тот, кто будет его оперировать.

«Вот он, стоит справа от стола. Ассистент — тот, что поменьше, стоит слева. А где заведующий отделением? А где анестезиолог? Он должен быть в головах. Впрочем, какой анестезиолог! Эндоскопическая операция же под местной анестезией делается. Но все-таки должен быть».

Все это пронеслось в голове Сергей Петровича в считанные секунды.

— Должен быть анестезиолог, — сказал он вдруг севшим от волнения голосом.

— Будет, Сергей Петрович. Будет анестезиолог.

В самом деле, в ту же минуту вошел мужчина в зеленой хирургической пижаме и сел за операционный стол в головах.

С Сергея Петровича сняли верхнюю часть пижамы и бережно помогли перебраться с коляски на операционный стол.

Он лег, руки вытянул вдоль туловища и стал стараться думать о чем-нибудь, лишь бы не о том, что сейчас будут делать с его телом.

Сколько операций сделал сам? Много. Некоторые хирурги ведут счет. На юбилеях говорят, наш юбиляр сделал 10 тысяч операций. Спас столько-то тысяч жизней. Положим, кто-то считает. Записывает. А как быть с жизнями? Может быть, он умер через неделю после выписки. Или через месяц... Спас? Конечно, спас, если удалил почку, разорвавшуюся от тяжелой травмы. А спас ли, если провел дробление камня мочевого пузыря? Облегчил жизнь. Не больше. И вообще, хирургов считают чуть ли не богами, совершающими чудеса. Да, хирурги на виду. Заметная специальность. Если бы только знали, сколько волнений и переживаний доставляет каждая операция. Идешь на одно, а оказывается совсем другое. Пот прошибет, пока догадаешься, что делать надо.

Как ни старался Сергей Петрович не думать об операции, все слышал и понимал, что происходит. Вот подействовала анестезия, кожа на животе в двух местах задубела. Чувствовал прикосновение чего-то твердого. «Троакар», — понял он. Троакаром надавили ему на живот, и он непроизвольно напряг мышцы.

— Больной, расслабьтесь, не напрягайте живот, — услышал он голос хирурга.

Сергей Петрович повиновался.

Почувствовал, как инструмент провалился в брюшную полость. Сначала один, потом другой.

— Свет, — произнес кто-то из хирургов.

«Ага, значит, сейчас будут искать рак», — отметил Сергей Петрович.

Поиск затянулся. Через затуманенное премедикацией сознание слышал, как хирурги что-то говорили друг другу встревоженными голосами, но смысл говоримого уже не понимал.

«Буду читать стихи. Надо успокоиться», — решил он.

«Когда я полон нежных дум, не нарушай мое молчанье, мои ответы наобум лишь приведут тебя в отчаянье. Во мне гул чувств моих не стих...».

Сергей Петрович почувствовал резкую боль. Казалось, что кто-то вытягивает из живота кишки.

«...твое напрасно осуждение...»

Стихи не помогали. Боль становилась невыносимой.

Он застонал.

— Потерпите, Сергей Петрович, минутку,— сказал кто-то из хирургов.

— Постараюсь,— простонал он.

«Стихи я писал своей жене, когда мы были молоды, и я увлекался стихосложением. Ей нравилось, и она хотела, чтобы я послал их в журнал. Чудачка. Кому они были нужны, кроме нее. И меня, чтобы показать ей, как я ее люблю».

Боль все нарастала. Сергей Петрович невольно заскрипел зубами.

— Потерпите, дорогой. Потерпите.— Голос у хирурга был встревоженный и раздраженный. Так говорят, когда что-то не получается.

«Потом она умерла. И тоже от рака. Кто оперировал? Не помню. Не вспомню... Кто-то из своих... Значит, и я? Значит, и мне суждено от рака?»

Жгучая боль в животе вспыхнула, как пламя.

— А-а-а! — закричал Сергей Петрович.

— Наркоз! — коротко и властно сказал кто-то.

На лице он ощутил маску. Стало душно. Не хватало воздуха. Он задышал глубоко. Боль притупилась. Была уже не боль, а как будто тяжелый камень положили на его животе. Со всех сторон подступала темнота. Видимый свет становился все меньше, меньше. «Небо с овчинку»,— подумал он.

— Больной, считайте — раз, два, три... дальше... — расслышал он сквозь шум в голове.

Язык заплетался, стал тяжелым.

Послышалось не то пение, не то крик птицы. Потом как бы гул от ударов тяжелым в колокол. Бум — бум — бум... Потом черная-черная труба, он летит в ней, как снаряд, и летит к яркому свету, сверкающему в конце этой черной трубы. Ощущение легкости тела было невыразимое. «Так летит фотон или электрон»,— подумал он. Когда черная труба закончилась, и он вылетел из нее в сверкающий свет, он увидел свое тело, распростертое на операционном столе и склонившихся над ним людей в белом. «Ангелы,— пронеслось в голове — что они делают с моим телом?» Но эта мысль недолго занимала летящего в свете человека. Он увидел себя мальчиком, потом юношей, потом зрелым человеком, и вся жизнь в мельчайших деталях пронеслась перед ним и вызвала чувство неудовлетворенности, сожаления и он подумал: «Как мало радости и счастья выпало на мою долю. Почему, почему, почему?» На этот вопрос он не получил ответа, но тем не менее радость наполнила его сердце, как если бы он в эти мгновения понял, что надо было делать, чтобы быть счастливым. Надо было самому ходить за женой, когда она заболела, а не сожалеть, что ее болезнь отрывает его от работы. Когда понял, что она обречена, не желать втайне скорейшего прекращения ее мук, а терпеть вместе с ней, сострадать. Надо было больше внимания уделять воспитанию своих детей, не перекладывать на жену. Вспомнил о них, только когда защитил диссертацию. Студентов надо было учить как следует, а не считать, что они только путаются под ногами. Надо было интересоваться еще чем-то, кроме хирургии. Ходить в театр, принимать гостей, читать интересные книги. Специальность была как тесная комната с четырех стенах, с маленьким окном во внешний мир. Он редко выглядел наружу. Надо было бы... надо было бы... Что еще? Любить природу, чаще смотреть на небо. Знать названия звезд и созвездий... Он стремительно полетел вниз. Черная труба поглотила его. Он летел в ней к темноте. Голова стала наливаясь тяжестью, в висках застучало. Радость и легкость, охватившие его в том, светлом, мире, сменились печалью и тревогой.

— Просыпайтесь, Сергей Петрович, просыпайтесь,— услышал он.— Операция закончилась.

Кто-то шлепал его по щеке. Открыл глаза. Над собой он увидел сначала смутно, потом все более отчетливо лицо Андрея Петровича. Оно было без маски.

— Спасибо,— сказал Сергей Петрович слабым, еле слышным голосом.
— Молодцом, Сергей Петрович. Молодцом.
Его бережно перенесли со стола на каталку и повезли в палату.
В палате он уснул. Проснулся под вечер.
«Все. Я жив,— была первая мысль,— а рак? Какой? Его теперь нет?»
— Как самочувствие? — спросил вошедший в палату Андрей Петрович.
— Почему наркоз?
— Долгая история. Расскажу позже.
— И все-таки.
Слабость прошла. К хирургу и доценту вернулась прежняя строгость.
— Сложная анатомическая топография,— уклончиво ответил врач.— Патанатомия будет готова завтра.
— Скажете?
— Обязательно. Отдыхайте.
Патологоанатомический анализ подтвердил наличие рака. Были метастазы и прорастание опухоли в другие органы. Ему не сказали, что операция поэтому была выполнена радикальная. Протекала трудно, с остановкой сердца, реанимационным пособием.
Сергей Петрович быстро шел на поправку. Через семь дней его выписали из больницы на химиотерапию.
Позже, дома он вспомнил, как заведующий отделением, к которому он зашел попрощаться и поблагодарить, спросил:
— Ну, уважаемый хирург, каково оказаться на операционном столе?
— Врачу необязательно, но полезно побывать в шкуре пациента.— А про себя подумал: «где я был во время наркоза?».

Станислав Воронин
Людмила Воронина
(г. Тула)

ДЯДЯ КОЛЯ

В середине августа в Тульской области прошли хорошие дожди, и на базаре появились в продаже грибы. Что может быть лучше на обед, чем жареная картошечка с грибами? Представив на столе большую сковородку с этой аппетитной горячей едой, да еще тарелочку с малосольными огурчиками, я сглотнул слюну. Каких грибов купить и сколько? Пару кучек. Нет, лучше пять. Или сразу уж ведро! А зачем вообще покупать? Завтра у меня выходной, беру дядю Колю, садимся на моего «москвича» и едем в Арсеньевский район! Леса там знатные, дядя Коля эти места отлично знает, он оттуда родом, из деревни Песочное. Он часто мне рассказывал, что в этих лесах он как у себя дома, каждое деревце наизусть знает.

Дядя Коля — мой двоюродный дядя. Он военный пенсионер, майор запаса, сейчас работает в политехническом институте заведующим лабораторией на кафедре физики. Большой любитель не только собирать грибы, но и ковыряться в разных железах.

Я и сам уважаю вечером после работы вскрыть какой-нибудь прибор и посмотреть его внутренности, улучшить схемное решение, попаять. Страсть к радиотехнике у меня с детства. Когда я учился в 8 классе, полностью сам спаял радиоприемник, упаковал его в мыльницу, приспособил алюминиевую лыжную палку вместо антенны. Вышел вечером для испытания во двор. Была зима, мороз, луна ярко светила, и из приемника вдруг полилась музыка, пела группа «Битлз», я тогда впервые их услышал. Состояние было волшебное! Восторг от чудо-техники, гордость за себя, умиление от красоты песни! На следующий день я отнес приемник в школу, и мой учитель физики, Анатолий Иванович, даже хотел отправить его на выставку. Но мне было жалко отдавать его, и я, сославшись на неоконченность своего произведения, оставил приемничек у себя.

А сколько дядя Коля мне отдал из своей лаборатории ненужных деталей, коробок, корпусов и даже приборов!

Вечером я с ним созвонился, собрал тормозок: вареные яйца, сало, хлеб, чай в термосе, и рано утром мы отправились на машине за грибами. Пока ехали (а дорога больше ста километров) дядя Коля рассказывал мне о тех местах: как он хорошо ориентируется в лесу, как он мальчиком постоянно ходил туда собирать грибы, планировал, сколько мы их наберем, и беспокоился, хватит ли нам тары. Мы взяли два ведра и две корзинки. Но есть еще сумка, в которой лежит еда, в конце концов, есть рубашки, которые в крайнем случае можно снять.

Время дороги незаметно прошло в предвкушении приятной и полезной прогулки. Я, по указанию дяди Коли, съехал на проселочную дорогу, и вот перед нами выросла стена леса. Проехав еще немного, мы остановились, взяли ведра. Корзинки пока решили оставить, а потом, придя из разведки, забрали бы и их. Машину закрывать не стали, так как собирались быстро вернуться, оставили в ней еду, и смело вошли в лес.

Лес был очень необычный. Хотя я и вырос в деревне, у нас тоже были леса, но леса светлые и небольшие. А в этом часто росли огромные деревья, стволы по полметра в обхвате, кроны высокие, они наверху смыкались так, что небо едва было видно. К тому же облачная погода добавляла мрака и таинственности. Два раза крутанешься, и уже не знаешь, где ты. Меня охватило тревожное чувство.

— А мы не заблудимся? — спросил я дядю Колю.

— Что ты, Стасик! — бодро ответил он. — Я же тут вырос!

— Давай будем идти в пределах слышимости друг друга, — предложил я на всякий случай, и мы уткнулись взглядами в землю в поисках грибов.

Грибы, как и обещал дядя Коля, стали попадаться. Я шел медленно, заглядывая в укромные места у стволов деревьев, иногда окликая его. Дядя Коля же стремительно продвигался в глубь леса, зная, что там грибов должно быть больше.

— Дядь Коля! — крикнул я. — Куда ж ты бежишь?

— Стасик! Да разве здесь грибы?

— Нормально попадаются.

— Ты настоящих грибов еще не видел! Подальше надо уйти.

— Ну тогда мы точно заблудимся! Давай теперь передвигаться в пределах видимости, — с нарастающим беспокойством предложил я, с трудом догнав дядю Колю. — Вот в какой стороне находится наша машина? — решил я проверить его.

— Вон там, — уверенно показал дядя Коля.

— Этого не может быть, она в противоположной стороне!

— Точно тебе говорю, я же здесь все знаю! — не сдавался дядя Коля.

— Для спокойствия давай проверим, вернемся к машине, пока не ушли очень далеко.

Дядя Коля неохотно согласился, и мы отправились в направлении, уверенно указанном дядей Колей. Грибы собирать перестали, так как шли быстро, не отвлекаясь, ожидая выйти на знакомую опушку к машине. Но ее все не было. Шли около часа, а лес все не кончался.

— Ну, что? — спросил я дядю Колю, ощущая холодок на спине.

— Да, Стасик. Наверное, мы все-таки блуданули! — признался дядя Коля.

Мы остановились, чтобы принять какое-нибудь решение.

— У нас один с кафедры тут три дня ходил, потом вышел около Белева, — неловко попытался успокоить меня дядя Коля. — Так что дня через три точно выйдем!

— Жаль, еду и воду оставили в машине, — заметил я.

— Не волнуйся, сейчас выйдем, я же тут все знаю! Надо идти сюда, точно тебе говорю, — после некоторого раздумья заключил дядя Коля.

Мне ничего не оставалось, как довериться ему, и мы опять пошли к машине, но уже не так быстро, а пытаясь запомнить дорогу, обращая внимание на ее отдельные детали. Шли долго, часа два. Лес не кончался. И вдруг одновременно, с неприятным удивлением, мы устали на консервную банку из-под желтой краски, выброшенную лесниками, которые помечали квартальные столбики. Эту банку мы уже видели сегодня. Теперь мы оба поняли, что ходили по кругу и окончательно заблудились. Ну, воду, мы допустим, найдем. А вот еду... Три дня на коре деревьев не продержаться.

— При такой тактике за три дня мы отсюда не выберемся, — сказал я. — Надо как-то сориентироваться.

Мы попытались это сделать. Но солнце не светило, было пасмурно. Деревья поросли мхом одинаково со всех сторон. Компаса, конечно, с собой не было, ведь дядя Коля так хорошо знал эти места! Так что ориентирования на местности не получилось. Хотя бы одного живого человека встретить! Мы стали осматриваться вокруг себя и обнаружили что-то вроде звериной тропы, едва заметной среди одинаковых

деревьев, кустов и травы. Решили идти по ней. Грибы, ради которых были здесь, мы из ведер выбросили, чтобы легче было идти. Мы уже успели устать. Мне было жаль дядю Колю, обутого в тяжелые резиновые сапоги, я был экипирован полегче, на ногах были кроссовки. Мы не ошиблись, это была действительно звериная тропа. Нам то и дело попадались горки свежей земли, разрытой кабанами, которые добывали себе разные корни для пропитания и прошли здесь только что. Где-то очень близко заревел лось, затрещали сухие ветки.

— Боюсь, ночевать нам придется на дереве, — отреагировал я.

— Не горюй, Стасик, сейчас выйдем! — успокоил меня знаток здешнего леса.

Кроме пустых ведер, у меня был с собой нож. Дядя Коля удивился, увидав его.

— Это не нож, а маленькая турецкая сабля! Очень необычный нож, — сказал дядя Коля, разглядывая мое оружие.

А нож действительно был необычный. Чтобы скоротать время пути, я стал рассказывать о нем. Однажды я оказался дома у Гены, брата моего друга Юрия. Гена работал на радиозаводе, коллекционировал ножи, сам их делал. Ножей, очень разных, у него было около тридцати. Я восхитился ими и попросил отдать мне как раз этот нож. Гена наотрез отказался.

— Да это самый лучший мой нож! Сделан из рессорной стали по специальному шаблону. Очень прочный, гибкий, никогда не сломается!

Я стал пробовать нож на гибкость. Действительно так. Но вдруг рукоятка, вероятно, плохо склепанная, разлетелась на две половинки, лезвие упало с тонким звоном на пол. Чтобы загладить свою оплошность, я сбежал в магазин за бутылкой, и мы сели за стол сообразить на троих. После первого стаканчика Гена расщедрился.

— Раз уж ты сломал мой нож, забирай его себе! — распорядился он.

Мы еще посидели немного. Когда я пришел домой, стал разглядывать подарок и приложил лезвие к ладони. Вдруг оно завибрировало и порезало мне палец. Я до сих пор не могу найти никакого объяснения этому. Может быть, таким образом он поместил своего нового хозяина? Потом я вырезал ему красивую рукоятку из полированной фанеры, соединил медными заклепками, на одну сторону приладил маленькую металлическую бляшку от импортных джинсов. Получилось элегантно и фирменно. Теперь я нес этот самый ножик на грибную охоту.

По звериной тропе шли еще больше часа. Грибы нас уже давно не интересовали. Вдали показалось светлое пятно, оно увеличивалось, и вот, к великой нашей радости, мы вышли на большую поляну.

Посреди поляны мы увидели два врытых в землю столба, прибитые к ним перекладыны, на которых были развешаны липовые веники для лосей под крышей домиком. Сооружение было кормушкой. На нижней полочке лежали огромные куски соли-лизунца.

— Ведь как-то сюда люди приезжали, — с надеждой предположил я.

При детальном осмотрении оказалось, что веники висят здесь очень давно, около месяца, кругом все заросло травой, даже лоси сюда не приходили. Определить, откуда приезжали люди, было невозможно. К кормушке сходились несколько плохо различимых тропинок. Мы стали размышлять вслух. Нам надо выбрать самую широкую из них, потому что по ней могла проехать телега или машина с вениками и солью, и идти по ней, никуда не сворачивая.

Так и сделали. Пошли по выбранной дорожке и шли еще почти час. Меня поражало — ведь я часто ходил раньше за грибами, — что здесь почти за целый день нам не встретился ни один человек! Только разрытая кабанами земля, лосиный рев, кормушка, да консервная банка из-под краски — скромные следы пребывания живого существа.

Мы спустились в овраг и увидели небольшой ручей. Решили, что надо идти по

его течению, он может привести нас к речке, а там наверняка есть какой-нибудь населенный пункт. Но, не сделав и двух шагов, мы застыли: на другой стороне оврага у ручья похрюкивала кабанья семья. Они, по-видимому, пришли на водопой. Нас они не заметили, так как мы подошли к ним с подветренной стороны. Идти вдоль ручья не получилось. Тем более, что там коряги все равно помешали бы нам. Ничего не оставалось, как пересечь ручей и продолжить путь по старой дорожке.

Поднявшись из оврага наверх, мы оказались в таком месте, где проходила линия обороны во время Великой Отечественной войны. Мы насчитали около десяти квадратных углублений, размером три на три метра, в которых, наверное, стояли наши орудия.

Я вспомнил рассказ своей бабушки, Александры Афанасьевны, о тех днях, когда наши бойцы держали оборону в этих местах. Она жила тогда в Аранах, и в их доме расположился наблюдательный пункт. Деревня Араны и то место обороны, на которое мы случайно попали в лесу, составляли одну и ту же оборонительную линию. Командир, смотревший за передвижением немцев, то и дело говорил бабушке, чтобы она перешла то в один угол дома, то в другой, чтобы уберечь ее от возможных снарядов, выпущенных врагом. Наверное, много солдат погибло в этих местах. Дядя Коля не разрешил мне изучать окрестности и разгребать руками листву. С тех времен осталось множество неразорвавшихся снарядов и мин. Мы постояли несколько минут молча, почтив память погибших здесь солдат, и пошли дальше.

И вот закончился темный, дремучий лес, и мы вздохнули с облегчением, оказавшись в светлом, уютном березнячке. Идти стало легче. Под ногами расстился обширный ягодник. Ягоды уже сошли.

— Надо запомнить это место, приедем на следующий год сюда за ягодами,— заметил дядя Коля.

— Правда, они нам будут не нужны, как и грибы, за которыми мы в этом году приехали,— не согласился я.

Наша дорожка вывела нас на поляну, где был сведенный лес, уложенный в штабеля. Появилась надежда встретить кого-нибудь. Но когда мы присмотрелись к поляне, поняли, что люди были здесь очень давно, все поросло высокой травой, береста спеленных деревьев успела отслоиться, и надежда наша тихо растаяла. Но пользу от этой вырубki все-таки мы извлекли. Валить лес сюда приезжали хоть и давно, но на спецтехнике, от которой осталась заросшая колея. По ней мы и продолжили свой путь.

Дорожка вела нас вниз. Вскоре мы увидели столбик с надписью «Манаинское лесничество». Дядя Коля не утерпел и ругнулся:

— Мы ушли очень далеко, отклонились километров на пятнадцать!

Но другого выхода не было, надо было идти вперед по следу, проложенному трактором. Времени было три часа дня. То есть мы бродили уже семь часов! Меня не радовала перспектива ночевки в лесу, и я предложил прибавить шагу. Нам так хотелось выбраться отсюда, что мы даже забыли о еде, оставленной в машине.

Со скоростью мы ворвались на большую поляну. Земля была вспахана, зеленели озимые. На другой стороне стоял легковой автомобиль, «жигули» третьей модели. Мы чуть не бегом кинулись к нему, спотыкаясь о куски земли. Сюда ведь как-то приехали люди? Значит, они смогут объяснить, как нам добраться до нашей машины! Но, увы, «жигуль» стоял закрытый, никого рядом не было. Мы стали кричать, свистеть, звать хозяев. Но все было впустую, никто не откликнулся. Побегав вокруг него минут пятнадцать, мы поняли, что поддержать нас некому.

— Наверное, блуданули, как и мы,— посочувствовал толи им, толи нам дядя Коля. — Может быть, они сейчас так же кричат около нашей машины?

Теперь мы пошли по следу чужой машины, он хорошо вырисовывался на песчаной почве. Минут через двадцать мы наконец-то вышли из леса! На опушке стоял

живой человек! Женщина пасла овец! Дядя Коля узнал ее, но забыл, откуда она и как зовут.

— Пойди к ней спросить, где мы,— попросил меня дядя Коля.

— Зачем я-то пойду? — удивился я. — Она будет мне объяснять, а я не сумею сориентироваться, названий мест никаких не знаю, ничего не пойму.

— Да я боюсь, она меня тоже узнает. Неудобно, сам из этих мест и заблудился. Поднимет меня на смех!

— Может, и не узнает. Ты уже лет сорок тут не был.

Еще немного поторговавшись, кому идти, решили пойти вместе. Женщина объяснила, что мы ушли очень далеко. Показала, куда идти, если через лес, то километров восемь, а по опушке — больше пятнадцати километров.

— Хорошо, она меня не узнала! — сказал дядя Коля, когда мы отошли, и поднял повыше козырек на спортивной шапочке, которым прикрывался от своей землячки.— Пошли через лес, все-таки в два раза короче.

— Нет уж! Я лесом сыт по горло! Пойдем по опушке, дольше, зато наверняка,— ноотрез отказался я от предложения дяди Коли.

— Стасик! Да я теперь-то дорогу знаю! Все вспомнил, я же тут вырос! Не заблудимся,— настаивал дядя Коля.

— Нет, только опушкой! — не поддался я на уговоры.

И мы пошли по опушке. Только сейчас, когда спало напряжение, и мы знали, куда идти, почувствовалась усталость. Мы еле передвигали ноги. Пустые ведра казались очень тяжелыми, нам хотелось выбросить и их, но было жалко. Про сбор грибов не могло быть и речи! Хотя их попадалось очень много, и мы то и дело сбивали их ногами. В половине восьмого мы вышли к нашей машине! Она одиноко стояла в том же состоянии, в котором мы ее оставили. Никто не подходил к ней весь день. Плюхнувшись на сиденье, вытянув гудящие ноги, минут десять молча приходили в себя. Потом засуетились, достали тормозки, поели, попили. В голове еще проносились тревоги пережитого дня, перед глазами все еще мелькал лес. Чтобы было удобнее сидеть, я поставил ноги на землю, и чуть не раздавил огромный белый гриб. Посмотрев рядом, я обнаружил целое их семейство. Мы, походив вокруг машины, быстро набрали два ведра и две корзинки грибов. Теперь не стыдно было возвращаться домой.

— Я же говорил, что грибов наберем видимо-невидимо! — похвастался дядя Коля.

В Тулу приехали часов в одиннадцать. Во сне, кроме грибов, нам снились звериные тропы, сведенный лес и кабаны.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

МАРФИНА ШАХТА

Геннадий Маркин — лауреат литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2008 год, учрежденной нашим журналом.

В ту давнюю пору благодаря таким заводчикам, какими были Никита Антуфьев-Демидов, Розенбуш, Виниус, Россия все больше и больше познавала тонкости железоделательного, кузнечного и чугунолитейного дела.

В окрестностях Тулы вставали в строй новые заводы, на которых для армии отливали бомбы, ядра, картечи. Железную руду для заводов добывали под Дедиловом, а позднее и в других местах, где она была обнаружена. Одним из таких мест была деревня Щекино. Прохор Никишка выкапывая как-то из земли глину для обмазывания печной трубы, наткнулся на железную руду. Вскоре заложили шахту-дудку, а когда были обнаружены еще несколько залежей руды, все мужики из близлежащих деревень стали рудокопами. Щекинская руда имела очень хорошие химические свойства и, как сказали бы сегодня, быстро вытеснила с рынка сбыта дедиловскую.

Прошли годы. Ушли из жизни многие заводчики-первопроходцы, среди которых был и Никита Демидов. Ушел в мир иной и Прохор Никишка, но заводы, а вместе с ними и рудодобывающее дело, остались. Руду на заводы вывозили по воде, а зимой — по застывшим руслам рек на подводах. С появлением на Руси железных дорог ее стали доставлять на близлежащие от шахт-дудок железнодорожные станции, где перегружали в небольшие вагоны и по железной дороге направляли на чугунолитейные заводы. Владельцем Ясенковских и Колпнянских копий стало товарищество братьев Гиль, а начальником Щекинских рудокопных дудок был назначен Николай Константинович Воробаев.

Щекинскую руду в сопровождении потомка Прохора Никишки — Пафнутия Игнатьевича Никишина на подводах отвозили на железнодорожную станцию Ясенки, где начальник станции личный почетный гражданин мещанин Александр Николаевич Чернов вручал Пафнутию грамоту, в которой указывалось количество отправленных вагонов, а в листе сопровождения грузов для заводчиков писал: «Руда щекинская».

Так продолжалось несколько лет, и вот однажды система доставки на заводы руды дала сбой. В один прекрасный день из Тулы в Ясенки на одноконке было доставлено распоряжение за подписью письмоводителя, губернского секретаря Ильи Александровича Миноранского. Распоряжение обязывало всех начальников железнодорожных станций в листе сопровождения грузов отныне именовать грузы по названию той станции, с которой эти грузы отправлялись. Так вместо привычной записи «Руда щекинская» впервые в документах появилась запись: «Руда ясенковская». Заводчики руду не приняли, пояснив, что им нужна руда щекинская, а не ясенковская и вагоны с рудой возвратились на станцию Ясенки.

Опечалившись из-за такого неприятного известия Пафнутий Никишин мял в руках кепку, и с надеждой смотрел в глаза начальнику станции Ясенки Чернову.

— Александр Николаевич поделайте же что-нибудь! Ведь вагоны с рудой простаивают!

Чернов достал из кармана кисет с нюхательным табаком, и раскрыв его отсыпал щепотку табака себе на ладонь, после чего заложил эту щепотку себе в нос.

— Ничего-с, сударь, не могу поделать, на сей счет, имеется распоряжение-с! — ответил он Пафнутию, с наслаждением прикрывая глаза собираясь чихнуть. — Попробуйте обратиться к самому Александру Ивановичу! — предложил он Пафнутию. — Александр Иванович — это ого-го-с! Великая сила-с! — при этих словах Чернов чихнул и многозначительно поднял вверх указательный палец.

К уездному предводителю дворянства действительному статскому советнику Александру Ивановичу Полякову начальник рудокопных дудок Воропаев выехал самолично и уже к обеду был в Крапивне.

— Ваше Превосходительство, Александр Иванович, помогите, Христа ради, — трепетал перед чиновником Воропаев, — век благодарен буду.

— Чего же ты от меня хочешь, милейший? — спрашивал Поляков.

— Так ведь теперь заводчики руду не принимают, говорят, она не щекинская, а ясенковская.

— Сие распоряжение отменить не в силах, — расстегнув тесный ворот темно-зеленого мундира, с сожалением в голосе ответил статский советник.

Уйдя от Полякова, Воропаев бесцельно бродил по Крапивне, пока в центре города недалеко от Никольского Храма случайно не повстречал своего старого знакомого — начальника Крапивенского обозного завода Никиту Фроловича Григорьева и не рассказал ему о своей беде.

— А я вижу, хмур ты больно, не иначе, думаю, случилось чего, — засмеялся Григорьев. — А знаешь ли ты, братец, почему в Крапивне нет чугунной дороги? Да потому, что если она была бы, то все в Крапивну приезжали бы непременно в вагонах, и мои кареты с повозками стали бы непотребны. Поэтому я сделал все возможное, чтобы чугунная дорога от Ясенок, минуя Крапивну, пошла на Сергевское. Ты вот что, братец, собери-ка подарочек в тысячу рублей и привези мне. У меня знакомые столоначальники аж в самом Тульском губернском правлении сидят. Ужо они-то отменят это распоряжение.

Воропаев сделал так, как ему велел Григорьев, но распоряжение не отменили, зато изменили название станции Ясенки. Теперь она стала называться станцией Щекино.

— Ну, что я вам говорил? Александр Иванович всегда-с поможет! Никому-с не откажет! — проговорил начальник теперь уже станции Щекино Чернов радостному Пафнутию Никишину, держа в руке чернильное перо для подписи сопроводительного листа на грузы и грамоты. Другой рукой он неспешно заложил в нос щепотку нюхательного табака и с шумом вдохнул ее в себя. Немного посидев с закрытыми глазами, Чернов громко чихнул, — Апчх-х-х!

— Александр Николаевич, любезный вы мой, подписывайте скорее, — торопил его Пафнутий.

— Это мы мигом, это мы одним махом, — закивал головой Чернов. — Александр Иванович, каков-с? Великая сила-с! — проговорил Чернов и поднял вверх указательный палец.

— Александр Николаевич, любезный! — Пафнутий пододвинул грамоту ближе к Чернову.

— Это мы мигом, — вновь повторил Чернов, но вместо этого медленно сунул руку в карман брюк и, достав оттуда носовой платок, принялся вытирать им выступившие от нюхательного табака слезы и приглаживать им свою аккуратненькую бород-

ку.— Вы, Пафнутий Игнатиц, должны поблагодарить Александра Иваныча за оказанную вам любезность,— проговорил Чернов.

— Непременно Александр Николаевич, непременно. Подписывайте скорее, ну же!

— Да это мы одним махом! Вы, любезнейший мой, если Александра Иваныча повстречаете, то передайте от меня низкий поклон. И еще спросите у него, не соизволит ли его превосходительство заехать ко мне в гости на летнюю Николу?

Пафнутий закивал головой и стал указывать на лежавшие перед Черновым документы.

— Александр Николаевич, грамота! Бога ради, Александр Николаевич!

— Да, да, это мы одним мигом! — проговорил Чернов и, убрав платок, еще раз обмакнул в чернильницу гусиное перо, после чего дрожащей рукой написал: «Руда щекинская».

Обрадовавшийся Пафнутий положил грамоту в карман сюртука и радостный возвратился в деревню Щекино, где его с нетерпением ожидали рудокопы. Узнав о том, что руду отгрузили заводчикам, они обрадовались и с новой силой принялись за работу. Отгрузка руды обещала им скорую выплату жалования.

Матвей Агафонович Орлов в шахте на глубине почти десяти метров долбил киркой руду и закидывал ее в плетеную из лозы большую корзину. Наполнив ее, дергал цепь, и стоявший наверху его напарник Николай Володин вручную вытаскивал корзину из шахты. Поздно вечером рудокопы возвратились домой. Поев брюквы с квасом, Матвей взобрался на лежанку и уснул. Его среди ночи разбудили стоны и крики жены.

— Ой, Матвеша! Ой, родненький! Ой, рожаю!

Матвей слез с лежанки, зажег керосиновую лампу и растолкал спящего старшего сына, десятилетнего Егора.

— Егорка, быстро беги к Пафнутию Никишину, скажи: мамка разродиться не может, тату просил кобылу дать за повитухой в соседнюю деревню съездить,— говорил Матвей еще не окончательно проснувшемуся сыну.— Та ну, живо ты! — отвесил он мальчишке подзатыльник, и тот мигом вылетел в сени.

Марфа Осиповна Промышляева роды принимала уже не один десяток лет. Этому ремеслу ее научила мать, а ту — ее мать. Своих собственных детей у Марфы не было, зато чужих через свои руки она пропустила не один десяток. Марфа слыла мастерицей своего дела, но был у нее один недостаток: любила после принятия родов выпить рюмочку-другую. «Чтобы пуповина не развязалась»,— проговаривала она и опрокидывала штоф с водкой. Случалось, счастливый отец поил ее до такой степени, что она здесь же рядом с роженицей и засыпала. А иной раз уйдет пьяная домой, а проснется где-нибудь под забором или в кустах густо разросшейся крапивы.

В ту ночь у Матвея Орлова родился сын, и он на радостях напоил Марфу так, что она с трудом держалась на ногах. Однако на предложение остаться переночевать отказалась и решила добираться домой в соседнюю деревню пешком. Выйдя на улицу, Марфа с трудом увидела дорогу, хотя ночь была звездной и в небе ярко светила луна. От хорошего настроения ей захотелось петь, и она затянула старую казацкую песню об удалом атамане Стеньке Разине. Когда ее песенный репертуар был исчерпан, она остановилась и огляделась. При лунном свете она увидела изгородь, коновязь, две лошадиные повозки и колодец с большим барабаном и намотанной на него цепью.

— Это куды ж я пришла-то? — спросила она саму себя.— Это я около дома Васьки Окуня оказалась.

Подошла ближе к колодцу.

— Конечно, это возле яво избы колодец-то.

Марфа повернулась, чтобы уйти, но не удержала равновесия и, перевалившись

через бревенчатый выступ, упала в колодезь. Вскоре она пришла в себя. Сильно болела нога и голова. Хмель у нее прошел, и она со страхом ощупывала руками вокруг себя. Всюду была холодная сырая земля, было темно. Марфа с ужасом подумала, что она заживо погребена, и от страха закричала диким голосом, зовя кого-нибудь на помощь. Кричала она довольно долго и вскоре охрипла. Тяжело вздохнув, Марфа перестала кричать и смирилась со своей участью.

Где-то далеко на востоке забрезжил рассвет. В пойме реки стелился утренний туман. Природа еще не проснулась, а в деревне уже вовсю запели первые петухи. Поеживаясь от утренней прохлады, из своих изб вышли рудокопы и неспешно, позевывая на ходу, направились к своим шахтам-дудкам.

У Матвея Орлова из-за рождения сына было хорошее настроение, хотя он всю ночь не сомкнул глаз. В этот день ему предстояло работать на поверхности, и он покрепче привязал к цепи доску-сиденье, с грохотом завертел барабан, и его напарник Николай Володин скрылся в земляном чреве.

Сидевшая на дне шахты Марфа, услышав барабанный грохот и звон цепи, подняла голову и в темноте едва различила силуэт спускавшегося к ней человека. От радости ее сердце забилося сильнее, на глаза навернулись слезы: ее искали и вот теперь спускаются, чтобы спасти. Вот он, ее спаситель, все ближе и ближе. Она ползком двинулась ему навстречу и как только ноги Николая коснулись дна шахты, Марфа обхватила его и с силой прижала к себе.

— Милый ты мой! Наконец-то я тебя дождалась! — охрипшим голосом проговорила она.

Николай выпустил из рук цепь и кулем свалился на Марфу, как-то неестественно запрокинув голову. Поняв, что произошло, Марфа вместо крика издала лишь хриплое шипение.

Матвей Орлов, не дождавшись привычного подергивания цепи, что было подтверждением спуска в шахту, сам стал дергать цепь, а затем кричать в зияющую чернотой дыру, зовя Николая.

— Наверное, рудничный газ появился, — высказал предположение один из рудокопов, когда все собрались у шахты.

Прибежал Пафнутий Никишин.

— Орлов, возьми рудничную лампу и спустись в шахту, посмотри, что там случилось, — приказал он.

— Пафнутий Игнатич, отец родной, не губи, — взмолился Орлов. — У меня детки малые, жинка нынче ночью еще одного мальчика родила, не губи, отец...

— Цыть! — прикрикнул на Матвея Пафнутий. — Лезь, сказал, или в арестантскую захотел?

Орлов дрожащей рукой взял протянутую ему рудничную лампу со слегка тлеющим фитильком, мысленно простился с женой и детишками и, сняв шапку, трижды перекрестился.

— Господи! Помилуй раба твоего Матвея Агафоныча, — проговорил он и уселся на доску.

Боясь дышать полной грудью, чтобы не вдохнуть смертельный газ, Матвей вглядывался в темноту. Вдруг он отчетливо увидел лежавшего на дне и не подававшего признаков жизни Николая, а из-под него выглядывало непонятное существо с растрепанными седыми волосами. У существа было черное морщинистое лицо с безумным взглядом в глазах и оскаленный рот с редкими зубами. Оно протягивало к Матвею руки и хрипело.

— А-а-а! — закричал Матвей и с силой стал дергать за цепь. — Братцы, спасите!

Когда его вытащили на поверхность, он со страхом рассказал о том, что видел в шахте. Нашлись все-таки смельчаки, которые спустились в шахту и вначале мертвого

Николая Володина, а затем Марфу, при появлении которой многие рудокопы в страхе попятись.

— Так это же Марфушка! — произнес кто-то, узнав Марфу.

— Какая Марфушка? — спросил Никишин.

— Марфа — повитуха из соседней деревни.

Матвей тоже подошел к Марфе и пригляделся.

— Точно, она. Братцы, я ее нынче ночью привозил. У меня жинка рожала, вот я сына Егорку за нею и посылал.

Увидев Матвея, Марфа замахала руками и начала издавать какие-то хриплые звуки.

— Что она шепчет? — спросил Никишин, обращаясь ко всем.

— Поет, Пафнутий Игнатич, — ответил один из рудокопов.

— Поет? Гм, похоже, умом тронулась. Вот что, Орлов, бери мерина и вези ее в Ломинцево в больницу. Сдашь ее дохтору, а потом поедешь в Ясенки и найдешь там волостного старшину; скажешь ему, что у нас рудокоп помер, видать, со страху, бедняга, — вздохнул Пафнутий Никишин и, сняв кепку, перекрестился.

Марфу усадили в повозку, укутали в дерюгу и повезли в больницу. Всю дорогу она что-то шептала и смеялась. Надувала щеки, поднимала к небу руки и потрясала кулаками, будто угрожая кому-то только ей одной известной страшной карой. А шахту-дудку после этого случая стали называть — Марфина шахта.

Николай Смирнов
(г. Новомосковск)

ЦИКЛ РАСКАЗОВ

ВАРАКША

Если вы захотите из любопытства заглянуть на мою родину, убедительно прошу вас этого не делать. Дорог к нам никаких нет. Люди, как и тысячи лет назад, ездят и ходят просто по земле, по лесам и болотам. В райцентре Шабалино любой шофер охотно согласится подкинуть вас и до Котельнича, и до самой Вятки, и даже до Костромы, но если вы заикнетесь о Варакше, он только смачно сплюнет да пятиэтажно выругается. Правда, иногда в случае крайней нужды в район посылают леснического шофера Ваську Достовалова на допотопном, давно списанном «Газоне». Но бывает это крайне редко. Да и Васька для храбрости вусмерть напивается и пока держится за баранку — едет. Но если машина заглохла и надо вылезать с кривой заводной ручкой, то тут же и падает, как убитый.

— Васька, черт! — кричу ему однажды. — Как же ты едешь эдакой пьянехонький?

А он хохочет:

— Да ты глянь, Колька, глянь! Разве можно по эдаким бучилам тверезовому ездить! А залешь шары-то и катишь, как по американскому автобану.

Варакша наша расположена большим треугольником на стыке трех областей, что безусловно было удобно разбойникам, от которых и пошел наш буйный народ. Некоторые историки, конечно, в этом сомневаются, но лично я охотно верю. У нас даже в бабах до сих пор бушует эта разбойничья кровь. В других местах они всегда стараются разнять драку, а у нас наоборот: сами становятся плечом к плечу с мужиками и бьются до потери сознания хоть с ветлугаями, хоть с ветченятами, хоть с костромичами.

До революции на Варакше насчитывалось полсотни лесных деревушек, починков и хуторов со столицей в селе Атаманово: Колодешники, Трясуны, Мякинники, Сыроеды, Лапотники, Сутяжники, Чашебники, Мудозвоны, Гончары, Гужеды — эти названия говорят сами за себя. Другие же населенные пункты требуют некоторых пояснений.

Челобитники — эти всю жизнь молятся. Корова отелилась — молятся, картошку градом побил — молятся, дом загорелся — все равно молятся вместо того, чтобы тушить.

Шампиньончики. Эти когда-то ходили на сплав до Нижнего Новгорода. Там после расчета забрели в ресторан и, поскольку грибы в наших местах ничего не стоят, в целях экономии на закуску и потребовали грибов. И шампиньоны им так понравились, что они съели все, что были в ресторане, а потом, когда им предъявили счет, у них и заработанных денег не хватило.

Собашники. Испокон веку разводят и продают собак. Даже картошку не сажают:

колхозов, после чего охотников связываться с варакшенцами уже не нашлось. С тех пор Варакшу окрестили семнадцатой республикой, и ни Кировская область, ни Горьковская, ни Костромская не желали ее видеть в своем составе и постоянно перепихивали из одной в другую. Так что многие наши люди до сих пор толком и не знают в какой области родились. И я в том числе...

Правда, в самой столице Варакши, селе Атаманове, после войны сколотить колхоз все же удалось, но вскоре районное начальство убедились, что нашим людям по менталитету ближе все-таки зверье. Создали звероферму. Скормили зверью весь колхозный скот, после чего зверье частично разворовали, а частично выпустили на волю. Сами же помещения фермы, вольеры и контору, как у нас и принято с испокон веков, сожгли. Заодно сожгли и сельсовет и опять стали налегать больше на лесозаготовки, охоту, грибы и ягоды, чем на пустую подзолистую землю.

А к руководству Варакшей опять приступил батюшко Абросим — возможно самый либеральный поп в мире. Он вместе с мужиками валил лес и, чтобы не надирать лошадей по пенькам и кочкам, на плече выносил к дороге шестиметровые бревна, словно жерди. На сплаве один снимал плоты с мелей и перекатов, а в Нижнем Новгороде в цирке, раздевшись до кальсон, валил одного за одним профессиональных борцов. Пил тоже вместе с мужиками. В церкви непослушного мог хряснуть по башке кадилом. Мог обвенчать парня с девкой, но если та окажется не девкой, то тут же и развенчать по первому требованию жениха и повенчать с другой. Крестил детей, но если родне потом имя не нравилось, то запросто мог и перекрестить. А по праздникам, если наших мужиков начинали одолевать ветлугаи, или ветчененки, смело становился впереди и с криками: «Сарынь на кичку!» бросался на врага и так молотил своими пудовыми кулачищами во имя отца и сына, и святого духа, что враги так и рассыпались горохом.

ВЫПОЛЗОВ ПОЧИНОК

Мой родной починок назывался Выползов, потому что со всех сторон он окружен такими топями, что в них постоянно тонут скот, сдергивали со шкворней телеги и тарантасы, да и теперь, наверное, «новые русские», приезжающие на охоту, на своих внедорожниках, подолгу щупают в грязи полусгнившие бревна старых мостов и лежневок. Завидовала нам вся Варакша: к выползяткам не только уполномоченный, а сам леший не проберется.

Но мы, конечно, знали, где и как безопасней из починка выползти, а потом заползти обратно. Родился я не в самом починке, как это записано в метрике, а километрах в трех от него под елкой в лесу, куда мать моя с бабушкой ходили за рыжиками. И жизнь моя сразу началась с несчастья. Для того чтобы донести меня до дому, бабушке пришлось высыпать на землю целое лукошко рыжиков. О чем она сокрушалась потом до самой смерти. Я же молчал всю дорогу и все решили, что я, слава богу, не жилец на этом свете. Не тут-то было! Дома на печи я заорал так, что всполошил весь починок. Прибежала ворожея бабка Дарья, взяла меня на руки и всю мою родню разочаровала:

— Живучой, дьявол! Погли-ко, у его и глаз, как у таракана светится.

С тех пор меня так в починке и прозвали: «тараканий глаз», хотя сколько я потом этих тараканов не рассматривал, никаких глаз у них не обнаружил.

Как с неприятностей все началось, так и пошло через пень-колоду. Повезла меня мать на салазках в соседний починок, чтобы сфотографировать и отправить фотографию на фронт отцу, которого, говорят, я перед отправкой обоссал, но я вывалился по дороге в сугроб. Мать этого не заметила, поскольку везла еще полмешка картошки,

чтобы заплатить фотографу за работу. Меня подобрал какой-то старик на лошади и, решив, что дите выкинули специально, стал возить по чужому починку с тем, чтобы меня кто-нибудь усыновил. Но кому я был нужен! Бедная моя мать, обнаружив пропажу, бегала туда и обратно и бесчувственная валялась в том доме, где меня должны были фотографировать. Наконец, объехав весь починок, старик решил всучить меня фотографу, справедливо решив, что тот попутно увезет меня в район, а уж там и решат, что со мной делать дальше...

Тут-то я, наконец, и нашелся. И орал потом три дня, требуя птичку, которая должна была вылететь из фотоаппарата. Орал, может быть бы, и дольше, если бы бабушка не подобрала на дороге замерзшего воробья и не заткнула им мне рот.

— На, супостат, подавись, ты этой птичкой!

Потом я с такою же наглостью ходил за ней, вцепившись в юбку.

— Баба, да-ай леденчик. Баба, да-ай леденчик.

Наконец она с грохотом открывала кованный медью сундук, долго рылась в одежах и совала мне в рот леденец.

— На, аделище ненасытное, подавись! Последний отдаю! От лешего, да от нечистой силы, можно хоть молитвой отойти, а от тебя ничем не отойдешь...

Но я точно знал, что леденец у бабки не последний, и через пять минут опять тянул, вцепившись в ее юбку и не отставая ни на шаг:

— Ба-а, ну дай еще. Ба-а, да-ай же...

Потом я стал слепнуть и возможно ослеп бы совсем, если бы не мой закадычный дружок Санька Забродин. Я обнаружил у бабушки в подвале горшок со сметаной и стал поедать ее потихоньку, приспособив вместо ложки щепку. И вот однажды бабушка за ужином возьми да и скажи как бы невзначай: кто много ест сметаны, тот может ослепнуть. И можете себе представить: у меня вскоре защипало глаза, как будто я съел несколько луковиц. Потом потекли слезы, и все вокруг стало расплываться. Всю ночь я не спал, а утром побежал к Саньке узнать: если ослепну насовсем и на оба глаза, то будет ли он водить меня за палку, как Митю Слепого с Баранова хутора водит его жена Пелагея.

— Ду-ррак! — твердо заявил Санька — Врет твоя бабушка. Это с голодухи можно ослепнуть, да и то частично, а от сметаны никогда!

Вскоре, правда, этот Санька едва меня и не погубил. Я объелся репой, и меня так схватило, что ничего не помогало: ни соль, ни полынь, ни трава толоконка. И Санька решил мне на брюхо поставить банки. Но поскольку банок во всем починке не было, он прилепил мне огромный глиняный горшок, подержав в нем горящую бересту. Поначалу все пошло хорошо и даже приятно. Боль прошла, но горшок затягивал мой живот все сильнее и сильнее, и вскоре привалила такая боль, что прежняя мне казалась вполне терпимой и даже ничтожной.

— Снимай! — заорал я Саньке.

Тот бросился ко мне, ухватился за горшок и начал меня катать сперва на кровати, потом на полу. Но горшок уже не отрывался. Все мои внутренности засосало в него, и я уже вроде бы почувствовал, как рвутся на мелкие обрывки мои кишки. Долго это продолжалось или нет — не помню. На мои вопли сбежался весь починок, но оторвать от меня горшок не смогли, сколько вместе с ним не волочили меня по избе. В конце концов, кто-то все же догадался разбить его то ли молотком, то ли поленом...

В общем много всяких страданий перенес я уже в детстве, а потом, как вы увидите, и того больше. Моя старшая сестра, Томка-няня, играя в лапту, привязывала меня мешковиной к себе на спину и, хотя бегала лучше всех, самодельный тряпичный мяч с зашитым внутри камнем-голышом то и дело попадал мне то в голову, то в задницу. Орать было бесполезно: сестра настолько увлекалась игрой, что не обращала на меня никакого внимания. Правда настолько развилась за счет меня, что потом, когда учи-

лась в Вятке в медучилище, в течение четырех лет была чемпионкой области по бегу на любые дистанции.

Однажды мы с Санькой поймали в лесу медвежат и понесли их домой в берестяных пестерях с тем, чтобы вырастить и продать в Вятку в зоопарк, но уже около самого починка нас догнала медведица, в клочья изодрала наши пестери и увела медвежат в лес. Нас, правда, не тронула, но испугала, конечно, до поноса.

Пробовали мы делать глиняную посуду, но при ее обжиге сожгли баню. Некоторое время мы были даже миллионерами, обнаружив в бабушкином сундуке целый рулон керенских денег. Но нас, как и всяких миллионеров, одолела жадность, и мы отправились в соседний починок, где наши сверстники точно на такие же деньги играли в очко. Но вернулись оттуда и без денег, и с красными соплями.

Одно лето подрадились пасти починовских коз, но поскольку они все время лезли в огороды и не давали нам купаться, сделали в лесу загон и до вечера держали их в этом загоне, пока они не обгрызли все жерди и не перестали доиться.

Однажды после охоты начали чистить дедушкино ружье и забили в него шомпол так, что ни взад, ни вперед. Сообразительный Санька зарядил целый патрон пороху, ружье привязал к огороду и за нитку из-за бани спустили курок. Шомпол выбило, но ствол разорвало на три части, а ложу вообще нигде не нашли.

Мог бы конечно и еще кое-что порассказать, да как вспомнишь, какими трепками все это кончалось, так и руки опускаются...

НЕЧИСТАЯ СИЛА

У нас на Варакше каждая деревня, каждый починок и хутор перед лицом батюшки Абросима за что-нибудь отвечал: то за сбрую, то за телеги и сани, за колодцы, за глиняную посуду, за сети, за ульи, за тес, за стулья и табуретки, за лосиные петли, за деревянные бочки, за холсты и так далее. И только за лесозаготовки, за сплав и добычу живицы головой отвечали все. И не приведи бог, когда у нас по весне на эту живицу начинали собираться в Ветлугаевы боры. Шуму, гаму на всю Варакшу! Сначала целый день колеса от телег искали. Потом, когда телеги наконец собрали, начали сбрую искать. Нашли сбрую, но она оказалась непочиненной. Бросились за дратвой, да хомутными иглами. Дратву нашли, а хомутные иглы оказались в соседнем Новозаводском починке. Их туда еще в прошлом году шорнику Миките отдали. Побежали туда, но вернулись ни с чем. Выяснилось, что наши тоже в прошлом году взяли у них ведро с колесной мазью и две бороны и до сих пор не вернули. Ведро с колесной мазью кое-как нашли, а бороны оказались уже не у нас, а в Поповском починке. Побежали в Попов починок и тоже вернулись ни с чем. Там сказали, что пока мы им не вернем сани-розвальни, они нам бороны и не подумают отдать. Сани нашли у кого-то в сарае, но у них не оказалось ни оглобеля, ни заверток. Сделали оглобли и завертки, погрузили сани в телегу, привезли в Попов починок, но тут обнаружилось, что не те сани-то привезли. У поповских-то и копылья шире, и полозья железом обиты, а у тех, что привезли, ни того, ни другого. Еще день потеряли, пока не нашли поповские сани у Васи Мезеря за овином. Наконец все-таки отправились, а нас, всю нетрудоспособную мелкоту, оставили на попечение бабки Прасковьи, которая настолько нас запугала нечистой силой, что мы и носу из ее избы высунуть боялись. Да мало того, за это самое запугивание заставляла Саньку еще писать письма своей дочери, которая, как говорят в починке, живет в Москве, держит губки «бантиком» и носит юбку «колоколом».

Вот сидим мы все по лавкам, а письму ее конца-края не видеть.

— Про Тимохину-то корову написал? — спрашивает бабка Прасковья, загляды-

вая Саньке через плечо.— Сбесилась, мол, корова-то от травы-дурману, да и убегла в лес, дак всем починком ее три дня искали.

— Да написал уже. Еще чего? — нетерпеливо спрашивает Санька.

— А про Грибаниху? Померла, мол, на девятом десятке, но еще бы, мол, жила, ежели не обрюхнулась в обабошном болоте в грозу.

— Про это не писал.

— Ну, дак вот и пропиши. Мол, гроза такая навалилась около Ильина дня, што так и думали: всем смертонька пришла...

Прикусив кончик языка от напряжения, то и дело обмакивая ручку в пузырек с чернилами из сажи, Санька торопливо вкривь и вкось пишет на листке синей оберточной бумаги большими печатными буквами.

— Ты бы гумагу-то разлиней, — подсказывает бабка.

— Сам знаю.

— Экой, ты какой, — ворчит Прасковья, — никак старуху уважить не хочешь.

— Да ты не перебивай, а то и вовсе писать не буду. Вишь, опять спутался...

— Ну-ну, не буду, пиши, знай.

Бабка Прасковья отошла было от стола, но что-то вспомнив вернулась обратно.

— Пропиши, мол, картошку посадила, брусники и клюквы ныне будет мало.

— Да писал уж про это! — все более раздражаясь выкрикнул Санька.— И про бруснику твою писал, и про катюхиного Мишку, и про картошку, и про дрова!

— А про колодец-то забыл? Сруб-то, мол, в колодце совсем сгнил, дак матка твоя к Тимохе по воду-то ходит...

— Писано и про колодец, сто раз писано!

— Ну, коли так, кланяйся, да зови на Покров в гости.

— Кланялся уж! Сколько же можно кланяться! — совсем вышел из себя Санька.

— Али кланялся? — с удивлением спросила бабка.

— Кланялся! Кланялся! — загудело по лавкам.

— Вот погляди, ежели не веришь! — сунул Санька под нос бабке письмо и стал водить пальцем по строчкам.— Во, видишь: от перегорященской Анютки, от кресной Шуры, от Варвары, от золовки Веры...

Наконец бабка взяла письмо, еще на всякий случай поднесла его к лампе, оглядела со всех сторон, заклеила недоваренной картофелиной в конверт и сунула за божницу.

— Ну, про чо вам сегодня рассказывать? — спросила она, увернув лампу.— Опять про нечистую силу, али чо?

— Давай ври про нечистую, — согласился Санька, — да позаковыристей.

— Мне врать — не деньги брать.

Бабка проворно забралась на печь, с которой свешивались до самого пола, старые половики, ватники и какие-то драные поддевки, улеглась там и, выставив из-за занавески голову, попросила не очень уверенно:

— Шурик, может, лампу-то еще вернуть бы, а то уж карасину-то больно много идет.

Санька недовольно хмыкнул и сделал вид, что уворачивает фитиль в лампе. Мы все поудобнее расселись на лавках и на полу и замерли.

— Ну, сказывать ли? — спросила бабка, зажмурив глаза и беззвучно шевеля толстыми губами.

— Сказывай. Сказывай, — слышались нетерпеливые голоса.

— Про Савелия, мужика свою, сказывала ли, нет ли? — задумалась Прасковья.

— Как на медведя ходил, что ли? — подозрительно спросил Санька.

— Не-е, за кладом-то...

Все отрицательно повертели головами.

— Давай про клад! — приказал Санька.— Да только не усни, как прошлый раз.

— Сном дорожки не изъедешь,— ответила бабка, крестясь и пожевывая.

— Пошел он, значит, Савеле-ет, дай бох царства небесного, за имя на Вознесенской неделе, а клад-то в Федюнином перелеске лежал...

— Ты, бабка, не ври,— перебил ее Санька,— откуда там клад-то, ежели там коров пасут?

На Саньку зашикали. А бабка, не обращая на него внимания, продолжала:

— Знать-то про то, конечно, в починке все знали, только брать-то боялись, потому как схоронен он был с нечистой силой. Но мой-то Савелий ничего, не боязлив был, пошел. Пришел в перелесок-то, а в то время тамо лес стеной стоял. Высокий лес-то — в небо дыра. Нашел место...

Санька открыл было рот и опять хотел что-то спросить, но его толкнули в бок.

— Нашел, стало быть, место-то,— повторила бабка,— и стал копать.

— Место-то как нашел? — не выдержал Санька.

— Место-то? — переспросила бабка.— Место известно было: три елки, да дуб сухостойный, под которым Полканову телушку волки задрали... Да ты бы не встретил, Шурка, не сбивал бы меня, памяти-то и так не стало...

— Ладно, рассказывай.

— Ну, копает он, стало быть, копает, матушки вы мои, и вдруг робость на него сошла. Уж так, говорит, сробел, што и голову от ямы-то поднять боится. А тишь-то в лесу, как в омуте, и темно, матушки вы мои, хоть глаз коли... Ему бы в этот момент молитву сотворить надо было, а все молитвы-то и перезабыл. Ну, все же собрался кое-как с силушкой-то, да и полез было из ямы. Тут-то она, матушки мои, как хряснет, как хряснет, да и заиграла, да и покатила по лесу-то. Воссияло в лесу-то, да и темней прежнего стало, а она, матушки вы мои, катится да играет, катится да играет...

— Кто играет-то? — боязливо спросил слабым ухом Гараська.

— Ну, знамо кто, нечиста-то сила,— перекрестившись на икону, отвечала бабка.— Клад-то разбойниками с нечистой силой схоронен был, али же я вам об этом не обсказывала...

За окошком давно опустилась ночь. В наступившей тишине слышно только, как где-то далеко в лесу ухает филин, да поскрипывает на ветру у дяди Михея дома колодезный журавль. За нашими спинами шевелятся жуткие косматые тени.

— Ну, а дальше-то чо? — испуганно тихим голосом спрашивает Гараська.

— Дальше-то? А пришел он уже под утро, Савелий-то, весь белый, как бумага, а шапка-то на голове у него так и шевелится, так вот, матушки вы мои, и шевелится.

— Да отчего шевелится? — спрашивает кто-то.

— Знамо от чего, от страху.

— Ну и чего потом?

— А стал он вот с той поры заговариваться, да и помер вскорости, дай бох царства небесного. Ишо-то баять? А то ведь темно на улице-то, спать надо бы...

— Давай, давай еще,— приказал Санька.— Письмо-то вона какое я тебе накалал.

— Пирога поели бы...

— Пирог само собой.

Бабка подумала, почесала рукой спину и спросила:

— В Трясунах Ваню Глухого знаете?

— Знаем,— ответил за всех Санька.

— А трясет его отчего?

— Говорят, уши себе спицей проколол, на войну идти побоялся.

— Ну, это уж вры! — взвился Гараська и даже вскочил с лавки. Ваня приходился ему каким-то родственником.

— Вот-вот,— обрадовалась Прасковья неожиданной поддержке,— мелешь ты Шурка не знамо што.

— Ну, врете дальше оба,— сказал усмехаясь Санька и пошел на кухню за пирогом.

Бабка Прасковья, воспользовавшись этим, несколько раз всхрипнула, но друг мой был на чеку.

— Ты рассказывай, рассказывай, не хрен храпеть-то...

Прасковья тяжело вздохнула и завопилась на печи, укладываясь поудобней.

— Рассказывай, чего он врёт! — выкрикнул Гараська.

— Пошел, значит, он снова тоже за кладом-то, Трясун-то, как мой Савелий, а за ним откуда не возьмись маленькая-маленькая собачка. Эдакая юрковитая и все у него под ногами крутится: мешает, стало быть, за кладом-то идти. Ну, Иван-то возьми ее сдуру-то, да и хлобысни сапогом. Вот тут-то его, матушки вы мои, вызяло, да и понесло по лесу-то... Три дня таскало, а на четвертый нашли его лесники под кокорой за сорок верст у самой Ветлуги.

— Ну, уж ты тут бабка совсем того,— засмеялся Санька,— чо она тебе самолет чо ли, твоя нечистая сила? Как же она его таскала?

— За волосы таскала, вот как! Он после этого и заикаться стал! — опять вскинулся Гараська.

— Врешь! — убежденно заявил Санька.

— Нет, не вру!

— Врешь!

— Сходи в Трясуны и спроси!

— И спрашивать нечего, трус твой дядя — и вся недолга.

Гараська, красный как рак, набросился на Саньку. Началась потасовка. Сторонников существования нечистой силы оказалось намного больше, и неизвестно чем бы закончилась схватка, если бы в самый разгар ее кто-то не заорал:

— Робя! Бабка-то уснула!

Санька выбрался из кучи и подбежал к печи. Бабка Прасковья действительно спала, похрапывая, присвистывая и сладко причмокивая губами. Санька бесцеремонно толкнул ее в бок. Она что-то промычала, повернулась на другой бок и захрапела уже на всю избу. Санька всердцах сплюнул и передразнил бабку:

— Вызяло, покатилося, покатилося. В башке у нее покатилося...

И УБИЛ ЗАПЯТУЮ

Нет, не бывать бы мне в том году школьником. Во-первых, мне и шести еще не исполнилось, а во-вторых, война: ни скинуть, ни одеть нечего. Всей и одежды было на мне — бабушкина кофта в горошек.

Ну, а уж если всю правду сказать, то не больно мне и хотелось в нашу починовскую школу. Что это за школа — смех и только! Всего-то одна комнатка в прирубе у деда Еврасима. И пол некрашенный, и окон всего три, хоть ты среди бела дня лучину зажигаешь, и тараканы на тебя из всех щелей смотрят, а в сенях какие-то драные хомуты, седельки валяются да разошедшиеся кадушки. И все четыре класса в одном.

А учительница Фаинка, внучка деда Еврасима, сама всего семь классов кончила и ходит-то в заплатанных чесанках да в каком-то перелицованном пиджачишке с деревянными пуговицами. И все-то зябнет, все-то зябнет...

Вот в Атаманове школа так школа! Все классы порознь, да плакатами, портретами, картами все увешано — прямо в глазах рябит. Даже глобус у них есть и библиотека.

Через нее-то, через библиотеку, я и попал в нашу починовскую школу, а если точнее, то через старшую сестру Томку. Принесла она оттуда книжку про Гулливера.

Само собой спрятала от меня. А чего прятать-то? Я благодаря ей же, Томке, и читать уже умел, и считать до сотни, и все стихотворения, которые она учила, знал назубок.

Так вот книжку эту я, конечно, отыскал в ее куклах, прочитал в бане у окна, и запало мне с тех пор в душу, что эти самые лилипуты в нашем патефоне живут. Иначе кто же, думаю, в нем петь-плясать будет? А ночью, наверное, выползают наружу подкормиться, потому что сколько бы я ни крошил около патефона хлебных крошек — к утру ничего не оставалось...

Конечно, я давно бы познакомился с этими лилипутами, если б не Томка. Она не только не подпускала меня к патефону, а и вообще всегда за руку меня с собой таскала.

Но вот и на мою улицу праздник пришел первого сентября. Мать, как всегда, на работу, а Томка — в школу. Я до винтика разобрал патефон, но лилипутов почему-то не обнаружил. Может, думаю, они в часы перебрались на жительство. И часы разобрал — нет лилипутов. Видно, в другой дом перешли, размышляю про себя, наверное, кормил плохо. А где для них чего взять-то! Сами, считай, одну картошку едим, да грибы, да свеклу еще сушеную вместо сахара...

Ну и отправили меня после хорошей взбучки на другой же день в школу. Точнее, не в школу, а как бы в детский садик, где я должен был сидеть в четвертом ряду вместе с той же Томкой, не болтать ногами, не разговаривать и молча писать в самодельной тетрадке огрызком карандаша всякие палочки и закорючки.

Тут-то вот я вскоре и отличился на зависть всему нашему починку. Было дело, привезли на лошади нарядную тетку из роно. Она посидела в нашей школе, походила по рядам да и спрашивает: кто, мол, какие стихотворения знает про войну. Я так и вскочил от радости:

— Я знаю!

Томка мне тут же подзатыльник, да уж поздно. Тетка из роно пошептала о чем-то с Фаинкой, усмехнулась и говорит:

— Ладно, иди к доске.

— А может тут? — не растерялся я, потому что выходить к доске мне не было никакого резона. Уж если рубаха на мне, перешитая все из той же бабушкиной кофты в горошек, была еще куда ни шло — всего с двумя заплатами, то штаны вообще состояли из одних заплат и держались даже не на лямке, а на обрывке чересседельника. Про обувь и говорить нечего: ночью мать сшила мне из старых кирзовых голенищ какие-то такие чужаки, что они еще по дороге в школу разъехались. Из одного пятка торчала, словно луковица, а из другого большой палец с огромным кривым ногтем.

— Ну, давай с места, — опять усмехнулась тетка. — Про что рассказывать-то будешь?

— Да хоть про что, — говорю, — хоть и про пограничника, хоть про «первый сокол — Ленин, второй сокол — Сталин...», хоть про танкистов...

— Ну, расскажи тогда про пограничника.

— Пожалуйста.

И, опасаясь, чтобы меня не остановили, я зачистил, будто из пулемета. А как дошел до места, где пограничник убил троих шпионов, но подкрался четвертый и нанес ему смертельную рану, тетка из роно замахала руками:

— Голубчик, голубчик, потише!

А тут еще на беду Фаинка впуталась:

— Коля, Коля! Здесь же запятая перед «но».

«Вот черт, что еще за запятая? — растерялся я. — Томка, когда заучивала это стихотворение, ни о какой запятой там речи не вела. Запятая... запятая, — бился пульс в моих висках. — Что же это? Да ведь это шпионка, радистка! — осенило меня. — Ну, конечно! Какой толк фашистам через нашу границу ходить, ежели они Гитлеру никаких сведений передать не смогут. А Томка — дур-ра! Главную строчку пропустила.

Ну и молодец же я, что вовремя догадался! С чувством и расстановкой я повторил куплет:

— Троих он убил, и убил Запятую, смертельную рану нанес...

— Подожди-ка! — округлила глаза роновская тетка. — Как это «он убил запятую»?

— Очень просто, — пояснил я, — из автомата и убил.

— Коля, а запятая — это что по-твоему? — опять вмешалась Фаинка.

— Как что? Шпионка немецкая, радистка...

Тут все и грохнуло. А Томку вообще скрутило от смеха так, что она даже одернуть меня не могла, вроде, как только трогала штанину. Однако меня не так-то просто было сбить с толку. Выждав, пока все утихло, я продолжал пояснять:

— Тут дальше в стихотворении все неправильно.

— Да почему? — утирая слезы, спросила роновская тетка.

— Да потому! — удивился я ее бестолковости. — Ведь троих он убил?

— Ну, убил.

— Радистку Запятую убил?

Тут опять все загоготали, даже первыши, а в стенку Еврасим чем-то стучать начал. И тогда мне ничего не оставалось, как выложить на парту нарезанные из малиновых прутьев палочки.

— Нате вам, сами считайте, — я отложил три палочки. — Троих он убил? Убил. Радистку Запятую убил? Убил. Значит всего четыре.

— Ну, хорошо, Коля, пусть так, — согласилась, наконец, тетка. — А дальше-то что?

— А дальше то и получается, что уже не четвертый к пограничнику-то подкрался, а пятый, — в упор уставился я на нее, — а кто это стихотворение писал, тот, наверно, считать совсем не умел. Вот что получается.

Тут уже от хохота вообще все окна в избе задребезжали, а со стены упал единственный портрет Мичурина.

Да только ведь не теперь сказано: хорошо смеется тот, кто смеется последним. Тетка из роно оставила меня после уроков, объяснила, что такое запятая, потом попросила почитать книжку, посчитать на палочках и самолично зачислила меня во второй класс. Мало того, выдала мне две настоящие тетрадки в линейку и в клеточку, «Родную речь», «Арифметику», ручку с запасным перышком «лягушка» и целый пузырек настоящих чернил.

А наши-то, починовские, как писали самодельными чернилами из печной сажки на газетных обрывках, так с тем и остались. И это была, как вы увидите, моя первая и последняя удача в жизни.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Начальную школу я закончил с похвальной грамотой. Бабушка подержала ее перед глазами вниз головой и прилепила на хлебный мякиш в простенок на видное место. Всем в починке она начала хвастаться, что с таким образованием я не буду катать бревна, как все наши, а стану маркировщиком, а, может быть, даже и в десятичники выбьюсь.

Конечно, так бы благополучно и сложилась далее моя судьба, как предсказала бабушка, если бы на мою гибель не вернулись с фронта мой отец и мамкин двоюродный брат дядя Саша — медвежатник. Он еще до войны ухлопал сорок медведей, а в войну двести сорок немцев. После первой четверти самогона, они долго по очереди щупали мою огромную от рахита голову и пришли к выводу, что с такой головой мне в починке делать нечего, а надо учиться дальше.

Потом вспоминали, как шли по Европе и как в каком-то городе Белграде для них все улицы устелили коврами, из которых, наверно, до сих пор бедные жители вытрясают вшей. Долго над этим смеялись, а потом взялись за вторую четверть. И когда ее ополовинили, начали немцам же и завидовать. Якобы у них даже в деревнях все живут в двухэтажных каменных домах, все ходят в суконных пинжаках с галстуками и в лаковых щелбетах. Пьют вино прямо из бочек, а едят из серебрянных тарелок и серебрянными ложками. И папка мой под конец до того разъярился от этой зависти, что все наши деревянные ложки переломал через колено, а глинянную посуду расхрястал о пол.

Потом, когда они допили и вторую четверть, запрягли лошадь и поехали в район. Папка мой уже молчал, только скрипел зубами, а дядя Саша орал: пускай они, тыловые крысы, проведут нам в починок к Покрову электричество, асфальтированную дорогу, откроют школу-десятилетку и лесотехникум, а лично мне перекроют крышу!

В районе они дебоширили три дня. В чайной повыбивали все окна, а под конец дядя Саша из своего именного пистолета пострелял все чашечки на телефонных столбах и их обоих забрали в отрезвиловку. Папку моего на другой день отпустили, а дядя Саша из отрезвиловки выходить наотрез отказался и потребовал, чтобы его выводили оттуда со знаменами и под барабанный бой, поскольку лично товарищ Сталин, категорически запретил забирать Героев Советского Союза. Перетрусившие милиционеры собрали со всего райцентра флаги и знамена и под барабанный бой пионеров дядя Саша торжественным, церемониальным шагом покинул отрезвиловку. За это нашу Варакшу в районе возненавидели окончательно и в очередной раз пытались всучить Ветлуге. Правда крышу ему все-таки перекрыли, но электричества и асфальтированной дороги в наш починок так и не провели, не говоря уже о десятилетке и лесотехникуме. Поэтому-то и пришлось мне ходить за десять километров в Атамановскую семилетку. И как начитался я в тамошней библиотеке всяких книжек, так и сделался совершенно ненормальным вроде Коли Дедя, который за конфетку-подушечку такого наплетет за пять минут, что и за день не перескажешь. Начал я врать и настолько безбожно, что бабушка едва с ума не сошла. (Не с этого ли начинали все писатели и политики?)

Вот прихожу из школы и докладываю ей:

— А в Атаманове мужики неводом водяного вытащили, но отпустили, потому что тот пообещал нашу реку Какшу соединить с Волго-Доном.

Или:

— А в Чашебниках поймали лешего с лешачихой и лешаченком. Лешего с лешачихой в Вятку в зоопарк отправили, а лешаченка нам отдали в живой уголок.

Или:

— Вчера к Атамановскому мосту пираты на корабле причалили. Все магазины ограбили, а учителей наших перетопили, так что в школу недели две не надо ходить, пока новых не пришлют...

Бедная моя бабушка чего только не делала: и святой водой кропила, и четверговой соли на ночь привязывала, и к батюшке Абросиму водила — все бесполезно. Вру и вру, хоть ты рот зашивай. Потащили меня к ворожее бабке Дарье. Та разложила на столе сотню бобов, чего-то покумекала над ними и сообщила, что ничего путного в жизни меня не ожидает.

Бабушка добавила ей еще десяток яичек, а бабка Дарья в свою очередь добавила на стол бобов, но получилось еще хуже: на моем жизненном пути встал какой-то шкилет, после которого житуха моя, и без того беспросветная, станет еще хуже. А жизнь на Варакше вообще прекратится.

— Ну, а как насчет вранья-то, Марковна? — поинтересовалась вконец убитая горем бабушка.

— А то и скажу, Капитоновна: пушай врет, ежели без корысти. От этого вреда никакого и никому не будет...

— А ежели с корыстью?

— Ну, тогда хлестать его придется, как Сидорову козу. Только полотенцем не бейте, а то вредный сделается, и веником тоже нельзя,— теща любить не будет...

Поначалу, однако, я всяких скелетов стал побаиваться, и когда в Барановом волоку волки задрали мерина дяди Кузьмы, то скелет его, на всякий случай, обходил стороной. А также близко не подходил и к особо тощим мужикам, которых у нас на Варакше тоже звали шкилетами. Но поскольку ничего плохого со мной не происходило, то вскоре все и забыл...

АРТИСТ

В общем, врал я, врал, а потом всю эту вранину и стал посылать в районную газету «Красный льновод». Но оттуда вскоре пришло письмо с просьбой, чтобы я писал не «фантастику», а сообщал бы о значительных событиях, которые происходят у нас, и о трудовых достижениях. Господи ты, боже мой! Ну, какие же такие значительные события в нашем починке? Ну, бабы у колодца разругаются из-за утопленной бадьи, ну заблудится кто-то в лесу, ну волка или медведя кто-нибудь убьет. Или дед Протас уснет на своем смолокуренном заводишке, а котел-то переполнится, и его самого зальет смолой. А на другой день всем починком выдирают его из этой смолы. Так это што: трудовое достижение?

Вскоре, однако, все же напечатали крохотную заметку о том, что дед Флегонт больше всех в починке ивового корья надрал. Вот с этого все и началось. Пришел ко мне Сеня Жуйков с деревни Плясуны и поманил пальцем на улицу.

— Прихвати-ка бумаги да карандаш или ручку...— шепнул Сеня мне загадочно на крыльце.

— Зачем это? — спросил я его.— Письмо, что ли написать или заявление какое?

— Это я сам могу,— постукал Сеня согнутым пальцем по своей круглой, точно камень-голыш, голове,— насчет этого у меня котелок варит...

Я взял чего требовалось и вышел на улицу.

— Айда в баню! — не то попросил, не то приказал Сеня.

В бане он по-хозяйски осмотрелся, отодвинул в угол шайку с водой, причесался перед обломком зеркала, поправил ремень и обратился ко мне:

— Вот ты, значит, про старика тут в газете пишешь, а разве он заслужил это?

— Ну, как же,— обиделся я,— он же корья всех больше в этом году надрал, де-душка Флегонт-то, ему за это даже полушубок в сельпо обещают новый.

— Эх, ты! — сожалеюще покачал головой Сеня.— Ну что такое корье? Мелочь, ерунда, в руки, можно сказать, взять нечего...

— Но ведь напечатали же!

— Напечатали, хе-хе...— усмехнулся Сеня.— Да потому и напечатали, не знали, что он тебе родня. Вот погоди:дохнет кто в газетку-то, знаешь, чего тебе за это будет?

— И ничего не будет, он же не украл корье-то, а сам надрал в старой пожне, высушил и отправил на станцию. Он бы и еще больше надрал, да его тетка Канида заставила крышу на сеновале перекрыть.

— Сеновал, крыша, корье какое-то... Да разве есть во всем этом настоящего-то геройства хоть на полушку? На фронте-то он был, твой Флегонт?

— Нет, не был, ему же в прошлом году семьдесят лет исполнилось...

— Вот то-то и оно,— обрадовался Сеня,— а тут, понимаешь, люди воевали, танки, как говорится, зубами грызли, кровь лили.— Сеня поднялся и в волнении заходил по бане.

Я растерялся. Заметив это, он подсел ко мне и приказал:

— Ну, что сидишь? Записывай!

Кое-как примостившись на подоконнике, я открыл тетрадку. Сеня долго ходил из угла в угол, как бы глубоко задумавшись. Наконец он остановился и просветлел лицом.

— Значит, так: в одна тысяча девятьсот сорок втором году армию нашу окружили в болоте. Сидим день, два, неделю сидим, месяц... А фрицы по нам из пушек и пулеметов, из танков и минометов и днем, и ночью, и до обеда, и после обеда садят и садят. Потом вдруг: ша! Тихо... Ну, вызывает меня, значит, командующий и спрашивает: соображаешь, товарищ Жуйков, отчего немцы стрелять перестали?

— Никак нет, говорю, не соображаю.

— Голова ты, говорит, садовая: боеприпасы они берегут. Узнали, что вечером мы на прорыв пойдем, и экономят. А надо бы повытрясти у них припасы-то, с голыми руками к вечеру-то оставить. Мы, говорит, только что с вашим сельсоветом по рации связывались. Нам сказали, что ты пляшешь добро.

— Само-собой, отвечаю, все призы на праздниках мои были...

— Вот-вот, говорит, такого нам и надо.

Сеня заглянул мне через плечо и спросил:

— Успеваешь?

— Успеваю,— ответил я не очень уверенно.

— Тогда пиши дальше. Приводит он меня на высоту одна тысяча двести сорок один. Ну, на высоте, саперы, само-собой, уже настил сделали и лавочку для гармониста поставили. Командующий наливает мне из своей фляжки чистого спирту два стакана и говорит: ну Семен Александрович, не подведи: вся надежда на тебя...

— Я-то, говорю, не подведу, товарищ командующий, да только бы сапоги не подвели: каблук шибко сносились...

Тогда он, ни слова не говоря, снимает и отдает мне свои, яловые. Переобулся я, он обнял меня, заплакал и говорит:

— Вприсядку, Семен Александрович, вприсядку побольше старайся, тогда им, гадам, трудней в тебя угадать будет...

А я про себя посмеиваюсь: какой черт им в меня за два километра угадать, если дома, когда я плясал, в меня и с трех метров щепкой никто не попадал! Начал я, само собой с «цыганочки».

Сеня встряхнулся, несколько раз прошелся по кругу, отшвырнул в угол попавшийся под ноги веник, отступил к двери, хлобыстнул картузом о пол и пошел выделывать такие штуки, что вся баня заходила ходуном, а я сразу же перестал различать, где у него руки, а где ноги и голова.

*И-эх! Я цыганочку-игру,
Да лучше милочки люблю.
Когда буду помирать,
Велю цыганочку сыграть...*

В кучу золы вывалилось несколько кирпичей из каменки, и баня заполнилась серой пылью, но Сеня не обращал на это никакого внимания. Я уже совсем не видел его, а только слышал щелчки, дробь, треск половиц да дребезжание ведер и чугунков.

В починке залаляли собаки. Я высунулся в оконце. Около нашего дома остановилась тетка Махониха и, приставив к ушам руки, с беспокойством оглядывалась по сторонам.

— Дядя Семен, ты лучше рассказывай,— попросил я,— а то еще придет кто-нибудь...

Сеня опустился на скамейку, тяжело дыша и вздрагивая всем телом. Красная шелковая рубаша у него взмокла от пота, из хромовых в гармошку сапог выбились штанины.

— Нет, язви ее под корень, без гармошки совсем не то... Написал-то много?

Я молча протянул ему тетрадку. Сеня перелистал ее и заметил:

— Ты бумагу-то не береги, я тебе в случае чего принесу,— он оправил рубашу, поднял с полу картуз и, закулив папироску «Бокс», продолжал: — Вот, значит, пляшу я эдак-то час, другой, а фрицы молчат. Молчат и все тут, хоть бы разик стрельнули. Командующий, гляжу, совсем расстроился, эх, думаю, была не была: мигнул гармонисту, да и рванул под «Сентетюлиху».

Сеня опять не выдержал, вскочил с места и пошел вприсядку, широко раскидывая руки и ноги, точно делал зарядку:

Сентетюлиха телегу продала,
На телегу балалайку завела.
Пригласите ко мне Колю-игрока,
Посадите в куть на лавочку,
Дайте в руки балалаечку,
Будет Коленька наигрывать,
Ну, а я буду наплясывать...

— Дядя Семен, придут ведь! — предупредил я, заметив, что около бани собирается народ.

Но Сеня ничего не слышал. Он остановился, рубанул рукою воздух и крикнул что было мочи:

— Вот тут-то, в этом самом месте, и не выдержали они, не сдюжили голубчики! Да кы-к жажнут по мне изо всех стволов, и пошло: гармонисту голову напрочь, мне тут же другого, и того убило, мне третьего, и тому конец.

— Дальше-то чего, дальше-то? — не вытерпел я.

— Дальше-то? — переспросил Сеня, широко раздувая ноздри.— Подползает командующий и кричит:

— Бери гармонь, нет больше в армии гармонистов.

Я, значит, беру гармонь и пошел, пошел! От подметок дым клубами, а мне все нипочем: они что, мои сапоги-то... А вокруг-то меня, мама родная! Мины, осколки, пули, гранаты, бомбы! Командующий маячит руками: давай, мол, давай! А я про себя думаю: дурачок, да меня, если по хорошему угостить, так я хоть неделю без всякого отдыха пропляшу...

В моей голове от увиденного и услышанного все воспалилось, смешалось и перепуталось: пушки, минометы, шайки, веники, генеральские сапоги и Сенины частушки.

— Видят они, что дело пустое, и подтянули супротив меня тяжелую артиллерию, да как шарахнут шрапнелью-то, а я, один черт, пляшу и пляшу. Командующий-то орет, руками машет: хватит, мол, хватит уж, а я и остановиться не могу. Спасибо офицера утащили...

Сеня опустился на лавку.

— Прорвалась хоть армия-то? — спросил я, сторяя от любопытства.

— А ты что думал, как миленькие прошли: у немцев-то на понюшку ничего не осталось, все на меня расхлопали...

Сеня смерил меня уничтожающим взглядом, вытер со лба пот и добавил:

— Так-то вот! А ты корье, Флегонт какой-то...

Я трудился целую ночь, а наутро вручил почтальону Митюхе огромный сверток с документальной повестью «Геройский поступок Жуйкова Сени».

Ответ мне пришел через неделю.

«Уважаемый товарищ корреспондент! — писали мне из газеты.— Мы очень сожалеем, что Семен Александрович Жуйков не совершал пока описанного вами геройского поступка, потому что не был на фронте. Однако о его таланте мы сообщили в районный отдел культуры»...

В тот же вечер Сеня сам прибежал ко мне сияющий, запыхавшийся и с какой-то бумажкой в руках.

— Во! Слыхал? В районе плясать приглашают! — сообщил он мне.— Узнали все же про настоящего-то артиста! А то Кольку Катюхина хотели послать, на смотр-то, нашли плясуна! Тьфу!

— Ты зачем наврал-то? — чуть не заплавав, в отчаянии спросил я.— Ведь у меня теперь ни одной заметки не напечатают!

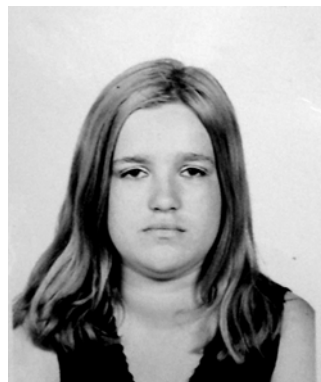
— Да я виноват, что ли,— искренне изумился Сеня,— что меня на войну не взяли... А если бы взяли, все в точности так и было. Уж Сеня Жуйков не струсил бы... Не-ет! Тут уж, дорогой товарищ, извини-подвинься...

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТУЛА МОЛОДАЯ

Александра Гребецкая
(г. Тула)

РАССКАЖИТЕ МНЕ О ЛЮБВИ
(Стихи)

Саше Гребецкой двадцать лет. Образование средне-специальное. Место работы: Тульская областная универсальная научная библиотека. Увлечения: краеведение, востоковедение, страны СНГ, современная популярная музыка. В литературных объединениях не состоит.

Расскажите мне о любви.
Как поэму ее напишите.
В ней поведайте чувства свои
И на память мне подарите.

Принесите мне горстку любви,
Словно птице голодной хлеба,
Растворите меня в любви,
Как в морях растворяется небо.

Спойте, спойте мне о любви,
Чтоб казалось, что с ней я летаю.
Расскажите мне о любви,
Я покуда о ней не знаю.

* * *

Одинокие пишут стихи
На страницах придуманной жизни
И замаливают грехи,
Вновь на звезды смотря с укоризной.

Одинокие ищут причал
И дорогу обратную к прошлому,
Но разбит их корабль возле скал,—
То расплата за путь к невозможному.

Одинокие ищут себя
В зеркалах необъятного мира,
И тоскует печальная лира
Одиноких таких же, как я.

СКАЗКИ СО СМЫСЛОМ

Николай Макаров*

СКАЗКИ ПРО ЛЕС

Сказки, а может быть, и не сказки про Лес, для самых маленьких и самых умных мальчишек и девочек, а также для взрослых, для всех взрослых: умных и не очень...

ПОЖАР

Случился в Лесу пожар. Большой пожар. Все звери, — да, да, — все звери стали спасать Лес. Стали тушить огонь. Стали вытаскивать из огня малышей. Лиса несет двух зайчат. Медведица появляется в обгоревшей шерсти с волчонком. Зайцы вместе с Волками таскают из речки воду.

Забыли звери в момент большой общей опасности свои обиды. Забыли свои недовольства друг другом. Забыли распри между собой. Все встали плечом к плечу. И победили! Отступил огонь. Прекратился пожар. Все вместе, всем миром отстояли звери свой Лес. Отстояли самих себя. Своих детей. Победили...

БЕДА

Нагрянула в Лес Беда. Огромная Беда. Страшная Беда.

Собрались Зайцы.

— Мы одни победим эту Беду! — сказали они. И не победили. А Беда становится вместе больше.

Собрались Лисы.

— Мы одни победим эту Беду! — сказали они. И не победили. А Беда становится все больше и больше.

Собрались Волки.

* Наш постоянный автор; военный врач, майор медицинской службы в запасе.

— Мы одни победим эту Беду! — сказали они. И не победили. А Беда становится все больше, больше и больше.

Собрались Медведи.

— Мы одни победим эту Беду! — сказали они. И не победили. А Беда становится все больше, больше, больше и больше.

Весь Лес Беда захватила.

Тогда собрались все звери: и Зайцы, и Лисы, и Волки, и Медведи. И все вместе как набросились, как накупились на огромную Беду, так и отступила она перед ними. Ушла, убежала из Леса. И больше никогда не приходила в этот Лес.

МОСТ

По Лесу текла речка. А моста на этой речке не было. И звери в гости друг к другу добирались кто как мог. Медведи переходили речку вброд. Волки и Лисы переплывали речку. Зайцы переправлялись на бревнах. Одни неудобства для всех. Весной, когда речка разливалась, и вовсе было не переправиться на другой берег.

И начали звери строить мост.

Зайцы первыми построили. По этому мосту могли ходить только одни Зайцы. Но не Лисы, не Волки, не Медведи.

Лисы построили. По этому мосту могли ходить только Лисы и Зайцы. Но не Волки, не Медведи.

Волки построили. По этому мосту могли ходить и Волки, и Лисы, и Зайцы. Но не Медведи.

Медведи же что-то долго мост строят. Никак к зиме не успеют. Тогда на помощь Медведям пришли остальные звери: и Зайцы, и Лисы, и Волки. И все вместе построили один большой мост, по которому могли ходить все звери. Даже Слоны и Бегемоты, если вдруг придут в гости в Лес.

ИСТОРИЯ ЛЕСА

Решили звери написать Историю своего Леса. Решили и написали.

Зайцы написали свою Историю.

Лисы написали свою.

Волки написали свою.

Медведи написали тоже свою.

Все звери написали. Но История у всех получилась разная.

У Зайцев — Зайцы самые главные, самые умные, самые, самые...

У Лис — Лисы самые главные, самые умные, самые, самые...

У Волков — Волки самые главные, самые умные, самые, самые...

У Медведей — Медведи самые главные, самые умные, самые, самые...

Но такого не может быть. Не бывает такого, чтобы История одного Леса была разная.

Призадумались звери. Сели все вместе на лужайке в кружок и написали одну Историю. Одну Историю их Леса. Настоящую, правдивую историю, в которой написали обо всех. Никого не обидели. Правдой нельзя обидеть. Ничего не сочинили. Написали так, как было на самом деле.

ФЛАГ

Решили звери иметь в своем Лесу флаг. Как же без флага? У всех есть и у них должен быть. Флаг — это символ Леса, это частичка самого Леса, его лицо, его визитная карточка.

Зайцы предложили белый флаг.

Лисы предложили оранжевый флаг.

Волки предложили серый флаг.

Медведи предложили коричневый флаг.

Долго спорили — чей флаг лучше. Каждый доказывал, что их флаг, их цвет лучше других. Больше всего подходит к их Лесу. Чуть до драки не дошло.

Вдруг звери притихли. Вспомнили, как писали Историю Леса. И решили: раз у них у всех Лес один, то и флаг должен быть один, на котором будут все цвета: и белый, и оранжевый, и серый, и коричневый, и зеленый. Лес-то летом стоит весь зеленый.

«БЕЗ» И «БЕС»

С приходом учителей из Заморского Леса в школах стали коверкать родной язык нашего Леса. В словарях, в учебниках, во всех книгах не было в словах приставки «бес». Была только приставка «без».

Посудите сами.

«Безсердечный». Все понятно. Плохой, нехороший.

Сравните.

«Бессердечный». Что получается?

Бес (как у Пушкина в сказке про Балду), т. е. черт — сердечный. Вот так раз! Вот как исковеркали заморские учителя родной лесной язык. Черт, оказывается, у них друг сердечный.

И множество других слов перевернули с головы на ноги приставкой «бес».

Опять на выручку жителям пришли Мудрецы Леса. Исправили во всех словарях, учебниках, во всех книгах приставку «бес» на приставку «без». Все стало понятно, все встало на свои места. Как было и раньше в их родном лесном языке.

ЖВАЧКА

Из Заморского Леса в наш Лес привезли что-то похожее на конфеты. В ярких красивых обертках-фантиках. С сюрпризами внутри. Развернешь фантик и не знаешь: конфета эта или что-то другое. Почти как конфета. Сладкая, душистая, во рту тает. Быстрей бери одну в рот, три — про запас и жуй целый день эти жевательные резинки. Эту жвачку.

Стали все звери с утра до вечера жевать эти резинки. Жуют-жуют, жуют-жуют. Есть перестали, пить перестали. Все жуют и жуют свою жвачку. Через некоторое время все звери стали походить на тупых, равнодушных ко всему жвачных животных. Безразличные к себе, к своим родителям и своим детям. И Зайцы, и Лисы, и Волки, и Медведи все стали на одно лицо.

Хорошо спохватились вовремя звери в Лесу и выбросили на свалку жвачку. Выбросили и ту, что жевали, и ту, что купили про запас, и ту, что осталась в магазинах и на складах. И постепенно все звери Леса стали похожими сами на себя. Зайцы похожими на зайцев. Лисы — на лис. Волки — на волков. Медведи — на медведей. А не на жвачных животных.

ОБМАНЧИВЫЕ «ДОГИ»

В другой раз привезли из Заморского Леса какие-то непонятные фрукты. Фрут-дог, ягод-дог, другие разные «доги». Все в разноцветных обертках-листочках. С яркими картинками. Реклама на каждом шагу.

— Кто купит десять штук — одиннадцатый бесплатно.

Перестали звери есть продукты своего Леса. Накинулись на заморские диковинки. И стали болеть. Вначале заболели малыши. Кто худеет. Кто жиреет. И у всех заболели животики. Затем заболели взрослые звери. Заболели и призадумались.

— С чего бы стали все в Лесу болеть?

Быстро звери смекнули, что все их болезни от заморских продуктов. В один день перестали они есть эти такие обманчивые «доги». И перешли на продукты своего родного Леса.

ЗАМОРСКАЯ МУЗЫКА

Однажды жителей Леса рано утром разбудил какой-то страшный рев и вой. Как будто кого-то избивали, и кто-то жутко кричал от ужасной боли. И все сопровождалось грохотом тысячи барабанов и скрипом тысячи несмазанных дверей.

Пока звери разобрались, пока выяснили откуда эта мерзость взялась, у всех, особенно у малышей, разболелась голова. Заложило уши. Пропал аппетит — никто не мог в это утро даже позавтракать в Лесу. Замолкли утренние соловьиные трели. Все звери застыли в каком-то оцепенении.

А ларчик просто открывался. Эта музыка, если можно назвать ее музыкой, появилась от подключенного к радиосети магнитофона с кассетой из Заморского Леса. Кто-то специально или по ошибке включил ее в Лесу. И оглохли, заболели все звери. Стоило только выключить магнитофон, и постепенно перестали болеть уши, прошла головная боль, появился аппетит. Зашебетали пташки, зажужжали пчелы, раздался смех. Лес продолжал жить своей нормальной повседневной жизнью.

ОДЕЖДА

Одежду тоже хотели привозить из Заморского Леса. Всю в заклепках, молниях, многочисленных карманах. Всю в непонятных красках. Одна шуршала, как бумага. Другая одежда гремела, как ржавое железо. Как в такой одежде ходить?

Жители нашего Леса сразу разобрались с этой одеждой. Кто захочет носить бумагу или железо? Вместо своей родной одежды, которая сделана из своих лесных и полевых материалов. Из льна, хлопка, липы. Других, но своих, родных материалов.

СОКИ

В Лесу на каждом шагу продавали соки по одной копейке за стакан. Березовый сок. Кленовый сок. Цветочный сок. Сок из клюквы. Сок из малины. Много других разных и вкусных соков. Без красителей. Без добавок. Без возможной "химии".

Все звери были довольны. Все пили натуральные соки из своего родного Леса.

И когда из Заморского Леса привезли напитки, всякие там мокры, пекси, наши

звери просто не стали их пить. Не понравились им эти заморские напитки. Подделки под настоящие.

РОЩА

Недалеко от Леса росла Роща. Вернее, когда-то росла. Со временем из Рощи тоже должен был вырасти Лес. Но, увы, жители Рощи захотели легкой жизни. Ничего не делать, а все иметь. И стали пилить вековые деревья и продавать в Заморский Лес. Пилили год. Пилили два. Пилили три года. На четвертый захотели пилить деревья и снова продавать. Глядь, а деревьев-то нет. Кончились деревья в Роще. Засохли, заросли родники. Улетели птицы. Разбежались зверушки. Новые деревья когда еще вырастут. А чтобы деревья выросли, их вначале надо посадить. Но никто в Роще их не сажал. И стала когда-то цветущая Роща превращаться в Пустыню. В безжизненную песчаную Пустыню.

МУЛЬТИКИ

Взрослые жители Леса никак не могли понять — почему их дети стали друг с другом драться. Грубить взрослым. Обижать малышей. Пропускать уроки в школе. А кто-то даже и курить. Почему вдруг умные, вежливые Зайчата, Лисята, Волчата и Медвежата так резко изменили свое поведение? Почему они вдруг стали другими? В чем причина их злого, нехорошего поведения?

Взрослые быстро нашли причину. Заморские мультики были во всем виноваты. В них показывали одни драки, насилие, аварии, катастрофы. И даже убийства. Это для маленьких-то жителей Леса? Такие ужастики?

— Нет!

Решили все звери и запретили все заморские мультики показывать в своем Лесу.

НЕПОНЯТНЫЕ КОРОБКИ

На окраине Леса со стороны Заморского появились какие-то неизвестные коробки с одной палкой сбоку, похожей на лапу без пальцев. В середине коробки имелась небольшая дырочка. Положишь в дырочку монетку, дернешь палку-лапу и выиграешь кучу монет. Когда получишь кучу монет, можешь нигде не работать. Можешь поехать в Заморский Лес и тратить, тратить, тратить свою кучу монет. А потом снова бросить монетку в дырку коробки. Снова дернуть палку-лапу. И снова получить кучу монет. И снова ничего не делать.

Некоторые звери в это поверили и стали с утра до вечера и с вечера до утра пропадать около этих одноруких бандитов. Много монет они побросали в эти бездонные коробки. Но так никто не выиграл ни одной кучи монет. Да что кучи? Никто не выиграл даже маленькой кучечки из двух монет. Только бросали и бросали монетки. Кто-то стал даже продавать вещи из дома, а монетки опять бросать в коробки. Все больше стало коробок в лесу. Все меньше стало смеха, веселья, улыбок и радостных лиц.

Долго бы так продолжалось? Не знаю.

Пока один хитренький Лисенок темной ночью не насыпал во все коробки по горстке речного песка. И все. Сломались коробки. Перестали забирать у доверчивых жителей их трудовые монетки.

КАРТИНЫ

Решили звери украсить свой лес картинами. Заказали знаменитому художнику, живущему в их лесу. Правда, с какой-то иностранной фамилией был художник. И он нарисовал.

На картинах были изображены звери Леса. Но какие звери?!

Зайцы без ушей, с длинными хвостами. Лисы — синего цвета, но без хвостов. Волки с коровьими рогами на коротких тонких ножках. Медведи с огромными птичьими клювами. Кошмар, да и только. А статуя, огромная статуя в середине Леса? Выше деревьев была статуя. Голова от Лисы, лапы от Зайца, хвост от Медведя, от Волка только зубы. Увидев ее, маленькие дети заплакали от страха и спрятались за деревьями.

— Да! — вздохнули звери.

И попросили убрать из Леса все картины и статую-страшилище.

ТАТУ

Приехали из Заморского Леса гости. В ушах и ноздрях какие-то железки, проколотые через кожу. Все лапы, все туловище и даже головы раскрашены несмываемыми красками. На кого только стали похожи эти гости из Заморского Леса.

— Как дикари, — определили звери Леса.

— Нет, — возражали, якобы цивилизованные заморские гости. — Это новая мода, которой должны следовать звери всего мира. Обязаны следовать, если это предлагаем мы.

— Ваше (помните «ты» и «вы») дело предложить, — ответили и Зайцы, и Лисы, и Волки, и Медведи. — А наше дело быть самими собой. Без всяких ваших этих тату и пирсингов, которые не только выглядят по-дикарски, но и вредят здоровью. Особенно детям.

ЛЕСНЫЕ ДОКТОРА

В Лесу звери иногда болели. Люди болеют, вот и наши звери тоже болели. Иногда болели. Когда забывали делать утреннюю зарядку. Когда не купались в холодной речке. Когда не парились в бане с березовым веничком. Когда не пили соки. Натуральные соки из своего Леса.

Вот тогда они и болели. И лечили больных зверей Лесные доктора. У людей есть врачи, и у зверей в Лесу тоже были свои врачи. И лечили своих пациентов Лесные доктора только своими лекарствами, которые росли только в своем Лесу. Они так и назывались: лекарственные растения. От простуды давали чай с липовыми цветками и липовым медом. К ушибам прикладывали листья лопуха или мать-и-мачехи. К каждой болезни у лесных докторов были свои лекарства. Из своего родного Леса.

ДОРОГИ

Задумали звери в Лесу дороги прокладывать. Из Заморского Леса тут же прислали свой проект. Зверь в Заморском Лесу любил совать свой нос везде и всюду. Даже если их об этом никто и не просил. Дороги прямые, как стрела. С севера на юг. И с запада на восток. Весь Лес разделили на равные квадраты. Разрушали дома наших

зверей. Засыпали чистые озера с родниковой водой. Выкорчевывали вековые дубы и корабельные сосны. Все считали на своем пути. Ничего и никого не жалели.

Посмотрели, посмотрели на этот проект звери и отказались от него. От прямолинейных, однообразных, похожих друг на друга дорог. И проложили свои. По своим старым звериным тропам. Обходя каждый дом, сохраняя родники и озера, не трогая ни одного дерева и муравейника. И получились красивые, великолепные дороги.

СПАСЕННАЯ РОЩА

Житель Леса не забыли, что соседняя Роща погибает. Медленно превращается в Пустыню. В безжизненную землю. Не могли жители Леса оставить в беде соседей. Не могли. И закипела работа. Медведи расчищали, спасали родники. Волки копали ямки под молодые деревья. Лисы нашли воду для поливки посаженных деревьев. Зайцы бережно носили саженцы дубков, сосен, берез, других деревьев.

День работали звери, неделю работали. Много дней трудились все звери. И спасли Рощу. Медленно, очень медленно Роща начала возрождаться. Вновь зеленеть. Вновь стали щебетать птицы. Потянулись покинувшие рощу звери. А звери Леса обещали жителям Рощи, что не дадут больше погибнуть их дому. Их Роще.

ЗАПРЕЩЕННЫЕ ЛЕКАРСТВА

Устроили звери соревнования по различным видам спорта. Написали расписание: когда и какие виды спорта будут проходить на лесном стадионе. Пригласили спортсменов из Заморского Леса.

Наши Медведи легко победили гостей по борьбе и поднятию бревен. Лисы чуть-чуть уступили в плавании, но победили в фехтовании. Волки... Волки начисто проиграли в беге на длинные расстояния. И не скажешь, что бежали плохо. Бежали очень даже хорошо. Но заморские Волки победили. Намного опередив наших. Как такое могло быть? Плохо тренировались? И Зайцы тоже наши проиграли в беге на короткие дистанции. Вечером тренеры решили, что заморские спортсмены применяют какие-то запрещенные лекарства, чтобы бежать быстрее, выигрывать у наших бегунов. Как это доказать? Как выиграть у заморских гостей? Как их уличить в запрещенных приемах? Неужели и во второй день соревнований в беге наши Волки и Зайцы проиграют?

Но... Но с утра пошел дождь. Соревнования по бегу перенесли на вечер. Вечером половина заморских Волков не добежала до финиша. Другой половине потребовалась помощь врачей. В таком они были плохом состоянии. Конечно же, они намного отстали от наших Волков. А Заморские Зайцы даже отказались бежать! Вот, так. Спросите: «Почему?»

Да все потому, что в расписание соревнований вмешался дождь. А заморские бегуны применили запрещенные препараты заранее. Думали, что бежать придется утром. И проиграли. И уехали с позором к себе в Заморье.

ПОМОЩЬ

В соседней Роще давно не было дождя. Высохли ручейки. Высохли речки. Высохли озера. Родники прекратили давать воду. Через день-два должны будут погибнуть и деревья, совсем недавно посаженные для спасения Рощи.

Вновь на помощь пришли жители Леса. Зайцы стали носить воду в маленьких ведерках. Лисы — в больших ведрах. Волки и Медведи прокладывали из своей речки канал в сторону Рощи.

Не шумели, не писали в газеты, не выступали по телевидению. Молча делали свое дело: спасали Рощу.

В это время из Заморского Леса под звуки барабанов прибыли машины с водой. Журналисты, телевидение, радио. Интервью заморских водовозов. Мол, они самые главные спасатели. Они одни спасли Рощу. Они... Они... Они... И ничего больше.

Открыли краны в водовозах. Одни оказались пустые. Другие — с грязной, вонючей водой. В третьих вообще была одна отрав.

Вот, какой оказалась разрекламированная помощь из Заморского Леса.

БОЛОТО

На дальней окраине Леса располагалось большое болото. Вроде, никому не нужное болото.

— Надо бы его осушить, — на общем собрании решили звери. — И посадить там деревья, чтобы Лес стал еще больше.

Назавтра должны были звери приступить к осушению болота. Но их предупредили Мудрецы Леса.

— Не надо ничего делать с болотом. Если болото осушить, то и родники в Лесу высохнут, перестанут течь ручейки, обмелеет речка. И Лес погибнет без воды. Не только не станет больше, но перестанет совсем существовать. Исчезнет с лица земли.

Вот, что значит вмешиваться в законы Природы без знания этих законов.

ПАМЯТЬ

В Заморском Лесу в каждом кабинете стоят фотографии близких: жен, мужей, детей. Стоят, скорее всего, для украшения. Модно так. Показать другим, как дороги владельцам кабинетов их близкие. Может быть, так оно и есть на самом деле. А может — и нет.

Спросили Заморских владельцев кабинетов об их дедушках, бабушках. Они и не знают о них ничего. Ничего о них не помнят. И не хотят помнить. Да, и дети-то также большинству из них нужны для престижа. Все как у других. Все по образцу и подобию Заморской моды.

Но не как в нашем Лесу, где в семье живут и малые дети, и родители, и бабушки-дедушки, и, даже прапрадедушки и прапрабабушки. Весело, дружно, с уважением друг к другу живут. Без горя и печали. И помнят о своих более древних предках.

УДОБРЕНИЯ

Посаженные в Роще деревья поначалу плохо росли. Веточки тонкие. Вот-вот совсем засохнут. Хотя их и поливали каждый день.

— Удобрения нужны! — сказали Мудрецы Леса.

Как по взмаху волшебной палочки из Заморского Леса привезли удобрения. А реклама, реклама, на весь мир реклама!

«Заморские удобрения — самые лучшие!», «Пользуйтесь Заморскими удобрениями!», «Пустыни зацветут садами!».

Хорошо, что Мудрецы Леса посоветовали вначале попробовать эти удобрения на чертополохе, который рос неподалеку от Роши. Попробовали и... И чертополох тут же засох. Заявлял от заморской «химии».

Но Роша все равно расцвела, вновь зазеленела. Удобрения-то вносили из Леса. Удобрения без «химии», без ядовитых веществ.

А Заморские удобрения сожгли в специальных печах, чтобы ни один грамм этих удобрений никому больше не мог причинить вреда.

РАЗДЕЛ ЛЕСА

Когда деревья были еще маленькими, звери хотели разделить Лес на части. Отгородиться от других высоким забором и жить отдельно ото всех.

Зайцы жить в своей части Леса.

Лисы — в своей.

Волки — в своей.

Медведи тоже в своей части.

Как делить Лес?

В Лесу речка одна на всех. Дорожки-тропинки одни на всех. Поляны-опушки тоже одни на всех. Если это как-то можно еще было поделить на части. Но можно ли? А как быть тогда с пчелами-букашками? Как быть с пением птиц и соловьиными трелями?

И это еще не все.

Части Леса всегда меньше целого Леса. Маленьких всегда может обидеть сильный. Взять тех же жителей Заморского Леса. С большим, целым, неделимым Лесом Заморский Лес считается. Прислушивается к словам Леса. С маленькими частями Заморский Лес церемониться не будет. Сразу завоюет. Сразу объявит своей землей.

Поэтому и не разделился Лес. Стал большим, сильным. Не давал в обиду не только своих жителей, но и других, более слабых, кто обращался к Лесу за помощью.

ЗАЩИТА СЛАБЫХ

На одной окраине Леса было много Муравейников. И через дорогу, отделяющую Лес от Поля, тоже было много Муравейников. Часто ходили через дорогу друг к другу в гости. Из Поля в Лес и из Леса в Поле. Как и положено между одной большой и дружной семьей.

В Заморском Лесу вдруг стали считать Муравейники в Поле своими. Своей территорией. Послали туда войска. Стали разрушать первые Муравейники. Хотя, где же логика? Если Муравейники твои, зачем их разрушать? Зачем уничтожать мирных Муравьев: стариков, детей, женщин? Зачем?

Лес сразу отреагировал на такое беззаконие. Сразу послал свои войска на защиту своих соседей. И отбил агрессора. Прогнал агрессора с Поля. И предупредил незваных «гостей» из Заморья, что Лес никогда не позволит обижать слабых.

МУСОР — ОТХОДЫ

Чем больше становилось жителей в Лесу, тем больше накапливалось всякого мусора — отходов. Дворники не успевали убирать тропинки и опушки. Набралось очень много этого мусора — отходов. Куда девать?

Из Заморского Леса подсказали:

— Вывезите все в Поле и бросьте там. Кто вам что скажет? Мы не против. Мы и сами думаем в это Поле свой мусор вывозить.

— Нет! Это — не выход.

— Тогда сбрасывайте в речку, — опять полезли советовать из Заморья. — Вода все унесет в Море. Мы у себя так и делаем.

— Мы лучше построим у себя специальные заводы, — ответили из Леса.

И построили. И стали на этих заводах перерабатывать мусор — отходы в полезные удобрения. Не загрязнять не только свой Лес, но и Поля, и Рощи, и Речки.

НАВОДНЕНИЕ

Произошло наводнение. Залило водой весь луг. Все дома жителей оказались разрушены стихией.

На помощь пришли жители Леса. После ухода воды стали они строить новые дома: более надежные, более устойчивые к различным природным катаклизмам. Из Заморского Леса тоже пришли пострадавшим на помощь — прислали много, очень много строительного материала. Но бревна оказались гнилыми и трухлявыми. Кирпичи рассыпались в щебенку. Гвозди были ржавыми. Вдобавок из Заморского Леса пришел огромный счет за эти никуда не годные строительные материалы.

Все-таки построили жители Луга новые дома. Построили с помощью «безкорыстных» жителей Леса.

ВЫМИРАНИЕ ЛЕСКОВ

Недалеко от Леса росли небольшие Лески. Даже не росли, а медленно вымирали. Жители Леса предлагали свою помощь. Но и в Леске-1, и в Леске-2 отказались от нее. И продолжали вымирать. А почему?

Если у жителей Леса в семьях было много детей (у Зайцев порой до двенадцати близнецов доходило), то в Леске-1 детей рождалось мало. Один ребенок на семью в лучшем случае. Многие семьи вообще не имели детей. Хотели пожить для себя. И выходило, что, живя только для себя, жители Лески-1 обрекали его на вымирание.

В Леске-2 совсем не было детей. Семьи в Леске-2 состояли или из двух пап, или из двух мам. Поэтому и не было детей. Не могут в однополых семьях быть дети. И Лесок-2 вымирал. Быстрее вымирал, чем Лесок-1.

И ничем жители Леса в этих случаях не могли помочь.

ПЧЕЛЫ И МЕД

И в Лесу, и в Заморском Лесу жили Пчелы. Летали с цветка на цветок и собирали сладкий нектар, чтобы превратить его в мед.

Этот мед и в Лесу, и в Заморском Лесу из ульев доставали Медведи.

В лесу Медведи брали только часть меда. Другая часть меда оставалась Пчелам на зиму.

В Заморском Лесу Медведи забирали весь мед, обрекая Пчел на гибель.

Постепенно заморские Пчелы перелетали в Лес. А заморские Медведи оставались без меда, обвиняя других, только не себя в том, что на зиму остались без еды.

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

В Лесу стали выпускать газету

Печатать в газете новости своего Леса и новости из других мест.

Стали приходить новости и из Заморского Леса. Какие-то странные новости: одни убийства, аварии, катастрофы. Одни страшилки и ужастики. Ни одной положительной статьи. Как будто в их, Заморском, Лесу ничего хорошего не случается...

ОБМАН

В Заморском Лесу собирались представители всех лесов планеты. Поехали и наши звери на этот съезд в Заморский Лес.

Приехали.

Приехали и увидели... джунгли.

Но!!!

Но джунгли были из бетона, стекла и пластика. И ни одного деревца. Ни одного живого цветочка. Ни одного щебетания какой-нибудь пташки.

Вот вам и Заморский Лес. Вот так и во всех своих делах заморские звери обманывают, дурят других. Учат всех...

ПОЭЗИЯ

Юрий Лапин
(г. Донской)

МЫ В ЦЕРКВИ СВЕЧИ ВАМ ПОСТАВИМ

Лапин Юрий Петрович родился в 1946 — тяжелом послевоенном — году и живет в провинциальном шахтерском городке Донском. Его судьба схожа с жизнью подавляющего большинства советских людей — учеба, работа по профессии, семья, дети, теперь уже внуки, перестройка, работа вообще, чтобы выжить, — и стихи: главное — не сдаваться...

РОДИТЕЛЯМ

Мы в церкви свечи вам поставим,
Молитву заказав,
И скромные поминки справим,
Как то велит устав.
Придем мы на могилки ваши —
С цветами иль без них;
Теплее станут души наши,
Вас вспомнив молодых...
Когда мы были ваши дети,
И вы растили нас,—
Прекрасным было все на свете,
И в радость каждый час!
Теперь же с нами ваши внуки
И правнуки уже;
Слабее стали наши руки
На жизни рубеже.
Пусть ваши души, словно птицы,
Парят средь облаков
И дай вам Бог соединиться,
И дай вам Бог любовь;
Сцепитесь ангелы крылами!
Вовек вам исполать!
А на земле всегда вы с нами —

Вас будут вспоминать.
Вспомянем вас застольной чаркой
В неизобилие слов;
Вспомянем в день июля жаркий
И посреди снегов...

* * *

Все меньше народу, все меньше
В рядах наших нервнобольных.
И порцию повар уменьшил,
И стала она на двоих.
Уколы — и те отменили,
Таблетки урезали тож,
Иедсестры о нас позабыли,
И полный развал, разбредеж.
В палате стоит холодина,
Хоть валенки здесь обувай;
И снится ночами перина...
Встаешь — не палата, — сарай.
Спина, ноги, руки немеют,
Не держат ни ложку, ни нож,
А к вечеру так холодеют,
Что просто совсем невтерпеж.
Какая уж тут перспектива
Для старых иль молодых,
И есть ли альтернатива
У всех этих нервнобольных?
Ответ на вопрос очень близко,
Лежит на поверхности он:
Одною связать бы их снизкой
И кинуть из общества вон!
Больные идут словно тени
И мисками скорбно гремят:
Никто ничего не изменит
Для этих несчастных ребят.

Наталья Квасникова

(г. Москва)

КОГДА ДУША ВЗЛЕТЕЛА ВВЫСЬ

Родом из Сибири, однако с незапамятных для меня времен живу в Москве. Люблю русскую природу, изобразительное искусство, музыку и, конечно, литературу. После окончания Московского авиационного института преподаю физику в политехническом колледже; с детства мечтала стать писателем.

Сколько себя помню, все время читаю и пишу, смотрю, слушаю — и снова пишу. После 2000 года мое творчество дозрело до публикаций. За это время некоторые стихи и статьи печатала в альманахах «Созвучие», «Муза», газете «День литературы», журнале «Московский Парнас» и др. Вышли два небольших поэтических сборника — «До восхода» и «Душа не ждет». Член Союза писателей России и Творческого клуба «Московский Парнас».

ПОЛЕТ

Когда душа взлетела ввысь
В мгновенья жизни после детства,
Она весь мир ждала в наследство,
Никто не крикнул: «Берегись!»

Ты помнишь резкий свист в ушах
И в крыльях боль, в глазах мельканье,
Небес и скал чередованье,
Недоуменье, а не страх?..

Ты на земле. Мир черно-бел.
Все краски жизни истощились.
Как жаль: разбито столько силищ
О низкий жизненный предел.

* * *

Как прошел вдоль тайги Прохор Громов
Под звучанье ветров незнакомых,
И его от мечтаний и дум
Отвлекал быстроводный Угрюм,
Или — желтые, черные косы
Изгибались, как знаки вопроса:
И хотелось, по-юному страстно,
Мир устроить светло и согласно,
Но, едва подросла борода,
Выбрал то же, что было всегда.

* * *

Коты хотят ходить пешком,
И нет им дела до прогресса,
Но мы грозим им колесом,
Нам их пути — без интереса;

Когда за руль садимся вновь,
Нам дальность вовсе не помеха,
И мысль о мнении котов
Не может в нас не вызвать смеха.

Машин безудержная рать,
Мосты, дороги, люки, трапы.
Им остается — уступать,
Чтоб уберечь хвосты и лапы.

СЧАСТЬЕ

Теплый ломоть ароматного хлеба,
Припорошенного солью,
И молоком запивать это мне бы,
Сидя, с усталости, в поле.

После, прильнув к золоченому стогу,
Чувствуя ветер медовый,
Впитывать в душу закат, понемногу
В сон уплывать васильковый:

* * *

Не люблю о любви, не люблю!
Что ж она проступает без спроса?
Мне б в другую свернуть колею,
Да не слушаются колеса.

Сколько пятен на ткани ее,
Сколько дыр, что прожгли сигареты
Отлюбивших со мною свое:
Все же снятся одни рассветы.

В суете разноцветных годов
Не седеет душа и не стынет,
Электрическим рокотом слов
Возношу любовь, как святыню.

* * *

Он встретил женщину усталую, —
Усталую, а не унылую,
И то, что прежде не досталось им,
Внезапно в души так и хлынуло

Безудержной разногласицей
Отважных птиц зимою, в оттепель,
И нежностью, осенней с проседью,
Дождем, смеясь, бегущим по степи.

РАЗГОВОР С СОБАКОЙ

В память о Тимоше

Давно ли ты стал бездомным
И сколько дорог изведаль?
А люди, хоть вероломны,—
Зависят от них обеда.
То балуя, то бросая,
Легко меняют любви.
Наверно, я им чужая,
Их трудно поймать на слове.
Забудем, давай, с тобой мы
Чужого перрона стужу,
Обман за стеклом вагонным
И зов наш, ему ненужный.
Пойдем потихоньку рядом.
Ты, братец, родился черным,
С покорным и карим взглядом,
Породы какой-то спорной.
Я тоже ему негожа,
А, впрочем, не стоит помнить.
Со мной ты домашний все же,
Но я без него бездомна.

СКАЗКА О КОТЕ

Старый кот оставил зубы
На амбарной службе.
Все теперь с ним стали грубы,
Он уже не нужный.
Не зовет его хозяин
К миске со сметаной.
Ходит кот, как неприкаян,
Ждет небесной манны,
А тем временем худеет,
Шкурка уж облезла.
Эх, хозяина б, злодея,
Наказать полезно.

Ничего, наступит время,
Будет и хозяин
Для детей родных, как бремя,—
Так же неприкаян.

ОКА

Взголубела река, отразив небеса,
Загорелась от солнца весенне.
Теплоходы качнули свои корпуса,
Волны юные заново вспенив.
Ноша рек на Руси по зиме тяжела,
Пробуждение — тем веселее.
Голоса соловьев из цветного стекла,
Из-за этого зори — алее.
Храмов строгие лица глядят с берегов,—
В первоцветы б упасть на колени.
В каждом вдохе дрожат ароматы стихов,
Тех, что выдохнул юный Есенин.

Николай Бухаринов
(г. Соликамск)

ЗВОНОК ИЗ ЮНОСТИ МОЕЙ

Живу в г.Соликамске, Пермского края, работаю главным архитектором на заводе, пишу стихи, прозу, сказки, рассказы. Печатался в «Литературной газете», «Московской правде», «Юности», «Московском Парнасе», «Соликамском рабочем». Член клуба «Московский Парнас».

ЗВОНОК

Звонок из юности моей
Застал меня врасплох.
И я сказал судьбе своей,
Что мир не так уж плох,
Коль жизнь дает мне этот шанс —
Увидеть высший свет,
Где я сыграю в преферанс,
Но только, как поэт.

АРХИТЕКТОР

Я Архитектор своих дней
И верю, что создам
Из трех божественных огней
Неповторимый храм.
Войду в него и помолюсь
За веру и любовь,
Чтоб крепла духом наша Русь
И возродилась вновь.

СОЛНЦЕ

Я руки к солнцу воздаю
И чувствую тепло,
Ему я гимн любви пою
И на душе светло.
Пришел ко мне мой добрый друг
С улыбкой на лице
И руку протянул мне вдруг
В начале и в конце.

ВОЗДУХ

Дышу я воздухом одним
Со всеми наравне,
Как мир на части неделим,
Так и един во мне.
Прошли былые времена,
Когда табак был врозь,
Теперь другие имена
Услышать мне пришлось.

ВОДА

Вся информация земли
Находится в воде,
И получить ее смогли
Лишь те, кто был в беде,
А те, кто от беды ушел,
Еще не знает мир,
Что он бывает добр и зол,
Что будни красят пир.

ОГОНЬ

Огонь сжигает все мосты
И нет пути назад,
Глаза становятся пусты,
Когда они горят;
А что там будет впереди,
Один лишь знает Бог,
Огонь горит в моей груди
И жжет подошвы ног.

ВЕТЕР

От ветра падают столбы,
И стонут провода.
Пройти превратности судьбы
Дано мне сквозь года.
Я слов на ветер не бросал
И говорю, что есть
На свете королевский бал,
Которым правит честь.

ЗВЕЗДА

А звезды ночью говорят
На русском языке,
Я слышу, как идет парад

В Уральском городке.
Горит далекая звезда
И падают лучи
На голубые города
В сияющей ночи.

РАПСОДИЯ

Шумит Уральская тайга
В своем лирическом ладу,
На Боровичные луга
Я с зорькой утренней иду.
Иду к реке наперерез
Тропинкой, хоженной не раз,
Росой блестит зеленый лес,
И жизни радуется глаз.
Мои пернатые друзья
Уже щебечут средь ветвей,
Пою тихонечко и я,
И тянет песню соловей.
А вот и луг на берегу
Порос высокою травой,
Его я в сердце берегу
И отвечаю головой
За жизнь красивую цветов
Среди обыденных дорог
И запылившихся кустов —
Чей век короток, мил и строг.
Сажусь ли я на бережок,
Смотрю ли вверх на облака,
Пасет ли стадо пастушок —
Душа поет и мне близка
Ее неведомая грусть.
Куда ни кину свой я взгляд
Везде моя родная Русь
И мир цветением объят.

Татьяна Степанова
(г. Тула)

ПРО МЕНЯ

Детство и юность прошли в Суворове Тульской области. С ранних лет обнаружилась страсть к чтению и свободе. Не люблю ходить строем и пребывать в большой толпе. Закончила, работая, вечернее отделение Новомосковского филиала МХТИ. Постоянный дефицит свободного времени и природное трудолюбие приучили к умению выживать в сложных условиях и находить «малые утешения в великой печали». Пишу, когда мне или слишком грустно, или очень хорошо. Ценю в людях искренность и порядочность. Работаю в Центральном КБ аппаратостроения.

ПРО МЕНЯ

Прохладный листок земляники в росе
Коснулся руки моей разгоряченной.
Борьбу с сорняками веду увлеченно,
С утра позабыв неприятности все.
 А птицы поют! Все торопится жить,
 И вновь вероника в траве голубеет,
 А майское солнце и светит, и греет,
 И чувствую сердцем незримую нить,
Что снова и снова, весну за весною,
Ведет на простор, где поют соловьи,
Где каждый росточек, взлелеянный мною,
Врачует душевные раны мои.
 Кукушка года мне считает прилежно;
 Все, кажется правильно: мне — сорок пять.
 Но, сколь ни стараюсь, душой безмятежной
 Никак не могу этот факт осознать.
И в возрасте «ягодки» есть своя прелесть,
И взгляды мужские встречаю порой,
И лучшие песни мои не допелись,
И жизнь, как театр, увлекает игрой.
 Я знаю, что счастья не может быть много,
 Но в эту минуту оно — через край!
 И пусть нелегка моей жизни дорога,
 Мне силы дает рукотворный мой рай.

ЛЕТО

«Над тихой водою дрожала звезда,
Как будто звала далеко, но куда?
И не было мыслей, и чувства пропали,
И душу оставили злые печали,
И слушала я тишину до рассвета,
Очнулась, лучом золотистым согрета.

Родиться бы надо мне певчею птицей,
Иль в поле ромашкой, иль быстрой куницей...»,—
Я мыслями этими боль заглушаю,
Что смотрит с тоской, как собака большая.
...А мне говорят, что я сильная очень,
Завидуют женщины мне, между прочим,
И (Бога гневить не хочу) не несчастна,
И дочку люблю — знать, живу не напрасно.
...Но есть одиночества горькая мука,
Разбитых надежд круговая порука...
Но вновь уповаю на время и Бога.
Глядишь, подлечусь — да и снова в дорогу.

* * *

Мартовский день так пронзительно ярок —
Синие тени на белом снегу.
Солнца тепло — долгожданный подарок —
Я ощущаю на каждом шагу.

В сердце покой, тишина и свобода.
Что происходит? Не знаю пока.
Словно стою в ожиданье у входа
В новую жизнь, что тревожит слегка...

* * *

Ах, как снег летит на фоне леса!
Ивы тонкой желтизна, как легкий штрих,
И весна, как сонная принцесса,
Не раскрыла синих глаз своих.

Парк прозрачен. Тихо и свободно.
Мартовского снега белизна.
С размышленьями о белочке голодной
По аллеям я хожу одна.

Где ты, белка, серенький звереныш?
Отзовись на мой призывный свист!
Оказать тебе благую помощь
Жаждет юный (не вполне) натуралист.

* * *

Первое письмо из листопада —
Лист кленовый прилетел ко мне.
Здравствуй, осень. Все идет, как надо.
Я тебе и рада, и не рада.
Поздние цветы — души отрада,
Утренняя колкая прохлада,
Яблоко опаданье в дебрях сада,
И все тот же свет в моем окне.
«Поздняя любовь»... Неправда это!
Не бывает поздним никогда
То, что наполняет душу светом,
Делает прозаика поэтом,
Мучает, терзает, но при этом
Нужно нам, как воздух и вода!

ГРУСТНОЕ

Начало декабря. Пора уж быть морозу,
И дворники убрали опавшую листву.
Я в сердце все храню давнишнюю занозу,
Все помню о тебе. Все, кажется, живу.
Бывает, человек, что на тебя похожий,
Покажется родным, и станет горячо
Щекам, и я опять подумаю, что все же
Я стариться пока не собралась еще.
Хороший мой, сейчас жива лишь только память,
А мы с тобой — лишь тени покинутой любви,
И годы без тебя — как зимней ночи заметить,
Но сожаленья нет, бывшее не зови.
...Все «русская хандра» и недостаток счастья,
Все женская душа — надеется опять
С любимым переждать осеннее ненастье...
А Новый год одной придется отмечать.

Анна Барсова (Барсегян)
(г. Набережные Челны)

ХОЧЕШЬ — Я СТАНУ ПЕСНЕЙ

Анна Барсова (Анна Барсегян) — член Творческого клуба «Московский Парнас», автор восьми сборников лирико-философских стихов, баллад, поэм: «Река времени», «Рубеж», «Бие-ние сердца» и др. Стояла у истоков создания творческих молодежных и детских коллективов на КАМАЗЕ. Отмечена наградами Министерства культуры РТ и РФ, обладатель памятной медали имени Мусы Джалиля. В настоящее время преподает в Набережночелнинском филиале Московского университета культуры и искусств и в государственной школе театрального искусства.

Хочешь — я стану песней
и запою перед сном
на белой волшебной флейте,
сердце, сжигая огнем.
Взяв ее, нежно губами,
я вспомню твой поцелуй,
который пила глотками
из божественных струй.
Хочешь — вернусь сегодня,
на поезд возьму билет,
но может тебе угодно,
чтобы растаял мой след
в закате, в бегущем ветре,
в тайных звездных мирах?!
Ты и не вспомнишь о жертве,
а я — не вернусь в стихах!

* * *

В раю я не была, не знаю, буду ль?
Взлетала иногда, поверив в чудо.
Казалось, мир иной рисует кистью
Мой ангел неземной с повадкой лисей.
Смеется он порой, порой лукавит,
А иногда мои ошибки правит.

* * *

Бежит река — река времен,
Уносит все: покой и сон.
В ней жар сердец и неба просинь,
Твоя любовь и сердца осень.
Извечно гаснут в ней слова
О жизни, что она права...
Но остается лишь одно —
Ей неподвластное звено:
То память светлая моя —
Дар космоса и бытия!

ПАМЯТИ ЦВЕТАЕВОЙ

1

Елабуга — старинный городок,
Здесь были камни белые святые,
И лабиринты черные, немые,
И ханы гордые, и церкви золотые.
Елабуга — старинный городок,
Здесь тайной дышит все доньше.
Случится, что заглянешь на часок,
Пойди и поклонись Марине!..
Приют последний здесь она нашла,
И камский ветер плачет над могилой...
Он шепчет нам: «Она жива, жива
Стихов немеркнувшею силой!»

2

Ты надеялась: можно петь
На земле, где так щедро солнце,
В синеглазую даль глядеть
Сквозь сиреневое оконце.
Замирать на камском ветру,
Упиваться звездами — росами,
Вспоминать Париж и Москву,
И бродить жемчужными плесами.
Было время, когда ты была,
Но об этом люди молчали,
И остались песен слова,
Да елабужские скрижали

3

Небо... Неведомый взгляд...
Вдох твой в тиши.
Что за божественный яд —
Песни твоей души?!

Вижу: рядом сидишь,
Голову чуть клоня,
Музыкой слов ворожишь,—
Пленница я — твоя!

* * *

Чернобровая,
шаль с каймой,
На твоём уснула плече.
И в глазах замирает покой,
Тает воск на тонкой свече.
Чернобровая,
жизнь прошла...
Не жалею ни о чём, не кляни,
И не думай, зачем жила,
Золотые, сжигая дни.

Николай Дружков
(г. Тула)

ЧЕТЫРЕ ДОРОГИ

Давний член Союза писателей России, бывший шахтер-воркутинец, известный в Туле поэт-песенник... и просто хороший поэт.

ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

* * *

Трое суток метелило,
Ураган валил с ног.
Снегом, словно куделею
Все дома замело.
На четвертое утро
Месяц выглянул ясный,
Небо снова над тундрой
Стало звездным, прекрасным.
И с Востока, как чудо,
Тлеет зорька алея,
И пошла вновь повсюду
Жизнь своею колеєю.

* * *

Среди снегов
и стужи вечной,
Под вьюжным пологом пурги,
В вагончике с железной печью.
Со мной живут буровики.
Ребята сильные
и рослые,
Ребята верят в чудеса.
Придут со смены...
шубы мерзлые,
Сосульки виснут на усах.
В мохнатых шапках,
в рукавицах.
Ребята — свой рабочий класс,
Любая девушка влюбиться

В любого парня может враз.
И письма пишут им невесты,
И парни счастливы вполне.
И я люблю ребят за честность —
Живут, не прожигая дней.

* * *

Опять, сквозь дымку,
С моря Карского
Дохнуло изморозью льдов.
Но Юг силен и с ветром Каспия
Запотели окна вновь.
Туман развеялся над шахтами
И в душу входит непокой.
Сквозь изморось весною пахнет,
Идешь и дышится легко.

* * *

Уж скоро май, конец апреля,
Чернеют шапки снежных круч.
И с каждым днем заметней греет
Скупое солнце из-за туч.

В сугробы улеглись метели,
Светлеют стаи облаков.
С железных крыш стучат капли,
Но до тепла так далеко.

Еще ударить могут вьюги,
Завоет ветер, ошалев.
Газеты пишут, что на Юге
Сады цветут, закончен сев,

Пасется скот на сочных травах,
Благоухает даль и высь.
Как наша велика держава,
Разнообразна всюду жизнь.

* * *

Уж май к концу.
А в лужах лед.
Ну, где еще такое встретишь?
Трава растет
И снег идет,
И дождь идет,
И солнце светит.

* * *

В июне тундра зацветет,
В июне тундра станет юной;
Проснутся реки, снег сойдет,
И зазвенят ручьи, как струны.
Прольются ливни во всю мощь,
И мхи проснутся, и болота.
И солнце станет день и ночь
Не покладая рук работать.

* * *

Тундра, тундра...
Вечер или утро?
Зори горячи.
На ромашках белокудых
Солнца стелются лучи.
Зреет ягода морошка,
А под кустиком любим
Сами просятся в лукошко,
Как солдатики, грибы.
Как алмазы стынут росы,
И восславив свой уют,
На березках низкорослых
Птицы весело поют.
А в тени, хмельным застольем,
Комары гудят вокруг.
Непонятною любовью
Заполярный манит круг.
Зашаманивает мудро,
И пускай пройдут года...
Кто хоть раз увидел тундру —
Не забудет никогда.

* * *

Как сирень цветет рассвет,
Стынут в росах дали.
Где твои семнадцать лет?
В жизни затерялись.

За околицей села
Пахнут травы сладко.
Ты колхозницей была,
Ты была солдаткой.

Постарела крепко ты,
Но за труд твой тяжкий
На лугах цветут цветы —
Лютики, ромашки.

ЧЕТЫРЕ ДОРОГИ

Ведут нас, как боги.
Четыре дороги.
Четыре дороги
Сквозь замкнутый круг:
Дорога к востоку,
Дорога на запад.
Дорога на север.
Дорога на юг.

На первой дороге
Познал я так много,—
Познал я так много —
И холод и зной,
И школьные годы.
Друзей и походы,
И тайную встречу
С девчонкой одной.

Вторая дорога
С родного порога,—
Идет от порога.
С надеждой всегда
Искал свое счастье.
Менял адрес часто.
А годы бежали.
Летели тогда.

На третьей дороге
Влюбился в итоге
Влюбился в итоге —
Легко было с ней.
Я думал, что случай —
Любовь неразлучна,
А вышло — разлука
Вдруг стала сильнее.

Четвертой дорогой
Суд Божий ждет строгий.
Всевышний укажет —
Мне в рай или в ад.
Стою на пороге
Пред вечностью строгой,
Из вечности той
Нет дороги назад.

ПОЛЕ КУЛИКОВО

1

Ой, ковыль, ковыль,
Травушка степная.
В сердце стынет былль,—
Силушка земная.

2

Льет светло лучи
Месяц, как подкова.
Но не спит в ночи
Поле Куликово.

3

Брань чужих речей
Вдаль уносит ветер,
Звон стальных мечей
Слышен сквозь столетья.

4

Эх, Россия, Русь,
Так живи отныне,
Разгони всю грусть
От своей святыни.

5

Будь во всем верна —
Даль твоя прекрасна.
Процветай, страна,
Веселись и здравствуй!

6

Твой хранит набат
Силу, дух и волю.
Русь, твоя судьба —
Куликово поле.

ЕСЕНИНСКОЕ

Стою у гранитного камня —
Вокруг тишина и покой.
Очнись, опаленная память,
Коснись высоты глубоко.
Плывут облака, словно тени,
Притих Белоусовский парк.
О, как ты умел, Есенин,
Любить и зверей, и собак.
На травах грустил по росам
И слушал тележный скрип.

По Окским песчаным плесам
Ловил задремавших рыб.
В горячие юные годы
Родимая песня звала.
Ночами порой хороводил
С тальянкою вдоль села.
Ты был и остался пророком,
Твой голос нам люб и не зря.
Твой месяц серебряным оком
Ласкает родные поля.
Сегодня поэтов — компании...
Друг друга куснуть норовят.
Лишь в небе над тихой Рязанью
Твоя полыхает заря.
Сегодня редуют деревни
Крестьянский меняется быт.
Всевластное время не дремлет
И видно так этому быть.

ПОСЛЕДНЯЯ МОЯ ЛЮБОВЬ

Я шел по хрупкой кромке льда,
Темна была дорога.
Моя Полночная звезда
Светила одиноко.
Мне не хватало высоты,
Я музыки не слышал,
И вот явилась в жизни ты —
И небо стало ближе.

Мелькнуло солнце впереди,
Улегся ветер шалый.
И в глубине моей груди
Растаяла усталость.
Заволновалось сердце вновь,
Смешалась быль и небыль.
Моя последняя любовь
Дарована мне небом.

Горю я в адовом огне,
Горю без сожаления.
На склоне лет пришла ко мне
Любовь, моя последняя.
Моя последняя любовь,
Гори, светло гори.
Мою последнюю любовь
Храни, Господь, храни.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ТУЛЫ И ОБЛАСТИ

ЩЕКИНСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ПОЭТИЧЕСКОЕ БРАТСТВО»

Литобъединение при районной газете «Щекинский вестник» существовало в разные времена: оно то «светило» во всю мощь, то горело вполнакала. Не одно поколение поэтов и прозаиков прошло через него... С 2001 года встречи творческих личностей стали регулярными. Появилось много молодых поэтов: Олег Пантюхин, Эдуард Мартышев, Наталья Кожемяко, Анна Кондрашова, Валерий Ибатулин. Всех перечислить просто невозможно. Совместными усилиями выпущены сборники «Солова», «У засечной полосы», «Поэтическое братство». Многие участники выпустили свои сборники. Произведения нескольких представителей нашего литобъединения представляем вашему вниманию.

Руководитель литобъединения Нина Ростовцева.

ОЛЕГ ПАНТЮХИН (г. Щекино)

Кандидат технических наук, доцент Тульского государственного университета, директор издательства Тульского государственного университета. Свои первые стихи написал в 1998 г. С 2000 г. стихи публикуются в районной газете «Щекинский вестник». Печатался в литературных альманахах «Солова», «У засечной полосы», «Отчий край», журнале «Приокские зори». В 2007 г. вышел его первый сборник стихов «Серебряный дождь». Основные темы творчества — это темы любви, России, военных событий. Член редколлегии нашего журнала.

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ

Русская деревня — боль души России.
Русская деревня, где найти ей силы?
Версты, перелески и дома пустые.
От картины этой снова сердце стынет.
Прадеды и деды жили здесь когда-то,
В босоном детстве бегали ребята.
А вокруг сегодня — словно в поле зимнем,
Запустеньем веет, мрачно и тоскливо.
Сколько по России деревенок малых,
Никому не нужных, нищих, захудалых.

И проходит время, и уходят люди,
И земля пустеет... Что с ней дальше будет?
Повернуть к истокам надо нам однажды,
Чтоб деревне русской жить светлей и краше.

* * *

Годы летят, быстро летят,
Нас не щадя.
Как же давно, очень давно
Не видел тебя.
Ты далеко, так далеко
Дом свой нашла.
Только вот в нем, только вот в нем
Мало тепла.
Ты не грусти, ты не грусти,
Знаю одно —
Встретиться вновь, встретиться вновь
Нам суждено.
Нити судеб, нити судеб
Переплетя,
Мы обречем, мы обречем
Прежних себя...

* * *

Желтыми листьями октября
Двор застелен.
В то, что спасется наша Земля,
Свято верю.
Верю — очистится от беды
Вся планета,
Станет обителью доброты,
Любви и света.
Время придет, и наденем мы
Праздничные одежды.
Жив человек, и потому
Жива надежда!

* * *

За окном бело от снега,
Просыпается душа.
Хоть немного дайте света,
Чтобы жить ей и дышать,
Чтобы чувствовать рассветы,
И закаты провожать,
Чтоб любить ей в мире этом
И летать...

* * *

Замечает февраль все дороги.
Душу ветром продуло насквозь.

Прибавляется день понемногу,
И слабеет февральский мороз.

Утро снова уводит из дома,
Где тепло моего очага.
Город. Лица людей незнакомых.
И привычная всем суета.

Я не прячу от холода душу.
Если сердце согрето теплом,
Даже в самую лютую стужу
Можно быть негасимым огнем.

ИСПОВЕДЬ

На душе светло, спокойно, мощно.
Мысль моя прозрачней янтаря.
Лишь одно я знаю очень точно —
Эту жизнь я проживу не зря.

И когда придется ставить точку
И аккорд последний мне сыграть,
Обниму я сына или дочку
И про жизнь я буду вспоминать.

Жил, любил, мечтал, страдал и верил,
Находил, терял и снова находил.
Подлостей я никому не делал
И в вине печалей не топил.

С юности искал свою дорогу,
Отсекал неверные пути.
Вот ее нашел я, слава Богу,
И хочу всю жизнь по ней идти.

А когда на сердце неспокойно,
Тянет на есенинскую грусть,
Чувства все я переплавлю в строки,
К таинству стиха я прикоснусь.

И однажды, раннею весною
В час, когда меня не будет на Земле,
Может кто-нибудь с печалью в сердце
Хоть на миг, но вспомнит обо мне.

На душе светло, спокойно, мощно.
Мысль моя прозрачней янтаря.
Лишь одно я знаю очень точно —
Эту жизнь я проживу не зря!

ЭДУАРД МАРТЫШЕВ (Ямало-ненецкий автономный округ)

Родился в г. Щекино Тульской области 8 сентября 1974 г. Закончил ТГУ (горный факультет) в 1996 г. Работает на Севере в ЯНАО. Пишет с 16 лет.

Печатался в альманахах «Тула», «У засечной полосы», «Литературный факел», периодических изданиях «Красный Север», «Рабочий Надыма», «Транспорт газа», «Северяне», «Щекинский вестник».

ЯНВАРЬ

Всю ночь поет волшебный лес,
Сегодня ночь полна чудес,
И завораживает взоры
Снежинок невесомый блеск.
Поют протяжно сосны, ели,
Поют про вьюги и метели,
Березы кружат хоровод,
Пришел, нагрянул Новый год!
Зверье лесное кружит в танце,
Медведи, волки, лисы, зайцы,
И даже старенький глухарь
Тебя приветствует, январь.
И звезд по небу мчится рой,
Луна качает головой,
И ветер, что-то напевая,
Трясет седую бородой.

ЦАРИЦА СЕВЕРА

Слепит твоя алмазная корона,
Венец хрустальный сотканный из звезд,
Лучится месяц в изголовье трона,
Лишь посох ледяной собою прост,
Его в руке без трепета ты держишь,
Царица Севера, Великая Зима,
Лишь ты одна им сотни лет владеешь,
Им суд верша, лишь только ты права,
Ты правишь миром гордо, правишь властно,
И дни и месяцы все превращая в лед,
И мироздание с тобой во всем согласно,
Пока весна свой посох не возьмет!

ЗИМА-СТАРУШКА

На окраине лесной
В маленькой избушке,
Где хозяин — Домовой,
Там живет старушка.
Ростом ниже воробья,
Никогда не злится,
Это бабушка Зима —
Снежная царица.
В белом стареньком платке,
В беленьких сапожках,
Держит в старом сундуке
Тайны на замочках.
Там снежинок белых рой,
Словно пчелы в улье,
Веселится Домовой
Знать, они заснули.
Там и вьюга, и туман,
Звездное дыханье,
Есть и радужный фонтан,
Севера сиянье.
А внизу, на самом дне,
Что-то серебрится,
То, что дорого Зиме —
Маленькие спицы.
Чуть длиннее коготка
Спицы у старушки,
На концах два огонька,
С виду, как игрушки.
Но они не мишура,
Лучше нет награды,
Вяжет ими мать Зима
Для земли наряды.
Для деревьев и кустов,
Для полей и речек,
Для поселков, городов
Из беленьких колечек.
И из снежной бахромы
Для окон узоры,
Чтоб не отрывали мы
От красы той взоры.
А из инея платки,
Шапки для метели,
Чтоб нарядными слыли
И дубы, и ели.
Вот такие чудеса
У Зимы-старушки,
Где мерцают небеса
Над лесной избушкой.

ВЕСНА

Кто хрустит ледовой коркой?
Кто по бережку идет?
И какой — такой уловкой
Зимний панцирь насквозь бьет?
Кто сугробов не боится
И от холода не таится?
И не муж, не зверь, не птица,
Это кто ж такой идет?
Перед кем мороз пасует,
На кого напрасно дует
И трещит все громче лед?
Это красная девица
Чаровница, мастерица,
Лебедь белая из сна.
Жизнь в глазах ее таится,
Изумрудами искрится,
Эта девица — весна.

СНЕГИРИ

Стайка юрких, стайка шустрых
Развеселых снегирей,
Пролетела мимо сосен
И озябших тополей,
Пролетела мимо клена,
Мимо дуба, что поет,
Мимо елочек пушистых
Вдаль продолжила полет!
Промелькнули, пролетели
Мимо спящие сады,
И хрустально отзвенели
Льдом застывшие пруды.
Красногруды, круглобоки,
Словно с крыльями шары,
Мимо замков пролетели,
Мимо шумной детворы.
— Вы куда, куда летите,
Озорные огоньки?
Что найти зимой хотите?
Отвечайте, снегирьки!
Отвечают чудо-птицы,
Чудо-птицы огневицы:
Грозди сочные рябин
Мы давно найти хотим!
Что вы, дети, говорите?
За углом? Летим! Летим!

ИМЕНИННИЦА

Этой бабушке сегодня
Будет ровно 200 лет!
Приготовим для бабули
Замечательный обед,
Принесем пучки салата,
Пять морковок ей возьмем,
Два банана, авокадо,
Сока свежего нальем!
Вы, конечно, удивитесь,
Угощение — пустяк,
Все нормально, улыбнитесь,
Не краснейте, словно рак!
Да, все верно, без обмана,
Мы для вас даем ответ:
— Черепахе в зоопарке
Этим утром 200 лет!

НИНА РОСТОВЦЕВА (г. Щекино)

Главный редактор газеты «Щекинский вестник», руководитель литературного объединения «Поэтическое братство». Печаталась в региональной и местной прессе. Изданы поэтические сборники и книга сказочной фантастики «Вчерашний день наступит завтра».

ПРЕЖДЕ ЧЕМ РАССТАТЬСЯ

Письмо от Олега Людмила получила в воскресенье, а во вторник, по ее подсчетам, он уже должен приехать в Тулу. Все-таки от Хабаровска, где ее друг прослужил два года, путь неблизкий, около двух недель на поезде. Но, ожидая парня, девушка не могла сказать с полной уверенностью, что ждет Слега с нетерпением, и уже сомневалась, что любит по-прежнему. Хотя два года ждала его честно, с парнями не встречалась, ухаживания вежливо отклоняла, на письма отвечала добросовестно. Но, как бы там ни было, закон сохранения на любовь часто не действует в период отсутствия любимого.

Впрочем, выбирать не приходилось. Приедет, тогда и будем решать, насколько изменился каждый из них.

Почти те же мысли приходили в голову и Олегу, трясущемуся в прокуренном вагоне уже вторые сутки. Он не мог представить, какой стала его одноклассница, в которую он влюбился, едва переступив порог десятого класса. Людмила дружила с парнем из другой школы, но Олег, как говорят, отбил ее, хотя однажды даже был бит приятелями того парня. И все же девушка предпочла его.

Поезд в Красноярске стоял полчаса. И перед самым отправлением в вагоне, в котором ехал с друзьями Олег, появилась девушка с небольшим чемоданчиком и букетом увядающих сибирских жарков.

Парни потеснились, уступив место девушке, а цветы, не успевшие стать гербарием, расставили по пивным бутылкам.

Девушка смущенно поблагодарила ребят и объяснила:

— У меня завтра день рождения, вот и принесли цветы... А через трое суток я должна быть в Тюмени. Направили туда по распределению.

Ребята обрадовались и наперебой стали предлагать план, как они отметят ее день рождения. Олег помалкивал, он смотрел в окно и думал о том, что вот так и к Людмиле «пристают» парни, а она принимает их ухаживания.

Между тем девушка освоилась в их компании, начала угощать парней домашними пирожками и рассказывать об учебе в училище культуры, после которого она будет работать художественным руководителем, либо директором клуба. Чуть позже Лена (так звали девушку) пела под гитару, которую раздобыли ребята в соседнем вагоне. Сережка Ветров ни на шаг не отходил от Лены, и отчего-то это раздражало Олега.

Ночью ему не спалось. Он прислушивался к тихой беседе Сережки с Леной, который предлагал ехать с ним до Москвы, где они непременно поженятся. Девушка отнекивалась, но парень настаивал, даже попытался поцеловать Лену, но та ловко увернулась из его объятий.

— Не пожалей! — услышал угрозу Олег и насторожился. Он знал Сергея как самолюбивого парня, добивающегося всего, чего ни пожелает, любой ценой. А уж с девушками он особо не церемонился.

Наутро ребята поздравляли Лену с «круглой датой», — двадцатилетием, на каждой станции высказывали на перрон и приносили девушке скромные дары: то булочки с изюмом, то стакан семечек, а Витька умудрился принести даже жареную утку. Вечером был пир горой. А чуть позже захмелевшие и уставшие от беготни парни довольно быстро легли спать.

Среди ночи Олег проснулся и услышал чей-то сдавленный крик. Встрепенулся и увидел, как Сергей зажал рот девушке и пытается вытащить ее в тамбур. Пока Олег раздумывал, Лена оказалась за дверью, а на полу остались рассыпанные пуговицы ее блузки. Олег вскочил и рванул дверь: отшвырнул в сторону Сергея от насмерть перепуганной девушки и выпроводил ее в вагон.

— Защитничек, — процедил сквозь зубы Сергей, но в драку не полез.

Вернувшись в вагон и не найдя Лены, Олег пустился на ее поиски. Но нигде ни ее, ни вещей не оказалось. Если только в туалете, который был закрыт подозрительно долго.

И действительно, до самого утра она не выходила оттуда.

За завтраком снова все балагурили, кроме трех очевидцев и участников ночного происшествия.

Олег вышел в тамбур, Лена поспешила за ним.

— Спасибо тебе. — В голосе ее стояли слезы. — Если бы...

— Не надо. Все хорошо, что хорошо кончается.

— Только теперь я не смогу доверять людям и думаю, может быть, вернуться домой?

— Ну что ты, — возразил Олег, — на новом месте забудется этот неприятный инцидент, ты встретишь... — и парень осекся. Почему-то не смог закончить фразу. Искоса взглянул на Лену, сердце внутри забилось неровно, как бы давая сбой.

— Я пойду, — заспешила девушка, — через три часа Тюмень. Пока соберусь, попрощаюсь с ребятами... и с тобой.

Лена ушла, а Олег курил и судорожно соображал: если она уйдет, то это навсегда, больше они не встретятся. Что у них получится с Людмилой — кто знает, а здесь... Такая девушка одна среди чужих людей. Ни защитить ее, ни приласкать. Олегу хотелось забрать Лену с собой, чтобы ничто не могло омрачить ее жизнь.

Провожать девушку вышли все, кроме Сергея. Ей протягивали адреса, просили писать. Лишь Олег стоял молча, а Лена подошла, поцеловала его и направилась в

сторону вокзала. Поезд тронулся, и в этот момент Олег схватил свои нехитрые пожитки и прыгнул с подножки.

Отыскал Лену на стоянке такси, где она растерянно озиралась по сторонам в поисках свободной машины. Увидев Олега, уронила чемоданчик и обняла парня, ни о чем не спрашивая.

В течение дня они нашли управление культуры, получили направление в один из отдаленных районов, куда назначили Олега директором клуба, а Лену — художественным руководителем. Олег, правда, пытался объяснить, что он по специальности техник-электрик, но его не стали слушать, объяснив, что девушке руководить клубом в поселке газовиков довольно сложно.

Спорить Олег не стал. И уже на следующий день парень и девушка ехали в дальний медвежий угол Тюменской области. А в Тулу Олег отправил телеграмму с непонятной фразой: «Людмила, прости, пришлось задержаться. Возможно, надолго. И ты меня не жди, Олег».

Ничего не поняла Людмила, только как-то легко на душе стало оттого, что продлилось расставание. А спустя месяц к Людмиле зашел браг Олега, о котором она знала понаслышке. Борис рассказал, что Олег женился на девушке, с которой познакомился в поезде, возвращаясь домой, и живет с ней в Тюменской области. Людмила слушала Бориса и была благодарна судьбе за такое разрешение вопроса, ибо увидела в брате Олега именно того человека, который ей нужен. И как хорошо, что произошло это вовремя. Кажется, Борис тоже рад подобному стечению обстоятельств, и вот они уже пьют кофе, рассказывают друг другу о себе.

Словно издалека Людмила слышит слова:

— Ты не жалеешь, что так получилось с Олегом?

— Не знаю,— честно отвечает она.— Я успела отвыкнуть от него за два года, а с тобой мне так легко, словно знаю давно-давно.

Спустя полгода Борис и Людмила поженились. Олег приехал на свадьбу брата вместе с беременной женой. Бывшие жених и невеста смотрели друг на друга, улыбаясь, и ни один из них не пожалел, что судьба распорядилась именно так, а не иначе.

— Все, что ни делает Бог, все к лучшему,— сказал Олег за свадебным столом. — Но прежде чем расстаться с прошлым, нужно оглянуться назад и без сожаления оставить все, что было в нем. Я рад, что случилось так, как случилось. Пусть никогда в наших сердцах не поселится разочарование. Горько! — и первый поцеловал Леночку, которую поклялся еще в поезде защищать от всех жизненных невзгод.

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ

В любовь Вероника не верила. Ни в какую. Ни с первого, ни с последнего взгляда. Ей вполне хватало влюбленных подруг, которые страдали, плакались «в жилетку», выходили или не выходили замуж... Быть «копилкой чужих романов» — удовольствие небольшое, но коль нет своей личной жизни, то уж хотя бы набраться чужого опыта. Самое поразительное, что Вероника даже пыталась давать советы подругам, как вести себя с мужчинами в тех или иных конфликтных ситуациях. И порой подруги были благодарны ей за советы.

Вероника вовсе не была дурнушкой и в свои тридцать пять выглядела значительно моложе, за ней пытались ухаживать сослуживцы, но большинство из них были женаты, а она не принадлежала к искателям приключений. Впрочем, скучать Веронике не приходилось: институт, заочная аспирантура, племянники занимали все ее свободное время. До устройства личной жизни не доходили руки. Лишь однажды ей показалось — вот он тот, за кем можно жить как за каменной стеной, но Вероника весьма уклончиво

ответила на его приглашения в театр, и ресторан, и парень обратил свои взоры на веселую хохотушку Ларису, на которой спустя несколько месяцев и женился.

«Ну что ж, значит, не судьба», — успокоила себя Вероника и поставила на своем замужестве крест.

К тридцати пяти годам у многих ее подруг наметилась тенденция к разводам. И снова к Веронике они шли со своими проблемами, которые старались поскорее переложить на ее плечи. Возвратилась с Урала в родные края подруга, с которой не виделись десять лет. Лишь по письмам узнала Вероника о ее муже, который вначале был представлен «как самый лучший на свете», а спустя годы «как бездарный субъект, не способный обеспечить достойную жизнь семье».

Разошлась с мужем и одноклассница Вероники — Юлька, выйдя скоропалительно во вторично замуж за его друга. И после подобных историй верить в любовь? Нет ничего глупее.

Но если бы в нашей истории Вероника не влюбилась, то к чему бы весь этот рассказ. В командировку в Углич в научно-исследовательский институт маслосыроделия отказывались ехать решительно все.

Конец мая, сотрудники отдела мечтали об отпусках, а здесь... какой-то Углич, до которого добраться можно только ночным поездом с Савеловского вокзала.

Вероника не стала отказываться от командировки, хотя через несколько дней у нее начинался отпуск, в котором ее ждали племянники и дачный участок с поливкой и прополкой.

Собравшись наскоро, прихватив с собой купальник и шорты (все-таки на Волгу едет), Вероника достала билеты на тот единственный поезд Москва — Углич — Ленинград и в час отправления была на Савеловском вокзале.

С соседями по купе повезло: женщины преклонного возраста ехали в Углич с покупками. Они устали за день и почти сразу же легли спать.

Приехали в город около восьми утра. Впрочем, выйдя из вагона, Вероника не поняла, а где же город. По обе стороны вокзала, лес, среди деревьев спрятались уютные домики, в которых если и живут, то только гномы или чародеи. Поезд постоял у вокзала, огорченно вздохнул оттого, что ему нужно уезжать, и нехотя застучал колесами, оставив после себя облачко паровозного дыма.

У Вероники поднялось настроение. Захотелось необычного, чего она никогда не ждала от жизни. Но город, которого не было еще видно, просто располагал к этому. Вероника решила идти пешком до центра. Милый старичок, сидящий на скамеечке, указал ей дорогу и отчего-то усмехнулся в седую бородку. А, может быть, ей это просто показалось. Город появился так же неожиданно, как и был спрятан в лесу. И поразил Веронику обилием церквушек, словно перед ней положили огромный именинный пирог. «От такой красоты мы отказывались», — подумала она и решила подзадержаться с поиском института, направившись к реке.

На берегу Волги качались белоснежные катамараны, зовущие в плавание. Они были похожи на огромных фантастических птиц, готовых исчезнуть в небе в любой момент.

— Вам два билета? — услышала Вероника голос кассира.

Мужчина обернулся и встретился взглядом с Вероникой. Это было запланированное чудо: девушке показалось, что она знает человека, стоящего напротив. Его загорелая мускулистая фигура, развевающийся на ветру чуб, едва заметная улыбка — где, когда мы встречались? Но отчего же сердце радостно забилося, и показалось, что душа внутри (там, где ей положено быть) сжалась в комочек, а затем вылетела и озарила мир радужными красками.

Мужчина, наконец-то, пришел в себя и произнес:

— Два билета...

И Вероника молча кивнула. Дальнейшее казалось похожим на сон. Девушка села в белоснежный катамаран и старалась припомнить, где же они встречались. Но мысли путались. И она не могла понять, куда они плывут или их просто несет по течению.

Действительно, катамаран находился в свободном плавании, ибо мужчина держал ладони Вероники в своих сильных руках. Волной от проходящего невдалеке теплохода катамаран отнесло к берегу, и «белый лебедь» запутался в прибрежных камышах. Впрочем, Вероника этого не заметила. Как не успела заметить, когда очутилась в объятиях незнакомца, страстные поцелуи которого сводили ее с ума.

В какой-то момент они словно очнулись, увидели себя как бы со стороны, и мужчина спросил:

— Вы кто?

— Вероника. А — вы?

— Виктор... Мне показалось, что я сошел с ума, увидев вас.

— А я, наверное, действительно сошла с ума,— растерянно ответила Вероника и едва смогла остановить себя, чтобы вновь не оказаться в его объятиях.

Уже на берегу Виктор поинтересовался, куда направляется Вероника. Затем привел ее в гостиницу, где сам поселился накануне. Он приехал из Ленинграда в командировку на часовой завод. Ему нужно было возвращаться обратно... но столь неожиданная встреча задержала его.

Виктор собрался уходить, но Веронике вдруг показалось, что она его больше не увидит и... куда подевались ее скромность и застенчивость.

— Вы зайдете ко мне сегодня? — спросила она.

— Да.— Виктор взял ее ладонь, и Веронику пронизало словно электрическим током.

— Не уходи,— прошептала она и спустя минуту почти задохнулась от поцелуя, столь горячего и страстного, что немудрено было сознание потерять.

Через мгновение Виктор исчез, словно никогда и не появлялся. В течение дня Вероника нашла институт, договорилась о получении контрольных пакетов, но случайное знакомство, выбившее из ритма жизни, не забывалось ни на минуту. Она уже боялась вечерней встречи, потому что чувствовала, что не сможет устоять перед Виктором. Да и не хотела она этого. Сама готова броситься в объятия, только бы пришел.

Вероника возвращалась из института в шесть вечера. Она словно летела на крыльях в предвкушении встречи. Но вечером Виктор не появился. Не пришел он и утром. Горничная на вопрос о жильце из седьмого номера ответила, что тот заплатил еще за два дня вперед, но, вероятно, задержался на заводе во вторую смену и остался ночевать у кого-то из знакомых. Горничная поинтересовалась, зачем он нужен Веронике, но та ничего лучшего не придумала, как-то, что Виктор ее однокурсник по институту. Впрочем, проницательная горничная слабо поверила в Вероникину легенду.

Прошло два дня, Виктор так и не появился. Командировка у девушки закончилась, и она решилась на последний шаг: съездить на завод и узнать его место работы в Ленинграде. Но подоспели выходные и все сорвалось. Выручила горничная, дала все-таки адрес, хотя и не имела такого права. Уж больно тоскливыми глазами на нее смотрела девушка.

В то же утро, 12 мая 1964 года, Вероника уехала в Ленинград, забыв предупредить домашних о внезапной задержке. Денег у нее едва хватало на билет в оба конца.

Вот эта улица, вот этот дом. Как бьется сердце. Готово выскочить из груди. Каким оглушительным кажется звонок. На пороге пожилая женщина.

— Виктор Снегирев здесь проживает?

— Да, но он в командировке.

Вероника медленно спускается по ступенькам и на одной из них у нее подворачивается нога, и она едва успевает взяться за перила.

К ней на помощь спешит его мать, приглашает войти в квартиру, расспрашивает, кто она такая, И снова легенда о совместной учебе в Угличе. Мать Серафима Ивановна, рассказывает о сыне, о его незадавшейся женитьбе, какой он застенчивый, да и вообще неудачник в жизни. Показывает коллекцию часов, которую Виктор собирает почти 17 лет. А затем они пьют чай и разглядывают детские фотографии. Кажется, и мама его не верит в легенду

— Здесь Витя с Юлей,— как будто издали слышит Вероника, и не может оторвать взгляд от снимка. Ведь это же Юлька, ее лучшая подруга, сбежавшая от мужа с его лучшим другом.

Уезжая, Вероника оставила свой домашний адрес для Виктора, а Серафима Ивановна просила ее обязательно позвонить. Уж больно девушка ей по душе пришлась. «Жену бы сыночку такую»,— сказала она, прощаясь на вокзале.

Прошло две недели. Вероника по-прежнему занималась племянниками и дачей, но нет-нет да вспоминала о командировке. А тут легка на помине — Юлька объявилась. С новым мужем приехала. К Веронике забежала поболтать. Все-то у нее замечательно, муж необыкновенный... Не выдержала Вероника:

— А бывший-то как поживает?

Помрачнела отчего-то Юлька, а у Вероники даже в глазах потемнело. Отчего, непонятно.

— Да никак. Инфаркт у него случился в мае. В командировке был где-то. Мама его сообщила. Там его в больницу и увезли, несколько дней пролежал, но не спасли. Телеграммой с завода родственников вызывали.

Вероника медленно сползала со стула.

— Вика, что с тобой? — Юлька пыталась привести подругу в чувство.

Придя в сознание, Вероника долго смотрела на Юльку, а затем медленно произнесла:

— В этот день было солнечное затмение, а у него, оказывается, слабое сердце. Жаль, что ты этого не знала.

В ту ночь Виктор приснился Веронике. Он стоял на высоком берегу Волги, а она уплывала на катамаране все дальше и дальше от него. И, оказавшись посередине реки, услышала его голос.

— Вика, это было солнечное затмение.

ПАВЕЛ ЮРЬЕВ (г. Тула)

Родился в Туле. Окончил Тульский госуниверситет.

Пишет стихи, музыку и песни бардовского и эстрадного направления, автор книг стихов «Просветление», «Одна дорога на двоих», печатался в альманахах: «Припускские просторы», «Солова». Дипломант Международного фестиваля современной поэзии в Туле (2007 г.). В поисках истин изучал различные религии. В настоящее время окупился в глубины индийских философий. Основной принцип информационного творчества — «не навреди».

ЗОВ

Он шел, не разбирая дороги, к полоске светящегося неба, подальше от сияющих огней города, оставшихся за спиной. Он шагал и шагал. Казалось, что огни и сам го-

род не хотели его отпускать и все не скрывались из виду, шли следом, в надежде, что он, вдруг, опомнится и передумает, повернет назад и, покорно склонив голову, вернется в привычный плен общепринятых законов всеобщей суеты и толкотни. Но для него все это было позади, беспросветно, бесперспективно, тускло, противно. В нем внезапно проснулся голос детства, ощущения детства, иные ценности детства. И все они, вдруг, с потрясающей ясностью, какой-то вспышкой в сознании высветили весь его путь с его продолжением в будущем, с безрадостным серым тупиком в конце, обойти который можно лишь вернувшись назад, в теперешнюю исходную точку жизни, но времени на этот возврат уже не отпущено: жизнь же не безгранична.

Надежды города были абсолютно напрасны. Город просто был самоуверен и упрям, ему не хотелось признавать свое бессилие.

Путник же возвращался в свою деревню, где все — просто и понятно, где можно не спешить неизвестно зачем, в угоду неизвестно кем установленным механическим правилам, где — речка под горой, луг, лес, кусты, птицы, мыши — буквально все — никогда не врут и не обманывают, не пытаются использовать тебя в своих интересах, не играют роли, не меняют маски на лицах. Общаясь с ними, соприкасаешься с первозданной кристально чистой Истиной.

Истина эта, проникая в тебя, наполняет тебя какой-то светлой энергией, интуитивно ощущаемой как — Совершенство. Заполнив тебя, поселившись в тебе, став частью тебя, а точнее, сделав тебя своей частью, она рождает в тебе абсолютно другого человека. Человека, которого не будут узнавать твои прежние знакомые и друзья, с которыми ты уже не будешь иметь почти ничего общего. Коренное различие мировоззрений создаст глухой провал в понимании друг друга. Лишь на короткое время в твоих бывших друзьях вспыхнет духовный мост прозрения, когда, уходя из жизни, в городе пленник суеты вдруг ясно осознает совершенно иную, упущенную суть, гаснущего только для него, такого прекрасного и, в общем-то, не познанного им Мира. Но — «Поздно» и «Никогда» — совсем не одно и то же!

ЗАКОН ЖЕЛАНИЙ

Давным-давно испуганный червяк,
Не помня направленья и дороги,
От недруга сбежать не мог никак
И стал мечтать: «Вот займешь бы ноги!»

Он все же спасся — просто повезло:
За ним птенец неопытный погнался,
Отвлёкся он на что-то, что росло,
К тому же сыт он был, и есть не собирался.

Не в силах позабыть свою мечту,
Что в сон червя прокралась жгучей тенью,
Он незаметно пересек черту,
Ведущую к душевному смятенью.

Дни проходили в грезах и трудах,
А удирать частенько приходилось,
И о ногах насущная мечта
В «письмо на хромосомах» превратилась.

Червяк на животе доползал век,
Но породил детей — прекрасных крошек,
А вот они бежали по земле
Ногами, став отрядом многоножек.

Вот так и птицы в воздух поднялись,
И вырос рог на морде носорога,
Взметнулась у жирафа шея ввысь,
Так действует Закон желаний Бога.

* * *

Уставшее лето смыто дождем,
Его уже нет, а мы все еще ждем
Теплого ветра и пения птиц,
И солнечных звезд через щели ресниц.

Ждем нежности ток при касании рук,
И светлый восток, и утренний луг,
И шепот признаний раскрывшихся душ,
И музыку всплесков от дождика луж.

Волшебный заряд ускользящих снов,
И купол из крон, заменяющий кров,
Незыблемой твердости вечных основ,
Из коих главнейшая — наша ЛЮБОВЬ.

ВЕСНА

Весна просочилась сквозь щели Апреля,
Краской зеленой обрызгав деревья.
Теплом непривычным прошил ветерок,
Любой под него рад подставить свой бок.

Бабочек бег по воздушным дорожкам,
А приз — первоцвет на невидимой ножке.
В небе пасутся стада облаков,
Нам запасая дождей молоко.

Совсем без загара стволы у берез,
Но жаждут умыться водой летних рос.
А птица, не зная названия нот,
Любви не скрывая, от счастья поет,

Наполнив весь лес, как звенящей капелью,
Заспорившей с эхом весеннею трелью.
Ей вторят чуть слышным
жужжаньем веселым
Посланники ульев — разведчики-пчелы.

Солнца лучи тянут кверху травинки,
Те рады подставить зеленые спинки.
Глаза у них тоже зеленого цвета.
В них радость от *жизни*
и будущность *лета*.

НАТАЛЬЯ КОЖЕМЯКО (г. Щекино)

Родилась в г. Щекино в 1984 году. Окончила Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, факультет иностранных языков. Печатается с 2006 года. Готовит к изданию сборник ироничных стихов.

МОЕМУ МУЗУ

У меня опять застой.
На столе блокнот — пустой.
Не замараны листочки.
Нет ни строчки. Ни полстрочки.
Не могу стихи писать —
Муз мой упорхнул опять.
Он капризный у меня,
Хоть уже не малышня.
То и глаз казать не хочет,
То ворвется среди ночи,
Враз разбудит и — давай:
Лишь фиксируй — успевай.
То исчезнет на полгода,
То в хорошую погоду
Не дает уйти из дома:
Надиктует на три тома.
— Вдохновилась? Ну, пиши!
Разбросал карандаши,
Посмотрел, который час,
И умчался на Парнас.
Я однажды отомщу:
Привяжу, не отпущу.
Нет! Круче душу отведу:
Другого Муза заведу!

СЕМЕЙНАЯ ФИЛОСОФИЯ

В хохлушку раз узбек влюбился.
Вскоре он на ней женился.
До безумия друг в друга
Оба влюблены супруга.
Только жизнь — сплошной накал:

Что ни день — у них скандал.
Чтоб решить проблему эту,
У психолога совета
Попросить решил супруг.
«Вы попробуйте, мой друг,
Жизнь свою устроить так,
Чтобы был условный знак:
Если кто не в духе будет —
Пусть другой его не судит
И не лезет на рожон,
Коль любимый раздражен».
Да, идея — просто класс!
Испробуем ее сейчас.
Вот узбек домой пришел,
В кухне женушку нашел,
Рассказал ей все, как было,
И условие ставит милой:
«Будет знак такой условный:
Если тюбетейка ровно,
Когда я домой приду,
Значит, мы с тобой в ладу.
Буду нежно обнимать,
Буду к сердцу прижимать.
Ну, а если на беду
Я когда-нибудь приду
В тюбетейке набекрень —
Неудачный вышел день.
Не ворчи и не ругай.
Стол накрой и убегай».
Выслушав всю речь сполна,
Говорит ему жена:
«Но запомни, милый мой,
Вечером, придя домой,
На меня сперва гляди:
Если руки на груди
Скрещены, то признак верный —
Буду я женой примерной.
Буду крепко целовать,
Нежными словами звать,
Лишнего не говорить
И обед тебе варить.
Ну, а если у меня
Руки — в боки, жди огня!
И плевать мне в этот день,
Что у тебя там набекрень!»

ЖИЗНЕННОЕ КРЕДО

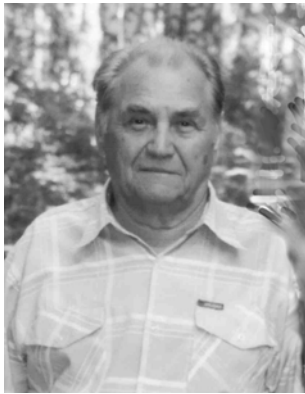
Не дай мне, Боже, стать женой поэта,
И до конца пройти с ним жизни путь,

И слушать каждый день по три куплета,
Две оды, гимн и хит какой-нибудь.

Не дай мне, Боже, стать женой поэта,
И восхищенный взгляд его ловить
На каждой нимфе солнечного лета,
И ревность всякий раз в себе давить.

Не дай мне, Боже, стать женой поэта,
Его с вопросом важным теребя,
Вдруг слышать вместо каждого ответа:
«Вернусь не скоро — я ушел в себя!»

АНАТОЛИЙ МИРОНОВ (г. Щекино)

Миронов Анатолий Иванович родился 24 декабря 1929 года в селе Н-Суходол Алексинского района Тульской области. С двенадцати лет жил в г. Алексине, который расположен на живописных берегах р. Оки, поэтому первые стихи, опубликованные в городской газете, были посвящены природе и людям Алексина. Окончил Тульский государственный педагогический институт им. Л. Н. Толстого. С 1967 года его жизнь и творчество связаны с г. Щекино Тульской области. В настоящее время преподает русский язык и литературу в одной из школ Щекинского района. Его стихи печатались в коллективных сборниках: «Поэты-туляки», «Великий май», «Отчий край», в литературных альманахах «Солова», «Поэтическое братство», «У засечной полосы», в центральной, областной и местной прессе. Изданы книги стихов «Живу любовью» (1998 г.), «Дорога к сердцу» (2004 г.). На некоторые стихотворения А. И. Миронова написаны песни.

ОСЕННЕЕ

И вечером, и ранним утром
Я в лес иду, как в дом родной.
Природа — доктор самый мудрый,
Травую лечит и водой,
Своей красою первозданной
И сказочною тишиной,
Осенней прелестью туманной
И чистой летнею росой.
Здесь — лучшая моя аптека.
Вот — всем известный однолюб,
Мой самый добрый, главный лекарь —
Ветвистый красрасавец дуб.
Вот — вот октябрь, а он зеленый
Стоит над тихою водой.

Совсем другое дело с кленом:
Тот весь на солнце золотой.
И клен, как солнце, сам сияет,
Гордясь своею новизной.
Он всю округу озаряет
Осенней щедрой красотой.
Черемуха под ветром хлестким
Все листья сбросила с ветвей.
Прижалась боязно к березке,
Стесняясь наготы своей.
Родник из-под коряги вышел,
И я в восторге от него:
В его дыхании я слышу
Биенье сердца моего.
Природа — мать моя святая,
С тобой — во сне и наяву.
Ты проживешь одна, я знаю,
Я без тебя не проживу.

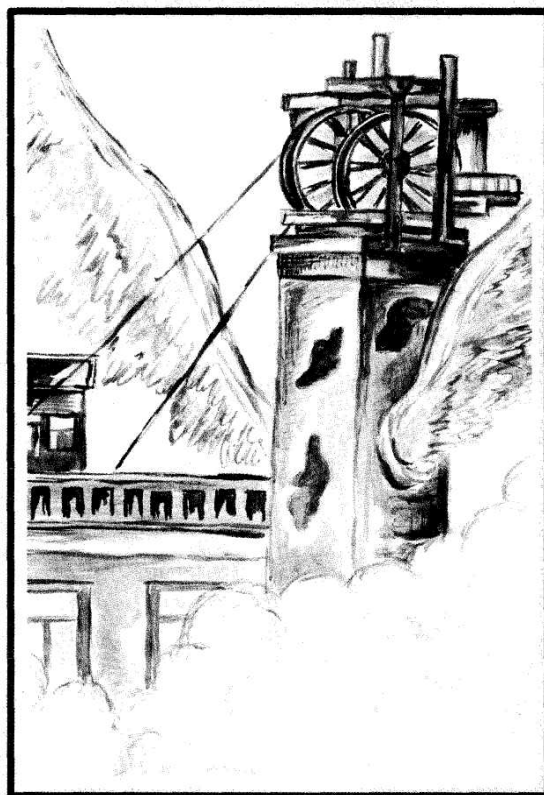
ДЕРЕВНЯ

Иду я в деревню дорогой знакомой.
Иду вдоль бегущего в ней ручейка.
А в этой деревне остались три дома,
Три старых старушки и два старичка.
Вокруг — одичавшие вишни и груши.
Высокое солнце стремится в зенит.
Вот здесь-то смогу тишину я послушать,
Почувствовать, как она грустно звенит.
Такой тишины и во сне не приснится.
Нигде — никого, ни единой души.
Никак мой рассудок не может смириться
С таким безразличием к нашей глуши.
Шагаю я к пруду заросшей тропинкой —
И в сердце великую тяжесть несу.
Себя ощущаю я тонкой былинкой
В огромном, бескрайнем — российском лесу.
Печальной вдовою стоит облепиха,
Под ней муравьи беспрестанно снуют.
И скорбно молчит умирающий тихо,
Болотною ряской затянутый пруд.
Так вот ты какое, родное наследство:
В деревне три дома, и то — хорошо.
Я ехал и шел сюда встретиться с детством.
Но кажется, что на кладбище пришел.

*О, Русь, взмахни крылами!...
Сергей Есенин*

МОСБАСС

*Литературно-краеведческий
народный журнал*

г.Сокольники Тульской области

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ: «МОСБАСС» ИЗ СОКОЛЬНИКОВ

Валерий Кручинин-Русич
(г. Сокольники)

РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ПИСАТЕЛЬ АЛЕКСЕЙ ЛОГУНОВ

В марте 2009 года православному писателю и поэту Алексею Логунову исполняется 70 лет и 55 лет его творческой деятельности. Первое стихотворение его «Среди родных полей» было опубликовано в газете «Молодой коммунар» в 1954 году. Родился Алексей Андреевич в селе Черемушки Тульской области, вблизи Куликова Поля. В одной из своих книг, которая называется «Сударыня Книга или Сказания Куликова Поля» есть такие слова: «Мои земляки — куликовцы превыше всего ставят три дела: молиться Богу, пахать землю, и защищать Родину. Так было. Так есть. Так будет. Такой уж мы русский православный народ». Не одно поколение школьников училось на книгах писателя, общий тираж которых перевалил за три миллиона. В 2000 году писатель пришел в храм «Нечаянная Радость» в Новомосковске, да так и остался там: учился сам и учил молодых прихожан писать православные стихи и рассказы. Вскоре стали выпускать альманах «Прихожанин», затем журнал «Православный Новомосковск», который возглавила ученица писателя Валентина Лысенко. Сам Алексей Андреевич взялся за выпуск еще одного православного журнала «Свято-Ильинский храм». Уже выпущено пять номеров и одно приложение — «Ильинский крест».

Сейчас писатель работает над созданием альманаха «Епифанские сказания», ведет в журнале «Мосбасс» постоянную рубрику «Святые праведники Тульского края».

Редакции журналов «Мосбасс» и «Приокские зори».

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Хотите оказаться ранним, ранним утром в русской деревне. Прошу...

*Рассвет... Я выхожу во двор.
Растаял месяц за деревней.
Желтеет струганный забор
Сквозь кудри ивы частым гребнем.
На кольях сохнет чугунок,
Да рядом две стеклянных банки.
А пруд, как голубой платок,
В траву упавший с плеч крестьянки.
А на краю того платка*

*Стоит церквушка, как игрушка...
И нет милее уголка,
Чем ты, родная деревушка!*

Чувствуете? Как от деревенского пруда тянет сыростью? Как изнемогают под тяжестью обильной росы — травы. Видите? Как утренний туман, цепляясь за крышу дома, за колодезный журавль, за кустарник, спешно втягивается в камыш, стебли которого вдруг напряглись и замерли. Замерли и притаились птахи, всю ночь доказывавшие друг другу, что их любовная песнь звонче, соблазнительнее. Умолкли лягушки, притихли кузнечики. В ульях, резко, как по команде, оборвался пчелиный гуд. Все живое замерло и ждет восхода солнца.

Когда-то, писатели-фантасты придумали машину времени. С помощью громоздких и сложных конструкций герои их произведений перемещались во времени и пространстве. В мгновении ока они попадали и в будущее, и в прошлое. Позднее, великие Умы, обосновали эту идею с научной точки зрения и вывели математические формулы, доказывающие, что все это возможно на самом деле и машина времени не противоречит физическим законам мироздания. И хотя, дальше фантастических романов и километровых формул дело у них не пошло — машина времени была создана.

Создателем этого чуда стал не ученый физик, не фантаст, а тот, кто первым написал стихотворение. То есть — поэт. История не донесла до нас ни имени его, ни его творения. Да это и не столь важно. Главное, он показал, как пронизать время и пространство. Сначала эти временные машины были тяжелы и неуклюжи (вспомните гомеровский гекзаметр или силлабо-тоническое стихосложение Тредиаковского), но менялся ритм, оттачивались размер, рифма и поэтические конструкции обрели совершенные формы. Их движитель — образ. Чем ярче он и богаче, тем стремительней оказываетесь Вы в любой точке мироздания, испытывая при этом не объяснимое человеческим языком блаженство. Почувствуйте его: **«А пруд, как голубой платок, в траву упавший с плеч крестьянки...»**. **«Девчонка длинноногая, как цапля...»**.

Что!? Солнце в зените. Становится жарко. Вам вдруг захотелось очутиться в благодатной ночной прохладе. Нет проблем:

*Тиха, спокойна в сумерки деревня.
Чуть опустив бревенчатые плечи,
Стоят усталые от зноя избы.
Да белый храм виденьем на холме.
Девчонка длинноногая как цапля,
Корову гонит. Та идет неспешно
И вдавливают в землю сор и щепки.
Куда-то грузовик с зерном ползет.
А над дорогой — месяца осколок,
Как треснувшая фара, от которой
Давно уж потерялось полстекла...*

С первой же строфы этого изумительного белого стиха, Вас обволакивает ночная прохлада. Звездное небо томит и будоражит Вашу душу. Окружающий мир становится ближе, понятнее. Некогда мучившие Вас неразрешимые вопросы — решаются. Необъяснимые поступки получают свое логическое объяснение и, наверное, именно в эти минуты, рождаются пророческие строки красоты необыкновенной:

*Россия, Россия-
Дом Матери Божьей...
Сиренево-сине
Цветет подорожник.*

Россия, Россия
 Большая дорога.
 О, как все красиво
 У Господа Бога!!!

 И ангелы в небе,
 И в воздухе птахи,
 И в зреющем хлебе
 Ребятчи рубахи.

 И храм на пригорке,
 И крест на кладбище...
 Россия, Россия,
 Чего же ты ищешь?

 Вот так и шагал бы
 До смертного часа,
 Да песни слагал бы
 Про Светлого Спаса!

В этом маленьком, простом, но изумительном по глубине и силе образа стихотворении присутствует все; и жизнь и смерть, и национальная идея и смысл нашего бытия. «О, как все красиво у Господа Бога!». И сам человек. И голосистые птахи, своими нескончаемыми песнями славящие торжество жизни. Тучные колосья зреющего хлеба. Ребятишки, собирающие васильки под мирным небом. А над ними ангелы-хранители, берегущие их от вселенского зла. Как же он красив, наш мир. Богородица Дева своим домом избрала Россию, мы растим хлеб, наши дети под мирным небом собирают букеты полевых цветов — это ли не национальная идея?! «Да песни слагал бы про Светлого Спаса!» — это ли не смысл нашей жизни!? (Ведь еще Серафим Саровский сказал, что смысл нашего бытия в стяжании Святого Духа...) «Россия, Россия, чего же ты ищешь?!!» Господи! Как же все просто.

Все эти стихотворения написаны нашим земляком, писателем и поэтом Алексеем Андреевичем Логуновым, который скромно живет рядом с нами, ходит по тем же улицам что и мы, читает святое Евангелие и пишет православные стихи и рассказы.

В мае ночь короче носа птичьего...
 Милый мой, как сокол, ясный был.
 В знак любви по старому обычаю
 У плетня рябинку посадил.
 Ой, ты, ночка, ночка соловьиная!
 Стал постелью брачной сеновал.
 Называл меня мил-друг любимую,
 А с подругой свадьбу сыграл.
 Пресвятая Мати Богородица!
 Помолись за грешную меня...
 Сколько я потом встречала соколов,
 Знает лишь рябинка у плетня.
 На рябине шесть засохло веточек,
 А седьмая ветка ожила.
 За шесть лет я шесть сгубила деточек,
 А седьмая девочка жива.
 У нее, как плет, ручонка левая,
 А на правой пальчики не все...
 Что ж я, окаянная, наделала!

Загубила жизнь во всей красе.
 На себя, волчицу окаянную,
 Я хотела руки наложить.
 Но во сне явилась Матерь Божия
 И велела ради дочки жить.
 Доченька растет такая славная,
 Точно как рябинка у плетня.
 Ой, вы, люди, люди православные,
 Помолитесь Богу за меня.
 Шесть во чреве деточек загублено
 И никто им имечко не дал.
 Ты взыщи их души, Матерь Божия!..
 Я сожгла проклятый сеновал!
 Я сожгла пути-дороги в прошлое.
 И теперь вот еду в детский дом,
 Чтобы мамой стать детишкам брошенным,
 Окружить их лаской и теплом.
 Пред иконой Матушки Заступницы
 Редкая проходит ночь без слез.
 Каюсь и молюсь, и снова плачу я:
 Может быть, простит меня Христос...

Какая пронзительность! Какая правда жизни! Так понять, прочувствовать горе заблудшей женщины, может только особый поэтический дар. **Православный**. «Пред иконой Матушки Заступницы редкая проходит ночь без слез». Когда-то, литературный мир восторгался французским писателем-реалистом Бальзаком, который красочно описал испытываемые женщиной чувства при родах. Но там описаны физические страдания. Здесь тоже страдание. Но другое. Здесь пострашней. Здесь страдает душа. Раскаившись, она вопиет о прощении. Стихотворение прямо-таки сочится православием. Сочится смирением и страстным желанием послужить Царствию Божию «...пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковым есть Царство Божие». (Евангелие от Марка гл. 10 ст. 14.) ...И взяв дитя, поставил его среди них, и, обняв его, сказал им: «Кто примет одного из таких детей во имя Мое, тот принимает Меня: а кто Меня примет, тот не Меня принимает, а Пославшего Меня». (Евангелие от Марка. гл. 9. ст. 36. 37.)

Православный поэтический дар Алексея Логунова вездесущ и всепроникаем. Для него не существует ни расстояний, ни измерений, ни прошлого, ни будущего. Пронизав Пространство и Время он, с того берега холодной реки, которая разделяет видимый и невидимые миры, словно ангел-хранитель предостерегает нас:

Я помер неделю назад,
 И в землю закопано тело...
 И глазом моргнуть не успел,
 Как жизнь на Земле пролетела!
 Я женщин разгульных любил,
 Грехи совершал и поплоше,
 Стаканами водочку пил,
 А чаще работал, как лошадь.
 И слышу я внуков слова:
 «Помянем дедулю по-русски!
 И к сороковинам его
 Закупим вина и закуски»

*Не нужен мне жареный кус,
Вином его не поливайте,
А нужен мне сорокоуст,
Вы в храме меня поминайте.
Зачем на могиле венки,
Зачем из железа ограда?
Мне это совсем, мужики,
Не надо, не надо, не надо...
Не надо мне каменных плит.
Поставьте мне крест деревянный.
Я голеньким в мир приходил
И голым ушел, окаянный.
Свершается, что суждено:
Здесь видно и слышно так много!
Но грешнику, мне не дано
Узреть милосердного Бога.
И дам Вам последний совет,
Закончив печальную повесть:
Живите, как скажет Господь!
Глас Божий для всех — это совесть.*

Не говори — совести у него нет! Совесть есть у всех! У короля и нищего, святого и грешника, вора и добропорядочного гражданина, т.к. как сотворены мы все по образу Его и подобию... Образ и подобие Его это и есть наша совесть. Только у одного она, как нерв обнаженный, а у другого плоть отмершая. Ну, ограбил ты народ православный, накопил себе яхт, замков зарубежных, понастроил загородных дворцов. А жену любящую найти — не можешь. А если и найдешь, то не надолго. Потому что, любят не тебя, а твое богатство. Несчастны дети твои, которых делите вы, и прячете друг от друга, как разбойники золотые монеты. «Не собирайте себе сокровищ на Земле, где моль и ржа истребляет, и где воры подкапывают и крадут». (Евангелие от Матфея. гл. 6. ст.19) «Но собирайте себе сокровище на Небе, где ни ржа, ни моль, не истребляет, и где воры не подкапывают и не крадут» (Евангелие от Матфея. гл. 6. ст. 20). «Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Говорит нам святое Евангелие.

«Ты голеньким в мир приходил и голым уйдешь, окаянный!» — напоминает нам Алексей Андреевич Логунов.

Валерий Кручинин-Русич
(г. Сокольники)

МОСБАССА БЛУДНЫЙ СЫН*

КОЛОБОК (злостный курильщик)

Друг у меня был. По прозвищу Колобок. Шустер, до не могу. Небольшого роста, нос картошкой, весь налитой какой-то, настоящий колобок. Кликуху эту он сам себе дал. Первое его письмо из армии заканчивалось так: «Твой сон спокоен и глубок, на страже верный Колобок».

Служил он в ракетных войсках стратегического назначения. Вся страна спала крепко и спокойно. Попробовал бы кто тогда на Россию вякнуть,— Колобок бы в момент разобрался.

Пришел он к нам на шахту в 197... году, с 33 статьей КЗОТа. Директор его не взял, хотя рабочие были очень нужны. Но Колобок тоже, догадался, с глубочайшего бодуна и к непьющему директору на прием. Я в то время бригадиром в лаве был. Добычу не давали. Три раза плывун прорывался. Но друга не бросишь. Пошел я по начальству. Под мою личную ответственность приняли его горнорабочим 2 разряда. Через месяц Колобок уже раскатывал по всей шахте на электровозе. И не просто раскатывал, а знал весь профиль путей, все штреки, сбойки. Для лавы он стал незаменим. Но бухал, зараза. А как-то вообще пропал на две недели. Кадровик меня встретил и говорит:

— Скажи Колобку, чтоб трудовую забрал. По 33 уволили.

— Понятно.

Куда еще ясней. Да вот Колобка не найду.

Появился он на утреннем наряде. Отозвал меня в сторону.

— Ну, чего делать-то?

— Пошел вон! Урод корявый! — я взаправду был в бешенстве.

Тут лава заработала. Забой стоит, как стекло. Порожняка — море. По три ленты ездили в легкую. А народу всего пять человек в смене. И этот козел пропал.

— Бугор, ты не поверишь, в такую фигню вляпался! Нажрались с соседом и стали целоваться. Я ему нос возьми и откуси. Пока «скорую» вызывали, менты приехали. Ну, думаю, полетел. Через неделю выпустили. Я к соседу в больницу. Ему уже операцию сделали, нос пришили.

— Ну, и выходил бы на работу! Какого...

— Да нет. Слушай дальше. Через две недели бинты сняли, а нос-то кверху ноздрями пришит.

— Ну, и что? — я определенно не врубался.

— Что-что. Ты знаешь, что он придумал?

— Кто?

— Сосед.

— Ну.

— Он сейчас махорки в ноздри набьет и курит, курит. Весь подъезд провонял.

В общем, ходили мы всей бригадой к директору шахты. Еле уговорили. И снова Колобок стал лихо снабжать лаву эмульсией, горбылем, лесом. Словом, всем тем, без чего уголька не добудешь.

* Продолжение; начало в «ПЗ» № 2, 2008.

ЛАНДЫШИ

Недавно у Колобка умерла мать. Старенькая. Седенькая. Совсем-совсем слепая. Добрейшей души бабулька была. Царство ей небесное!

Колобок по-прежнему жил один. Были ли у него женщины? Честное слово, не знаю. Как-то невозможно было представить его рядом с женой, любовницей.

Одевался он добротно, но был како-то неухоженный. Жена моя его жалела. Всегда говорила ему: «Ну принеси хоть свои рубашки. Я постираю». Но разве он принесет? Я, внаглую, забирал у него несвежее белье, и моя Галина Ивановна устраивала общую постирушку.

Как-то в мае нам выпал длиннючий выходной. Три дня, а на четвертый в ночь. Утро. Сажу на балконе. Пью чай. Вдруг, из-за угла Колобок на мотоцикле вылетает.

— Здорово!

— Привет!

— Поехали.

— Куда?

— За ландышами, в Иваньковский лес. Может, и фиалки подошли.

— Ты чего, сдурел, какие фиалки? Май месяц. Влюбился что ли?

— Влюбился, влюбился. Ну, поедешь?

Тут меня осенило: это же он моей хочет цветы подарить. Мать честная! А я ведь со свадьбы ничего не дарил.

— А если ГАИ?

— Да ладно! Я дорогу короткую знаю.

Через пять минут мы с ним с оглушительным ревом неслись по проселочной дороге. Я знал, что прав у него не было, да и мотоцикл чужой, но страха я не испытывал. С ним рядом никогда не было страшно. Никаких ландышей (а тем более, фиалок) мы в лесу не нашли. Только вывозились, как черти. Но все равно настроение было отличное. Выехав из леса, мы встретили бабку с огромным мешком и такой же сумкой. Колобок сразу:

— Давай подвезем!

— Да куда ж мы ее посадим? Была б хоть люлька.

— Ладно. Между нами сядет. Подвинешься, не барин.

Спорить с ним было бесполезно. Одна надежда, бабка откажется. Но она согласилась. И вот, представьте себе такую картину: Колобок за рулем, на бензобаке сидит, за ним бабка, за бабкой я; в одной руке огромный мешок с какими-то тряпками, в другой — сумка с громыхающими кастрюлями и чашками. «Мне в Александровку, тут недалече. Поехали» — говорит бабка.

В деревню мы влетели с оглушительным ревом и на огромной скорости. От крайнего дома поросенок, пудов на пять (испугался он, что ли или, в натуре, шальной был, собака) прямо нам в переднее колесо. Во мне с десятого класса под сто килограмм веса было. Я в навозную кучу вместе с бабкой по пояс въехал. Под мотоциклом поросенок с перебитым хребтом лежит с последним хрю-хрю. Где-то подо мной бабка причитает. От сарая на нас хозяин с вилами летит.

А Колобку что? Он прокатился метров 20 и остановился.

Короче, поросенка этого нам пришлось купить втридорога. Бабка куда-то исчезла.

Явились мы под вечер. Без ландышей, но с мясом.

ДОМ ОТДЫХА

Работал Колобок по-настоящему, честно. С материалом для лавы проблем не было. Когда был свободен, помогал нам. «Кумполов» он не боялся. «Кумпол» (яма

вверху) это отверстие, образовавшееся в кровле после обвала. Как заглянешь туда — мама родная! Вот-вот все рухнет. Но Колобок в работе был скор, ловок и точен. Даже при легкой кровле (это когда вверху песок) мы с ним в считанные минуты заделывали любое нарушение пласта.

Так и доработал мой друг до своего первого отпуска.

Женат он не был. Холостяковал. В шахтном комитете попросили для него путевку. Профсоюз выдал две, бесплатные. В Велегож. На древнеславянском «веле» — очень гожий, хороший. Да, места там великолепные. Проводили его всей бригадой. Первый тост был такой:

— Колобок, Колобок, прикатись назад с Колобчихой.

А дней через десять телеграмма пришла: «Умираю, но не сдаюсь тчк Вышли 100 рублей тчк Ваш Колобок тчк» Жена моя говорит: «Забирайте вы его оттуда. А то он еще кому-нибудь нос откусит». С нами в смене работал молодой парень. У его отца была старая «Победа». Тут как раз выходные подходили. И мы поехали. Приехали вечером. Пока разыскивали, совсем стемнело. Жил он на четвертом этаже, в 430 номере. Как только мы вошли, стало все понятно. Окурки на полу, пустые бутылки, банки консервные. Да, Колобчихой здесь и не пахло. И жил он, кажется, один. Вторая кровать была чисто застелена и не помята. Конечно, кто с таким клоуном жить будет?

— Ну, что Колобок! Домой, к маме?

— Понимаете, мужики, я бы и сам добрался, да должен тут одному 100 рублей.

Было уже поздно. Мы очень устали, так что без лишних разговоров стали укладываться спать. Минут через десять Колобок со своего лежбища:

— Славяне, может выпьем?

— Ты чего, скотина! Совсем обнаглел...

— Да нет, нет, нахаляву.

Он вскочил. Быстро достал из-под кровати швабру, привязал к ней веник. Потом залез на подоконник, открыл фрамугу и стал размахивать шваброй-метлой перед окном соседнего номера.

— Это я редко делаю, когда совсем труба,— проговорил он.

— Все. Крыша поехала,— подумал я.

Помахав минуты три, он быстро спрятал свое орудие под кровать и юркнул под одеяло. «Бляха-муха, врача ведь надо!» У меня аж под ложечкой засосало. Но тут раздался стук в дверь, и испуганный мужской голос быстро проговорил: «Сосед, сосед, можно я у тебя посижу? У меня и выпить есть».

Ну, Колобок! Дашь стране угля, мелкого, но много.

РАСЧЛЕНЕНКА

В тот год зима явно припоздала. Почти до декабря стояла сырая стылая погода. То дождь, то снег. С ночи пришел — промок до нитки. Лег спать. Проснулся — минус 15 градусов. На окнах изморозь в палец. Первая мысль была такая: «Хана моим яблоням и грушам». Да Бог с ними, с яблонями. Дети всю зиму и весну болели, жена с больничного не выходила. Как-то пришла из поликлиники с пацаном, расстроенная, говорит:

— Как хочешь, но летом поедem в Анапу.

— Кто же мне отпуск даст?

— Тебе что, дети не родные?

— Ты ведь сама настояла отпуск в сентябре, под картошку взять.

Она ушла в спальню и заплакала.

Начальник участка был мужик хороший. С ночи дождался его. Объяснил положение.

— Так графики уже утверждены, может, поменяешься с кем?

— Ну да. С сентября на июль, ищи дураков.

— Ладно, тогда поближе к лету напишешь заявление, может, проскочит.

Проскочило в самый последний момент. Но у моих билеты были уже на руках, и я, как ни старался, но на их поезд билет не достал. Да и вообще на поезда в южном направлении билеты были распроданы на месяц вперед. «Ладно, Галчонок, что-нибудь придумаю. В конце концов, проводнице переплачу. В тамбуре, но приеду».

Собирал я своих неделю. Жена у меня запасливая. Чего только не набрала: и одежду, и стиральный порошок, и еды на месяц. Короче, чемодан и две спортивные сумки. Да и мне еще рюкзак с сумкой, набитые доверху, оставила. Договорился с соседом, чтобы он отвез нас на машине к поезду. Грузимся. И вот он, Колобок: «У-у-у! Давай помогу». Чего отказываться? Мужик он ловкий. К поезду приехали вовремя. Усадил я своих в плацкарту, расцеловал, и поехали мои родные. Ту-ту. Настроение какое-то мутное было. Там, в вагоне чуть не всплакнул. Тут Колобок еще: «Давай пивка глыкнем!»

В себя пришли мы вечером, у Колобка дома. Трубы горят. Но самое главное ни капелюшечки выпить, зато бутылок пустых пол мешка набрали. «Ща, одной самогонщице пустые бутылки отдам, по сто грамм нальет, куда денется», — раз пять повторил Колобок.

Вечерело. «Показывай дорогу», — закинул я мешок с «хрусталем» на горб и поволок. «Пойдем через парк, тут ближе», — бубнил сзади он. Вошли мы в парк. Прошли вглубь метров тридцать. Вдруг, из-за кустов: «Ребят, а ребят!» Колобок аж на три метра в сторону отпрыгнул: «Ктой-то там»? В кустах, на маленькой скамеечке сидела женщина лет тридцати. Странная какая-то. Странная потому, что была она как-то мала, непропорционально. «Сходите за бутылочкой!», — и протянула 10 рублей. Пока я соображал, Колобок исчез. Присмотрелся я и понял — она ж без ног. Ну, покаляли мы с ней минут пять. Вот он и Колобок катится. Даме мы, конечно, первой налили. Сами выпили. И тут она вдруг, брык, со скамеечки. Что делать?

— Ладно, Колобок, я пошел.

— Ты че, мужик, а она?

— Чего она?

— Что, здесь оставим?

— Отнеси к себе домой.

— К тебе ближе.

— Ты че, сдурел?!

— Ну давай, хоть, в подъезд занесем. Тут уродов немеряно. Начнут изгаляться.

Надо было знать Колобка. Он не лукавил. Доброты был необыкновенной. Он был настоящий.

Вытряхнули мы «хрусталь». Засунули в мешок нашу подругу. Колобок две дырки в нем провертел, чтоб не задохнулась. Я впереди, с мешком на плече, он сзади, скамеечку несет. И осталось-то дойти до ближайшего дома каких-то метров десять, как из подъезда выходят четыре милиционера.

— Чего несете? Показывайте!

Тык. Мык. Дык. Старший сержант, молодой здоровый парень сорвал с моих плеч поклажу.

— Полегче, дятел! — влез Колобок.

— Ребята! Расчлененка!!! — дурниной заорал сержант.

В милиции нас развели по разным комнатам. И сразу стали выбивать показания. Потом сводили, разводили. Я все, как во сне помню. Зато четко помню, как Колобка молотили скамеечкой, молотили до тех пор, пока наша расчлененка в себя не пришла. Не. Мы на ментов не обижаемся. Тем более, когда все выяснилось, они нам бутылку шампанского поставили. Вместе и выпили. Отпустили только на следующее утро.

Я еле дождался телеграммы с адресом от своих. Как только получил, через три часа уже летел в самолете. Милые мои, родные, как я по вас соскучился!

ОЙ, МАМА РОДНАЯ!

На склад сапоги резиновые привезли. Всех размеров. А я ведь не стандартный. Нога 46 размера и подъем высокий. Не всегда подходящие подберешь. Своим говорю:

— Славяне, я на склад.

— И мы с тобой.

— На поезд ведь опоздаете.

— Пешком дойдем. Авось от ствола недалеко.

Раньше ведь как, выписал 5 кг гвоздей, берешь 20. На смену одна таль положена, берем три. И все сходило. А кладовщице что, горняк ей талон с красной полосой принесет, все спишется. Из шахты возврата нет. А в хозяйстве все сгодится.

Затарились мы основательно. Кто чего домой прихватил, на «горах» спрятали и в клеть. На поезд конечно опоздали. Пошли пешком на откатке. Тут светлей и суше. Мимо прогромыхал состав порожняка. Колобок ловко прыгнул на буфер последнего вагона. Перевернул каску лампой на затылок. Мудр! Шли быстро и обсуждали предстоящие выходные. Погода на «горах» стояла превосходная. Перед самой лавой решили перекурить. Заходим в проходную сбойку, а там Колобок с бурильщиками уже лясы точит. Мы расселись на сваленные горбыли и вернулись к разговору о выходных.

— Может, на Осетр махнем? — предложил я, — Колобок, поедешь?

— Не, я с этой получки памятник матери закажу. Слушай, мужики, у кого на даче цветы красивые есть, хочу на могилке посадить.

— Памятник, цветы... Я б своей на... на могилу, — вдруг, с какой-то утробной злобой пробурчал один из бурильщиков.

Все онемели.

— Ты че, мать ведь, — растерянно проговорил Колобок.

— Мать, мать... Собакам ее отдать, — продолжал неистововать бурильщик.

— Ну, ты силен.

— Чего силен? Она по десять хахалей в месяц меняла. Я по ночам к соседям убегал. Хорошо потом меня тетка забрала. А то...

— Чего, а то?

— Да ничего. Я уже и не помню, была ли вообще у меня мать, — бурильщик вскочил, схватил трехметровый бур, но споткнувшись о рельсу, зацепился своей железкой о траллею. Шара-а-ах! — сноп оранжевых искр осветил сбойку.

— Ой, мама родная! — дурниной заорал он.

— Во, сразу вспомнил, — с какой-то глубокой грустью, проговорил Колобок.

ПУТИНА

В шахте всегда мрачно. Уголь черный, порода серая, вода грязная. Правда, из кровли, по фильтрам течет родниковая. Но фильтр фильтру рознь. Парнишка один напился и «крякнул». Врач потом на общем наряде говорил, что крысиным ядом отравился, водопой у них там был, что ли. Я крыс имею в виду. Вообще, крыса занятный зверь. Мы, когда помоложе были, развлекались: брали кусок алюминиевой проволоки, загибали оба конца крючком; на один конец вешали кусок сала или колбасы, а второй цепляли за траллею так, чтобы до рельсов оставалось сантиметров двадцать.

Притихнем и смотрим. Вот она, зараза, прыг на рельсу. На задние лапки становится и за колбасу. Как шарахнет! Визгу, писку. Но, если живой останется, ни один сородич ее больше не подойдет. Разговаривают они меж собой, что ли.

На стихи меня потянуло. А мне уже 25. В далекой юности я, конечно, баловался (кто ж тогда не баловался). Как-то сидим в лаве на запасном штреке (напряжение на нашем крыле выбило). Колобок подкалывает: «Бугор, Муза не прилетала»? Мне, конечно, приятно, что он завел разговор о стихах.

— Ага, в фортточку.

— Ну-ка!

И я, вроде, нехотя:

«Скоро, скоро День Шахтера, мой любимый праздник. Ух! Напьюсь уже тогда, Как большой начальник».

Бригада ревет от восторга. Я доволен, как слон. Смех — смехом, а воротник-товерху мехом.

Работали в первую смену. Порожняка, как всегда, не хватало. И на этот раз он кончился в середине рабочего дня. Выключили все механизмы. Тишина гробовая. Только в шахте можно так тишину слушать. Чу, на штреке буфера вагонеток стучат,— Колобок эмульсию привез. «Пойду, думаю, помогу ему перекачать». Пока долез, он уже сам справился. Пол-вагона всего привез. Смотрю на него — какой-то он не такой.

— Что случилось-то?— спрашиваю его.

— Ты знаешь, что мне мать всегда говорила?

— Чего?

— Что уголь — любимый камень дьявола.

— Уголь — наш хлеб.

— Ага, то-то мы хлещем водяру ведрами и им закусываем. Слышь, бугор, давай с тобой куда-нибудь вербанемся.

— Как это?

— Я в газете читал, в районе контора открылась, вербуют на юг и на север. Но мы поедem на Дальний Восток. За путиной.

— А что это такое?

— Не знаю, наверное, рыба такая.

— Простипома.

— Нет, путина. Конечно, лучше бы на китобой. Представляешь...— Но тут заработал конвейер, и я побежал к комбайну.

Подали порожняк. Пока ехал на скребках, наш с Колобком разговор не выходил у меня из головы. Да мало ли чего ему на ум придет? Он середины не приемлет — или на море или под землю. Колобок, он и в Африке Колобок. И я забыл о нашем с ним разговоре. Но ненадолго.

Четвертак мне стукнул. Отмечали бригадой в парке. Тогда в моду входили шашлыки. Ну и дома, с родными, само собой. Колобок подарил мне томик Есенина. И у меня напрочь съехала крыша. Рыба путина стала сниться мне по ночам. Жена испугалась. Испугалась по-настоящему. Вызвала своего старшего брата. Я его очень уважал. Потом мою сестру. Она, хоть, и младше меня, но влияла на меня здорово. Уговоры их не действовали. Я со слезами на глазах доказывал им, что в шахте мне работать неохота. Мне сушит мозг эта работа, «хочу скандалить, хочу мириться и вновь в кого-нибудь влюбиться». Жена на меня посмотрела, покрутила пальцем у моего виска и сказала: «Езжай». Я еле утра дождался. На шахте, в нарядной, увидел Колобка, и к нему.

— Едем!

— Погнали.

ВЛАДИК

Устроились мы с Колобком в строительное управление № 4. Почему не на рыбацкое судно? Колобок слышать не хотел ни о каких плавбазах. Он внаглую забрал у провожающего нас наши трудовые книжки и паспорта. Три дня, ночуя на вокзале, мы обивали пороги рыболовецкого порта Владивостока. Но, так как у нас не было ни прописки, ни паспорта моряка, ни судовой специальности, нам везде отказывали. А когда Колобок начинал нести чушь о китобое, откровенно смеялись в лицо. У железнодорожного вокзала мы увидели доску объявлений с длинным списком предлагающихся специальностей. Требовались рабочие на местные стройки.

— Ладно, пойдем в строители, — сдался Колобок, — да заодно акклиматизируемся, а то я день с ночью перепутал.

В конторе посмотрели наши трудовые книжки. Потом посмотрели на нас и аттестовали. Я стал бетонщиком второго разряда, а мой друг транспортным рабочим. Оно и понятно, во мне росту под два метра, а он метр с кепкой.

Комнату дали в общежитии. В ней уже жили два парня. Тоже, как и мы, вербованные, но уже давно. По замашкам показались нам мужиками «тертыми». Денег у нас не было. Но Колобок тут же, в общежитии, продал кому-то свою электробритву. Познакомились с соседями. Ребята, вроде, ничего. Они стали готовить ужин, а нас послали в магазин, как-никак новоселье. Мы вышли из общежития. Дорога, начинавшаяся от его парадного входа, резко уходила вниз. Владивосток на сопках стоит. Это холмы, по-нашему. Нашли магазин. Но ни водки, ни вина, даже пива там не было. Спросили у продавщиц, а они говорят, что ничего вы, ребята, здесь не купите. Надо идти в ресторан. Во Владике кабаков море. На любой вкус и цвет. Оно и понятно — портовый город. Тут же, рядом с универмагом, находился один из них. Ресторан «Утес» при гостинице «Волна». У входа стоял милиционер и во внутрь нас не пропустил. Почему? Он тут же популярно объяснил. Какие-то «черти» (моряки) сняли кабак на четыре часа. Впускают только женщин. Бывает же такое?!!

Потоптались мы у входа, потоптались и пошли искать другой ресторан, благо, он рядом находился.

— Эй, богодулы! Тормознись! — окликнул нас приятный девичий голос.

Мы обернулись. Девчонка, да такая красивая! Колобок аж рот открыл.

— Чего, оттянуться решили? — как-то запросто спросила она.

— Да нет. Водки хотели купить. А там...

— Знаю, знаю. Давай деньги, схожу.

— Щас! Шнурки поглажу, — съязвил Колобок.

— Держи, карандах! — она бросила ему в руки свою сумочку.

Сумка была изумительной красоты и формы, в виде морской раковины. Мой друг, как загипнотизированный, отдал ей последние 25 рублей. Да, девчонка была класс, да и сумочка тоже. Мы смотрели ей вслед, думая каждый о своем, одинаково. Не было ее полчаса. Колобок стал волноваться.

— Слушай, может у нее билет студенческий в сумке или еще что... Давай, посмотрим!

— И полезешь?

— Чего жрать будем? — и он открыл сумочку.

В ней лежало зеркальце, губнушка, еще какая-то мелочь и целая кипа презервативов, импортных.

— Жвачка, — определил Колобок.

— Закрывай! Идет, — щелкнул изящный замочек.

Она принесла две бутылки водки, бутылку сухого вина и целую стопку разных бутербродов.

— Может, пойдем сухенького выпьем,— как-то извиняющей предложила она. Отказать мы не посмели. Зашли за угол. Метрах в двадцати от здания ресторана площадка резко обрывалась. Мы подошли к самому краю. Внизу виднелись крыши пятиэтажек. А еще дальше раскинулась ночная панорама залива «Золотой рог». Мне доводилось видеть нечто подобное — служил в этих местах. А Колобок остолбенел. «У-о-оххо!» — выдохнул он.

За спиной я услышал шаги. К нам подходили человек семь парней.

— Ну, чего там у тебя?— спросил один из них нашу знакомую.

— Вербота голимая,— ответила она и протянула ему две бутылки водки. Мы оказались в трудном положении. Позади обрыв, спереди толпа, явно враждебно настроенных к нам парней.

— Ша! Киндер! — заорал Колобок и выхватил у девчонки бутылки. И тут же разбил их друг о дружку. Не сговариваясь, мы бросились прямо на них. От неожиданности парни шарахнулись в стороны,

— Пидорасы! Псы! Попишу! — орал Колобок, размахивая острыми горлышками разбитых бутылок. Кто-то из ребят нервно хихикнул.

— Точно, пидорасы,— Колобок удивленно посмотрел на меня. Шпана явно давала слабинку, и я кожей чувствовал, товарищ заводится.

— Фуфло поганое! В асфальт закатаем! — продолжал накручивать он себя.

Чего мне не хотелось, так это лезть в драку с местной шпаной.

— Ладно, Вить, хрен с ними. Пошли, пошли,— я обнял его за плечи и увлек за собой.

Всю дорогу до общежития Колобок ругался по фене. В чем, в чем, а в ней мы разбирались, так как жили в шахтерском поселке. Где две трети его населения прошли через зоны. Он и назывался поначалу «101 километр».

Когда мы вошли в общежитие, я увидел у Колобка в руках горлышки от бутылок.

— Да брось ты это стекло! Чего ты его в комнату тащишь.

— Перед мужиками невдобняк. Они ведь еще с пробками,— смущенно проговорил он.

После шахты работа на стройке показалась нам раем небесным. Солнце, птички поют, трава зеленая, девчонок симпатичных не меряно. Чего не работать. И мы работали.

Как-то вечером к нам в комнату зашла воспитатель общежития Люба.

— Ну как, новички, вам у нас?

— Голодно,— пробурчал Колобок.

Она замешкалась. Но не надолго.

— А вы ходите по нашим знаменательным местам.

— Это куда?— заинтересованно спросил мой друг.

— В землянку Лазо.

— Да что я, шахты не видел?— разочарованно хмыкнул Колобок и потерял к ней всякий интерес.

Любе было лет тридцать. С круглыми глазами, рыжая толстушка. Толстая, но не рыхлая. «Наверное, холостячка или муж алкаш,— подумал я,— глаза какие-то просящие». Она неловко потопталась и обиженно сказала: «Зайдите ко мне. Я хоть ковер вам дам» И ушла.

— Колобок, сходи! А то у тебя вся стена в раздавленных клопах.

— Тебя приглашали.

— С чего ты взял?

— Чую.

В субботу мы поехали на электричке за город. На берегу Амурского залива огромные красные валуны. И сосны, как будто сделанные из меди, спускаются прямо к океану.

— Гля!!! — заорал Колобок

— Ты чего? — я посмотрел по направлению, куда он указывал. В десяти метрах от нас на валуне сидела наша недавняя знакомая. Рядом было расстелено одеяло, на котором лежали бутылки, закуска и сидели два парня, из тех. Я и сообразить не успел, как Колобок, будто из пращи выпущенный, метнулся к ним. Он шпане подняться не дал, и, как футбольные мячи, погнал их в залив. Уже в воде они вскочили на ноги и бросились в разные стороны. Колобок подошел к обомлевшей от испуга девчонке: «Ну, че, кошелка! Глаз на зад натянуть?» Она вскочила с валуна, задрав и без того короткую юбку, и, сверкая красными трусиками, побежала в сторону железно-дорожной платформы.

— Лови сеанс, Чича! — захохотал Колобок.

Взяв в руки одну из лежащих на одеяле бутылок, он прочитал: «Абу Цембел. Бальзам». Посмотрел на меня:

— Ну че, забубучим?

В общежитие мы вернулись поздно вечером. Сразу легли спать.

Утром встали, почистили зубы. Есть было нечего. И мы снова завалились.

Вечером, один из соседей дал нам кастрюлю нечищенной картошки. Колобок повеселел и замурлыкал: «Тула веками оружие ковала, стала похожа сама на ружье. Слышится звон боевого металла... Чича, дай нож, я почищу ее». Чтобы время бежало быстрее, я решил почитать и открыл томик своего Есенина наугад: «Помните, вы все, конечно, помните...» Но тут распахнулась дверь и вошел второй сосед. «Слышь, туляки, там, через умывальник, человек двадцать пять местных залезли. Ищут по этажам маленького и здорового. Не вас ли?»

«Тертые» мужики как-то заегозились и незаметно исчезли. Я лежал и читал, колобок чистил Картошку. Минуты три мы соображали.

— Что делать будем, Колобок?

— Не знаю.

— Может, отсидимся?

— Может.

Мы замолчали. Но просто так сидеть и молчать было не вмоготу.

— Сейчас бы человек пять туляков, с кем сюда ехали, — проговорил Колобок.

— Мечтать не вредно, — резюмировал я.

— Давай, твою кровать разберем!

— Чего мою-то?

— Она у тебя полторашка.

Надо было что-то делать. Все рано что.

— Давай, — я сбросил подушку, одеяло, матрац.

— Ну, чего дальше?

— У меня дома у матери такая же стояла. Тут прутья в спинке сталистые, — сказал Колобок.

Мы голыми руками отвинтили сильно прижавевшие шарики, которые вместо гаек стягивали дужки кровати. Но прутьев в них не оказалось. Было по-прежнему тихо.

— Может, ушли? — спросил Колобок.

— Вряд ли, зачем тогда приходили, — ответил я.

— Вот на! Сорок четвертая, — раздался громкий голос за дверью. И сразу гул голо-сов прошел этажу. Дверь была филенчатая. Раз десять ее, наверное, до нас выбивали. Один раз я приложился — ключ потеряли. Так что надежды на нее не было никакой.

— Ломай! — сказал кто-то с той стороны.

Но сломать ее они не успели. Я схватил табуретку (благо, она была армейская, с дыркой посередине) и вместе с коробкой вышиб дверь в коридор. Удачно: двоих са-мых нетерпеливых вырубил сразу. Колобок драться умел и бился, как уссурийский

тигр. Да и я не подкачал, махал табуретом, как Васька Буслай оглоблей. Еще нам помогал узкий коридор: всей толпой одновременно кинуться на нас они не могли. А троих-четверых мы вырубали моментально. Я табуреткой, Колобок — голыми руками. У местных были ремни с тяжелыми флотскими бляхами, так что нам тоже доставалось. С полчаса шла жуткая махаловка. И они дрогнули. Мы гнали их до самого первого этажа, до самой вахты, оставляя на лестничных клетках в соплях и в крови, поверженных. Ну, прямо Куликово Поле. Опомнились на вахте. Перед морским патрулем. Если бы была милиция, смели бы и ее. Впрочем, они тут же приехали.

И вот мы в КПЗ. Побитые, все в крови, своей и чужой. Очень возбужденные. У меня живот расплосован. Чем писанули, когда? Часа через два пришла медсестра. Нас отвели в умывальник. Она перевязала нас и дала по таблетке седуксена. С нас сняли показания и отвели обратно в камеру.

На утро у следователя мы узнали, что человек семь (вырубленных) задержали. И никакие они не местные, а такая же «вербота», как и мы. Потом пришла наша комендант общежития и о чем-то долго разговаривала с капитаном. Заявление мы писать отказались, и нас отпустили.

В общежитии комендант пригласила нас к себе. Не в кабинет, а в свою комнату. Она жила в нашем же общежитии. Поставила самовар, напоила нас горячим чаем. От нее мы узнали, что она коренная тулячка. И дед ее, и отец родились в Туле, в Заречье. В тридцатых годах ее арестовали, и она попала в лагерь на Дальний Восток. Когда освободилась, ехать было не к кому. Родители умерли, муж погиб на фронте, детей не было. Разговаривали мы долго. На прощание она сказала нам: «Ребята вы хорошие, но уезжайте на родину. Пропадете здесь».

БОЛЕРНАЯ

Дверь в комнату мы вставили. Колобок даже отштукатурил коробку. Но из общежития нас выселили. Комендант куда-то звонила и дала нам новый адрес. По нему мы не поехали. Куда ехать с такими рожами. У Колобка чудовищно распух нос (много лет спустя, я посмотрел фильм «Синьор Робинзон», вот точно такой). Да и я выглядел не лучше. Выручила воспитатель Люба. Она дала нам ключ от подвала. Там находилась приличная болерная. Мы на время устроились в ней.

Раны заживали. Настроение улучшалось. Колобок как-то говорит:

— Что-то ты стихов давно не писал. С тетей Музой поссорился? Чего молчишь?

— Природа Дальнего Востока. Души моей не всколыхнула, И вдохновение разтока Чем-то по пузу полоснуло.

— Ого! В шахте бы такого никогда не написал.

— Да пошел ты!

— Ну, чего обижаешься? Мне правда твои стихи нравятся.

— Стихи не кормят.— Но я ошибался.

Как-то пришла нас провести воспитатель Люба. Глаза у нее были уже не просящие, а какие-то удивленные. Что на меня нашло? Я сразу экспромтом выдал:

— *И жемчуг редкий, и алмаз
Теряют цену перед нами.
Когда она глядит на нас
Чуть удивленными глазами.*

Люба даже расплакалась. Достала записную книжку, ручку. Попросила записать ей это четверостишие. И... дала нам займы 35 рублей. К следующему ее приходу у меня уже была заготовочка:

*Вчера мы чуть не дали дуба,
Ее рука, что Божий дар.
Лишь прикоснется только Люба,
Исчезнет боль, угаснет жар.*

Стихи ей очень понравились. И опять я записал их в ее записную книжку. Но денег она не дала. Милая, рыжая толстушка! Да и где ей их было взять? Оклад рублей 60, наверное.

ШУБЫ

Все в этом мире когда-нибудь кончается. Растаяли и Любины 35 рублей.

Колобок оказался крепче меня,— на нем все зажило как на собаке. Так, остались кое-где болячки. И он стал выходить на разведку.

Первые сведения оказались неутешительными. С работы нас уволили. В комнате, где мы жили, сейчас живут другие, «тертые» куда-то съехали. Вместе с ними уехали мое новое осеннее пальто и костюм, а так же гордость Колобка — куртка под кожу с множеством накладных карманов. Даже документы наши забрали, псы поганые. Принес дружок мой два пустых чемодана и две зубные щетки.

Погода в сентябре во Владике стоит чудесная. Так что мы горевали недолго. К зиме все новое купим. Из второй вылазки Колобок вернулся веселым.

— Сегодня ночью пойдем на шару.

— У пьяных по карманам шарить? — усмехнулся я.

— Да ладно тебе! — быстро затараторил Колобок. — Старый холодильник работает круглосуточно, кто хочет калымнуть, приходит и калымит — шара называется.

— Что делают-то?

— Грузят колбасу, рыбу, консервы, — холодильник ведь.

Одиннадцать часов вечера мы были на месте. Человек двадцать мужчин разного возраста стояли у доски объявлений. Подошли и мы. На доске висел ватман с написанным на нем перечнем работ, вернее, цен:

Говядина 1 т — 2руб.38 коп.

Баранина 1 т.— 1руб.60 коп.

Рыба свежемороженая 1 т. — 1 руб. 10 коп.

Шубы

Камера 200 кв. м. — 150 руб.

Камера 300 кв.м. — 150 руб.

Камера 500 кв.м. — 450 руб.

Я хотел было уточнить у стоящих рядом парней, что к чему, но Колобок за руку оттащил меня от доски.

— Слушай, идем на шубы! — жарко зашептал он, — пожрать мы здесь и так пожрем, да еще домой притащим.

— Надо узнать, что это за шубы, — сомневался я.

— Да какая разница! Овчинная, волчья, а представляешь, — медвежья! И вообще, зима скоро, а у нас теплой одежды нет. Приделаем ноги и...

— Слушай, Колобок!

— Все! Хорош целку строить!

Тут же, рядом, под грибком стоял стол. За ним сидела пожилая женщина. Образовалась очередь.

— Славяне, наша очередь прошла. Мы еще с утра занимали, — нагло врал Колобок, пробираясь к столу.

— Нас двое. Мы на шубы. Камера 500 кв. м.

— Двоих мало, Ищите еще парочку,— сказала женщина
— Справимся,— петушился Колобок. Очередь подозрительно молчала.
— Первый раз что ли? — поинтересовалась женщина.
— Почему? — искренне удивился мой друг.— Почитай, через день.
— Склад № 3. Найдете, позвоните в дверь,— сказала женщина и протянула какую-то бумажку.

Склад находился рядом. Колобок надавил на кнопку электрического звонка. Дверь открыла молодая девчонка, одетая в полушубок, валенки и шаль.

— Мы шубы грузить,— выпалил Колобок.
— А вас что, двое всего?— удивленно спросила она.
— Двое, двое. Зато каких! — неизвестно чему радовался мой товарищ.
Девушка взяла бумажку, которую нам дала женщина. Прочитала.
— Ну, хорошо. Камера находится на третьем этаже. Берите брезент и поднимайтесь.

Она указала на длиннющий рулон туго скрученного брезента. Рулон оказался неподъемным. Сначала мы хотели взять его на плечо, как рельсу в шахте. Но и здесь, на ровном месте, нас кидало с ним из стороны в сторону. А ведь этот брезент предстояло тащить по лестнице на третий этаж. Но Колобок сразу нашел выход. Ему бы изобретателем быть, Кулибин.

— Становись вперед!— приказал он.— Ты стоя понесешь, а я буду толкать сзади.

Я встал на четвереньки, Колобок положил мне на спину край рулона, помог подняться на ноги. Сам встал с другого конца и, с криком: «Эх, дубинушка, ухнем!..», стал толкать рулон. До третьего этажа мы добрались за час. Прямо пред нами увидели мощную дверь с окошечком чуть выше центра.

— Ого, волчок как в КПЗ,— вытирая пот, удивился Колобок. Справа от двери висела не закрепленная кнопка электрического звонка.

— Звони, звони,— с остервенением выдал я.

Открылась дверь, толщиной в полметра. На пороге стояла давешняя девушка.

— Вы?! — с каким-то испуганным удивлением спросила она.

— А кто же,— сказал Колобок и заглянул в камеру.

А оттуда дохнуло крещенским морозом. Я стригся коротко, а Колобок отпустил патлы. Пока волокли брезент, мы упрели. В считанные секунды лохмотушки Колобка встали дыбом, и он превратился в смешного шустрого ежонка. Камера была громадной. Края ее терялись где-то во мраке. Правая сторона была вся уставлена бочками, ящиками; кубами масла, жира, маргарина и еще Бог знает чем.

— А где шубы? — недоуменно спросил Колобок.

— Шубы? Шубы вот,— и девчонка указала пальцем на потолок. Он был весь увит трубами в ледяных наростах, с буханку толщиной.

— Сейчас слесаря отключат холодильник и дадут горячий воздух. Расстилайте брезент!

Я с ненавистью посмотрел на Колобка.

— У вас туалет где?— пожевав нижнюю губу, спросил он девчонку.

— На первом этаже.

— Ща, мы придем. Что-то на клапан давит.

СТРОГАНИНА

В общежитии к нам относились неплохо. Дети Колобка обожали. В душе я даже завидовал ему. Умел он с ними играть, разговаривать. И никогда не сюсюкал, а всегда на полном серьезе обсуждал их маленькие проблемы. Называли они его про-

сто — дядя Колобок. Откуда только прозвище его узнали. Впрочем, и меня они не дичились.

Ребята помоложе никогда не отказывали нам в куреве. Девчонки постоянно звали на танцы. Колобку, да и мне, очень хотелось сходить. Но идти было не в чем. От бывшего гардероба у меня остался болоневый плащ, тельняшка, брюки и летние туфли с дырочками. И друг мой был не богаче: пиджак с тельняшкой, да брюки с полуботинками. Кто-то предложил нам подработать в порту. Мы с радостью согласились. Технология была такая же, как и на холодильнике. Мы пришли к одиннадцати часам в порт. Быстро сбилась бригада из шести человек. Нас отвели к пирсу. К нему было причалено огромное судно «Архип Куинджи». Метрах в ста от него, на железнодорожных путях, стояли вагоны — холодильники. По всему причалу торчали портовые краны со смешным названием «верзила». Они и вправду были похожи на сутулого верзилу.

Попали на говядину. Это корова или бык, разрубленные вдоль хребта, на две половинки, сильно замороженные. Работа наша заключалась в следующем: четверо выгружают из вагонов туши и кладут их в капроновые сетки по 13 штук. Затем «верзила» подает их на судно.

— Чича, пойдем на судно, будь другом! — зашептал Колобок мне на ухо.

— Шубы вспомнил? — Он промолчал.

Мне и самому хотелось работать на корабле.

Вахтенный матрос пропустил нас и указал место, где мы должны были ждать «Тальмана». К нам подошел молодой русский парень.

— Ребята, я ответственный за погрузку. Тальман. Спускайтесь в трюм, пора начинать.

Колобок заглянул в квадратную дыру и заорал: «Мама родная, у нас на шахте ствол грузовой мельче!»

В трюм была опущена веревочная лестница, быстро спустились по ней вниз. Когда под ногами почувствовали твердь, огляделись. Мы стояли на толстых досках, плотно пригнанных друг к другу. «Шестидесятка», — со знанием дела проговорил дружка. Вокруг нас аккуратными штабелями стояли ряды говяжьих туш. Штабеля были невысокими, по метру.

— Ну что, покурим? — доставая сигареты, предложил Колобок.

Но тут сверху что-то резко звякнуло. Я задрал голову: над нами висела сетка с коровьими тушами. Мы шарахнулись в стороны. Крановщик точно опустил туши на середину трюма. Колобок сообразил первым. Он отцепил один захват и молодецки крикнул: «Вира-а»!

Трос пошел вверх, и коровы тяжело посыпались на пол.

— Гляди, целое стадо! — шутил мой друг.

Мы еще и половины не успели растащить по штабелям, как над нами повисла новая сетка с холодной телятиной. Штабеля становились выше и выше. Колобок уже не доставал до края. Сели перекурить, благо наверху ничего не звякало. Но не успели мы сделать и двух затяжек, как к нам опустилось очередное стадо.

— Колобок, ты уже не достаешь, нас сейчас мясом завалят!

— Не трухай! — оптимистично проговорил он. — Становись раком!

— Чего-о?

— На четвереньки, на четвереньки, быстро, — поправился он.

Вывалив из сетки очередную партию скотины, я принимал форму буквы «глаголь». И Колобок, как заправский заряжающий, двигал по моему хребту коров на самый верх штабеля. Получалось даже очень ничего. «Обе-ед!» — закричали сверху. Мы устало присели на валявшуюся тушу, не забыв подложить под себя кусок доски — шахтерская привычка. Закурили. Тормозка у нас не было.

— Может, строганинки забубучим? — сказал Колобок. И, не дожидаясь моего

ответа, принялся пилить своим ножом задок мороженого быка. Удивительно быстро ему удалось откромсать увесистый кусище холодной говядины. И он сразу принялся отстругивать от него тоненькие пластинки.

— Эх, солыцы б сейчас и хлебушка! — приговаривал он, строгая. Жевать мясо было невозможно. Стыли зубы. Я стал глотать его, не жуя. Проглотил много. Насытившись, мы закурили. Минут через десять, меня пронзила такая боль в желудке, что перестал осознавать, где я, с кем, что делаю. Колобок что-то орал, задрал голову вверх. На шее у него вздулась вена, толщиной в палец. На «гора» выдал он меня в сетке, в которой к нам опускали туши.

Наверху уже ждал судовой врач. Узнав в чем дело, он в огромной кружке развел какой-то порошок. Четверо матросов держали меня, а Колобок заливал мне в рот противную жидкость. Это оказалась марганцовка. Когда я сделал два судорожных глотка, такое началось...

Минут через десять о палубные доски шмякнулся килограммовый кусок не растаявшей говядины.

— Ничего себе, выкидыш, — удивился Колобок — знаток сибирской кухни.

ДЕТСКИЙ СЕАНС

Промышляли мы случайными заработками. Ходили на «шару». Платили нам за честно отработанную смену от 3 до 5 рублей, Маловато, но жить можно. Впереди маячила зима, а теплой одеждой мы еще не обзавелись. Иногда к нам в болерную приходила молодежь со своими глупыми проблемами, и Колобок, как «крестный отец», мудро разрешал их. И откуда у него это взялось? После таких визитов мы обьедались. Но ребята приходили не так часто, как нам хотелось бы. И к декабрю о нас забыли. Все, даже Люба.

Погода в конце ноября во Владике ужасная. С океана дует промозглый стылый ветер с какой-то водяной пылью-мгой. Что ни надень — ничего не спасает. У себя в Туле я бы в болоневом плаще и тельняшке всю зиму проходил. А здесь, шалишь, не получится.

По дому я затосковал. Жена с детьми каждую ночь снились. Но я крепился. Колобку вида не подавал. Как-то в воскресенье мне в подвале стало невольно сидеть. Тоска зеленая накатила так, что хоть в петлю лезь.

— Колобок, пойдем прошвырнемся!

— Ты че! Еще ведь светло совсем.

Время было около трех часов дня, а гуляли и работали мы только ночью. Я молча встал, накинул плащ и вышел на улицу. Колобок ничего не спросил.

Спустился с сопки к ресторану, к незабвенному «Утесу». Когда проходил мимо него, нашел двадцать копеек. «Сигарет куплю» — подумал я. Вдруг, мне так захотелось увидеть детей, что голова закружилась. Не именно своих, а просто детей. Да так, чтобы их было много-много. Я пошел искать школу. Минут через десять до меня дошло: сегодня же воскресенье, дети не учатся. От этой мысли у меня аж сердце схватило. В лопатку отдало так, будто раскаленный кинжал вогнали. И тут я увидел кинотеатр, совсем рядом. Как его раньше не заметил? Через огромные витражные окна фойе был виден буфет и сотни карапузов с мамами, с папами, с бабушками. Как-то неодолимая сила понесла меня к ним. Я зашел в фойе. Разноголосый гомон сразу затих. Тут я пришел в себя и скромненько отошел в самый дальний угол. Там стояла высоченная стремянка. Ноги у меня подгибались, я сел на перекладину. Прозвенел звонок, все потянулись к зрительному залу. Раздался еще один, и фойе быстро опустело. Уходить мне не хотелось, но и сидеть одному было как-то неудобно. И тут

я вспомнил про двадцать копеек. Вскочил и побежал к кассе. Пробегая мимо буфета, увидел пирожки. «Стоп,— думаю — а нельзя ли?» — И я купил два пирожка по пять копеек, и билет за десять. Билитерша посмотрела на меня, потом на билет, но ничего не сказала. Свет в зале уже потушили. Зрение у меня было какое-то обостренное, я все прекрасно видел. Быстро отыскал свободное место и присел. В руках у меня были два горячих пирожка. Я с остервенением впился зубами в хрустящую поджаренную корочку и... потерял сознание.

Очнулся в машине «скорой помощи». «Голодный обморок» — констатировал врач. Они хотели отвезти меня в больницу, но я отказался. «Где тебя носило, богодул? Я все ментовки обегал»,— увидев меня на пороге болевой, заорал Колобок. Объяснять мне ничего не хотелось, и я молча улегся на свою лежанку. На утро, когда я проснулся, Колобка не было. Самочувствие мое, на удивление, было неплохое. Я, было, собрался вскипятить чайник, но тут появился Колобок. В руках у него были деньги — сто пятьдесят четыре рубля. А билет до Москвы стоил 77 рублей.

— Ну, что, поехали? — и, не дожидаясь моего ответа, добавил: «Погнали!»

Я до сих пор не знаю, где он достал такую сумму. Не кривя душой, скажу, в тот момент меня это и не интересовало. Ехали до Москвы мы пять суток. Как ехали? Весело. Поначалу к нам отнеслись с подозрением. Более того, многие откровенно побаивались. Но после стычки с поездными ворами, нас зауважали. А Колобка так даже полюбили. И кормили нас всем вагоном аж до самой Москвы.

Через месяц мы уже рубали уголек. Правда, на разных шахтах. Я на своей 33, а Колобок на «Березе».

*Городок мой маленький.
Ласковый уют.
С площадей — проталинок
Звезды воду пьют.
Крохотные улочки
Тишиной звенят.
Запахи из булочной,
Как всегда, пьянят.
Дом культуры старенький
Новостей очаг,
Чутко на окраине
Дремлет каланча.
В серый цвет окрашенный
Полевой бурьян,
Да отцом посаженный
Тополь-великан.*

БРАТ МОЕЙ ЖЕНЫ

Шуряк у меня умер. Жалко, хороший был человек. Только за полчаса до смерти потерял сознание.

Тихий, доброжелательный, интеллигентный. Хотя я не понимаю, что такое интеллигент. Смотришь, вроде, в очках, в шляпе, говорит красиво, а поближе познакомишься — такая мразь!

Мой-то очков не носил. Шляпа, правда, была. Говорил понятным русским языком. Но вот что-то такое в нем было... Он даже когда с детьми здоровался и то вставал. Приезжал к нам редко, но как-то всегда вовремя. Захочется мне с нормальным мужиком бутылку «раздавить», чтобы безо всяких продолжений и тому

подобных приключений (я обычно влипаю куда-нибудь по пьянке), звонок в дверь. Вот он, Александр Иванович, собственной персоной. Пока мы с ним руки пожмем, пальто помогу ему снять (ведь как вовремя появился), жена мухой на кухню. Сидим, гутарим. Я по натуре горячий, орастый. Начинаю горланить, а он спокойно так, две фразы скажет — я уже на пол-тона ниже. Говорили мы обо всем. Он из детей войны. А это значит, что детства у него, как у меня, не было. Работать пошел с четырнадцати лет. Потом армия. Когда в вечернем техникуме учился, чертежи чертил, а на плечах Женька, сын, да на коленях Оля, дочь. Комнатенка три на два в бараке.

Жалко мужика. Теперь и поговорить не с кем. Но раз шурик такое выдал! Я стихами заболел. За бутылкой частенько читал ему свои парфюмерные бредни. Большие опусы я не писал (времени не хватало, работал в три смены на шахте). Говорю ему: «Ты знаешь, столько мыслей, столько идей! Времени вот только нет». А он спокойно так: «Вы, поэты, острее всех чувствуете течение Времени». Сам придумал, что ли, или прочитал где?

Последние два года не везло ему. То перелом шейки бедра — целый год пролежал, не вставая. А тут рак прицепился. Незадолго до смерти врача вызвали на дом. Посмотрел он историю болезни и спросил:

— Что колете? — жена показала лекарство.

— А что, ни промедола, ни морфия?

— Нет.

— И не просит?

— Нет.

— Не может быть. Такую боль терпеть невозможно.

И только за полчаса до смерти, потеряв сознание, он застонал. Мы все поняли.

Скромный, доброжелательный, тихий человек. Мне б твою силу духа, Александр Иванович.

ЧЕРНЫЙ АВГУСТ

И почему я пустил бесов в свою душу? До сих пор понять не могу. А ведь пятнадцать лет прошло с той забастовки. Кашпировский тогда подсуетился, что ли, собака?

Какое государство погубили! Из такого исполина всю кровь выпустить. Откуда же они берутся, эти Горбачевы, Ельцины...

Я еще первый год в шахте работал. Моемся в бане после смены. Вокруг меня старые горняки. Карюзлые все какие-то, ноги вывернутые, ребра вогнутые, на руках и плечах синюшные крапины, как будто татуировки хотели сделать, да не получилось. Смеялся я над ними. И крабами их называл и с камбалой сравнивал. Банщица наша старая отозвала меня как-то в сторону и пристыдила: «Ну что ты потешаешься? Они ведь все до одного, травмированные. Это сейчас у вас комплексы да комбайны, а раньше в деревянных лавах работали. Да подвалка на топор».

Нет уж на свете тех стариков. Бывая у отца на кладбище, я вижу их могилы. Простите меня, мужики! Царство вам Небесное. Местечко светленькое.

По моему глубокому убеждению, Мосбасс стал умирать, когда на пенсию пошел 1930 год (это те, которые в годы войны четырнадцатилетними пацанами, пришли в забой и лавы). Рабочих стало не хватать, и поползли по штрекам случайные люди: спившиеся шофера, менты, летчики, даже один артист был. Хотя нет, он после классным проходчиком стал. Далеко им было до тех стариков. Шахты они не знали, не чувствовали. Им казалось, что они в метро московское спустились.

Как-то я про себя отметил, попади сейчас в завал, так быстро и слаженно оттуда

не выдернут. За стажем ребята пришли. Пенсия с пятидесяти лет ведь. А тут Горбачев стал номера откалывать. И пошло, и поехало. Но все равно, то время не хаю. Годными моя семья и я не были. Путевку в санаторий мог взять любую. Машину, если бы захотел, запросто мог бы купить. Сигареты пропали, курить бросил. Водка исчезла самогонку стал гнать. Пропущу ее через активированный уголь, настою на дубовой коре. После баньки хряпну малиновский с венчиком — как будто Боженька босыми ножками по душе пробежит.

Но пошла какая-то мышинная возня. На шахту демократы какие-то стали приезжать. На общих нарядах выступать. О каких только международных конвенциях не говорили, какие только законы не показывали, даже справку привезли из какого-то института: что и сколько должен кушать шахтер, чтобы продуктивно работать. Куда вот только, сейчас все это дерьмо подевалось? Конечно, платили нам мало. На заводах люди больше зарабатывали, где тепло, светло, и крысы не кусают.

1991 год. Апрель. Шахта объявляет забастовку. Меня выбирают в стачечный комитет, где сразу поручают «посадить» все угольные производства нашего куста. И я, как угорелый, день и ночь мотаюсь по шахтам и угольным разрезам, уговаривая поддержать нас. Многие поддержали.

Шахта бурлит. Директор каждый день вниз опускался. Спецовку ему с хлоркой стирали. Спецовка белая, лицо черное. Уговаривает нас, чтобы не дурили, шли работать, а сам чуть не плачет. А у меня кукушка уже съехала. Как заору: «Затопим шахту!» — прокричал и сам испугался. Но тут же успокоился. Потому как знал, что старенький директор, хоть и растерялся в данный момент, но, сделай мы хоть шаг в сторону главного водоотлива, он наши съехавшие «крыши» шахтерским обушком тут же проломит.

Растерялся. Старый, до конца ногтей коммуняка. Не получил приказа сверху вовремя. А сам что делать, не знает. Или не приучен. А ведь была у него какая-то информация, не могло не быть. А что мы? Только из ямы вылезли и наивно верили каждому захавшему демократу. И откуда их столько взялось?

1991 год. Август. На сцене выступает очередной заезжий краснобай. Толстенький, волосатый, прямо мохеровый: «В Москве танки. Строятся баррикады. Пятнадцатилетние девчонки и мальчишки, взявшись за руки, стоят и не пропускают карателей. А вы! Здоровые мужики и здесь!» Слушать было неприятно. Да еще слух резала его картавая речь. Но мне опять бес в ребро — вечером был уже в Москве, возле Белого Дома. Туляков приехало человек восемнадцать. Шахтер я был один. Не могу сказать о них ничего плохого. Видно, были у них причины оказаться здесь. Правда, был один, мы его, почему-то, сразу командиром выбрали. Так он из полиэтиленовой пленки сделал мешок, ведер на восемь, накидал в него блоки сигарет, консервы, растворимого кофе, колбас разных. Три человек ему мешок этот на горб взвалили. Как только допер до Каланчевки! Правду говорят, что своя ноша не тянет. А продукты выбирать было из чего. Все пространство вокруг нас ими было завалено. Даже водка была. И все нахаляву. Я такого даже на Шпицбергене не видел, когда работал там на Пирамиде.

Трое суток, сменяя друг друга, мы стояли в цепи, взявшись за руки. И опять резала слух картавая речь. Через десять человек в каждой цепи стояли молодые брюнетистые парни. Травили анекдоты, рассказывали смешные истории из жизни, ободряли поникших: что никакого штурма не будет, что ГКЧП это смешно. Там же, на баррикадах, я купил у какого-то паренька газету. Купил просто так, чтобы почитать у костра. Когда прочел, как будто плену с глаз сняли. Какого же кляпа я тут делаю? Встал и ушел.

Проходя мимо американского посольства, услышал автоматные очереди. Но мне было все равно.

Я нашел способ, как встретиться с редактором той газеты. Долго мы с ним говорили. Он прогноз сделал на ближайшие 10 лет. Как в воду глядел редактор тот!

*Во времена Российской смуты
К всему непримирим и зол,
Я всю страну, в лаптях обутый,
С сумою на плечах прошел.
Чем только я ни занимался,
Кем в это время я ни был.
В кино, вот только, не снимался,
И не осеменял кобыл.*

КОММЕРЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР

После забастовки шахту долго лихорадило. Никак не могли раскатать лавы. Это на заводе выключил станок, вытер ветошью руки и пошел бастовать. Набастовался, пришел в цех, нажал на кнопку «пуск», и флаг тебе в руки. А шахта — производство особое. С самой Матушкой Природой дело имеем. Сколько о горном давлении диссертаций написано, сколько мудреных расчетов произведено, а оно как давило где ему хочется, так и давит. Казалось, в этом месте вот-вот завалится, крикни только погромче, и зашатается кровля, как подвесной потолок. Так не, давит, стоит себе, хоть бы хны. И месяц, и два, и год может простоять, пока инспектор из Госгортехнадзора перекрепить не заставит. А где штрек по целику пройдем, на железное кольцо, так это кольцо наизнанку выворачивает. И гайки, что на метизах, как пули по выработке свистят. Его Величество Горное Давление. Интересно, сколько НИИ вокруг него кормится?

Мы свою лаву месяца три раскатывали. И потихоньку, потихоньку пошла, родная. От воды оторвались, пачку угля в кровле подхватили, теперь нам никакой песок не страшен. План на участок сразу 1500 тонн в сутки стал. Значит, премия хорошая «корячится». Нормально. Пошел уголек «шубой». Но не долго работал я в хороших (по шахтным меркам) условиях. Перевели меня на соседний участок. Не ладилось у них. Вода и снизу и сверху прибывала так, что два насоса «К-60» не справлялись. Секции крепи в лаве через одну задавлены. Но самое главное народ после забастовки разболтался. Мудрецы и раньше были, но сейчас, как никогда, «помудрели». Болеть стали сменами: от поноса до золотухи. Полгода ковырялись, но стронули. Милая ты наша, ну еще чуть-чуть! Зашуршал уголек по сборному, порожняка, как обычно, хватать не стало. Я уже хотел на этом участке навсегда остаться: привык к ребятам, да и начальник стоящий оказался. Он когда-то с мотористов начинал, не то, что мой старый, «шестерка» директорская. Этот за нашу зарплату, пока лаву до ума доводили, насмерть с нормировщиками бился. Ведь в шахте все наоборот — в хороших условиях делать особо нечего. Работает, в основном, комбайн и бригадир. А остальные мерзнут. Концы задвинем, каретки почистим и курум. Или о женщинах чушь несем. Это как обычно: на работе о них, сердешных, а дома о работе. Все ведь знают, шахтер самый страстный и лучший любовник. Так что в основном ля-ля, а зарплата хорошая. А нет условий, намонтылишься, как раб, в кассу придешь, а там шиш без масла. Хорошо, тариф проведут.

Вот я и говорю, шахта производство тонкое. Но и здесь я не задержался. Теперь еще один участок «сел». «Плывун» прорвался. И пошел я к директору. Так и так, говорю, ну сколько можно, целый год лавы раскатываю, в заработке потерял, руки по ночам от ледяной воды сводить стало. Он посмотрел на меня и говорит:

— А ты чего хотел. Это по старому колдоговору я мог тебя только один раз в месяц перевести. И, заметь, с доплатой до среднего. А теперь тарифное соглашение, за которое ты так бился, Ельцин с Гайдаром подписали. Читал?» «Ну, читал» — ответил я. «Свободен. А не нравится, уходи. Вон вас сколько у ворот стоит».

«Не нравится, конечно, не нравится. Я ведь за что бился? Чтобы зарплата у шахтера была не как у дворника», — думал я, идя в кабинет вновь образованного «Независимого профсоюза горняков». В кабинете сидел незнакомый мне молодой парень. Кто он и кто его выбирал, я не знал. Объяснил ему мое положение, посодействуйте, мол. А он мне: «Ну, ты же видишь, шахта в трудном положении. Ты старый опытный горняк. А молодежи сколько пришло. Где их учить, как не в таких условиях. И вообще, не нравится уходи». «Вот, — думаю, — уже спелись». Да чихал я на таких профлидеров с высоты нашего террикона. Но рабочие, свои же ребята, Бог весть что стали про меня говорить. Едем как-то в пассажирском поезде после смены к стволу. Лава тяжелая, в смысле условий, пласт угольный пропал, по забою один песок. От запасного штрека до сборного вручную все перебирали, крепили. На участок заходишь — как в лес пришел. Кругом одно дерево, дух лесной в ноздри бьет. После забастовки молодежи много на шахту пришло. А их крепить ведь не поставишь. Хорошо хоть материал поднесут. Уставшие все, злые. Я лампу выключил. «Посплю, — думаю до ствола». Слышу в другом конце вагона, вроде, как обо мне говорят. Прислушался.

— Вы что думаете, Русич просто так за новый профсоюз агитировал? Власти он хотел. Шахткомом стать. Он же в молодости ментом был.

У меня во рту аж кисло стало. Голос я узнал. Еще бы не узнать: лет десять в одной смене проработали, и лет тридцать в одном поселке живем. Вот ведь сучонок! Всю забастовку, с первого дня, на бюллетне просидел. Два месяца, пока бастовали, на шахту ни разу свой нос гундявый не сунул.

Но добил меня другой случай. Работал со мной на участке еще один мой сосед. Вот он настоящим ментом был. За пьянку и взятки погнали. Как попер на меня ни с того ни с сего в рабочей столовой. И бандит, и дебошир я, и отец такой же у меня был. И мать оскорбил, пес. Хотел я ему между глаз врезать, уже и развернулся, но будто кто-то кулак мой удержал. И в этот момент дошло до меня: он ведь этого и хочет, ишь как съезжился. Сейчас я ему мозги вышибу и срок получу. Весь расчет у них на это. Да, получили директорские «шестерки» команду «фас»! Теперь не отстадут. Я и в шахту спускаться не стал. Написал заявление на расчет, отнес в отдел кадров. Пока спецовку ребятам раздавал, меня и рассчитали. Безо всякого «бегунка». Сам директор заработанные деньги вручил. Кассир в это время в банке была. Так он их в столовом буфете взял.

Домой пришел, честное слово, чуть не расплакался. Жена сразу все поняла. Она у меня умная, как никак, институт с красным дипломом закончила по специальности «детская психология». Она, хоть, и детский психолог, но и во взрослой психологии много чего понимает. А уж меня, грешного, знала, как облупленного. Бывало, ляжем спать, я размечаюсь: «Эх! Был бы я секретарь обкома. Приказал бы местному начальству на нашей площади, что возле ДК, вместо памятника Ленину памятник погибшим шахтерам поставить. Их, знаешь, сколько гибло в деревянных лавах сменами, по тридцать человек, и все по набору. С армии, с флота. Молодые были, неопытные». Она посмотрит на меня с сожалением и скажет:

— Какой ты у меня еще дитя...

— Ну что!!! Выгнали!!!

— Чей-то выгнали? Сам ушел.

И началось.

— Ведь говорила тебе, когда ты по шахтам мотался, что добром это не кончится. А ты Ельцин!!! Россия!!! Вставай с колен! Вот и поставил вас Ельцин всех на колени.

Что теперь делать? Наш детский сад тоже закрывать хотят. И, по-моему, навсегда. На что жить будем? Чем детей кормить?

— Что у меня рук нет?

— Головы у тебя нет.

На следующий день я пошел по конторам. Вообще-то, я не очень отчаивался. Шахта только дуракам кажется первобытным предприятием. А на ней гидравлики и автоматики понатыкано не меньше, чем на оборонном заводе в Туле. Я и сваркой владел прилично, и резаком, в электрике соображал, а про лопату и не говорю. Только бы до «подошвы» добраться. Не пропаду, разберемся.

На всех близлежащих заводах шло сокращение. Зарплату по полгода ждали. На работу меня нигде не взяли: «Свои в вынужденных отпусках сидят».

Но я не унывал. О кооперативах вспомнил. У нас на шахте про их зарплаты легенды ходили. Стал знакомых «деловых» расспрашивать, но ничего путного они мне не посоветовали. Везде одна торговля. А я в магазине-то деньги отдам, а товар взять забываю. Хорошо, городишко маленький, все друг друга знают потом жене на работу приносили. Нет, торговля не моя стезя.

Но, все-таки приглянулся мне один кооператив. Название уж больно понравилось «Энергия». Нашел я их офис, которым оказалась однокомнатная квартира. Даже не квартира, а спортзал какой-то. Кругом стояли гири, штанги, в дверях турник. Открыл мне мужчина средних лет, поперек себя шире, но без живота.

— Тебе чего?

— Да я насчет работы.

— А кто ты?

— Шахтер.

Он с минуту подумал.

— Ладно, заходи.

В штате их было двое. Второй подошел позже. Занимались они измерением сопротивления в электрических цепях и заземлении. Они о чем-то поговорили на кухне. Пришли, сели.

— Вот, почитай мой устав. Там, в конце о трудовой деятельности,— сказал «качок» и дал мне стопку листков с неразборчиво напечатанным шрифтом. Чего в их трудовой деятельности только не было! От охраны до аудита. «Ну, в аудиторы я не пойду, судья что ли? А вот в строители, пожалуй» — подумал я.

— Я бы строительством занялся. Сварщиком могу, по-плотники соображаю.

— Во! Набирай бригаду и вперед!

— А трудовую?

— Чего, трудовую?

— Ну, надо же как-то официально оформить...

— Давай, давай...

Он взял мою трудовую книжку, не читая, нашел пустой лист, что-то быстро написал. Достал печать, дыхнул на нее, приклепнул.

— Назначаю тебя коммерческим директором.

«Ничего себе! — ошалело подумал я.— Коммерческий директор». Утром новый шеф позвонил мне и велел быстро к нему приехать. Жил он в Новомосковске, через час я был у него.

— Слушай, я тут тебе бригаду нашел. Так, фуфлыжники, ты с ними построже. А у вас в поселке нет ничего такого?

— Чего?

— Ну, крышу перекрыть, барак кирпичом обложить. Ты же директор теперь.

— Да можно поискать.

— Вот и ищи.

Взял я для важности у жены папку. Положил в нее три листа чистой бумаги, две шариковые ручки и зачем-то ластик. Пришел в ЖКО. Но там со мной и разговаривать не стали. Ни денег, ни материала у них не было. Хотя, поселок разваливался на глазах. Пришел домой пообедать. У жены в гостях была ее подруга, она работала заведующей детским садом. Я важно поздоровался.

— А у тебя что, сегодня выходной? — спросила гостья. Я не шибко жаловал ее, и она это знала.

— У него же теперь день не нормированный. Коммерческим директором стал, — язвительно ответила жена.

У гостьи заблестели глаза.

— Где? — сразу спросила она.

Чтобы прекратить разговор, начинающий меня злить, я быстро сказал:

— Ну что ты, в самом деле? У меня уже и бригада есть, строительная. Мужики серьезные. Сейчас найдем подряд и...

— А что вы будете делать? — уже по-деловому спросила гостья.

— Да чего хочешь. Дом обложить, крышу перекрыть.

— Мой сад на ремонт закрыли, еще в апреле. За месяц два кооператива сменилось. Разобрали все — цемент с рубероидом пропили и исчезли, а до сентября три месяца осталось, затараторила она.

На следующий день они с моим шефом и директором завода, в чьем ведомстве был детский садик, заключили договор. Составили перечень работ, смету.

— Ну, дерзай, директор, — сказал мне шеф.

— А что делать? — обескуражено спросил я.

— Как что? Купи рубероид, цемент. Шифер у меня есть в одном месте. И вперед. Потом платежку за купленный материал я им отдам. Выполненную работу оценим. Вот и деньги. Все в шоколаде будем.

— Понял!

Ничего я не понял. Но дураком казаться не хотел. Утром приехала бригада, мужики мне серьезными не показались. Синие какие-то. Или от наколок или с похмелья. Взял я нашу с женой общую сберкнижку на предъявителя и снял в сберкассе все деньги. Нанял грузовую машину, купил на базе цемент, доски, рубероид, трубы, подвез к детсадику. Я с машины их у черного входа разгружаю, а бригада моя с парадного их продает, за самогонку.

— Вы чего, мужики, офонарели?

— Да ладно, щас опохмелимся, все будет нормалек, — сказал мне бригадир.

Вернул я мужика с тележкой, заставил все разгрузить. И бутылкой бригадиру чуть голову не раскроил, хорошо, полная была. Тот покипешился, но быстро успокоился. Бригада понемногу начала шевелиться. Крышу крыли две недели. Через день я их лупил. Разобрали перегородки, выложили из кирпича новые. Оштукатурили. Занялись паровым отоплением. Прошел месяц, бригада стала требовать деньги. Я к шефу.

— Да нагони ты им самогонки. Неделью пропьянствуют. Приползут, куда денутся, — сказал он мне.

За месяц я с ребятами сработался. В принципе, неплохие мужики оказались. Пили только без меры. А как специалисты выше всяких похвал. Не стал я им самогонку гнать. Поставил вопрос ребром: или, или.

Детский сад мы не доделали. Ушел я. И бригада моя разбежалась. Да там и осталось-то всего рамы застеклить, и полы покрасить.

ГРОБОВЫХ ДЕЛ МАСТЕР

Неделю в себя приходил. Ничего делать не хотелось. Жена молчала. Но понемножку отошел. А тут еще и теща померла. Хорошая была старушка. Я с ней за двадцать лет ни разу не поругался, хотя Галина Ивановна всегда мне говорила: «У тебя ярко выраженная агрессия». Мне даже странно слушать было, когда кто-нибудь своих тещ ругал, и такие они, и сякие. Я и анекдотов про них не понимал: хоронили тещу, порвали два баяна. Это ж надо такое придумать. Сразу решил, земля осядет — поставлю памятник. Когда с супругой в «Ритуальные услуги» приехали, посмотрел я на их изделия и подумал: «Да неужели я сам такой не сделаю?» Цех, где отливали памятники, находился рядом. Покрутился я там, подсмотрел кое-что. С ребятами-мастерами поговорил и решил — сам сделаю. Собственно стелу отлить, особого ума не надо. Опалубку сделал, цементу с мраморной крошкой намешал, залил и жди, когда схватится. Ну, для прочности еще мастерочком провибрировал. Но мне хотелось чего-то необычного. Чтобы не как у всех. И придумал. Сделаю настоящее распятие. Поехал в Тулу, нашел старое кладбище. Походил по нему. На одном надгробии уж очень мне крест понравился. Зарисовал я его, как смог и домой. В подвале, у нас под домом, много места было. Сделал опалубку в виде паруса. Ведь что такое гроб? Лодка. А памятник — парус. И плывет эта лодка по волнам времени целую вечность. По рисунку вылепил распятие из глины. Глину, тут же, в подвале накопал. Высушил. Из воска отлил форму. А дальше — еще проще. Развел цементу марки 500, положил в матрицу арматуры для прочности и залил. Когда достал распятие из формы, проследил. До чего же хорошо получилось! Думаю, надо освятить. Понес в Спасскую церковь. Отец Василий как накинусь на меня: «Ты чего принес? Это же католический крест! А ты православный!». «Какая разница, — думаю, — православный, католический. Бог он для всех Бог». Но спорить не стал. Но и переделывать тоже. Отлил памятники своим уважаемым тестю и теще (тесть давно умер — у него металлический стоял, каждый год красить приходилось), отшлифовал. Плывите, мои дорогие, куда хотите. Паруса я вам крепкие поставил. Галина Ивановна моя была очень довольна. «Директором» звать перестала. Когда памятник на могилу устанавливал, подошли ко мне мужчина и женщина. Поинтересовались, где заказывал. Где, где, сам сделал. Как посыпались мне заказы! «Ого! — думаю. — То не знали, чем завтра детей кормить будем, а теперь холодильник, вон, полнехонький». И главное, деньги все вперед дают. А если с установкой, то плата отдельная. Если дело так и дальше пойдет, своих на Канары повезу. Шучу, конечно. Хотя, какие тут шутки, в поселке нашем по восемь человек за неделю умирает. Вот же как карта легла.

Но не дали мне соседи развернуться. «Жаба» что ли их задавила? Куда они только ни писали, кому только ни жаловались. То щебенкой у них в квартире пахнет, то народ у него там целый день толчется, то грязь в подвале развел. Как пошли ко мне комиссия за комиссией. Толком они ничего не говорили. Вроде, страшного я ничего тут не делаю. Но все равно — нельзя. Звонок сверху был — разобраться. Ну, так и разберитесь. Если в грязи дело, так человека найму, убираться будем каждый день. Нет, говорят, жилой дом, нельзя. Сам бы я плюнул и на комиссии, и на своих соседях, — у них самих в сараях по пять поросят хрюкают, от них грязи и вони побольше будет. Но Галина Ивановна моя запсиховала. Она ни с кем ругаться не хочет, со всеми в мире жить желает. А так не бывает. Обиделся я на нее, до глубины души. И... запил. Неделю бухал, пока она деньги у меня не отобрала. Пришел в себя.

Что делать? Кто виноват? Куда бывшему шахтеру податься?

МУЗЕИ ТУЛЫ И ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Людмила Гайдукова
(г. Алексин)

АЛЕКСИНСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО- КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

«Изучая дедов, узнаем внуков, то есть, изучая предков, узнаем самих себя»

В. О. Ключевский

Музей — источник познания, средство близкого общения с прошлым, настоящим и будущим. Старинные же усадьбы, сохранившиеся до наших дней, восхищают стройностью очертаний, настраивают на философский лад, заставляя задуматься о связи былого и грядущего. Хорошо, если здание сочетает в себе две эти стороны — гармоничность старинной архитектуры и живое биение сердца современности. В этом есть смысл и благая цель — дом жив до тех пор, пока он нужен людям. Таков Алексинский художественно-краеведческий музей, расположенный в старой городской усадьбе купцов Масловых. У этого дома, так же, как и у музея, своя история — увлекательная, подчас невероятная, и, несомненно, достойная того, чтобы о ней узнали все, кого интересует прошлое нашей необъятной России.

«Самый лучший из каменных домов, число которых доходит до осьми, бесспорно принадлежит госпоже Масловой», — отмечал проезжавший через Алексин путешественник. Этот дом, а точнее, целая городская усадьба, находится напротив Никольской церкви по улице Советской (бывшая Первая Перспективная). Архитектура великолепного классицистического дома настолько безукоризненна, в ней столько подлинного мастерства, что его привычнее было бы увидеть в каком-нибудь аристократическом квартале Москвы, чем в крохотном уездном городишке. Но строителем и владельцем дома был не столбовой дворянин, род которого занесен в Бархатную книгу, а алексинский второй гильдии купец Иван Афанасьевич Маслов. Впрочем, удивительного здесь не так уж много. Со времени Петра I крупное городское купечество равнялось на дворянскую аристократию, и в быту нередко подражало ей.

В декабре 1774 г. в комиссию строений подал прошение алексинский первой гильдии купец Афанасий Миронович Маслов с просьбой отвести ему место для строительства трактира и погребов, «в котором будут держати разного рода виноградные вина, аглицкое пиво и московские под пиво и французскую водку укусные соленья и свежие лимоны, петрушку и сельдерей».

В ответ комиссия строений сообщила в городскую ратушу о том, что «оному» купцу будет отведено место под постройку трактира и погреба «...для распространения купеческого промысла и больше для украшения города и удовольствия публики».

Мы не можем сказать с точностью, но возможно, на подвалах бывших каменных лавок в конце 80-х годов XVIII в. купцами Масловыми был построен самый красивый и большой дом в городе, который и сегодня является украшением ул. Советской.

Дом Масловых — типичный городской особняк рубежа XVIII—XIX столетий, построенный в стиле зрелого классицизма. Главный фасад выходит непосредственно на линию уличной застройки. «Имя автора проекта неизвестно. Но нет сомнений в том, что здание построено вполне зрелым, опытным, вероятно, столичным архитектором», — отмечает В. Н. Уклеин. — Строго симметричный уличный фасад имеет четкое трехчастное деление. Доминирующее значение центральной части подчеркнуто ее большой высотой, выступом из линии застройки и монументальным, объединяющим два верхних этажа портиком с четырьмя коринфскими полуколоннами. Боковые части дома на один этаж; их скромное декоративное оформление — треугольные сандрики над средними окнами и круглые нишки над боковыми — еще более подчеркивают главенствующее значение высокой центральной части. Карниз на уровне пола второго этажа делит здание по высоте на нарядную верхнюю «господскую» часть и более скромный служебный первый этаж. Но и здесь проглядывает стремление зодчего акцентировать центральную часть дома тремя высокими арочными проемами».

Дворовый фасад, оформленный эффектной лоджией, решен более сдержанно. Дворовый и уличный фасад подразделены на неодинаковое число этажей. Со стороны улицы центральная часть имеет три, а со стороны двора — четыре. Боковые крылья разделены, соответственно, на два и три этажа. В угловой части над крыльцом кованый козырек с вензелем владельцев дома. Деревянная парадная лестница устремляется на второй этаж, где вдоль уличного фасада устроена традиционная анфилада из трех парадных покоев. Из прихожей второго этажа дверь вела в парадный зал — самую большую комнату дома. По описаниям обстановка комнат, как и в других купеческих домах, выглядела следующим образом: на больших окнах — тяжелые занавески, вдоль стен стояли высокие стулья, зеркала, канделябры со стеариновыми свечами, цветы, возможно, рояль, посреди потолка большая люстра. Эта комната служила для приема высоких гостей, проведения торжественных церемоний, балов. Гостиная чуть поменьше. По углам высокие кафельные печи; вогнутое печное зеркало обрамлено рельефными изразцами. Пол затянут большим ковром, столы покрыты плюшевыми скатертями; шкафы с книгами. Комнаты разделялись дверными проемами с узорчатыми дверями и тяжелыми плюшевыми занавесками. Освещалась комната свечами в большой люстре (сохранившейся до наших дней). За гостиной — будуар и парадная спальня с коринфской колоннадой алькова. Все это создает атмосферу богатого жилого дома.

В обычные дни комнаты имели нежилой вид, так как кроме прислуги, чтобы смахнуть пыль или полить цветы, туда никто не входил. Шторы на окнах были спущены, чтобы вещи не выгорали от солнца. Обстановка комнат не лишена вкуса. Мебель была добротной, но разнокалиберной. Почти во всех комнатах в красных углах висели иконы с лампадками.

Второй этаж дома разделен на две половины узким коридором, из которого деревянная витая лестница вела на третий этаж, где в комнатах с низкими потолками размещалась прислуга. Дом очень уютен. Парадность сочетается в его облике с изысканностью и благородством, исключая одновременно и холодную помпезность, и унылую обыденность.

В настоящее время экспозиция Алексинского художественно-краеведческого музея включает в себя интерьер трех парадных покоев старого барского дома, воссоздающих атмосферу тех далеких времен.

В особняке Масловых, как в лучшем доме Алексина, устраивались приемы проезжавших через город именитых гостей и титулованных особ. Здесь зимой 1792 года побывал А. Т. Болотов. В четвертом томе книги «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков» (СПб, 1873) он писал о пребывании в гостях у «Алексинского первого купца Маслова... дом превеликий прекрасный и наилучший во всем Алексине. В нем было хорошо и тепло... прибегает хозяин, принимает меня ласково, услаждает разговорами и суетится о обеде. Мужик умный, любопытный и сведущий... Наконец пошли обедать. Присовокупилась к нам и хозяйка, баба изрядная и неглупая. Обед купеческий, но сытный и хороший...».

Тульский краевед Афремов отмечает, что в 1817 г. через Алексин проезжал император Александр I и останавливался в доме богача Маслова.

В 1837 г. наследник престола, великий князь Александр Николаевич, будущий император Александр II, совершил большое путешествие по России. В его свите был поэт В. А. Жуковский. 9 июля цесаревич был в Туле, а 11-го в 12 часов государь-наследник прибыл в Алексин, «...он отправился в собор, где был встречен духовенством, предводителем Аксаковым, чиновниками и народом. Отслужив молебствие и осчастливив предводителя приветствием, цесаревич приказал везти себя на приготовленную квартиру в доме купца Маслова. Здесь был поставлен почетный караул от 18-й артиллерийской бригады, которому он приказал пройти скорым шагом, принял ординарцев и вестовых и вззошел в приготовленную квартиру, где вкушал чай и завтракал. Предводитель представил Его Императорскому Высочеству дворян и чиновников; городской голова и купечество поднесли ему хлеб-соль, которую цесаревич принял благосклонно и расспрашивал о промышленности города и выгодах торговли. Городничему передал 500 рублей для раздачи бедным города и 15 рублей 53-м чело-векам, поддерживавшим экипаж при спуске на Бухторме. В десять минут второго часа по полудни государь-наследник оставил город Алексин...».

История музея в нашем городе, хотя и неотделима от истории дома Масловых, все же началась не в нем. Начало музейному делу в Алексине было дано в первые послереволюционные годы, когда вся страна переживала очень тяжелые времена.

После победы большевиков в 1917 г. Московский окружной комитет партии посылает в Алексин надежного большевика, хорошо знающего местные условия, агронома Александра Ивановича Муралова, который и проявил инициативу по сохранению картин, скульптур, старинной мебели из бывших поместий. Он убедил своих товарищей в том, что большевики ответственны перед историей за сохранность произведений искусства, подчас сделанных руками крепостных мастеров XVII—XVIII вв. Было решено учредить в Алексине музей, куда планировалось свезти из сел все, что представляет ценность. Открытие музея состоялось 7 ноября 1918 г. в помещении старого Успенского Собора. К сожалению, он просуществовал недолго. После отъезда Муралова музей был заброшен, экспонаты исчезли.

И лишь много лет спустя, уже в советское время, в Алексине был открыт краеведческий музей, который успешно функционирует до сих пор. Бывший особняк купцов Масловых (дом 38 по улице Советской) начал новую жизнь.

Д. Ф. Гулюкин, принимавший активное участие в организации музея, вспоминает:

«Никаких денежных средств не было, и создавать музей пришлось с нуля. Было решено начать с осмотра музеев городов Тулы, Донского, Новомосковска.

19 февраля 1974 года было принято совместное постановление бюро Алексинского ГК КПСС и исполкомов городского и районного Советов депутатов трудящих-

ся об утверждении оргкомитета по созданию историко-краеведческого музея в составе 52 человек. Председателем оргкомитета утвержден В. Г. Ярцев, заместителями: пенсионер Д. Ф. Гулюкин, завотделом пропаганды ГК КПСС Е. М. Пехтерева, секретарь горисполкома Ю. А. Колосков.

По сбору экспонатов для музея активно работала секретарь районного общества охраны памятников истории культуры Л. А. Дюкалина. К ней первое время поступали экспонаты, она их хранила в своем рабочем кабинете.

В июле 1974 г. председателем оргкомитета по созданию музея стала А. С. Орешкина, новый секретарь горкома партии. 2 сентября 1974 г. состоялся ее разговор с заместителями директоров заводов: петровского, мышегского, химкомбината и картонной фабрики о выделении денежных средств для ремонта здания под краеведческий музей. Вопрос решен положительно.

В ходе создания музея оргкомитетом, сотрудниками музея под руководством А. С. Попова были преодолены невероятные трудности, но историко-краеведческий музей был подготовлен и 20 декабря 1980 г. открыт для посещения населением».

Вскоре после открытия музея, в феврале 1982 года, был сформирован его совет как общественный орган, призванный способствовать работе нового в городе учреждения. Цель — объединение сил местной общественности, желавших и способных оказать действенную помощь сотрудникам музея в решении основных задач: дальнейшего сбора и сосредоточения материалов для экспозиций и фондов, могущих объективно показать историю края, и привлечение внимания населения, а также учреждений и предприятий к работе музея, как одного из наиболее важных культурных центров города.

Вот имена людей, членов Совета музея, в разное время внесших большой вклад в развитие музейного дела в Алексине: Кабанов П. В., Чеботарев К. Г., Бейлинсон И. Б., Баранов Л. П., Гулюкин Д. Ф., Герасимов В. И., Брежнева Л. А., Воронков В. Р., Евдокимов В. П., Райская Т. А., Ефремов К. В.

Совет принимал активное участие в делах, связанных с материальным обеспечением музея, расширением его выставочных площадей. Занимались разработкой планов по подготовке и проведению общественных мероприятий, связанных с краеведением.

Первым директором, возглавившим коллектив алексинского музея, стал А. С. Попов, проработавший на этой должности с 1974 по 1985 год. Затем его сменила В. М. Пономарева, которая вывела АХКМ от филиала Тульского областного краеведческого музея до музея первой категории. А с 1999 года по настоящее время музеем возглавляет В. К. Ефремов.

Научные сотрудники проводят большую работу среди детей дошкольного и школьного возрастов, а также других категорий населения. В 1990 г. при музее открылся зал передвижных выставок, обозначив новые направления в развитии культурного центра. На данный момент Алексинский художественно-краеведческий музей прочно занял ведущее место среди учреждений культуры нашего города.

На пути своего становления и развития музей прошел долгий и сложный путь, в результате которого сложился сегодняшний музейный фонд. Он насчитывает более 17 тысяч единиц хранения (для сравнения: в год открытия музея на учете было всего 500 экспонатов).

В фондах городского музея имеются различные коллекции: археологическая, палеонтологическая, геологическая, энтимологическая, нумизматическая; коллекции живописи, графики, скульптуры, изделий декоративно-прикладного искусства и др. В фондах музея хранятся личные документы деятелей науки, искусства, литературы, чья жизнь так или иначе была связана с Алексинем.

Идут годы, музей растет, богатеет, интересными экспонатами пополняются его

фонды. Музей в жизни города занимает свое особое место. Коллектив его помимо привычной работы (организация выставок, экспозиций) мечтает сделать музей свободным центром интеллектуального общения. Не тихое здание, где на экскурсии ходят строем и в тапочках, а живой деятельный орган, который вовлечет в свою орбиту все новых и новых людей.

На рубеже нового столетия Алексинский музей устремлен в будущее. Размышления последовательно обращаются в дело. Настойчивые поиски новой концепции музея, сложные по замыслу и исполнению тематические выставки, разносторонняя просветительская деятельность — таковы основные направления работы АХКМ на сегодняшний день.

И — в заключении — два стихотворения о музее.

Наталья Мельникова
(г. Алексин)

ДОМ МАСЛОВЫХ

Стройность коринфских полуколонн
в легком полете арочных сфер,
словно органа торжественный тон
при воспевании классики мер.
Портик ажуром красит фасад,
кованный вензель на козырьке.
А за стеною — яблоней сад,
речка от сада невдалеке.
Окна в смятении плюшевых струй.
На зеркалах — отраженья веков.
Словно сюжеты эпических рун
стены хранят отголоски шагов,
шорохи, скрипы, дыханья, хлопки.
Память проникла во все уголки...

Слышу, звучит вдохновенно рояль.
Голос приятный: «Мадам, же ву при!»
Что гран-пасьянс не доигран — не жаль!
Пары кружат: раз-два-три, раз-два-три.
Вижу, как цугом идет экипаж.
Сам император из Тулы спешит.
В доме у Масловых — ажиотаж.
Роем пчелиным весь город кружит.
А Александр, отслуживши молебен
и осчастливив приветствием всех,
едет в дом Масловых. Великолепен
Был и прием, и обед, и успех...

Ах, времена, времена, ваш полет
глаз не охватит. Лишь сердце поймет.

Людмила Гайдукова
(г. Алексин)

ОСОБНЯКУ КУПЦА МАСЛОВА

Древние камни хранят тепло
Рук, превративших их в дома.
Камни живут векам назло,
Это история сама!

Слушают стены голоса,
Раз прозвучавшие средь них,
Помнят улыбку и глаза,
Радости смех и боли крик.

Помнят иные купола,
Помнят пожары, мор и град.
Вслед за весной зима пришла
Так же, как много лет назад.

Если б они умели петь!..
Если б умели говорить,
Не перестал бы хор звенеть:
«Помнить учиться и любить!»

Стены мудрее всех людей,
Камни живее мертвых слов:
Не предадут они друзей,
Не забывают про любовь.

КАВКАЗСКИЕ ВОЙНЫ ХХІ ВЕКА

От редакции: Увы, реалии нашего времени таковы, что, спустя более полутора столетий России снова доводится вести кавказские войны. Самое существенное, что и в первой половине XIX века, и сейчас эти войны для России не завоевательные, но освободительные. Действительно, все пять войн с Персией и двенадцать войн с Османской Турцией Россия вела за Грузию, Армению и так далее, чтобы персы и османы не стерли эти народы с лица земли. Таким образом Кавказ и оказался под протекторатом России: «Под сенью дружеских итыков», — как сказал наш великий поэт. Сложнее дело с Дагестаном и Чечней, но и здесь Россия вынуждена была отстаивать свои геополитические интересы, а проще говоря — противостоять экспансии «англичанки»; в таком контексте именовали в России XIX века мировую интриганку Великобританию...

И нужно было СССР проиграть силам мирового зла Третью («холодную», информационную и так далее) мировую войну, чтобы Кавказ вновь стал козырной картой в руках извечных и нынешних «заклятых друзей» России: две Чеченские войны, теперь вот «Пятидневная война» с Грузией, которую некогда русские цари спасли от полного уничтожения. Понятно, кто затеял эту явно провокационную войну. Даже наши СМИ, непонятно (вообще-то понятно) кем направляемые, на время приумолкли в части исполнения надоевших «песен о мировом терроризме». Слишком явен стал облик этого мирового террориста. Но пусть каждый сделает вывод сам.

А мы представляем материал члена редколлегии нашего журнала Александра Агубечировича Хадарцева, нашего спецкора на позициях «Пятидневной войны», по зову души, как осетина, и долгу врача выехавшего в Южную Осетию сразу, как загремели залпы грузинских «градов» и ответные удары наших воинов:

«Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас?
Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал
До пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля...
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет Русская земля?..»

(А. С. Пушкин)

Александр Хадарцев
(г. Цхинвал — г. Тула)

ПО СЛЕДАМ ПЯТИДНЕВНОЙ ВОЙНЫ

Шел восьмой день от начала изуверского нападения подведомственных грузинскому президенту войск на территорию южной части Осетии. По Алагирскому ущелью, оставив позади ярко-зеленую одежду предгорий, серо-пыльная асфальтовая лента Военно-Осетинской дороги вывела нашу машину к зияющему зеву Рокского тоннеля.

Обогнав несколько колонн с гуманитарным грузом, еще две, или три колонны тяжелой бронетехники, мы поравнялись с вереницей боевых машин десанта (БМД), на броне которых в касках, с полной боевой выкладкой, в бронежилетах — сидели десантники. Лица их были серьезными, покрытыми то ли пылью, то ли боевой камуфляжной окраской. В закрепленных ящичках из плохо строганных досок, мешавших удобному расположению ног, по-видимому, хранились боеприпасы. Грохот гусениц лучше всякого оркестра сопровождал этим парням на их долгом марше в южном направлении.

Из пасти Рокского тоннеля поднималось сизое марево. Даже его четырехкилометровое жерло не успевало выветривать выхлопные газы от пробивающихся на Юг колесных и гусеничных средств передвижения и транспортировки. Время езды по тоннелю запомнилось не столько загазованностью воздуха (в Москве при стоянии в пробках не таким надышишься!), сколько размышлениями о природе русского словечка: «Авось!». Система вентиляции тоннелей по идее должна была обеспечивать многократный запас нагнетаемой, или генерируемой, пригодной для жизнедеятельности, дыхательной смеси, и удаление отработанного, насыщенного окисью углерода воздуха. Но проектировщики этого не учитывали. Авось обойдется!? А ведь связывающий Север с Югом тоннель должен был выполнять свои функции даже в период схода снежных лавин, когда не военный, а обычный мирный транспорт мог быть сутками заблокированным в гигантской трубе. Не хотелось думать о том, что когда-нибудь сотни людей окажутся отравленными выхлопными газами в этой рукотворной братской могиле. Авось этого не случится!

Нам судьба и покровитель дорог и путников Уастырджи, как в Осетии называют святого Георгия, подарили возможность вдохнуть до отказа наичистейшего горного воздуха, мгновенно заставившего поверить в неизбежность творящегося вокруг добра, несмотря на предстоящую встречу со Злом!

Слева, в низине — одиноко стоящее, наполовину разрушенное бомбежкой многоэтажное здание, продержавшееся в таком состоянии с девяностых годов прошлого столетия, со времени предыдущей грузино-осетинской войны. Солнце припекает, шины шуршат, горячий воздух обдувает лица, но в нависшей над головами тишине чувствуется тревожность, животное ощущение творящейся где-то рядом беды. Появились погруженные в зелень деревьев и садов дома селения Джавы (Дзау). Некоторые из них — иссечены осколками, крыши зияют черными дырами, поблизости — ни людей, ни скота. Следы обстрела грузинской авиацией. По улицам проносятся еди-

ничные черные свиньи, напоминающие собак, только лая — не слышно. Многочисленные пустые, заколоченные киоски, магазинчики, палатки только в двух-трех местах можно увидеть приметы былой шумной торговли.

Сразу за селением — блокпост. Вооруженные солдаты останавливают нашу машину. Дальше по обычной и короткой дороге до Цхинвала — пути нет. Впереди — большая колонна военных полностью перекрыла движение. Предложено ехать в объезд по Зарской дороге — «дороге жизни», как ее здесь называют. Она ведет в горы и крутым серпантинном уходит ввысь. После грузино-осетинской войны 90-х годов дорога была расширена, асфальтовое покрытие местами — хорошее, на остальном протяжении — покрыта плотно укатанным щебнем.

Запахавшаяся машина осилила перевал и легко покатила в сторону Цхинвала. На повороте — груды искореженного металла, по отдельным деталям которых можно догадаться, что это сгоревшие УАЗик и еще какая-то легковушка. Затем еще, и еще один автомобильный остов. Слева — надгробные кресты, много свежих могил. Через дорогу, в направлении кладбища движется траурная процессия. Человек пятнадцать мужчин и женщин в черном. В руках — узелки с поминальной едой. Это жители окраины Цхинвала — уцелевшие сами, но потерявшие своих родных и близких.

А вот и останки грузинского танка, будто изжеванного гигантским монстром. На самом въезде в город — еще два танка со снесенными башнями, закопченных, с обрывками одежды танкистов и какими-то фрагментами их тел. По улицам, ведущим в центр, вновь несколько подбитых танков со скомканной броней, больше похожих на консервные банки со свалки. Потянуло смрадом. Гнилостный трупный запах становится резче вблизи домов с подвалами. Каркасы строений по обе стороны улиц. Крыш нет. Стекол нет. Каждое второе здание почти полностью разрушено. Небо просвечивает через провалы на месте бывших окон. Следы огня и взрывов повсюду. Разбитые дороги. Правда, они ничем не отличаются от тульских. По крайней мере, ощущения после езды по ним — одинаковые. Стены домов иссечены осколками. Следов их так много, будто кто-то хотел сделать заготовки для гигантских сит. Это раны от разрывов снарядов «града». Самый центр Цхинвала. Здание Правительства — опаленный памятник незавершенной войны. На первых этажах его, в уцелевших помещениях, по-видимому, функционируют какие-то властные административные структуры, потому что туда и обратно снуют чубатые казаки в брюках с синими лампасами, отмечая какие-то командировки. На сохранившихся чудом на площади скамейках сидят по привычке старики, ведущие неспешный разговор о будущем. Напротив — руины бывшего театра. Перекрытий, как и крыши, нет. Будто из скорлупы стен огромной ложкой выскребли все содержимое. Это потом Гергиев со своим оркестром заставит перед этими руинами плакать тех цхинвальцев, которые никогда не слышали симфонической музыки такого уровня. Симфония Шостаковича из блокадного замерзавшего Ленинграда оказалась актуальной и близкой людям маленького южного города.

КОНЦЕРТ ГЕРГИЕВА В ЦХИНВАЛЕ

С экрана горько плачет осетинка,
не пряча вмиг полученных седин.
В Цхинвале выступает Мариинка,
а, значит, — завтра есть у осетин!

Убитые из-под земли восстали
мерцанием оплавленных свечей.
На площади в растерзанном Цхинвале
звучит бессмертной музыки ручей.

Она была понятной, откровенной —
для всех, кто слышать это чудо мог!
Им думалось о самом сокровенном!
С небес сошел непобедимый Бог!

Там Гергиев в величии печали
руками — звуки в гимны собирал.
Хребты домов, руины школ — молчали...
Был город, как один концертный зал!

Пока в сердцах есть ноты сострадания,
вольнлюбивый не сломить народ!
Цхинвал, как город, стерт до основания!
Цхинвал людей — по прежнему живет!

Не бывает войн больших и малых для тех, кто погиб, или потерял родственников, или оказался изувеченным телесно и морально. Это всегда большая война, большая беда, большая утрата, большое зло. Запах войны — запах ада на Земле. И те, кто начинает войну с собственным, или любым другим народом, кто обрушивает танково-артиллерийскую мощь на беззащитных женщин и детей, палит из «градов» по спящему городу с одной целью: уничтожить все живое, дабы избавиться от нерешенных проблем — обречены на гибель.

Еще перед поездкой в Осетию, в репортажах «Вестей» часто видел на экране осетинского мальчонку, в глазах которого были боль и удивление, а потом показывали шизофренически злые, но испуганные, глаза саакашвили. Его фамилию умышленно пишу с маленькой буквы. Это не человек. Уже тогда сложились следующие строки.

МАЛЬЧИК И ПРЕЗИДЕНТ

Народ привык глядеть в телеэкраны,
где ужас, секс и гибель каждый час...
Но почему же вдруг кровавой раной
всех поразил экранный красный глаз?

Их показали рядом, как нарочно.
Грузинский президент. И наш Пацан!
Один из них — болезненно порочный.
Другой — страдает от душевных ран.

Вот «демократ» фашистского засола,
взращенный дядей Сэмом «за бугром».
Там дом его, родня, семья и школа.
Ему плевать, что будет здесь потом!

В его портрете — суть наследства грубого.
Что есть — то есть! Нет челки и усов.
Есть психика Адольфа Шикльгрубера
и та же лживость не грузинских слов!

С улыбочкой и вскинутой ручонкой
над Грузией возвысился царек,
за океан смотрящий восхищенно.
Не фюрер он, а жалкий фюрерок!

Трусливостью рожденное нахальство
со страхом неизбежной кары ждет!
Но доллары подбросило начальство —
и он в клочки свою рубашу рвет.

Обман и геноцид — его деянья!
Проклятье на обманутый народ,
который он вовлек без покаянья
в кровавость дней, в войны водоворот.

А вот — Пацан в кепчоночке измятой
прикрыл рукой шепнувший что-то рот.
Ему что президенты, что солдаты...
Он объяснений и решений ждет!

В глазенках осетинского мальчишки,
как в зеркале, разрушенный Цхинвал,
ракетных взрывов огненные вспышки
и гаубично-танковый оскал.

В его глазах — две тысячи убитых
надежд, желаний, радостей, родных...
Две тыщи жизней, разом не дожитых...
И сотни детских люлек. Но — пустых....

В его глазах вопрос и ожиданье.
Кто виноват? И где найти ответ?
В них есть прощенье, боль и пониманье...
И только страха в этом взгляде — нет!

У предков страх не закрепился в генах!
Святой Георгий мальчика хранит!
Порок наказан будет — несомненно!
Но он не будет мальчиком забыт!

СААКАШВИЛИ

Трусливый президент смешон и жалок:
лохматый — внешне, скомканный — везде!
Мы памперсы пошлем тебе в подарок,
чтобы сидел прилично на суде!

Ты социально болен, невменяем,
к самоубийству склонный психопат!
Из-за «бугра» деньгами управляем,
и финиш твой — бездонный серный ад!

Нам памятни законы кровной мести
за оскорбленье родовых святынь —
отступникам без совести и чести,
способным на Освенцим и Хатынь!

Калоевых в Осетии немало,
готовых дать кинжальный свой ответ
на подлость, что покой людей сломала,
на ДНК оставив генный след!

От памяти людской нельзя укрыться!
Тебе грехи покоя не дадут!
И, если суд земной не совершится,
тебя найдет небесный высший суд!

Не избежать всевышней жесткой кары
за гибель многих тысяч осетин!
В глазах твоих не взрывы, не пожары,
а страх за месть рассерженных мужчин!

Кто кладбища с лицом земли равняет —
того проклятье наших предков ждет!
Кто святость древних храмов разрушает,
того Всевышний под землей найдет!

Святой Георгий Грузию покинул!
Пока ты там — его не возвратить!
Кто меч на свой народ из ножен вынул,
тому нельзя на этом свете жить!

В Цхинвал мы поехали втроем: я, Ростислав Качмазов и Алан Цогоев. У Ростислава в Цхинвале жил старый знакомый — Лев Пухаев. Когда мы уже собирались возвращаться, Ростислав предложил доехать до ул. Ленина, чтобы убедиться, жив его товарищ, или нет.

Около старых «Жигулей» спиной к нам копошился высокий, крупный мужчина лет шестидесяти пяти.

— Лева! Здравствуй, дорогой! Я рад, что ты жив! — бросился к нему Ростислав.

— А я возмущен, что ты до сих пор не нашел времени провести меня!

Но, сквозь наигранно грубые слова, сквозило и братская нежность, и радость неожиданной встречи, да еще в такое время! Слезы радости на глазах выдавали истинные чувства этого большого человека.

— Прошу в дом! Посмотрите, что от него осталось! Что с нами за одну ночь сделали грузины...

Дома, как такового, не было. Взрывом тяжелого снаряда вынесло все внутренности второго этажа, погнуло железобетон перекрытий, толстым слоем пыли, обломками и мусором покрыло все на первом этаже.

— Заходите! Здесь, на открытой летней кухне есть баллонный газ, только что передали «гуманитарку» — два батона хлеба, есть кусок сыра, на огороде — помидоры, пожарю яичницу. Самое главное, снаряд не достал до подвала, а там есть достаточно вина, чтобы встретить друзей! Вот только, извините, в первый раз за свою жизнь не смогу угостить вас мясом!

Мы дружно, в один голос: «Какое мясо?! Слава Богу, что ты жив, что мы встретились, что Уастырджи сохранил тебя во здравии!»

Тем не менее, через несколько минут стол был накрыт. Это была тризна по безвременно ушедшим, по жертвам варварского нападения.

ДЕНЬ В ЦХИНВАЛЕ

Кто видел взгляд того, другого света
с зияющей бездонностью — в упор?
Пустые окна университета
в расстрелянном Цхинвале, как укор...

Всем, кто не видел варварской разрухи,
пусть не приснится этот страшный взгляд,
с которым дети, старики, старухи —
на наше безучастие глядят!

Они молчат! Лишь ветер завывает
меж обгоревшей стойкости руин...
Но этот взгляд нисколько не прощает
тех, кто войной пошел на осетин!

Кто выкормил бездарных троглодитов,
которым, правда, дали по зубам,
вояк трусливых, Богом позабытых!
Не знать покоя им ни здесь, ни там!

Был день, как день, по августовски жаркий.
После бомбежек отдыхал Цхинвал.
Осколками — иссеченные парки
усыпаны, как будто щебнем скал.

Сгоревших танков черные скелеты
на перекрестьях улиц городских —
свидетельство сражений, но при этом —
жизнь продолжалась в чаяньях людских!

В воротах дома, около машины,
случайно уцелевшей от стрельбы,
увидели дородного мужчину,
сгребавшего последствия пальбы.

«Пухаев Лев!» — представился достойно.
«Прошу друзей зайти в мой бывший дом!»
Он был спокоен. «Что нам смерть и войны?»
Вот только слезы сдерживал с трудом...

«Прошу к столу!» — «Какой тут стол, дружище?
Ведь дома — нет, развалины одни!»
«Есть стол и потолок, немного пищи,
горит очаг — немало в наши дни!

А, значит, хлебом, солью — дом встречает
всех тех, кто к нам приехал в трудный час!
Всевышний и святой Георгий знают —
друг к другу, грешных, направляя нас!

Есть рог, вино, есть сыр и помидоры!
Все на столе. А то уж ждать невмочь!
Давайте вспомним тех людей, которых
мы потеряли в варварскую ночь!

Прошу простить, что мяса нету в доме!
Такое в этой жизни — первый раз!»
Мы слышали немало тостов, кроме
вот этих слов, так поразивших нас!

Был также тост, немыслимый, казалось
в разгромленных кварталах осетин:
«За память детства, что в сердцах осталась!
Давайте выпьем за друзей — грузин!

За тех, кто земляков предать не может,
Какой бы он не получил приказ!
Пусть им Всевышний в скорбный час поможет,
и пусть хранит от злодеяний нас!»

Неписанный закон гостеприимства
был Льву важней, чем танковый разбой!
Бомбить такой народ — пустое свинство!
Он выдержит любой смертельный бой!

Цхинвал живет, пока живут мужчины,
которым слово дружбы, как закон!
Пока согласие есть в стране единой
с названьем вековечным — Иристон!

Вот такой он, Лев Пухаев! Но у нас осталось чувство невыполненного долга по отношению к нему. Приехали внезапно (не рассчитывая на встречу, ибо после той разрушительной ночи трудно прогнозировать, кто выживет, кто нет...) Он нас угощал, а мы не привезли с собой ничего... Даже вода в те дни была привозная, не говоря о хлебе и продуктах. Уже после нашего отъезда Цогоев завез Льву провизию и воду, тем самым, избавив нас от угрызений совести.

Возвращались мы по короткой дороге через Джаву, где посетили дом молодого, но уже известного и активного главы поселковой администрации. Передали через него наше желание встретиться с президентом Кокойты, чтобы уточнить сроки и объемы необходимой помощи.

Уже тогда было предчувствие, что Россия не ограничится вводом своих войск для «принуждения к миру» авантюристов, что близка самостоятельность маленького, но гордого народа. Этот народ, если бы не создавшиеся вокруг него политические интриги, готов был воссоединиться со своими братьями на Севере и с Россией.

Ведь Осетия исторически никогда не была подчинена ни одному государству, обеспечивая в свое время суверенность той же Грузии от турецкой интервенции

своими воинами на основе договоренностей. Когда-то мужем грузинской царицы Тамары был осетин Давид Сослан, который использовал мощь и храбрость осетинских витязей для защиты Грузии. Все последующие поползновения грузин прибрать к рукам земли Осетии по южную сторону Кавказского хребта пресекались еще русскими императорами, под протекторат которых вошла добровольно вся Осетия, как целостное государство. И только сталинское искусственное расчленение Осетии на Южную и Северную породило претензии Грузии на эту землю. Началось насильственное «огрузинивание» осетин — смена фамилий, переселение и пр. В результате — несколько серьезнейших осетинско-грузинских конфликтов, породивших вражду и непонимание, приведших к геноциду маленького народа Осетии, почище всякого «голодомора», раздуваемого ныне на Украине. К счастью, бездарная попытка уничтожить и стереть с лица Земли осетин — закономерно провалилась.

Но политики приходят и уходят, а народы остаются. И потому Лев Пухаев провозгласил тост за братьев-грузин, с которыми он рядом вырос, возмужал и состарился. Кавказ — толерантен. Но ему не везет на лидеров, которые в собственных меркантильных интересах готовы идти на преступления, чтобы выслужиться перед заокеанскими «спонсорами». Но будущее — не за ними! Мудрость древних народов, кстати, принявших христианство задолго до Крещения Руси, должна победить!

Владимир Кидалов
(г. Санкт-Петербург)

**КАВКАЗСКОЕ ЗАЗЕРКАЛЬЕ:
ЦХИНВАЛ 2008**

Заря и кровь — один багряный цвет?
И смерть, и слезы:

можно и нельзя.

Заряды «града»

— жуткая стезя:

Огонь по детям!

— Это Президент?

Молчат колокола,

но где-то песня — стон.

А день как полночь:

танков марш и... смерть.

Убийства холод, страха круговерть.

И дым и камни,

и Иерихон.

В канаве дети,

и вода — слеза.

Убийца!

Прямо посмотри в глаза!

Жить? Умереть

— все это верх возможностей,

Здесь враг и друг

— бой противоположностей.

Забрать свое? Чужое?

Ночью темной?

Бред сукашвилей в голове фантомной.

В жаре разбоя

— чистый детский взор

Суть зазеркалья: люди и Позор.

Ирина Кедрова
(г. Москва)

ЧЕЧЕНСКИЙ УДАР

«Взаимная ненависть двух народов рано или поздно кончится погибелью одного из них»

Н. М. Карамзин

Застывшее безмолвие дома давило и ужасало. Зина смотрела на аккуратно расправленную похоронку, лежащую на краю стола. На белом листе бумаги четко выделялись слова: «Ваш сын — Елизаров Юрий Павлович героически погиб...». Погиб? Что значит «погиб»? Как он мог погибнуть, оставив мать без сына? Да нет же, несколько дней назад от него пришло письмо. Юра писал: жив, здоров, скоро вернется. «Готовься, мамуля, к свадьбе. Женюсь сразу, и мы с Татьяной родим тебе внука. Здесь понимаешь, как хорошо жить! И чтобы рядом были любимые люди. Скоро приеду, мама, и заживем мы с тобой...». И вдруг «погиб». Нет, это не про Юру. Какое то село — Самашки, за которое дрался сын? Зачем ему эти Самашки? Есть же родная и милая Сосновая улица. На ней сын бегал мальчуганом, и падал, и разбивал коленки в кровь. В уютном деревянном доме прожили они двадцать лет. И никто Зине не нужен, кроме Юрика. Разве только Имран? Но где он, этот Имран, исчезнувший давным-давно из ее жизни? Что бы сказал он сегодня, узнав, что ее сын, его сын погиб у села Самашки?

«Ваш сын...» — вновь и вновь читала Зина, с трудом понимая, что это написано про ее Юрика, малыша-крошечку, кровиночку, сыночка, которым она гордилась и ради которого прожила трудную жизнь.

Теперь жить незачем. Все, чем была наполнена жизнь, исчезло. Предчувствие беды не покидало с того момента, когда Юра получил повестку: настало время учиться Родину защищать. Его направили в Курск. Там под острым взглядом спецов по войне, не допускавших физической слабости юнцов-первогодков, постигал он тайны военного дела: метко стрелять, подбивать бронемашины, ложиться под танки, прятаться в засаде. Все это видела перед собой Зина, когда читала его веселые, наполненные юмором письма. Ни одной жалостной строчки, более того, казалось, он сроднился с армейской жизнью, ощутив себя частью большого и нужного дела. Писал, что ребята в роте хорошие, дедовщины нет, пригодились умение играть на гитаре: как придет — все солдатские песни ей перепоеет. Первый год службы прошел благополучно, потом от него долго не приходило ни строчки. И однажды в какой-то телепередаче о солдатах в Чечне она увидела Юру. Молодой, здоровый, веселый, боевитый, пел песню о матери, которая скучает без сына, ждет и волнуется, только волноваться не надо, потому что солдат скоро вернется домой. «Нельзя ему там», — больно пронеслось тогда в Зининой голове и ударило в сердце. Никто не знает кроме нее и

Павла, что Юрий — наполовину чеченец, Имранович. Предчувствие беды росло. Оно усилилось со странным звонком из Комитета солдатских матерей — приглашали на встречу с военным командованием. Зина не пошла. Что могли сказать генералы, забравшие на войну ее Юру, не посчитавшиеся со жгучим желанием матери защитить сына, прикрыть «защитника Родины» своим материнским бесстрашием? Предчувствие стало почти осязаемым, нависшим в воздухе, когда она увидела пару дней назад, как отводят виновато взгляды соседи. Когда же вошла в дом, и навстречу метнулось белое лицо Павла, тиски его рук сжали ей плечи и не отпускали, пока она не села на стул, тогда почувствовала она, что сидит на этом стуле у края пропасти.

— Зина, — сказал Павел, — беда у нас.

— Юра? — прошептала она, еще надеясь, что не эта беда прокралась в дом.

Павел склонил голову, и придвинул рукою к краю стола небольшой листок. Гнетущее молчание не уходило. Можно было орать, что есть мочи, биться, изводить себя криками и физической болью, а Зина молчала. Окаменела. Только пыталась понять, что написано на белом листе. «Ваш сын — Елизаров Юрий Павлович...».

Студенческая жизнь Зины в Плехановском институте, Плешке, как его любовно называли, крутилась по давно заведенному порядку: экзамены и зачеты, комсомольские субботники, дружеские попойки у кого-нибудь на квартире или в общежитии, общественные поручения в большом количестве — все, что у других. Только любовь обходила ее стороной. Подруги влюблялись и делились с ней милыми поцелуйными тайнами, собирались замуж, расходились и сходились с любимыми. У Зины не было никого. То ли принципиальная слишком, то ли недотрога чрезмерная, то ли не встретила еще свою жизненную половинку.

— Смотри, дочь, заучишься, — ворчал отец, — и в девках останешься.

— Нечего спешить, — спорила с ним мать, — на наш век мужиков хватит. Пусть институт закончит, встанет на ноги. Самостоятельность еще никому не мешала.

Почему матери так хотелось, чтобы дочь ее была самостоятельной? Не от того ли, что сама всецело зависела от капризов и настроения отца, вспыльчивого и самолюбивого донельзя? Зина отмалчивалась, сжимаясь внутри: у всех есть любимые, а ее судьба обделила. Или отшучивалась, говоря, что проспала, когда господь пары распределял.

Впрочем, нельзя сказать, что она очень переживала и кого-то искала: некогда искать, учила экономику, статистику, бухгалтерский учет, а еще философию, политэкономии, историю партии и много-много того, что предполагалось экономисту необходимым. Кто предположил — неважно, важно, что это у нее неплохо получалось, и в отличие от недотепистых троечников она блистала на курсе знаниями и широкими интересами. С ней рядом учились ребята из разных мест, были и два чеченца — Имран и Ахмад, державшиеся обособленно, всегда спокойно и с достоинством. Студенческих шуток не принимали, занимались добросовестно и всегда были готовы к экзаменам. Словом, ходячий пример скучнейшего первоклассного студента. Похоже, что и Зина своей серьезностью производила столь же грустное впечатление, хотя с однокашниками уживалась и даже попадала иной раз на неумные студенческие вечеринки. Попала она и в новогоднюю компанию, в которой собрались несколько пар — молодожены настоящие и скоробудущие, а также несколько человек, мечтавших о любовном сближении друг с другом. Зина пришла сюда, потому что пригласили и потому что надо же когда-нибудь вырваться из родного дома. Уселись за стол. Сережка, заводила и душа компании, поднял бокал и произнес тост по поводу уходящего года:

— Ну что, друзья, простимся с вертлявой обезьяной? Какой она была, пусть каждый сам решит. Липочка, не смотри влюбленными глазами на Валерку, иначе я вызо-

ву его на дуэль. Петровы, вы в этом году открыли сезон бракосочетаний, и я надеюсь, что больше никто не последует вашему примеру: иначе всех красавиц разберут. С кем мы, закоренелые холостяки, останемся? Зиночка, не гляди букой, у тебя позади трудный семестр, а впереди ворох счастья. В общем, выпьем, друзья, за год уходящий: он был совсем неплох.

Все подняли бокалы, и в этот момент заверещал дверной звонок.

— Ребята,— закричала Липочка,— это сюрпризный гость. Мы и не думали, что он согласится. А он пришел.

Она помчалась открывать дверь запоздавшему гостю, все зашумели в нетерпеливом ожидании. В комнату вошел Имран — с белыми гвоздиками в руках. Следом влетела Липочка, ставя на стол принесенные новым гостем мандарины и бутылку красного вина.

— Ура,— закричали все,— в нашем полку прибыло!

Цветы поставили на стол, а Имрана усадили рядом с Зиной.

— Ты не возражаешь? — спросил он, наливая ей в бокал принесенное вино.— Это отличное вино, оно бодрит кровь и слегка бьет в голову.

— Не рано ли? Что я стану делать с пробитой головой? — попыталась кокетничать Зина.

— Не волнуйся, девушка, это не смертельно.

Имран говорил с кавказским акцентом, голосом чуть глуховатым, тоном, не допускавшим возражений. Его говор обволакивал. Горящие глаза обжигали. Длинные пальцы рук словно призывали к действию. Он, как всегда, спокоен и полон достоинства, похож на шаха, спустившегося с трона к своим подданным, и в то же время, выражает некую, совсем не свойственную этому кругу, почтительность и церемонность.

— Почему ты не поехал домой, Имран? — спросила Зина для поддержания разговора.

— Так вышло,— кратко ответил он.

— Пойдем танцевать, Имранчик,— вездесущая Липочка на правах хозяйки дома подхватила его за руку, словно собираясь стянуть со стула.

— О, нет, дорогая, прости, я не танцую, не умею.

— Ну и что? Я тебя научу.

— Нет, нет, ты с Валерой танцуй. Я не могу. Извини, дорогая.

Он все же поднялся со стула, проводил Липочку к ее кавалеру, и вернулся назад.

— Пойдем, постоим на балконе, здесь душно,— предложил он, и Зина не отказалась. Станный человек этот Имран, пришел на вечеринку и не танцует, держится обособленно, но словно взял над ней какую-то власть и теперь опекает. Зачем?

Что произошло, не понятно, только никто не мешал им. Будто они вдвоем оказались на необитаемом острове. Впрочем, люди на острове были, однако они не нарушали границу мирка, в котором внезапно оказались Имран и Зина.

Та новогодняя ночь повела их к сближению. Поначалу они лишь приветливо здоровались в институте, перебрасываясь ничего не значащими словами. Как-то Имран вызвался проводить ее домой, не испугавшись далекой дороги, как другие сокурсники, в лучшем случае провожавшие ее до вокзала. Добирались в Мытищи на электричке. По дороге Имран рассказывал о горах, в которых человек проверяется на верность, об узких крутых тропах, на которых двоим не разойтись, о горячем сердце чеченца, умеющего страстно любить и сильно ненавидеть. Зина слушала своего попутчика и пыталась понять, что есть в этом человеке? Гордость или самолюбование? Верность или преклонение перед обычаями? Может ли он любить женщину, или горы заполнили все его сердце? Пытаясь в нем разобраться, она склонялась к тому, что Имран — гордый, свободолюбивый человек, с особым, не совсем ей понятным видением мира. В какой-то момент ей захотелось приблизить его мир к себе. Даже более

того, она подумала: «Как четко очерчены губы, коснуться бы их». Потом опомнилась: «Придумала тоже». В гости не позвала: не хватало еще, чтобы родители переполошились, увидав дочь с кавказцем. Хоть и говорили везде о единой братской семье советских народов, да Зинины родители, она это точно знала, ни за что бы выбор дочери не одобрили.

Весна врывается в людскую жизнь не только теплыми и солнечными днями, таяньем снега, набухшими почками на деревьях и первыми зелеными листьями. Она будоражит человека, вкачивает в него потребность любви, и вот уже, оказавшись у весны в плену, ты понимаешь, что любовь захватила тебя. И уже ничего не видишь и не слышишь, кроме любви. Так произошло в ту весну с Зиной: открылись все шлюзы любовных желаний, соединились все мосты, на которых влюбленные должны встретиться. Имран и Зина вдыхали любовный весенний воздух, грелись под лучами восторженности и обожания друг друга. Чеченец оказался совсем не таким сдержанным и спокойным, более того, Зину поглотили его великодушная забота и галантное внимание. Вместе с тем, ей не позволялось и на тысячную долю секунды отвлечься от него, подумать о ком-то другом, даже предположение такое не допускалось. Теперь она знала, что такое влюбленный джигит, и какая огромная ответственность лежит на избраннице его сердца за себя и свое поведение. Все заполнилось Имраном. Весь мир свелся к нему. И все ее профессиональные устремления, вся независимость, которую желала видеть в ней мать, все это развалилось и больше не существовало.

Однокашники быстро разобрались в сути возникших меж ними отношений, с интересом наблюдая за интернациональной парой. Мир отступил и не мешал им. Конечно, это не могло пройти бесследно. В один из июньских вечеров, провожая ее домой, Имран решительно высказался:

— Зина, у меня нет никого ближе тебя, нам надо пожениться.

Он сказал это уверенным тоном, не допускавшим возражений. Он желал ее и требовал близости. Она бы с радостью согласилась, если бы не отец, который... Но думать об отце не хотелось.

— Имранушка, любимый мой,— нежно шептала Зина,— давай немного подождем.

— Зачем ждать?

— Я так сразу не могу.

На каникулы он уехал домой, так и не получив от нее ответа, она же с нетерпением ждала в своих Мытищах окончания лета, потому что тогда Имран вернется в Москву, и они снова будут вместе. Нет, никто их больше не разлучит.

Когда он вернулся, она была готова на все. Нельзя же расставаться влюбленным только потому, что отец желает русского зятя. Сейчас не прошлый век, люди свободны в выборе любимых. И она свободна. Решительно пришла Зина в общежитие к Имрану, и осталась на ночь в его комнате. Дивная, страстная и странная ночь. И больно, и стыдно, и боязно, но теперь все пойдет по-другому. Детство закончилось. Она начала взрослую жизнь. Пусть еще не оформленную официально, еще не обговоренную с родителями, но эта жизнь захлестнула ее, заставила взглянуть на Имрана другими глазами — заботливыми и счастливыми. Какое счастье быть любящей женщиной и принадлежать красивому, честному, гордому, любимому мужчине!

Мама поняла сразу. Смотрела на Зину, молчала и боялась: вдруг узнает отец. Однажды не выдержала:

— Что ты наделала, дочка? Отец убьет и тебя, и меня.

— Что ты говоришь, мама? Сейчас не те времена. Имран — прекрасный человек! Он — особенный, и мне с ним замечательно!

— А почему не женится?

— Зачем спешить, мама? Сама говоришь, институт надо закончить. Весной он поедет домой, скажет обо мне. У них принято к свадьбе серьезно готовиться.

— Неужели ты уедешь от нас? Это ж далеко...

— А как же, мама? Я за Имраном хоть на край света пойду.

— Да разве ты сможешь там жить?

— Другие живут, и я смогу.

— Милая моя, у них совсем иные порядки. Там женщина дома сидит, мужа слушается, за детьми ухаживает. Сможешь ли так? Ты у нас иначе воспитывалась. В институте учишься, специалистом станешь.

— Мамочка, не переживай. Может, Имран и не уедет отсюда?

Сказала Зина и сама себе не поверила. Врать отцу про подружку в Москве, про электричку, на которую опоздала, про подготовку к экзамену становилось все труднее. Как-то он заставил дочь открыться. Разговор протекал бурно.

— Не смей даже на порог появляться со своим чучмеком,— кричал отец. — Выбирай, либо ты дома живешь, как нормальная порядочная дочь, либо убирайся. Не хочу такого позора.

Что было делать? Разумеется, отец — не господь бог и не может решать за взрослую дочь, как и с кем ей жить. Развернулась Зина и ушла из дома, хлопнув дверью.

— И не возвращайся,— кричал вслед отец.

Потом он долго ругал мать, упрекая в том, что не доглядела и вырастила гулящую девку.

— Это все твои разговоры о самостоятельности. Ишь, чего надумали бабы. Самостоятельности им хочется. Чтобы я больше не слышал о Зинке. Не нужна такая дочь, которая срам в дом несет.

Несколько дней Зина прожила у Липочки. Потом они с Имраном нашли комнату на окраине Москвы: поселились у бабы Глаши. И началась семейная жизнь. Денег, конечно, не хватало: на две стипендии не проживешь. Однако родители Имрана, гордившиеся сыном и считавшие, что он не должен ни в чем в Москве нуждаться, присылали то деньги, то посылки. Вскоре Зина устроилась бухгалтером на небольшое предприятие. Работу нашел неунывающий Сережка, тот самый, что призывал год назад проститься с вертлявой обезьяной и весело приглашал впустить в свой дом петуха. Теперь и петух заканчивал годичный срок, впереди маячила верная собака.

Новый год Зина и Имран встречали в совместно обретенном жилье. Баба Глаша уехала на праздник к дочери, и новоиспеченные молодые остались в квартире вдвоем. Отмечали и Новый год, и новую, семейную, жизнь, и принятое ими решение не расставаться никогда.

Дни летели быстро, проскочила зимняя сессия, накатила весна, на майские праздники Имран уехал домой — в далекий и неведомый Грозный. Зина извелась от тоски, хотя тосковать ей некогда: впереди выпускные экзамены, маячило скорое освобождение от института, и ждала независимая жизнь молодого специалиста-экономиста, которому по распределению предписывалось в сентябре выйти на завод. Вообще-то она собиралась уехать вместе с мужем. Оставалось лишь узаконить их отношения. Внутри Зины зародилась маленькая жизнь, о которой еще никто не знал, да и сама она смутно догадывалась, считала и пересчитывала дни календаря. Все сходилось на том, что скоро она скажет Имрану о будущем отцовстве.

Две недели его не было дома, и, наконец, ранним утром вернулся. Зина сразу проснулась, притянула его к себе и, обняв, зашептала:

— Имранушка, я соскучилась ужасно. Мне сон приснился: ты машешь мне с берега рукой, а я стою на другом, пытаюсь лодку найти, к тебе переплыть, а лодок нет,— выпалила она. — Как съездил?

— Хорошо. Зиночка, я устал, дай немного поспать, потом поговорим.

Он уснул почти сразу. К Зине сон не шел. Размышляла: сейчас муж проснется, обнимет ее крепко-крепко, спросит, как она без него жила, куда ходила, с кем встре-

чалась. Она ему скажет, что никуда не ходила и ни с кем не встречалась. Во-первых, ей этого не хотелось. Во-вторых, она знает: ему не нравится, когда она где-нибудь бывает без него. В-третьих, и это самое главное, она скоро вообще никуда ходить не будет, а поедет с ним в Грозный, будет жить в его доме и растить его сына. То, что это сын — нет никаких сомнений.

В полдень Имран проснулся. Солнце весело заглядывало в окно, приглашая влюбленных на прогулку. Птицы призывно пели. На сердце у Зины спокойно и радостно. Впрочем, не совсем спокойно. Какая-то непонятная кошка-мышка скребется там, поскольку неизвестно, как прошел разговор Имрана с родителями. Пора уже подумать о свадьбе, иначе придется фатой прикрывать беременный живот. Нехорошо это.

— Ну, как поездка? Как родители? Ты о нас говорил? — нетерпеливо вырвалось у Зины.

Имран долго молчал, подбирая нужные слова, потом ответил:

— Дома все нормально, родители здоровы, слава аллаху. Подыскали мне невесту — соседскую девчонку.

— А ты?

— Что я? Ты — моя невеста. А девчонка эта — маленькая еще. Наши отцы дружат. По обычаю, послушаться отца не могу. Но и без тебя жить не могу. Решил им пока ничего не говорить. Летом поедем вместе, — немного помолчав, отрезал, — и все, прекратим этот разговор. Я сказал, так и будет.

Больше они об этом не говорили. И о будущем отцовстве ничего не сказала Зина. Хотела сказать, да комом то слово в горле задержалось. В июле Имран уехал домой один, полагая, что так лучше: он придет, устроится, откроется родителям и вызовет ее к себе. Однако вызова не последовало. Через полгода пришло из Грозного письмо, в котором Имран сообщал, что обычай предков нарушить не может, а потому женился и просит его простить.

Вскоре после этого письма баба Глаша отвезла Зину в родильный дом, а ее родителям сообщила, что у них родился внук Юрочка. Зина назвала малыша в честь отца, в надежде, что тот смягчит свое непреклонное сердце.

Тяжело возвращение в родительский дом. Однако надо поднимать сына, кормить, одевать, заботиться о нем. Одной это сделать ой как трудно! Мать поохала и приняла внука всем сердцем: не виноват мальчонка в Зининой неразумности. Отец молчал долго, и все же смирился, хотя время от времени бросал на Юрика недовольные взгляды: не нашей породы, не русский. Юра рос смелым и ловким ребенком, с упорным характером. Черные волосы и смуглый цвет кожи выдавал в нем южанина, но серые широко распахнутые глаза подчеркивали родство с Зиниными предками.

Через два месяца после родов Зина вышла на работу по институтскому распределению — в экономический отдел механического завода, к опытным и сердобольным сотрудникам, сразу принявшим ее. Бабушка согласилась сидеть с внуком. «До года, — думала Зина, — а потом отдам Юрочку в заводские ясли». Конечно, бабушка оказалась противницей яслей, но Зине хотелось доказать родителям, что она — женщина самостоятельная — может обойтись без их помощи. И не могла, поскольку одной невозможно и работать, и сына растить. После работы спешила домой к сынишке. Дорога далекая: метро, электричка. Да что поделаешь, коли положено отработать три года? Впрочем, она и не собиралась уходить с завода. Коллектив хороший, профком заботливый, помощь ей как матери-одиночке оказывают. Больно слышать — мать-одиночка, да надо смотреть правде в глаза: действительно одинокая, брошенная, забытая ради каких-то обычаев предков. Может, и хорошо, что не уехала из родных мест в чужие края? Поговаривают: на Кавказе женщине тяжело живется, не имеет она права голоса. Да разве здесь Зине легко? Разве не ловит она настороженные

взгляды, когда гуляет с малышом? «Дети — наше прекрасное будущее, наше счастье!» — слышится из радиоприемника, читается в газетах, только слова эти для многих остаются лишь лозунгами, а ребенок — не такой как все, да еще без отца — это повод укорить его мать и скривить рот при встрече с ним.

Долгий путь на электричке в Москву, о многом передумашь. В той же электричке, как-то заметила Зина, добирается на работу инженер одного из заводских цехов. Однажды в переполненном вагоне они оказались рядом.

— Здравствуйте, вы в Мытищах живете?

— Да, — насторожилась Зина, подумав: «Зачем ему это?»

Давно ею никто не интересовался. Да и не хотелось ей мужского интереса, обида в ней жила, не угасая. Не нужен им с Юриком никто, им и вдвоем хорошо.

— Я живу в Тайнинке, на Сосновой улице, а вы? — продолжал настойчивый попутчик.

— Какая разница, где я живу?

— Так ведь вместе работаем. Меня Павлом зовут. А вас?

— Зина.

— Вы недавно на завод пришли?

— Да, после института.

— Далековато вам на работу добираться.

— Вам тоже.

— Я — мужчина, а у вас, должно быть, семья, дом, хозяйство. Дети есть?

— Сын.

— А у меня сын и дочь.

И что пристает назойливый папаша? О детях бы лучше думал, да о жене. К счастью, поезд подъезжал к Тайнинке, и инженер заторопился к выходу.

С тех пор они нередко вместе ездили с работы и на работу. Через месяц Зина уже знала о новом знакомом все, или почти все. Он на девять лет ее старше, вдовец, жена умерла при родах, оставив детей: Сережке уже семь лет, а Катюше — пять.

— Что ж вы не женитесь? — спросила Зина. Вдруг испугавшись, что Павел заподозрит ее в бабьей хитрости, добавила, оправдываясь, — Детям мать нужна.

— Нужна, только не каждая способна стать матерью чужим детям.

Прошло еще два месяца, и они поженились. Так появилась новая семья, стали Зина и Юрий Елизаровыми, стал Юрий Имранович Юрием Павловичем. Жили в большом деревянном доме Павла на Сосновой улице. Зина ушла с работы и занималась детьми и домом, Павел постоянно искал дополнительные заработки, чтобы прокормить огромное семейство. Зинина мама успокоилась, видя, что дочка пристроена, а отец примирился: Павел ему нравился своей обстоятельностью и надежностью. Дети приняли отца с матерью, старшие словно забыли, что Зина им не родная, а Юрик и не догадывался, что где-то живет другой, настоящий, отец. Соседи не вмешивались в семейную тайну, родители же о ней не говорили. Те же, кто не знал, наоборот, отмечали, что оба сына в отца пошли, а дочка — ни в мать, ни в отца.

Так и жили долгие годы, мирно и ладно, иногда, как водится, ссорились. Только, когда Юрик учился в классе восьмом и слегка задурил, стал покуривать да пошаливать с местной шпаной, наметился в семье кризис. Впрочем, это трудное время пережили. Сережка тогда в армии служил. Началась чеченская война, и родители боялись, как бы их старший не попал в убийственное пекло. Катюша школу заканчивала. Выросла красавицей, от парней отбою нет. За нее Зина боялась: как бы не увел девку из семьи какой-нибудь «спокойный и сдержанный». А тут еще Юрик надумал учебу бросить, в ПТУ пошел. Нашелся «добрый человек», пожалел подростка, растущего при неродном отце. Раскрытая семейная тайна потрясла сына: стал тот дерзким, недоверчивым. Но терпеливый и рассудительный Павел с этой бедой справился, сумел

парня на ум наставить. Окончил Юра ПТУ, поступил на работу к отцу, на тот же механический завод. Потом серьезно увлекся машинами, устроился на курсы автомобилистов и готовился поступить в автодорожный институт, в котором к тому времени учился вернувшийся из армии Сергей.

Что ни говори, трудная жизнь была у Зины и Павла, но и счастливая. Семья дружная, дом уютный, ребята выросли. Что еще для счастья нужно?

Вспоминала ли она Имрана? Конечно. Он у нее перед глазами каждый день находился, поскольку Юра, становясь старше, все более на него походил, только светлые Зинины глаза сияли на лице. Все остальное — Имран, да и только. Никто этого не знал, кроме Зины. С Павлом об этом не говорили, один раз только, когда в знакомстве утверждались, сказала, что любила далекого кавказца, да тот вернулся на родину, и нет между ними никакой связи. Иногда во сне Имран приходил к ней, протягивал руки, а дотронуться не решался, да она бы и не позволила, даже во сне. Нет, это далекое прошлое, его нельзя пускать в свою жизнь, беречь зажитые раны ни к чему.

Так дожили до Юриной армии. Страна к этому времени сильно изменилась. Пережили и перестройку, и пятьсот великоэкономических дней, и путчи. Не стало Советского Союза, скособочилась братская дружба советских народов. Первая чеченская война стороной прошла. Хотя нет. Зина переживала тогда за каждую мать, что отправляла в Чечню своего сына, только это переживание не было острым. К тому времени как Юрик дорастет до армейского возраста, надеялась она, всех боевиков перебьют и покорят. Так думалось. Иногда, правда, возникал робкий вопрос: а как же живут в войне чеченские дети и женщины? Разве можно жить в разрушенном Грозном? Там, кстати, дом Имрана и его жены, доставшейся ему по родительскому сговору. Гнала Зина от себя эти мысли. Какое ей дело до предавшего ее Имрана и его семьи?

Ее дети выросли, она теперь нужный в обществе специалист. В каждом малом и большом предприятии, во всех этих ТОО и ЗАО нужен грамотный экономист. Кому — кому, а ей работы хватит. Стала Зина осваивать новые финансово-экономические требования. Дебет, кредит, сальдо — все это знает она. Зарабатывает больше Павла. Что ж? Раньше муж семью содержал, теперь пришло ее время. Нормальному мужику с головой сегодня трудно приходится. Не потому что таковой не нужен, просто наступают на пятки молодые, активные, резвые, еще не понявшие жизни, но свободные от ограничений социалистического труда, от равного нищенского распределения. Вписаться в современную экономику трудно мужчине, у которого за плечами пятьдесят с лишним лет. Женщины повыносливей, пооборотистей. Им легче привыкнуть к новшествам. Фирма, в которой работает Зина небольшая, да надежная: заработок у нее верный.

И вдруг — как удар в солнечное сплетение: Юра отправлен на чеченскую войну. Зачем нужна эта война? Кому выгодно убивать русских мальчишек? С напряжением следили Зина с Павлом за кавказскими событиями. Полностью разрушен Грозный, теперь вести идут из Гудермеса. Какие незнакомые названия — Гудермес, Ачхой-Мартан, Бамут, Хасавюрт, Шаами-Юрт! Какие чужие имена — Джахар, Шамиль, Салман, Ахмад! Их убивают и убивают, а они все появляются и появляются, воюют и воюют. Почему? Разве им плохо вместе с великим русским народом? Хотя кто решил, что один народ велик, а другой не очень? Кто позволил так определять народы, стравливать друг с другом, посылать сынов на убийственную войну?

Война пришла в Зинин дом, когда сын оказался ее неумышленным участником. По газетам и телепередачам следила Зина за трагичными военными буднями, пытаясь разобраться, что происходит и кто виноват в этой бойне. Террористы, принесшие беду в русские города, ненавистны. А разве не принесли мы, русские, беду в чеченские города? Кто же будет умнее? Кто поймет, что в этой войне никогда не будет победителя?

Может, позвать незнакомую жену Имрана в свой дом и договориться с ней: давай объединимся и вместе станем спасать наших детей!? Но как объединимся? Это всего лишь слова. Что могут сделать женщины, когда мужчины зарядили пушки, подняли над землей ракеты, бросили в небо самолеты? Говорят, чеченские женщины способны запретить мужьям воевать. Почему же не запрещают? Почему допускают бойню своих детей?

А что делают русские женщины? Что делает Зина? Ждет, когда «правительственные войска уничтожат банды антинародных боевиков»? Почему этих банд так много? Почему сильная российская армия не способна справиться с несколькими бандами чеченцев? Гибнут и гибнут мальчишки из России. Гибнут и те, несносные, непокорные мальчишки, сыновья чеченских матерей.

Ой, не справиться Зине с такими мыслями. Скорее бы вернулся Юра. Вот и Таня, Юрина подружка, ждет его — не дождется. Каждый день прибегает на Сосновую улицу за весточкой, а весточки все нет. Изболелось материнское сердце. Нетерпеливо ждет вестей. И вот пришла страшная весть: «Ваш сын — Елизаров Юрий Павлович героически погиб...».

Через месяц хоронили Юру в закрытом гробу. Раскрыть его, проститься с сыном, погладить его черные кудри, посмотреть на упрямую складку у рта родителям не позволили. Торжественно играл военный оркестр, незнакомые офицеры боевито произносили патриотические речи, лежала на руках у мужа постаревшая измученная женщина. Она хоронила свою молодость, свое будущее, свою жизнь. Яркий солнечный свет слепил ей глаза, уши оглохли от траурного марша и бесконечных речей, рот уже не мог кричать. А руки, обвисшие словно плети, уже никогда не обнимут самое дорогое, кровиночку-сыночка.

Нет сил у матери. Были бы — поднялась бы над землею, собрала бы все пушки, пулеметы, самолеты, ракеты, танки, гранаты, автоматы. Сбросила бы их с высокой горы в глубокую пропасть, чтоб никому никогда больше не досталось страшное, ненасытное, жесточайшее человеческое создание, чтоб не смели больше генералы уводить мальчишек на войну, чтобы матери и жены не знали больше бед войны, а дети не оставались бы без отцов. Люди, кто поможет матери? Кто возьмет на себя ее беспощадную боль? Нет таких, никто не вынесет великую материнскую муку!

Долго после похорон сидела в недвижности Зина. Ела ли, пила ли, спала ли — не помнила. Павел пытался расшевелить жену, вызвать в ее помутившемся сознании желание жизни. Старшие дети постоянно находились в доме, да не радовало мать их присутствие. Не хотела она видеть и Татьяну, тихое напоминание о несбывшихся мечтах сына. Друзья студенческих лет — Липочка, Валерка и Сережка — приезжали, молчали рядом с ней, не находя слов утешения. Разве утетишь обездоленную мать? День за днем проводила Зина на стуле перед столом, на котором когда-то лежала похоронка.

Вдруг пришла ей в голову мысль: поедет она в Чечню, увидит место, где убили сына, разыщет Имрана и спросит у него: «Ты этого хотел?» и скажет ему: «Ты убил нашего сына!». А может быть, и не убит Юрий? Не видела Зина тело убитого сына. Да, были гроб и похороны, но кто в этом гробу лежал, ей неизвестно. Да, была похоронка, но разве не могли перепутать и прислать в ее дом горестное известие о чьем-то сыне? Про такое писали в газетах и по телевизору показывали. Читала она, как спорили две матери на могиле: одной привезли гроб с телом, а другая откуда-то узнала, что в гробу том и в могиле лежит ее сын. Плакали-рыдали две русские женщины на одной могиле. Может, и у Зины такое случилось? Не видела она, кто лежал в гробу, кого хоронили.

Отговоров не слушала, собралась и отправилась в Москву — в Комитет солдат-

ских матерей. Две маленькие комнаты, столы, тесно прижатые друг к другу и заполненные горестными письмами. В коридоре молчаливая очередь тех, кто надеется вызволить сынов из кровавой бойни. Не все матери оказались в зависимости от чеченских событий, но эти события заставили по-иному посмотреть на то, что происходит в армии. Пытаются они понять и понять не могут, почему бегут солдаты из армии, почему там происходят убийства. Сидят матери молча, почти не разговаривают, перебирают в голове свои мысли, окрашенные протестом и возмущением: у кого-то забрали единственного кормильца, у кого-то избили сына до потери памяти. «Я здорового крепкого сына отдала в армию, а приехал инвалид», «Моего сына избили за то, что он дагестанец», «Где мой мальчик? От него ни одной весточки, ищу и найти не могу». Горе бьет по глазам, вырывается с рыданиями. И все же есть надежда: здесь, в Комитете, помогут, найдут, вызволят. Здесь работают особые женщины, перенесшие боль и потерю. Они знают: нельзя позволять горестным посетительницам рыдать. Рыданиями не поможешь. Их опыт научил: обездоленным матерям нельзя расслабляться. Надо поддержать горестных посетительниц советом и делом. Иной раз приходится вмешаться в армейские порядки, поскольку знают: солдат, сбежавший из части, далеко не всегда виновен, а прокурорские проверки, подтверждающие, что в частях все выполняется соответственно Уставу, не всегда правдивы. И потому ни за что, ни при каких обстоятельствах нельзя возвращать солдата туда, откуда тот сбежал. Со стен комитета «горестно кричат» плакаты, предостерегающие от ошибок и легковёрности. «Матери, помните: возвращение солдата в ту же часть — верный путь к его гибели», — прочитала Зина и подумала: если бы раньше она обратилась сюда, может, и не пришлось бы сейчас горевать? Здесь пытаются помочь. Только можно ли помочь в государстве, отвернувшемся от своих граждан?

В Комитете встретила Зина с такими же несчастными, как она. Были те, кто навечно потерял сынов своих, и те, кто еще надеялся вызволить их из смертоносной бойни, и те, кто ничего не знал о сыновьях, пропавших без вести, но твердо верил, что надо искать, добиваться правды, вызволять, спасать выросших своих детей. Женщина отдает Родине ребенка не для того, чтобы та бездумно распоряжалась его жизнью!

В Чечню отправились русские матери. Среди них ехала и Зина, не сумевшая жить в родном доме, хранившем память о Юре: о его детских и юношеских годах, о первых ранах на руках и коленках, о слезах, радостях, влюбленности и юношеских надеждах. Поезд, заполненный горем и отчаянием, двигался в Хасавюрт, оттуда, если повезет, отправятся убитые горем и неизвестностью женщины дальше — на поиски своих детей. Рядом с Зиной едет Мария. Где ее сын — неизвестно, получила от него единственное письмо из Владикавказа, писал, что направлен в Шаами-Юрт. Больше писем не было. На все запросы и письма ей отвечали, что сын в госпитале: то в Новочеркасске, то в Нальчике, то в Буденовске. Звонила туда, и везде один ответ — не поступал. Металась Мария и не выдержала — едет сама на поиски сына. Зина тоже едет искать, она теперь убеждена, что Юра жив. В такой неразберихе легко перепутать и отослать матери тело чужого солдата. А вдруг ничего не перепутали, и Юра покоится в подмосковной земле? Зина отодвигается от Марии, не хочет ее слушать: у той еще есть надежда, а у Зины сын погиб. Но нет, так думать нельзя, надо верить. Во что? В неразбериху и равнодушие? В то, что сосланы ребята под командование безответственных людей? И она, мать, не уберегла Юру от этой безответственности и жестокости?

Труден путь в места, где прожил сын последние дни. Нашлись и недруги, не пускавшие ее туда, запрещавшие матери отдать сыну долг памяти. Да разве можно остановить лавину, хлынувшую из российских городов в высокогорные, труднодоступные, заполненные убийственными событиями места? Правдами и неправдами проби-

рались Зина и другие обездоленные матери в края, ставшие последними пристанищами их детей. Не останавливали запреты командования, уговоры офицеров, разумные доводы об опасности, не убеждали патриотические речи. Столкнулась Зина с черствостью и жестокостью, с бездумностью, посылавшей на смерть двадцатилетних мальчишек, с безразличием к материнскому горю. Но видела она стыд и скорбь в людских глазах, а также вечный страх, поселившийся в сердцах, который прятали глубоко внутрь себя те, кто пережил и выбрался из гражданской бойни. Теперь она точно знала: никогда и ни для кого, кто оказался в круговерти военных событий, это не пройдет бесследно.

Поиски сына привели в Моздок. Там она разыскала Юриного армейского друга. Саша и Юра не расставались: вместе служили в Курске, потом их отправили на войну. Саша и рассказал о последнем Юрином бое:

— Нас пятеро было. Оказались в засаде на горном перевале, отстреливались, трое ребят погибли. Я был ранен и последнее, что помню: надо мной склонился чех, так мы боевиков прозываем. Почему-то чех похож на Юрку. Мне даже показалось, что это Юрка стоит надо мной. А Юрка, раненый, неподалеку лежал. У него хватило сил выстрелить в чеха. Тот свалился рядом со мной. Выстрелить в меня не успел. Чехи загрыкали, подхватили убитого и унесли, утащили и Юрку. Меня в плен не взяли. Решили: убитый. Ребята потом случайно обнаружили, что я живой.

Саша замолчал, по лицу его проскочила нервная дрожь. Зина смотрела во все глаза: перед нею сидел солдат, мальчик по возрасту, но уже мужчина, столкнувшийся со смертью и сумевший выжить. Такая несочетаемая двойственность, наверное, поселилась и в Юре. Саша-то не сказал, что его убили. Жив, находится в плену? И надо его разыскать, вызволить? Она мысленно просчитывала, что делать дальше. Саша продолжил:

— Меня выходили. Врачи в госпитале опытные, по косточкам человека собрать могут. Вернулся в часть. Чехи предложили обменять Юру на своего. Что произошло, не знаю точно. Я еще в госпитале был. Мне потом рассказали: когда обменивали, и Юра уже шел к нашим — худой, изможденный... Его, наверное, били много, и уж, конечно, не кормили. Говорят, чехи держат наших в темных ямах. Так вот, когда он шел, один из чехов крикнул по-русски: «Не жить тебе. Ты сына моего убил». И пустил автоматную очередь. На него сразу свои набросились, окружили, по своейски лопочут. Видно, не ожидали такого. Нельзя с ними договариваться, все равно обманут. Тут заминка возникла. Наши ребята к Юрке подскочили, а тот уж не дышит. Глаза свои серые раскрыл и в небо глядит...

Говорить Саше трудно. Разве легко матери рассказывать, как погиб ее сын? Такова тяжкая доля друга. Саша сидел, опустив голову, теребя руками ворот гимнастерки. Зина вдруг увидела перед глазами: вот Юра медленно ступает, приволакивая раненую ногу. Синяки и раны от побоев на теле саднят и трутся о грубую ткань одежды, усиливая боль. Его невозможно узнать после побоев. Глаза, привыкшие к темноте, слезятся от света. Каждый шаг сопровождается болью. Но Юра идет к своим. Его спасли, он выжил в страшном плену. Какой-то чеченец сказал ему по-русски: «Ты убил Руслана, старшего сына моего. Я тебя не отпущу. По нашему обычаю кровью ответишь за его гибель. Аллах покарает тебя и твою мать. Лишит твоего отца сына, как ты лишил меня». Чеченец не унимался, требовал Юриной смерти. Его убеждали: смерть русского не вернет Руслана, а обмен возвратит чеченских парней в другие семьи. Убедили. Юра шел к своим. Что за обычай заставил того чеченца выстрелить ему в спину? Юра падал на землю, а в памяти мелькали родная улица Соновая, мать, стоящая на крыльце дома, улыбающийся отец, милая и застенчивая Танюша. «Я вернусь к вам, родные, обязательно вернусь», — думал Юра в последнее мгновение.

Все узнала Зина о сыне. Он погиб, а у нее, по крайней мере, есть холмик, под которым упокоился Юра. Туда, к нему звало материнское сердце. Однако разгулявшаяся судьба приготовила еще одно испытание.

Зина страстно желала попасть в часть, где служил Юрий, поговорить с теми, кто был рядом с ним в последние дни. На войне нет места простой женщине, только Зина была матерью, отстаивавшей свое право на горестное знание. И она оказалась среди Юриных боевых собратьев.

— Хотите увидеть чеченца, убившего вашего сына? — спросил ее подполковник.

Жестокий вопрос, да невозможно на войне обойтись без жестокости. И раз судьба Зинина такова, она это переживет. Ей надо взглянуть в глаза чеченца, плюнуть ему, убийце, в лицо, расстрелять его из автомата.

Перед ней стоял Имран, бывший однокашник, теперь оказавшийся в плену. Это совсем невозможно, и это случилось. Годы состарили его, война и горе давило на крепкие мужские плечи. И все-таки сохранился тот же решительный взгляд жарких глаз, та же царственность шаха, милостиво спустившегося к своим подданным.

— Ты? — выдохнула Зина.

Имран взглянул на нее, и смутная тень догадки мелькнула на непреклонном лице. Боязнь страшной открывающейся тайны, надежда на то, что тайна эта его не коснется, память о русской девушке, захватившей в плен его сердце и не отпускавшей никогда — все это сильным вихрем пронеслось в голове.

— Зина? Как ты сюда попала? Зачем приехала?

— Я сына искала, Имран, нашего с тобой сына, а ты ... — она набрала воздуха в грудь, тот жег ее изнутри, и надо было выдохнуть обжигающее пламя. — Ты убил его!

Она достала из сумки Юрину фотографию — последнюю, сделанную перед уходом в армию, и протянула Имрану. С фотографии смотрел на Имрана улыбающийся темноволосый парень с широко распахнутыми светлыми глазами. Да нет, это не знакомый парень, это сам Имран. Конечно же. У него дома есть похожая фотография. А еще этот парень удивительно похож на Руслана: такой же вихрь темных волос и непокорный завиток на виске. Если затемнить глаза, и не отличишь.

Молчание было долгим и тягостным. Внезапно Зина осознала, что удар, нанесенный Имрану, — самый страшный. Страшнее смерти. И ничего уже не исправишь. Есть Зина, и есть Имран. Была у них любовь, и был у них сын. Судьба их разбросала, и каждый мучился друг без друга всю жизнь, нанося мальчику, живому творению их любви, несправедливые, хотя им и не осознанные, удары. Впрочем, что винить судьбу, коли сами ее сотворили? Почему она тогда не сказала Имрану о ребенке? Почему молчала все эти годы? Почему он уехал, сдавшись на милость обычаям отцов? Почему бездумно вычеркнул Зину из своей жизни? Они оба есть, а Юры нет. Они оба жестоко наказаны. Жизнь не прощает людских ошибок. Ничего не вернешь. Надо жить дальше. Ей без Юры, с тягостным обвинением себя — не уберегла. Ему — без двух своих сыновей, одного из которых он сам убил, мстя за смерть другого. Говорить было не о чем. Зина встала и вышла из комнаты, в которой сидел чеченский мужчина, окруженный русскими солдатами, убитый словами русской женщины, растерзанный страшным деянием.

Зина возвращалась домой, где ее ждали и любили. Сережа и Катя встретили мать на московском вокзале.

— Мама, — ласково прозвенел Катин голос — мы без тебя страшно скучали. Ты нужна нам, мама!

Дочь прижалась к матери, всем сердцем желая защитить ее от горя. Сережа тоже обнял Зину, и в этом движении проявились сыновья нежность и забота. Молча взяв ее сумку, он направился к билетной кассе.

— Папа поставил на Юриной могиле оградку и скамейку,— сказала Катя.— Он немного прихворнул и ждет тебя дома. Ты не волнуйся, у нас все нормально.

Мчался поезд по Подмоскovie, вез Зину к дому, в котором она счастливо прожила много лет, в котором смеялись и играли дети, строились планы, люди заботились друг о друге. Жизнь продолжается. Сейчас она войдет в дом, ее встретит заботливый муж, а завтра они обязательно сходят в гости к сыну. Юра не умер, он перебрался в далекие края, и все равно рядом с ними. Недалеко от дома есть место, где можно посидеть и поговорить с ним. Душа сына ждет этой встречи. А еще у Зины есть воспоминания и Юрины фотографии. А еще есть близкие люди, которые любят ее, любят и помнят Юру. Боль Зинина не утихает, надо научиться жить с этой болью. Только бы никогда больше не коснулось ее дома тягостное крыло братоубийственной войны.

Через несколько месяцев пришло письмо из Чечни, от Ахмада, бывшего сокурсника и верного друга Имрана. Жестокие события, писал он, не прошли бесследно: Имран стал ярким противником войны между русскими и чеченцами. Собственно, это была война тех, кому народы доверили управлять своими делами. Имран погиб. Не могло быть иначе, поскольку новых убеждений ему не простили противники мира, желавшие ценой гибели чеченского народа добиться независимости. «Когда-нибудь, я в это верю, закончится война, и мы обязательно встретимся. Нам есть, о чем поговорить. Прости нас, Зина, и пойми нашу боль, поскольку именно от непонимания, умело использованного политиками, развернулась трагедия, в которой гибнут люди с обеих сторон». Что на это ответишь? Зина положила письмо в свою потайную шкапу, рядом с Юриной похоронкой. Придет еще время, когда станет понятным, зачем была развязана война, в которой погибли Юрий, Руслан, Имран, многие люди, ей неизвестные, но вошедшие болью в ее сердце.

Пусть никогда больше не испытывают матери такую нестерпимую боль, какая захватила Зину. Как помочь тем, кто еще может спасти своих мальчиков? Когда-то она отказалась прийти в Комитет солдатских матерей, полагая, что незачем. В дни несчастья отправилась туда за поддержкой и получила ее от таких же горящих, как она сама, женщин. Теперь Зина знала: нельзя быть в беде одной, надо бороться против беды и предотвратить ее там, где это возможно. Так она стала волонтером Комитета солдатских матерей. Дело, прямо скажем, невыносимо трудное, поскольку каждый раз вместе с матерями, пришедшими сюда за помощью, ей снова и снова приходится переживать и свою не утихающую боль.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ

Наталья Ханина
(г. Тула)

СЛОВО О ПОЭТЕ

У каждого из нас в жизни бывают минуты, когда хочется уйти от текущих проблем и погрузиться в другой волнующий и прекрасный мир — мир поэзии. Передо мной книга стихов А. И. Сиянова «Раздумья». Читая ее страницу за страницей, начинаешь «чувствовать и мыслить по-иному». И уже кажется, что становишься не просто свидетелем, а соучастником какой-то неведомой тайны; все глубже твоя душа проникает в стихотворения и вступает в диалог с поэтом.

О чем же размышляет А. И. Сиянов? Прежде всего о России, о ее судьбе, ее будущем. В этой книге мы найдем и философскую, и пейзажную, и интимную лирику. Простыми, доступными словами строит поэт свое общение с читателем и надеется на взаимность: его прочитают, поймут, осмыслят. В стихотворении, открывающем книгу, А. И. Сиянов выражает надежду, что его лирика будет служить добру, воспитанию человека, напомнит ему о вечных ценностях: совести, чести, достоинстве, вере, любви, сострадании и т. д. Автор признается, что «вложил душу» в эти строки и предполагает, что одним читателям его стихи помогут в жизни, освободят от тяжелого груза проблем, избавят от душевных мук, другие же, более скрупулезные — раскроют секрет мастерства, найдут «зерно, ради которого творил, в мечтах витал, горел на взлете». Это «зерно», как мне кажется, — в беспокойной душе поэта А. И. Сиянова.

Его лирический герой — правдоискатель, человек немолодой, но с юной, задорной душой, богатым внутренним миром, много переживший и познавший. Это гражданин, патриот, горячо любящий свою Родину, малую и большую, ощущающий неразрывную с ней связь:

*Намертво привязан я к России,
Как новорожденный сосунок.*

.....

*Мне не надо ничего иного,
Только бы любовь к ней сохранить,
Только б чувства этого земного
По неразуменью не разлить.*

Поэт страдает оттого, что не все в стране спокойно, много обездоленных, нищих людей. Он задается вопросами: почему все это происходит, почему люди такие злые, коварные, жестокие, равнодушные? Как заставить человека поступать по совести? В своих стихотворениях А. И. Сиянов пытается ответить на эти вопросы, стремится найти для человека нравственную опору, которая помогла бы стать ему морально стойким перед лицом зла: мира денег с его пошлостью и цинизмом, где все покупается и продается, где нет места ничему святому. Под влиянием таких страстей, как жадность, тщеславие, эгоистическое самоутверждение за чужой счет, любой ценой, человек забывает о своем нравственном долге. И не за горами «неотвратимость грозных дней». Такой емкий образ возмездия и грядущих перемен «за все промашки и грехи, за все дела, что так плохи».

Где же найти эту опору? Где найти лекарство для души? И поэт обращает свой взор к истокам, корням, родной природе, к земле, к труду на ней. Именно каждодневный труд физический и умственный спасает человека, не дает погибнуть в нем личности. Поэт отдает свои симпатии не мальчикам «на крутых тачках», не лизоблюдам-подхалимам, ищущим свое место под солнцем, не красавицам, торгующим собой, а человеку с беспокойной душой. Он утверждает, что нельзя быть в стороне от жизни, жить по принципу: «моя хата с краю», унывать «от бесконечной суеты, от злого языка, от горькой укоризны, от нерешенных дел, каких невпоровот». И призывает:

*Пока ты жив еще, не думай о покое,
Работай и терпи, как терпят люди все,
Вертись юлой в своем прижизненном забое
И крепи в нем держи на должной высоте.*

Тема России — ключевая тема, она проходит через все разделы книги. Лейтмотив — надежда на возрождение былой славы Отчизны, на избавление ее от скверны и пороков:

*Знаю я: исчезнут лихолетья,
Расцветешь ты буйною весной,
Сбросишь все оковы и ошметья
И вздохнешь свободною душой.*

Размышляя о нравственности, поэт полагает, что человек должен во что-то верить, ибо без духовности «жизнь — страшнее пистолета». Учиться нравственности, духовности надо у великих. Например, у гения, совести России, нашего земляка, писателя-философа Л. Н. Толстого, идеи которого — «язык понимания истины верной и вечно живой». Воссоздавая образ Толстого, А. И. Сиянов подчеркивает его скромность, простоту, мудрость. В его обители, Ясной Поляне, можно «набраться силы, духа, обиду горькую излить», очиститься от зла, вульгарщины и пошлости.

Особая тема в творчестве А. И. Сиянова — подвиг русского солдата в Великой Отечественной войне — раскрыта в стихотворениях «У Вечного огня», «Склоните головы», «22 июня» и других. В ином ракурсе предстает тема памяти — выражение сыновней любви, благодарности своей матери, за то, что дала жизнь, воспитала человеком.

С подлинной человечностью, благородством, прямоотой раскрывает поэт сложнейшие душевные переживания, рисует отношения мужчины и женщины, любви счастливой и несчастливой. Поэт не фокусирует внимание на похоти, то есть, говоря словами В. А. Жуковского, «не делая привлекательными... сладострастия». А. И. Сиянов воспекает любовь-счастье, согревающее сердца много лет. Любовь окрыляет, поднимает душу над серыми буднями, одухотворяет жизнь:

*Без любви и сердце бы молчало,
Без любви душа была б мертва.
Без любви и жизнь бы заскучала
И засохли на корню слова.*

Стихи А. И. Сиянова музыкальны. Эта напевно-мелодическая тональность передается через использование фольклорных жанров, образов, при помощи вопросительно-восклицательной интонации, анафорами, инверсиями, рефренами.

Природа у него одухотворена, она живая: «небеса слезятся», «речка прячется», «ветер плачет и смеется», «осень крадется» и т. д. Земля, родная природа у него — невеста, невестушка. Какой трогательный образ!

Поэт А. И. Сиянов не ищет славы, популярности, но он предельно откровенен с читателем, приглашает к доверительному разговору, совместному раздумью о непреходящих нравственных ценностях, о власти человеческого слова, о назначении поэзии, о смысле человеческой жизни, о могуществе гуманных идеалов, не утрачиваемых даже в кризисное время.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАМЯТЬ

Вячеслав Боть
(г. Тула)

ЗАБЫТЫЙ ПИСАТЕЛЬ **К 125-летию со дня рождения П. С. Сухотина**

Поэт, прозаик и драматург Павел Сергеевич Сухотин родился 1 января 1884 года в сельце Паринцево Чернского уезда Тульской губернии (ныне деревня Паринцево Чернского района Тульской области), в мелкопоместной дворянской семье.

Сам писатель в своей автобиографии отмечал: «Семья жила крепко и замкнуто, довольствуясь знакомством очень близких соседей и родных». Но далее уточнял: «Отец мой не придерживался общего дворянского обычая строго ограничивать свою жизнь от жизни крестьян. Он был постоянным гостем в избе так же, как и всякий крестьянин, заходивший в наш дом, был желанным гостем, и если случалось в часы обеда или чая, то тут же помещался за общим столом, а потому и моими лучшими друзьями были крестьянские дети. С детства я полюбил не помещичью, а избяную деревню, никогда не порывал с нею связи, и это обстоятельство дало мне возможность понять и почувствовать красоту и силу русского народного слова... В деревне я вырос и как писатель, и, главным образом, как прозаик».

Имея склонность к народничеству и почитая такого писателя, как Глеб Успенский, П. С. Сухотин отмечал, что в начале пути отдал долг молодости и «был увлечен символизмом», но «скоро очнулся».

И далее читаем: «Биография моя бедна событиями. Люблю охоту, люблю собак, люблю бродяжить. Самыми знаменательными и фантастическими годами моей жизни считаю последние восемь лет. За это время я был: землеробом, мельником, кооператором, заведующим отделом народного образования в г. Одоеве, корректором, актером, фельетонистом, служащим музея и, наконец, вернулся к своему исконному делу — к литературе».

Так он писал в 1925 году. Цитирую из книги «Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков». Изд. второе, доп. и испр.— М.— 1928.

О жизни и творчестве писателя сведений очень мало. Он даже не упомянут в Краткой Литературной Энциклопедии, хотя она не такая и краткая — девять больших томов; если не статью, то хотя бы краткую биографическую справку можно было поместить. И тем более о нем нет статей в Литературном энциклопедическом словаре (однотомник) и в Большой Советской Энциклопедии (многотомные три издания). И лишь в одиннадцатом томе Литературной Энциклопедии 1939 года, когда был строгий отбор писательских имен, о нем помещена небольшая статья, в которой указаны только годы жизни, Тульская губерния и некоторые произведения с критической оценкой их идейного содержания.

В тульском литературном краеведении П. С. Сухотин почти забыт, если не считать небольшую справку о нем в работе Н. А. Милонова «Русские писатели и Тульский край». Да это и понятно: книги нашего земляка давно не переиздавались и стали такой библиографической редкостью, что даже в фондах Тульской областной универсальной научной библиотеки хранится только одна его книга «Бальзак» (М., 1934, ЖЗЛ).

Писатель связан с Тульским краем не только по месту своего рождения. С 1918 года он жил и работал заведующим уездным отделом народного образования в Одоеве, где вместе с писателем П. Романовым был организатором народного университета, читая лекции по литературе. Бывал в Белеве и Мишенском. С начала 20-х годов некоторое время жил и работал в Туле, потом — в Москве, где скончался 1 декабря 1935 года. «Литературная газета» поместила некролог, подписанный известными советскими писателями.

Павел Сухотин впервые выступил в литературе в 1909 году, когда из печати вышел его сборник стихов «Астры. Поэмы отошедшему» (М., 1909). И творчество его охватывает сравнительно небольшой период, с 1909 года по 1934-й, 25 лет. Но за это время им были написаны стихи и поэмы, сказки и побаски, рассказы, повести и романы, сцены и пьесы, а также сделаны переводы в стихах и прозе с провансальского и персидского языков, издана биографическая книга «Бальзак». И, наконец, он был одним из первых в России переводчиков старинной японской поэзии.

Творчество П. С. Сухотина развивалось под влиянием Александра Блока, Ивана Бунина, с которыми он был знаком, и Аполлона Григорьева, произведения которого он знал и писал о нем: «Воспитателем моих литературных вкусов считаю гениально-го и несправедливо забытого писателя Аполлона Григорьева».

Интересно отметить, что 22 февраля 1916 года А. Блок писал П. Сухотину: «Дорогой Павел Сергеевич. Сейчас получил Вашего Григорьева, спасибо Вам... Всего Вам хорошего.» (Александр Блок. Собр. соч. Том 8. М.-Л., 1963, С. 456.) В примечаниях сказано, что это книга А. Григорьева «Мои литературные и нравственные скитальчества» (М., 1915). Предисловие и примечания П. Сухотина. На книге автограф: «1916 г. 5 февр. Дорогому Александру Александровичу Блоку на память о свидании на Пряжке от Павла Сухотина» (Институт русской литературы). И в том же году вышла книга А. Григорьева «Стихотворения» (М., 1916) со вступительной статьей А. Блока. Вот такие были взаимные интересы и связи.

В своих произведениях П. С. Сухотин воспевал древнюю Русь, жизнь русской деревни, использовал народные легенды и предания, сказочные мотивы, отражал темы монастырской и усадебной жизни.

В Литературной Энциклопедии (т. 11. М., 1939) критически было отмечено: «Поэзия С. глубоко пессимистична и овевана мистическими настроениями (сб. «В черные дни», М., 1922), прозаические произведения («Записки русского Кота» (сб. «Ветвь», М., 1919), «Вишни для компота» (Л.-М., 1927) и др.) свидетельствуют о знакомстве писателя с деревенской жизнью, но не отличаются глубиной идейного содержания. С. — лишь наблюдатель, скользящий по поверхности жизни. Пьесы С. в большинстве не самостоятельны. Свои сюжеты автор заимствует из произведений классиков, напр. «Амур в лапоточках» (М., 1927), сделанная по одноименной повести Н. Лескова, и «Человеческая комедия», написанная на основании романов О. Бальзака». А художественные особенности его произведений замечены не были, на них просто тогда не обращали внимания.

Отметим, что в 2001 году поэты и краеведы Одоева издали сборник стихотворений местных авторов «Одоевские рассветы», в который включили и несколько стихотворений Павла Сухотина из сборника «В черные дни» (М., 1922), в предисловии к которому он написал: «Называя этот сборник «В черные дни», я посвящаю его ушедшему Александру Блоку...» Одно из стихотворений так и названо «Памяти Александра Блока». Должно быть, отсюда — грустные мотивы его поэзии. В 2003 году был издан второй сборник «Одоевские рассветы», в котором опять опубликовано несколько стихотворений поэта.

Некоторые краткие сведения позволили установить творческое содружество П. С. Сухотина и А. Н. Толстого. В 1931 году в одном из писем Алексей Толстой сообщал М. Горькому: «Пишу... окончание повести совместно с П. Сухотиным». (Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 405—406). В примечаниях было отмечено, что это — «Записки Мосолова», повесть, написанная в соавторстве с П. С. Сухотиным. Первая часть была напечатана в журнале «Красная новь», 1931, № 5—8, а вот продолжение написано не было. Но известно другое, что пьесу «Это будет» (1931) Сухотин писал совместно с А. Толстым.

И опять из переписки узнаем о журнальных публикациях П. С. Сухотина. 1 апреля 1914 года Александр Блок писал ему: «Спасибо Вам и «Софии» за приглашение сотрудничать, не знаю только, чем могу быть ей полезным. Если что надумаю, пришло. «Софию» я люблю...» (Речь идет о выходившем в те годы журнале «София»). «Вам должен сказать, что Ваши статьи в «Софии» (о повестях) мне гораздо больше нравятся, чем книжка стихов». (Речь идет о книжке «Стихотворения», М., 1914, с надписью «Александр Александровичу Блоку, дорогому поэту, с сердечным приветом с родных полей. Павел Сухотин. 18 марта 14 г.» (ИРЛИ). (Александр Блок. Там же, с. 437). Конечно, не все произведения Сухотина равнозначны, хотя книги его издавались и пьесы шли на сценах московских театров, но все это было при жизни писателя. Потом наступило забвение.

Современному читателю его книги не знакомы. Как образец лирики П. С. Сухотина можно привести одно стихотворение, обнаруженное недавно. Оно было опубликовано в сборнике «Клич» под ред. И. А. Бунина, В. В. Вересаева, Н. Д. Телешова (М., 1915. С. 144). Книга экспонируется в Доме-музее В. В. Вересаева. Вот это стихотворение:

*Сжигало солнце, гром ворчал,
И в облаках таилась угроза.
Сердилась ты, я — тягостно молчал,
В руке твоей изнемогала роза.
Давно затих на речке соловей,
И вдруг на воспаленный лист березы
Намчался вихрем шумный лиходея
И пролил с неба радужные слезы.
Как весел был нежданный твой испуг,
Как весело под ливнем ты бежала,
Склонясь ко мне, переводила дух
И, холодом омытая, дрожала.
Как очистительно гроза весны
Над омраченной любовью мчалась,
Какие сладостно сбывались сны,
И как легко с тобою мне молчалось.
Бежал поток и прядал к нам с горы,
Лазурное нам небо разверзалось,
И солнце — солнце золотой поры
Твоих кудрей рассыпанных касалось.
И громко пел на речке соловей,
И песнь его на радуге сверкала,
И роза влажная в руке твоей
Цвела и мне в лицо благоухала.*

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что жизнь и творчество Павла Сергеевича Сухотина почти не изучены. Мы очень мало знаем о его жизни в Паринце, Одоеве, Туле, Москве. Давно забыты книги писателя, которые после его кончины не переиздавались. Несомненно, необходимо восполнить этот пробел, хотя бы в нашем литературном краеведении.

ПРАВОСЛАВИЕ В НАШИХ ДУШАХ

Николай Васильевич Гоголь

РАЗМЫШЛЕНИЯ О БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ* (Избранные главы)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Целью этой книги — показать, в какой полноте, и внутренней глубокой связи совершается наша Литургия, юношам и людям, еще начинающим, еще мало ознакомленным с ее значением. Из множества объяснений, сделанных Отцами и Учителями, выбраны здесь только те, которые доступны всем своей простотой и доступностью, которые служат преимущественно к тому, чтобы понять необходимый и правильный исход одного действия из другого. Намеренье издающего эту книгу состоит в том, чтобы утвердился в голове читателя порядок всего. Он уверен, что всякому, со вниманием следующему за Литургиею, повторяя всякое слово, глубокое внутреннее значение ее раскрываться будет само собою.

ВСТУПЛЕНИЕ

Божественная Литургия есть вечное повторение великого подвига любви, для нас совершившегося. Скорбя от неустроений своих, человечество отсюда, со всех концов мира взывало к Творцу своему — и пребывавшие во тьме язычества и лишённые Боговедения — слыша, что порядок и стройность могут быть водворены в мире только Тем, Который в стройном чине повелел двигаться мирам, от Него созданным. Отовсюду тоскующая тварь звала своего Творца. Воплями взывала все к Виновнику своего бытия, и вопли эти слышней слышались в устах избранных и пророков... Предчувствовали и знали, что Создатель, скрывающийся в созданных, предстанет Сам лицом к человекам, — предстанет не иначе, как в образе того создания Своего, созданного по Его образу и подобию. Вочеловечение Бога на земле представлялось

* Печатается по изданию: Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями: Духовная проза / Состав., предисл. и коммент. В. А. Воропаева. — М.: Патриот, 1993. — С. 263—320. Также обращаем внимание читателей на издание в старой орфографии: Размышления о Божественной Литургии Гоголя Н. В.: Репринтное издание. — М.: Современник, 1990. — 124 с. (Тираж 100000 экз., что делает это издание доступным).

всем, по мере того, как сколько-нибудь очищались понятия о Божестве. Но нигде так ясно не говорилось об этом, как у пророков Богоизбранного народа. И самое чистое воплощение Его от чистой Девы было предслышимо даже и язычниками; но нигде в такой ощутительно видной ясности, как у пророков.

Вопли слышались: явился в мир, *Им же мир бысть*; среди нас явился в образе человека, как предчувствовали, как предслышали и в темной тьме язычества, но не в том только, в каком представляли Его неочищенные понятия — не в гордом блеске и величии, не как каратель преступлений, не как судия, приходящий истребить одних и наградить других. Нет! Послышалось кроткое лобзание брата. Совершилось Его появление образом, только одному Богу свойственным, как прообразовали Его Божественно пророки, получившие повеление от Бога...

ПРОСКОМИДИЯ

Священник, которому предстоит совершать Литургию, должен еще с вечера трезвиться телом и духом, должен быть примирен со всеми, должен опасаться питать какое-нибудь неудовольствие на кого бы то ни было. Когда же наступит время, идет он в церковь; вместе с диаконом поклоняются они оба пред царскими вратами, целуют образ Спасителя, целуют образ Богородицы, поклоняются ликам святых всех, поклоняются всем предстоящим направо и налево, испрашивая сим поклоном себе прощения у всех, и входят в олтарь, произнося в себе псалом: *Вниду в дом Твой, поклонюся храму Твоему во страхе Твоем*. И, приступив к престолу лицом к востоку, повергают пред ним три наземные поклона и целуют на нем пребывающее Евангелие, как бы. Самого Господа, сидящего на престоле; целуют потом и самую трапезу и приступают к облачению себя в священные одежды, чтобы отделиться не только от других людей, — и от самих себя, ничего не напомнить в себе другим похожего на человека, занимающегося ежедневными житейскими делами. И произнося в себе: *Боже! очисти меня грешного и помилуй меня!* священник и диакон берут в руки одежды. Сначала одевается диакон; испросив благословение у иерея, надевает стихарь, подризник блистающего цвета, во знаменование светоносной ангельской одежды и в напоминанье непорочной чистоты сердца, какая должна быть неразлучна с саном священства, почему и произносит при воздевании его: *Возрадуется душа моя о Господе, облече бо мя в ризу спасения и одеждою веселия одея мя; яко жениху, возложи ми венец и, яко невесту, украси мя красотою*. — Затем, берет, поцеловав, орарь, узкое длинное лентие, принадлежность диаконского звания, которым подает он знак к начинанью всякого действия церковного, воздвигая народ к молению, певцов к пению, священника к священнодействию, себя к ангельской быстроте и готовности во служении. Ибо званье диакона, что званье ангела на небесах, и самым сим на него воздетым тонким лентием, развевающимся как бы в подобие воздушного крыла, и быстрым хождением своим по церкви изображает он, по слову Златоуста, ангельское летание. Лентие это, поцеловав, он набрасывает себе на плечо. Потом надевает он поручи, или нарукавницы, которые стягиваются у самой кисти его руки для сообщения им большей свободы и ловкости в отправлении предстоящих священнодействий. Надевая их, помышляет о всетворящей, содействующей повсюду силе Божией и, воздевая на правую, произносит он: *Десница Твоя, Господи, прославилась в крепости; десная рука Твоя, Господи, сокрушила врагов и множеством славы Своей Ты истребил супостатов*. Воздевая на левую руку, помышляет о самом себе, как о творении рук Божиих и молит у Него же, его же сотворившего, да руководит его верховным, свышним Своим руководством, говоря так: *Руки Твои сотворили и создали мя. Вразуми меня, и научуся Твоим заповедям*.

Священник облачается таким же самым образом. Вначале благословляет и надевает стихарь, сопровождая сие теми же словами, какими сопровождал и диакон; но, вслед за стихарем, надевает уже не простой одноплечный орарь, но двухплечный, который, покрыв оба плеча и обняв шею, соединяется обоими концами на груди его вместе и сходит в соединенном виде до самого низу его одежды, знаменуя сим соединение в его должности двух должностей — иерейской и диаконской. И называется он уже не орарем, но эпитрахилью, и самым воздеванием своим знаменует излияние благодати свыше на священников, почему и сопровождается это величественными словами Писания: *Благословен Бог, изливающий благодать Свою на священники Своя, яко миро на главе, сходящее на браду, браду Аарону, сходящее на ометы одежды его.* Затем надевает поручи на обе руки свои, сопровождая теми же словами, как и диакон, и препоясует себя поясом сверх подризника и эпитрахили, дабы не препятствовала ширина одежды в отправлении священнодействий и дабы сим препоясанием выразить готовность свою, ибо препоясует человек, готовясь в дорогу, приступая к делу и подвигу: препоясует и священник, собираясь в дорогу небесного служения, и взирает на пояс свой, как на крепость силы Божией, его укрепляющей, почему и прозносит: *Благословен Бог, препоясующий мя силою, соделавший путь мой непорочным, быстрейшими еленей мои ноги и поставляющий меня на высоких,* то есть, в доме Господнем. Если же он облечен при этом званием высшим иерейства, то привешивает к бедру своему четырехугольный набедренник одним из четырех концов его, который знаменует духовный меч, всепобеждающую силу Слова Божия, в возвешение вечного ратоборства, предстоящего в мире человеку, — ту победу над смертию, которую одержал в виду всего мира Христос, да ратоборствует бодро бессмертный дух человека противу тления своего. Потому и вид имеет сильного оружия брани сей набедренник; привешивается на поясе у чресла, где сила у человека, потому и сопровождается возванием к Самому Господу: *Препояши меч Твой по бедре Твоей, Сильне, красотою Твоею и добротою Твоею, и наляцы, и успевай, и царствуй истины ради, и кротости, и правды, и наставит тя дивно десница Твоя.* Наконец надевает иерей фелонь, верхнюю всепокрывающую одежду, в знаменование верховной всепокрывающей правды Божией, и сопровождает сими словами: *Священники Твои, Господи, облекутся в правду и преподобнии Твои радостию возрадуются.* И одетый таким образом в орудия Божий, священник предстоит уже иным человеком: каков он ни есть сам по себе, как бы ни мало был достоин своего звания, но глядят на него все стоящие во храме, как на орудие Божие, которым наляцает Дух Святый. Как священник, так и диакон омывают оба руки, сопровождая чтеньем псалма: *Умью в неповинных руки мои и обыду жертвенник Твой.* Повергая по три поклона в сопровождении слов: *Боже! очисти мя грешного и помилуй,* встают омытые, усветленные, подобно сияющей одежде своей, ничего не напоминая в себе подобного другим людям, но подобясь скорее сияющим видениям, чем людям.

Диакон напоминает о начале священнодействия словами: *Благослови, владыко!* И священник начинает словами: *Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков,* и приступает к боковому жертвеннику. Вся эта часть служения состоит в приготовлении нужного к служению, то есть в отделении от приношений, или хлебв-просфор, того хлеба, который должен вначале образовать Тело Христово, а потом пресуществиться в него.

Так как вся Проскомидия есть не что иное, как только приготовление к самой Литургии, то и соединила с нею Церковь воспоминание о первоначальной жизни Христа, бывшей приготовленьем к Его подвигам в мире. Она совершается вся в олтаре при затворенных дверях, при задернутом занавесе, незримо от народа, как и вся первоначальная жизнь Христа протекала незримо от народа. Для молящихся же читаются в это время часы — собрание псалмов и молитв, которые читались христиа-

нами в четыре важные для христиан времена дня: час первый, когда начиналось для христиан утро, час третий, когда было сошествие Духа Святаго, час шестой, когда Спаситель мира пригвожден был к кресту, час девятый, когда Он испустил дух Свой. Так как нынешнему христианину, по недостатку времени и беспрестанным развлечениям, не бывает возможно совершать эти моления в означенные часы, для того они соединены и читаются теперь.

Приступив к боковому жертвеннику, или предложению, находящемуся в углублении стены, знаменующему древнюю боковую комору храма, иерей берет из них одну из просфор с тем, чтобы изъять ту часть, которая станет потом Телом Христовым,— средину с печатью, ознаменованной именем Иисуса Христа. Так он сим изъятием хлеба от хлеба знаменует изъятие плоти Христа от плоти Девы — рождение Бесплотного во плоти. И, помышляя, что рождается Принесший в жертву Себя за весь мир, соединяет неминуемо мысль о самой жертве и принесении и глядит на хлеб, как на агнца, приносимого в жертву, на нож, которым должен изъять, как на жертвенный, который имеет вид копья в напоминание копья, которым было прободено на кресте Тело Спасителя. Не сопровождает он теперь своего действия ни словами Спасителя, ни словами свидетелей, современных случившемуся, не переносит себя в минувшее, — в то время, когда совершилось сие принесение в жертву: то предстоит впереди, в последней части Литургии; и к сему предстоящему он обращается издали прозревающею мыслию, почему и сопровождает все священнодействие словами пророка Исаяи, издали, из тьмы веков, прозревавшего будущее чудное рождение, жертвоприношение и смерть и возвестившего о том с ясностью непостижимую. Водружая копье в правую сторону печати, произносит слова Исаяи; *как овечка водится на заклание; водрузив копье потом в левую сторону, произносит: и как непорочный ягненок, безгласный перед стригущими его, не отверзает уст своих; водружая потом копье в верхнюю сторону печати: Был осужден за Свое смирение, в смиренны Его суд Его взяты. Водрузив потом в нижнюю, произносит слова пророка, задумавшегося над дивным происхождением осужденного Агнца,— слова: Род же Его кто исповесть? И приподъемлет потом копьем вырезанную средину хлеба, произнося: яко вземлется от земли живот Его; и начертывает крестовидно, во знамение крестной смерти Его, на нем знак жертвоприношения, по которому он потом раздробится во время предстоящего священнодействия, произнося: Жертвоприносится Агнец Божий, вземлющий грех мира сего, за мирской живот и спасение. И обратив потом хлеб печатью вниз, а вынутой частью вверх, в подобие агнца, приносимого в жертву, водружает копье в правый бок, напоминая, вместе с заколением жертвы, прободение ребра Спасителя, совершенное копьем стоявшего у креста воина; и произносит: един от воин копией ребра Его прободё, и абие изыде кровь и вода: и видевый свидетельствова, и истинно есть свидетельство его. И слова сии служат вместе с тем знаком диакону ко влиту в Святую Чашу вина и воды. Диакон, доселе взиравший благоговейно на все совершаемое иереем, то напоминая ему о начинании священнодействия, то произнося внутри самого себя: *Господу помолимся!* при всяком его действии наконец вливает вина и воды в Чашу, соединив их вместе и испросив благословения у иерея. Таким образом приготовлены и вино, и хлеб, да обратятся потом во время возвышенного священнодействия предстоящего.*

И во исполнение обряда первенствующей Церкви и святых первых христиан, воспоминавших всегда, при помышлении о Христе, о всех тех, которые были ближе к Его сердцу исполнением Его заповедей и святостью жизни своей, приступает священник к другим просфорам, дабы, изъяв от них части в воспоминание их, положить на том же дискосе возле того же Святого Хлеба, образующего Самого Господа, так как и сами они пламенели желанием быть повсюду с своим Господом. Взявши в руки вторую просфору, изъемлет он из нее частицу в воспоминание Пресвятыя Богороди-

цы и кладет ее по правую сторону Святого Хлеба, произнося из псалма Давида: *Предста Царица одесную Тебя, в ризы позлащены одеея, преукрашенна*. Потом берет третью просфору, в воспоминание святых, и тем же копьем изъемлет из нее девять частиц в три ряда, по три в каждом. Изъемлет первую частицу во имя Иоанна Крестителя, вторую во имя пророков, третью во имя апостолов и сим завершает первый ряд и чин святых. Затем изъемлет четвертую частицу во имя святых отцов, пятую во имя мучеников, шестую во имя преподобных и богоносных отцов и матерей и завершает сим второй ряд и чин святых. Потом изъемлет седьмую частицу во имя чудотворцев и бессребреников, восьмую во имя Богоотец Иоакима и Анны, и святого, его же день; девятую во имя Иоанна Златоуста или Василия Великого, смотря по тому, кого из них правится в тот день служба, и завершает сим третий ряд и чин святых, и полагает все девять изъятых частиц на святой дискос возле Святого Хлеба по левую его сторону. И Христос является среди Своих ближайших, во святых Обитающий зрится видимо среди святых Своих — Бог среди богов, человек посреди человеков. И принимая в руки священник четвертую просфору в поминовение всех живых, изъемлет из нее частицы во имя императора, во имя синода и патриархов, во имя всех живущих повсюду православных христиан и, наконец, во имя каждого из них поименно, кого захочет помянуть, о ком просили его помянуть. Затем берет иерей последнюю просфору, изъемлет из нее частицы в поминовение всех умерших, прося в то же время об отпущении им грехов их, начиная от патриархов, царей, создателей храма, архиерея, его рукоположившего, если он уже находится в числе усопших, и до последнего из христиан, изъемя отдельно во имя каждого, о котором его просили, или во имя которого он сам восхочет изъять. В заключение же всего испрашивает и себе отпущения во всем и также изъемлет частицу за себя самого, и все их полагает на дискос возле того же Святого Хлеба внизу его. Таким образом, вокруг сего хлеба, сего Агнца, изображающего Самого Христа, собрана вся Церковь Его, и торжествующая на небесах, и воинствующая здесь. Сын Человеческий является среди человеков, ради которых Он воплотился и стал человеком. Взяв губку, священник бережно собирает ею и самые крупички на дискос, дабы ничто не пропало из Святого Хлеба, и все бы пошло в утверждение.

И отошедши от жертвенника, поклоняется иерей, как бы он поклонялся самому воплощению Христову, и приветствует в сем виде хлеба, лежащего на дискосе, появление Небесного Хлеба на земле, и приветствует его каждением фимиама, благословив прежде кадило и читая над ним молитву: *Кадило Тебе приносим, Христе Боже наш, в воню благоухания духовнаго, которое принявши во превышенебесный Твой жертвенник, возниспосли нам благодать Пресвятаго Твоего Духа*.

И весь переносится мыслию иерей во время, когда совершилось Рождество Христово, возвращая прошедшее в настоящее, и глядит на этот боковой жертвенник, как на таинственный вертеп, в который переносилось на то время Небо на землю: Небо стало вертепом, и вертеп — Небом. Обкадив звездицу, две золотые дуги со звездой наверху, и поставив ее на дискосе, глядит на нее, как на звезду, светившую над Младенцем, сопровождая словами: *И, пришедши, звезда стала вверху, иде же бе Отроча*; на Святой Хлеб, отделенный на жертвоприношение, — как на новородившегося Младенца; на дискос — как на ясли, в которых лежал Младенец; на покровы — как на пелены, покрывавшие Младенца. И, обкадив первый покров, покрывает им Святой Хлеб с дискосом, произнося псалом: *Господь воцарися, в лепоту облечеся...* и проч., — псалом, в котором воспевается дивная высота Господня. И обкадив второй покров, покрывает им Святую Чашу, произнося: *Покрыла небеса, Христос, Твоя добродетель, и хвалы Твоей исполнилась земля*. И взяв потом большой покров, называемый святым воздухом, покрывает им и дискос, и Чашу вместе, взывая к Богу, да покроет нас кровом крыла Своего. И отошед от предложения, поклоняются оба Свято-

му Хлебу, как поклонялись пастыри-цари новорожденному Младенцу, и кадит пред вертепом, изображая в сем каждении то благоухание ладана и смирны, которые были принесены вместе с золотом мудрецами.

Диакон же по-прежнему соприсутствует внимательно иерею, то произнося при всяком действии: *Господу помолимся*, то напоминая ему о начинании самого действия. Наконец, принимает из рук его кадильницу и напоминает ему о молитве, которую следует вознести ко Господу о сих для Него приуготовленных Дарах, словами: *О предложенных Честных Дарах Господу помолимся!* И священник приступает к молитве. Хотя Дары эти не более как приуготовлены только к самому приношению, но так как отныне ни на что другое уже не могут быть употреблены, то и читает священник для себя одного молитву, предвещающую о принятии сих предложенных к предстоящему приношению Даров. И в таких словах его молитва: *Боже, Боже наш, пославший нам Небесный Хлеб, пищу всего мира, нашего Господа и Бога Иисуса Христа, Спасителя, Искупителя и Благодетеля, благословляющего и освящающего нас, Сам благослови предложение сие и прими во свышненебесный Твой жертвенник: помяни, как Благой и Человеколюбец, тех, которые принесли, тех, ради которых принесли, и нас самих сохранив неосужденными во священнодействии Божественных Тайн Твоих.* И творит, вслед за молитвой, отпуст Проскомидии; а диакон кадит предложение и потом крестовидно святую трапезу. Помышляя и о земном рождении Того, Кто родился прежде всех веков, присутствуя всегда повсюду и повсеместно, произносит в самом себе: *во гробе плотски, во аде же с душою, яко Бог, в раю же с разбойником и на престоле был еси, Христе, со Отцем и Духом, вся исполняли Непоисанный.* И выходит из олтаря, с кадильницей в руке, чтобы наполнить благоуханием всю церковь и приветствовать всех, собравшихся на Святую Трапезу Любви. Каждение это совершается всегда в начале службы, как и в жизни домашней всех древних восточных народов предлагались всякому гостю при входе омовения и благоговения. Обычай этот перешел целиком на это пиршество небесное — на Тайную Вечерю, носящую имя Литургии, в которой так чудно соединилось служение Богу вместе с дружеским угощением всех, которому пример показал Сам Спаситель, всем служивший и умывший ноги. Кадя и поклоняясь всем равно, и богатому, и нищему, диакон, как слуга Божий, приветствует их всех, как наилюбезных гостей небесному Хозяину, кадит и поклоняется в то же время и образам святых, ибо и они суть гости, пришедшие на Тайную Вечерю: во Христе все живы и неразлучны. Приуготовив, наполнив благоуханием храм и возвратившись потом в олтарь и вновь обкадив его, полагает наконец кадильницу в сторону, подходит к иерею, и оба вместе становятся перед святым престолом.

Став перед святым престолом, священник и диакон три раза поклоняются долу и, готовясь начинать настоящее священнодействие Литургии, призывают Духа Святого, ибо все служение их должно быть духовно. Дух — учитель и наставник молитвы: *о чем бо помолимся, не вемы*, говорит апостол Павел: *но Сам Дух ходатайствует о нас воздыханьи неизглаголанномы.* Моля Святого Духа, дабы вселился в них и, вселившись, очистил их для служения, и священник, и диакон дважды произносят песнь, которою приветствовали ангелы Рождество Иисуса Христа: *Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение.* И вслед за сей песнью отдергивается церковная занавесь, которая отдергивается только тогда, когда следует поднять мысль молящихся к высшим горным предметам. Здесь отъятие горных дверей знаменует, вслед за песней ангелов, что не всем было открыто Рождество Христово, что узнали о нем только ангелы на небесах, Мария с Иосифом, волхвы, пришедшие поклониться, да издалека прозревали о нем пророки. Священник и диакон произносят в себе: *Господи! отверзи уста мои — и уста мои возвестят хвалу Твою.* Священник целует Евангелие, диакон целует святую трапезу и, подклонив главу свою, напоминает так о

начинании Литургии: тремя перстами руки подымлет орарь свой и произносит: *Время сотворить Господу: благослови, владыко!* И благословляет его священник словами: *Благословен Бог наш, всегда, ныне, и присно, и во веки веков.* И помышляя диакон о предстоящем ему служении, в котором должно подобиться ангельскому летанию, — от престола к народу и от народа к престолу, собирая всех в едину душу, и быть, так сказать: святой возбуждающею силою, и чувствуя недостойнство свое к такому служению, — молит смиренно иерея: *Помолись обо мне, владыко! — Да исправит Господь стопы твоя!* ему отвечает на то иерей. *Помяни меня, владыко святой! — Да помянет тебя Господь во Царствии Своем, всегда и ныне, и присно, и во веки веков.* Тихо и одобренным гласом диакон произносит: *аминь*, и выходит из олтаря северной дверью к народу. И, взошед на амвон, находящийся противу царских врат, повторяет еще раз в самом себе: *Господи, отверзи уста моя — и уста моя возвестят хвалу Тебе;* и, обратившись к олтарю, взывает еще раз к иерею: *Благослови, владыко!* Из глубины святилища возглашает на то иерей: *Благословенно Царство...* и Литургия начинается.

ЛИТУРГИЯ ОГЛАШЕННЫХ

Вторая часть Литургии называется Литургией оглашенных. Как первая часть, Проскомидия, соответствовала первоначальной жизни Христа, Его рождению, открытому только ангелам да немногим людям, Его младенчеству и пребыванию в сокровенной неизвестности до времени появления в мир, — так вторая соответствует Его жизни в мире посреди людей, которых огласил Он словом истины. Называется она Литургией оглашенных еще потому, что в первоначальные времена христиан к ней допускались и те, которые только готовились быть христианами, еще не приняли св. Крещения и находились в числе оглашенных. Притом самый образ ее священнодействий, состоя из чтений пророков, Апостола и Св. Евангелия, есть уже преимущественно огласительный.

Иерей начинает Литургию возглашением из глубины олтаря: *Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа...* Так как чрез воплощение Сына стало миру очевидно ясно Таинство Троицы, то по этому самому троичное возглашение предшествует и предияет начинанию всяких действий, и молящийся, отрешившись от всего, должен с первого разу поставить себя в Царство Троицы.

Стоя на амвоне, лицом к царским вратам, изображая в себе ангела, побудителя людей к молениям, подняв тремя перстами десная руки узкое лентие, — подобие ангельского крыла, — диакон призывает молиться весь собравшийся народ теми же самыми молитвами, которыми неизменно от апостольских времен молится Церковь, начиная с моления о мире, без которого нельзя молиться. Собрание молящихся, знаменуясь крестом, стремясь обратить свои сердца в согласно настроенные струны органа, по которым должно ударять всякое воззвание диакона, восклицает мысленно вместе с хором поющих: *Господи, помилуй!*

Стоя на амвоне, держа молитвенный орарь, изображающий поднятое крыло ангела, стремящего людей к молитве, призывает диакон молиться: о свышнем мире и спасении душ наших, о мире всего мира, благосостоянии Святых Божиих Церквей и соединении всех; о святом храме и о входящих в него с верой, благоговением и страхом; о государе, о синоде, начальствах, духовных и гражданских, палатах, воинстве, о граде, об обители, в которой служится Литургия, о благорастворении воздухов, об обилии плодов земных, о временах мирных; о плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных и о спасении их; о избавлении нас от всякие скорби, гнева и нужды. И, собирая все сею всеобъемляющею цепью молений, называет

мою великой ектенией, на всякое ее отдельное призвание, собрание молящихся восклицает вместе с хором поющих: *Господи, помилуй!*

В знаменование бессилья наших молений, которым недостает душевной чистоты и небесной жизни, призывает диакон, — вспомня о тех, которые умели лучше нашего молиться, — предать самих себя, и друг друга, и всю жизнь нашу Христу Богу. В желаньи искреннем предать самих себя, и друг друга, и всю жизнь нашу Христу Богу, как умели это сделать вместе с Богородицею святые и лучшие нас, взывает вся церковь совокупно с ликом: *Тебе, Господи!* Цепь молений завершает диакон троичным славословием, которое, как вседержащая нить, проходит сквозь всю Литургию, начиная и оканчивая всякое ее действие. Собрание молящихся отвечает утвердительно: *Аминь: Буди! да будет!* Диакон сходит с амвона; начинается пение антифонов.

Антифоны, — противугласники, песни, выбранные из псалмов, пророчески изображающие пришествие в мир Сына Божия, — поются попеременно обоими ликами на обоих крылосах; они заменили сокращенно прежние псаломские, более продолжительные.

Пока продолжается пение первого антифона, священник молится в олтаре внутренней молитвой; а диакон стоит в молитвенном положении пред иконою Спасителя, подняв орарь тремя перстами руки. Когда же окончится пение первого антифона, восходит он снова на амвон призывать собрание молящихся словами: *Вновь и вновь Господу помолимся!* Собрание молящихся восклицает: *Господи, помилуй!* Обратив взоры к ликам святых, диакон напоминает вспомнить вновь Богородицу и всех святых, предать самих себя, и друг друга, и всю жизнь Христу Богу. Собрание восклицает: *Тебе, Господи!* Троичным славословием заключает он. Утвердительно *аминь* изглашает вся церковь. Следует пение второго антифона.

В продолжение второго антифона священник в олтаре молится внутренней молитвою. Диакон становится опять в молитвенном положении пред иконою Спасителя, держа молитвенный орарь тремя перстами руки; по окончании же пения восходит он снова на амвон и обращается к ликам святых, призывая, как прежде, словами: *В мире Господу помолимся!* Собрание восклицает: *Господи, помилуй!* Диакон взывает: *Заступи, помилуй, спаси и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию.* Собрание восклицает: *Господи, помилуй!* Возведя глаза к ликам святых, диакон продолжает: *Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу со всеми святыми помянувшие, сами себя, и друг друга, и весь живот наш. Христу Богу предадим.* Собрание восклицает: *Тебе, Господи!* Троичным славословием оканчивается моление; утвердительно *аминь* отвечает вся церковь; диакон сходит с амвона. А священник в закрытом олтаре молится внутренней молитвой; она — в сих словах: *Ты, даровавший нам сии общие и согласные молитвы! Ты, обещающий двум и трем, собравшимся во имя Твое, подать прошения! исполни же теперь к полезному прошения рабов Твоих: подай в настоящем веке познание Твоей истины, а в будущем даруй Вечную Жизнь!*

С крылоса громко возглашаются во всеуслышание блажества, возвестившие в настоящем веке познание истины, а в будущем Вечную Жизнь. Собрание молящихся, взывая воззванием благоразумного разбойника, возопившего к Христу на кресте: *Во Царствии Твоем помани нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем*, повторяет вослед за чтецом сии слова Спасителя:

Блаженны нищие духом, яко тех есть Царствие Небесное — не гордящиеся, не возносящиеся умом.

Блаженны плачущие, яко тии утешатся — плачущие еще больше о собственных несовершенствах и прегрешениях, чем от оскорблений и обид, им наносимых.

Блаженны кроткие, яко тии наследят землю — не питающие

гнева ни противу кого, всепрощающие, любящие, которых оружие — всепобеждающая кротость.

Блаженны алчущие и жаждущие правды, яко тии насытятся — алчущие небесной правды, жаждущие восстановить ее прежде в самих себе.

Блаженны милостивые, яко тии помилованы будут — состраждущие о каждом брате, в каждом просящем видящие Самого Христа, за него просящего.

Блаженны чистые сердцем, яко тии Бога узрят — как в чистом зеркале успокоенных вод, не возмущаемых ни песком, ни тиной, отражается чисто небесный свод, так и в зеркале чистого сердца, не возмущаемого страстями, уже нет ничего человеческого, и образ Божий в нем отражается один.

Блаженны миротворцы, яко тии сынове Божий нарекутся — подобно Самому Сыну Божию, сходявшему на землю затем, чтобы внести мир в наши души: так и вносящие мир и примиренье в дома — истинные Божьи сыны.

Блаженны изгнанные правды ради, яко тех есть Царствие Небесное, изгнанные за возвешенье правды не одними устами, но благоуханьем всей своей жизни.

Блаженны есте, егда поносят вас и изженут и рекут всяк зол глагол на вы, лжуще Мене ради. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесах — многа, ибо заслуга их троекратна: первая — что уже сами по себе они были невинны и чисты; вторая — что, быв чисты, были оклеветаны; третья — что, быв оклеветаны, радовались, что потерпели за Христа.

Собрание молящихся слезно повторяет вослед за чтецом сии слова Спасителя, возвестившия, кому можно ждать и надеяться на Вечную Жизнь в Будущем Веке, которые суть истинные цари мира, сонаследники и соучастники Небесного Царства.

Здесь торжественно открываются царские врата, как бы врата самого Царствия Небесного, и глазам всех собравшихся предстает сияющий престол, как селенье Божией славы и верховное училище, отколе исходит к нам познание истины и возвещается Вечная Жизнь. Приступив к престолу, священник и диакон снимают с него Евангелие и несут его к народу не царскими вратами, но позади олтаря боковой дверью, напоминающею дверь в той боковой комнате, из которой в первые времена выносились книги на середину храма для чтения.

Собрание молящихся взирает на Евангелие, несомое в руках смиренных служителей Церкви, как бы на Самого Спасителя, исходящего в первый раз на дело Божественной проповеди: исходит он тесной северной дверью, как бы неузнанный, на середину храма, дабы, показавшись всем, возвратиться во святилище царскими вратами. Служители Божьи посреди храма останавливаются; оба преклоняют главы. Иерей молится внутреннею молитвой, чтобы Установивший на небесах воинства ангелов и чины небесные в служенье славы Своей повелел теперь сим самым силам и ангелам небесным, сослужащим нам, совершить вместе с ними вшествие во святилище. А диакон, указывая молитвенным орарем на царские двери, говорит ему: *Благослови, владыко, святой вход!* — *Благословен вход святых Твоих, всегда, ныне, и присно, и во веки веков!* возглашает на это иерей. Дав поцеловать ему Святое Евангелие, диакон несет его в олтарь; но в царских вратах останавливается и, возвысив его в руках своих, возглашает: *Премудрость!* знаменуя сим, что Слово Божье, Его сын, Его Вечная Премудрость благовестилась миру чрез Евангелие, которое он теперь возвысил в своих руках. И вслед за тем возглашает: *Прости!*, то есть воспряньте, воздвигнитесь от лени, от небрежного стоянья. Собрание молящихся, воздвигаясь духом, вместе с хором взывает: *Приидите, поклонимся и припадем ко Христу! Спаси нас, Сыне Бо-*

жйй, Тебе поющйх: Алллууя! В еврейском слове алллууя выражается: Господь идет, хвалите Господа; но так как, по существу священного языка, в слове: и д е т сокрыто и настоящее и будущее, то есть: идет пришедший и вновь грядущий, то, знаменуя вечное хождение Божие, это слово алллууя сопутствует всякий раз тем священнодействиям, когда Сам Господь исходит к народу в образе Евангелия или Даров Святых.

Евангелие, возвестившее Слово Жизни, поставляется на престоле. На крылосах раздаются или песни в честь праздника того дня, или же хвалебные тропари и гимны в честь святому, которого день празднует Церковь за то, что он уподобился тем, которых поименовал Христос в прочитанных блаженствах, и что живым примером собственной жизни показал, как возлетать вослед за ним в Жизнь Вечную.

По окончаньи тропарей наступает время Трисвятого пения. Испросив на него у иерея благословения, диакон показывается в царских дверях и, проводя ораарем, подает знак певцам. Торжественно-громогласно оглашает всю церковь Трисвятое пение, состоящее в сем тройном воззвании к Богу: *Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас!* Воззванием: *Святый Боже* возвещает Трисвятая песнь Бога Отца; воззванием: *Святый Крепкий* — Бога Сына: Его крепость, Его создающее Слово; воззванием *Святый Бессмертный* — Его бессмертную мысль, вечно живущую волю Бога Духа Святаго. Троекратно певцы поднимают сие пение, чтобы звучало вслух всем, что с вечным пребываньем Бога пребывало в Нем вечное пребыванье Троицы, и не было времени, чтобы у Бога не было Слова, и чтобы Слову Его оскудевал Дух Святыи. *Словом Божьим небеса создашася, и духом уст Его вся сила их*, говорит пророк Давид. Каждый из собраний, сознавая, что и в нем, как в подобии Божьем, есть та же тройственность, есть Он Сам, Его Слово и Его Дух, или мысль, движущая словом, но что человеческое его слово бессильно, изливается праздно и не творит ничего, а дух его принадлежит не ему, завися от всех посторонних впечатлений и только по возвышеньи его самого к Богу то и другое приходит в нем в силу: в слове отражается Божье Слово, в духе — Дух Божий, и образ Троицы Создавшего отпечатлевается в создании, и создание становится подобным Создателю,— сознавая все сие, каждый, внемлющий Трисвятому пению, молится внутренно в себе, чтобы Бог Святыи, Крепкий и Бессмертный, очистив его всего, избрал его Своим храмом и пребываньем, и три раза повторяет в себе: *Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас!* Священник в олгаре, молясь внутренней молитвой о принятии сего Трисвятого пения, три раза повергается перед престолом и три раза повторяет в себе: *Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный!* И, подобно ему, повторив в себе три раза ту же Трисвятую песнь, диакон три раза повергается вместе с ним перед святым престолом.

И сотворив поклонение, отходит иерей на горнее место, как бы во глубину боговедения, отколе истекла нам тайна Всесвятыи Троицы, как бы в то возвышеннейшее, всюду носящее место, где Сын пребывает в лоне Отчем единством Духа Святаго. И восхождением своим изображает иерей восхождение Самого Христа вместе с плотью в лоно Отчее, призывающее человека вослед стремиться в лоно Отчее, — возрождение, прозретое издали пророком Даниилом, который видел в высоком виденьи своем, как Сын Человеческий дошел даже до Ветхого деньми. Иерей идет нетрепетной стопой, произнося: *Благословен грядый во имя Господне*, и на призванье диакона: *Благослови, владыко, горний престол*, благословляет его, произнося: *Благословен еси на престоле славы Царствия Твоего, седяи на херувимех, всегда, ныне, и присно, и во веки веков*. И садится на горнем месте возле седалища, назначенного для архиерея. Отселе, как Божий апостол и его наместник, обратись лицом к народу, приготовляет он вниманье к слушающему. наступающего чтения апостольских посланий,— сидящий, образуя самым сиденьем своим свое равенство апостолам.

Чтец, с Апостолом в руке, выходит на середину храма. Воззвანьем: *в о н е м!* призывает диакон всех предстоящих ко вниманью. Священник посылает из глубины олтаря и чтецу, и предстоящим желание мира; собрание молящихся отвечает священнику тем же. Но так как служенье его должно быть духовно, подобно служенью апостолов, которые глаголали не свои слова, но Сам Дух Святый двигал их устами, то не говорят: *мир тебе*, но: *духови твоему*. Диакон возглашает: *Премудрость!* Громко, выразительно, чтобы всякое слово было слышно всеми, начинает чтец: прилежно, сердцем приемлющим, душою ищущею, разумом, испытующим внутренний смысл читаемого, внемлет собрание, ибо чтение Апостола служит ступенью и лестницей к лучшему уразумлению чтения евангельского. Когда чтец окончит чтение, иерей возглашает ему из олтаря: *мир тебе*. Лик отвечает: *и духови твоему*. Диакон возглашает *Премудрость!* Лик гремит: *аллилуйя*, возвещающее приближение Господа, идущего говорить народу устами Евангелия.

С кадильницей в руке идет диакон исполнить благоуханьем храм, навстречу идущего Господа, напоминая кажденьем о духовом очищении душ наших, с каким должны мы внимать благоуханным словам Евангелия. Священник в олтаре молится внутренней молитвой, чтобы воссиял в сердцах наших свет Божественного благоразумия и отверзлись бы наши мысленные очи в уразумение евангельских проповеданий. О воссиянии того же света в сердцах своих молится внутренне собрание, приготавливаясь к слушанью. Испросив благословенья от иерея, получа от него в напутствие: *Бог молитвами всесвятаго, всехвальнаго апостола и евангелиста* (именуется его имя), *да даст тебе глагол благовествующему силою многою, во исполнение Евангелия, Возлюбленнаго Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа*, диакон восходит на амвон, предшествуемый несомым светильником, знаменующим всепросвещающий свет Христов. Священник в олтаре возглашает к собранию: *Премудрость! Простии, услышим святаго Евангелия! Мир всем!* Лик отвечает: *и духови твоему*. Диакон начинает чтение.

Благоговейно преклонив главы, как бы внимая Самому Христу, говорящему с амвона, все стараются принять сердцами семя Святого Слова, которое устами служителя сеет Сам Сеятель Небесный, — не теми сердцами, которых уподобляет Спаситель земле при пути, на которую хоть и упадают семена, но тут же бывают расхищены птицами — налетающими злыми помышлениями; — не теми также сердцами, которых уподобляет Он каменистой почве, только сверху прикрытой землею, которые хоть и охотно приемлют слово, но слово не водружает глубоко корня, ибо нет глубины сердечной; — и не теми также сердцами, которые уподобляет Он неочищенной земле, глухимой тернием, на которой хоть и дает семя всходы, но быстро вырастающие тут же вместе с ними терния, — терния трудов и забот века, терния обольщений, бесчисленные обаяния светской умерщвляющей жизни с ее обманчивыми удобствами, заглушают едва поднявшиеся всходы — и семя остается без плода; — но теми приемлющими сердцами, которых уподобляет Он доброй почве, дающей плод — ово сто, ово шестьдесят, ово тридесят, — которые все, принятое в себя, по выходе из церкви, возвращают в домах, в семье, в службе, в труде, в отдохновеньях, в увеселеньях, с людьми в беседах и наедине с самим собою. Словом, всяк верный стремится быть тем, и слушающим и творящим вместе, которого обещает Спаситель уподобить мужу мудру, строящему храмину не на песке, но на камени, так что, если бы тут же, по выходе из церкви набежали на него дожди, реки и вихри всех бедствий, его духовная храмина осталась бы неподвижная, как твердыня на камени. По окончании чтения священник в олтаре возвещает диакону: *Мир тебе благовествующему*. Приподымая главы, все предстоящие в чувствовании благодарности восклицают вместе с ликом: *Слава Тебе, Боже наш! Слава Тебе!* Стоящий в царских дверях священник примет от диакона Евангелие и поставляет его на престол, как Слово, ис-

шедшее от Бога и к Нему же возвратившееся. Олтарь, изображающий высшие горние селенья, скрывается от глаз — врата царские затворяются, горняя дверь задерживается, знаменуя, что нет других дверей в Царство Небесное, кроме отверстых Христом, что с Ним только можно войти в них: *Аз есмь дверь*.

Тут обыкновенно в первоначальное время христиан было место проповеди; следовали изъяснение и толкование прочитанных Евангелий. Но так как проповедь и нынешнее время говорится большею частию на другие тексты и, стало быть, не служит изъяснением прочитанного Евангелия, то, чтобы не разрушать стройного порядка и связи священной Литургии, она отнесена к концу.

Изобразуя ангела, побудителя людей к молениям, диакон идет на амвон воздвигнуть собрание к молениям еще сильнейшим и прилежнейшим. *Рцем вси от всея души, и от всего помышления нашего рцем!* — взывает он, подымая тремя перстами молитвенный орарь; и, стремя моления от всех помышлений, все восклицают: *Господи, помилуй!* Усугубляя моления троекратным воззванием о помиловании, диакон призывает сызнова молиться о всех людях, находящихся на всех ступенях званий и должностей, начиная с высших, где трудней человеку, где ему больше преткновений, и где ему нужней помощь от Бога. Каждый из собрания, зная, как много благоденствие многих зависит от того, когда высшие власти исполняют честно свои обязанности, молится сильно о том, чтобы Бог их вразумил и наставил исполнять честно свое звание и всякому подал бы силы пройти честно свое земное поприще. О сем молятся все прилежно, произнеся уже не один раз: *Господи, помилуй!* но три раза. Вся цепь этих молений называется сугубой ектенией, или ектенией прилежного моления, и священник в олтаре перед престолом молится прилежно о принятии всеобщих усугубленных молений, и самая молитва его называется молитвой прилежного моления.

И если в тот день случится какое-либо приношение об усопших, тогда вослед за сугубой ектенией возглашается ектения об усопших. Держа орарь тремя перстами руки, призывает диакон молиться об успокоении душ Божиих рабов, которых всех называет по именам, чтобы Бог простил им всякое прегрешение, вольное и невольное, чтобы водворил их души там, где праведные успокоаются. Тут всякий из предстоящих припоминает всех близких своему сердцу усопших и произносит в себе три раза на всякое воззвание диакона: *Господи, помилуй!* молясь прилежно и о своих, и о всех почивших христианах. *Милости Божией*, восклицает диакон: *Небеснаго Царствия и оставления грехов их у Христа, Бессмертнаго Царя и Бога, нашего, просим!* Собрание взывает с хором поющих; *Поддай, Господи!* А священник молится в олтаре, чтобы Поправший смерть и Даровавший жизнь успокоил Сам души усопших рабов Своих в месте злачном, в месте покойном, откуда отбежали болезнь, печаль и воздыхание, и, прося им в сердце своем отпущения всех согрешений, возглашает громко: *Яко Ты еси воскресение, и жизнь, и покой усопших рабов Твоих, Христе, Боже наш и Тебе славу воссылаем со Безначальным Твоим Отцом, и Пресвятым, и Благим, и Животворящим Твоим Духом, ныне, и присно, и во веки веков.* Утвердительным *аминь* отвечает лик. Диакон начинает ектению об оглашенных.

Хотя и редко бывают теперь не принявшие святого Крещения и находящиеся в числе оглашенных, но всякий присутствующий, помышляя, как далеко он отстоит и верой и делами от верных, удостоивавшихся соприсутствовать Трапезе Любви в первые веки христиан, видя, как он, можно сказать, только огласился Христом, но не внес Его в самую жизнь, только что слышит разум слов Его, но не приводит их в исполнение и еще холодно его верование, и нет огня всепрощающей любви к брату, поядающей душевную черствость, и что крещеный водой во имя Христа, он не достигнул того возрождения в духе, без которого ничтожно его христианство, по слову Самого Спасителя: *кто не родится свыше, не внидет в Царствие Небесное*, — сообщая все сие, всякий из присутствующих сокрушенно поставляет себя в число ог-

лашенных, и на призвание диакона: *Помолитесь, оглашенные, Господу!* от глубины сердца взывает: *Господи, помилуй!*

Верные! взывает диакон: *помолимся об оглашенных, чтобы Господь их помиловал, чтобы огласил их словом истины, чтобы открыл им Евангелие правды, чтобы соединил их Своей Святой Соборной и Апостольской Церкви, чтобы спас, помиловал, заступил и сохранил их Своею благодатью*

И верные, чувствующие, как мало они стоят названия Верных, молясь об оглашенных, молятся о самих себе, и на всякое отдельное призвание диакона восклицают внутренне вослед за поющим ликом: *Господи, помилуй!* Диакон взывает: *Оглашенные, главы ваши Господу преклоните!* Все преклоняют свои главы, восклицая внутренне в сердцах: *Тебе, Господи!*

Священник втайне молится об оглашенных и о тех, которых смиренье души поставило себя в ряды оглашенных. Молитва его в сих словах: *Господи Боже наш, живущий на высоких, взирающий на смиренных, ниспославший спасенье человеческому роду — Своего Сына, Бога и Господа нашего, Иисуса Христа! воззри на оглашенных рабов Твоих, подклонивших Тебе свои выи! Прибави их Церкви Твоей и сопричисли Твоему избранному стаду, чтобы и они славили вместе с нами пречестное и великолепное имя Твое, Отца, и Сына, и Святаго Пуха, ныне, и присно, и во веки веков. Лик гремит аминь. А в напominанье, что наступила минута, в которую древле выводились из церкви оглашенные, диакон возглашает громко: *Оглашенные, изыдите!* И вслед за тем, возвысив голос, возглашает в другой раз: *Оглашенные, изыдите!* И потом в третий раз: *Оглашенные, изыдите! да никто от оглашенных, одни только верные, вновь и вновь Господу помолимся!**

От слов этих содрогаются все, чувствующие свое недостойнство. Взывая мысленно к Самому Христу, изгнавшему из храма Божия продавцов и бесстыдных торговцев, обративших в торжище Его святыню, каждый предстоящий старается изгнать из храма души своей оглашенного, не готового присутствовать при святыне, и взывает к Самому Христу, чтобы воздвигнут в нем верного, причисленного к избранному стаду, о котором сказал Апостол: *Язык свят, люди обновления, камень, зиждущееся в храм духовен, —* причисленного к тем истинно верным, которые присутствовали при Литургии в первые века христиан, которых лики глядят теперь на него с иконостаса. И объемля их всех взорами, призывает их на помощь, как братьев, молящихся теперь на небесах, ибо предстоят священнейшие действия — начинается Литургия верных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Действие Божественной Литургии над душою велико: зримо и в очью совершается, в виду всего света, и скрыто. И если только молившийся благоговейно и прилежно следит за всяким действием, покорный призыванию диакона, — душа приобретает высокое настроение, заповеди Христовы становятся для него исполнимы, иго Христово благо, и бремя легко. По выходе из храма, где он присутствовал при Божественной Трапезе Любви, он глядит на всех, как на братьев. Примется ли он за обыкновенное течение своих дел в службе ли, в семье, где бы ни было, в каком бы ни было... сохраняет невольно в душе своей высокое начертанье любовного обращения с людьми, принесенного с небес Богочеловеком. Он невольно становится милостивей и любовней с подчиненным. Если сам под властью другого, то охотней и любовней ему повинется, как Самому Спасителю. Если видит просящего помощи, сердце его более чем когда-либо располагается помогать, чувствует он больше наслаждения, с любовью дает он неимущему. Если он неимущий, он благодарно принимает малейшее

даяние: растроганное сердце его теряется в благодарности, и никогда с такой признательностью не молится он о своем благодетеле. И все, прилежно слушавшие Божественную Литургию, выходят кротче, милее в обхождении с людьми, дружелюбнее, тише во всех поступках. А потому для всякого, кто только хочет идти вперед и становиться лучше, необходимо частое, сколько можно, посещение Божественной Литургии и внимательное слушание: она нечувствительно строит и создает человека. И если общество еще не совершенно распалось, если люди не дышат полною, непримиримой ненавистью между собою, то сокровенная причина тому есть Божественная Литургия, напоминающая человеку о святой, небесной любви к брату. А потому кто хочет укрепиться в любви, должен, сколько можно чаще, присутствовать, со страхом, верою и любовью, при Священной Трапезе Любви. И если он чувствует, что недостойн принимать в уста свои Самого Бога, Который весь любовь, то хоть быть зрителем, как приобщаются другие, чтоб незаметно, нечувствительно становиться совершеннее с каждой неделей.

Велико и неисчислимо может быть влияние Божественной Литургии, если бы человек слушал ее с тем, чтобы вносить в жизнь слышанное.

Всех равно уча, равно действуя на все звенья, от царя до последнего нищего, всем говорит одно, не одним и тем же языком, всех научает любви, которая есть связь общества, сокровенная пружина всего стройно движущегося, пища, жизнь всего.

Но если Божественная Литургия действует сильно на присутствующих при совершении ее, тем еще сильнее действует на самого совершателя, или иерея. Если только он благоговейно совершал ее со страхом, верой и любовью, то уж весь он чист, подобно сосудам, которые уже ни на что потом...; пребывает ли он весь тот день в отправлении своей многообразной пастырской обязанности, в семье ли посреди своих домашних или посреди своих прихожан, которые суть также семья его,— Сам Спаситель в нем вообразится, и во всех действиях его будет действовать Христос; и в словах его будет говорить Христос. Будет ли склонять он на примиренье между собой враждующих, будет ли преклонять на милость сильного к бессильному, или ожесточенного, или утешать скорбящего, или к терпению угнетенного, или...— слова его приобретут силу врачующего елея и будут на всяком месте словами мира и любви.

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА

Н. В. ГОГОЛЬ В ЖУРНАЛЕ А. С. ПУШКИНА «СОВРЕМЕННОК» (1836—1837)

От главного редактора: «Когда-то мы возьмемся за журнал» Мочи нет хочется...» — писал Пушкин П. А. Вяземскому в августе 1825 года. И только через десять лет на письме поэта Бенкендорфу от 31 декабря 1835 года всесильный Александр Христофорович ставит разрешительную визу. Сбылась мечта всего «пушкинского круга» — появился первый, по-настоящему литературно-публицистический журнал.

Конечно, и раньше выходили журналы, например, знаменитая «Почта духов» И. А. Крылова, но только «Современник» положил начало той великой русской журнальной традиции, которую мы знаем сейчас. И наши «Приокские зори» в полной мере следуют традиции «Современника».

Всего два года (1836—1837) редактировал А. С. Пушкин созданный им журнал, успев до своей гибели издать четыре тома, еще осталось пятьдесят листов рукописей поэта — статьи и заметки, предназначавшиеся для последующих выпусков «Современника». А накануне дуэли на Черной речке, 27 января, Пушкин пишет и отправляет последнее в своей жизни письмо, адресованное писательнице А. О. Ишимовой с просьбой сделать перевод для «Современника» нескольких пьес английского драматурга Барри Корнуоля... Это накануне дуэли!

Как пишет литературовед С. Кибальник, «Истинная ценность пушкинского «Современника» была осознана лишь с течением времени. Именно эту особенность журнала, освященного гением его издателя, отмечал известный литератор С. Н. Глинка в письме к Пушкину от 26 марта 1836 года. «Ваш Современник,— предсказывал он поэту,— будет Сопотомственником».

Лишь постепенно стало ясно, что четыре изданных самим поэтом выпуска «Современника» представляют собой бесценный памятник русской журналистики и литературы.

Детищу Александра Сергеевича предстояла (и, надеемся, еще предстоит!) долгая и славная жизнь. Пушкин сделал великий зачин, а спустя некоторое время Н. А. Некрасов, ставший почти на четверть века издателем и главным редактором «Современника», сделал его истинным «журналом журналов» русской литературы XIX века. Уже из некрасовского «Современника» и вышли все великие русские писа-

тели второй половины XIX — начала XX вв. Здесь достаточно назвать имена Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского... и всех остальных, переместивших силой своего таланта весь потенциал мировой литературы в России.

Наконец, новая страница в долгой и плодотворной жизни «Современника» связана с его возрождением под названием «Наши современник». Многого сделал для сохранения в нем пушкинских и некрасовских традиций бывший его главным редактором Борис Михайлович Зубавин, известный советский писатель, фронтовик, в звании капитана и должности комбата штурмовавший Берлин. Вот так и протянулась связь времен от солнца русской поэзии до событий новейшей истории... Мне довелось учиться в Литинституте в семинаре Бориса Михайловича, пять лет он был наставником в литературе для меня и десяти моих сокурсников по семинару Зубавина. Именно он раскрыл нам глаза на роль «Современника» в создании и консолидации великой русской литературы.

...Однако вернемся к «Современнику» Пушкина. Если Некрасов ввел в литературу почти всех знаменитых писателей России второй половины XIX века (повторимся еще раз), то Пушкин за два года издания «Современника» также во многом открыл читающей России ряд имен первой величины. И первым среди первых здесь Николай Васильевич Гоголь, 200-летию со дня рождения которого посвящен настоящий номер «Приокских зорь», соответственно, и рубрика «Литературная учеба» данного номера.

Уже в первом выпуске «Современника», избранные страницы которого публикуются ниже, появляется статья Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», написанная специально для «Современника», а также отклик Пушкина на «Вечера на хуторе близ Диканьки». Во втором выпуске появляется статья П. А. Вяземского о «Ревизоре». Третий выпуск содержит первую публикацию повести «Нос».

Для публикации в рубрике «Литературная учеба» мы сочли возможным и необходимым выбрать первый том (выпуск) «Современника» в его избранных страницах, чтобы, с одной стороны, показать роль Н. В. Гоголя, с другой — чтобы читатель, особенно осваивающий начала литературного мастерства, смог представить ведущий авторский состав «журнала журналов» русской словесности XIX века.

Текст публикуется по изданию: Современник, литературный журнал А. С. Пушкина. 1836—1837: Избранные страницы / Сост. С. А. Кибальник. — М.: Сов Россия, 1988. — 384 с.

«СОВРЕМЕННОК», ПЕРВЫЙ ТОМ

ПИР ПЕТРА ПЕРВОГО

Над Невою резво вьются
Флаги пестрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов;
В Царском доме пир веселый;
Речь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пирует царь великий
В Питербурге-городке?
Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?
Озарен ли честью новой
Русский штык иль русский флаг?
Побежден ли швед суровый?
Мира ль просит грозный враг?

Иль в отъятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый бот,
И пошел навстречу *деда*
Всей семьей наш юный флот.
И воинственные внуки.
Стали в строй пред стариком,
И раздался в честь науки
Песен хор и пушек гром?

Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь,
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует
Как победу над врагом.

Оттого-то шум и клики
В Питербурге-городке,
И пальба и гром музыки
И эскадра на реке;
Оттого-то в час веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

О ДВИЖЕНИИ ЖУРНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В 1834 И 1835 ГОДУ

Журнальная литература, эта живая, свежая, говорливая, чуткая литература, так же необходима в области наук и художеств, как пути сообщения для государства, как ярмарки и биржи для купечества и торговли. Она ворочает вкусом толпы, обращает и пускает в ход все выходящее наружу в книжном мире, и которое без того было бы в обоих смыслах мертвым капиталом. Она быстрый, своенравный обмен всеобщих мнений, живой разговор всего тесного типографскими станками; ее голос есть верный представитель мнений целой эпохи и века, мнений, без нее бы исчезнувших безгласно. Она волею и неволею захватывает и увлекает в свою область девять десятых всего, что делается принадлежностью литературы. Сколько есть людей, которые судят, говорят и толкуют потому, что все суждения поднесены им почти готовые, и которые сами от себя вовсе не толковали бы, не судили, не говорили. Итак, журнальная литература во всяком случае имеет право требовать самого пристального внимания.

Может быть, давно у нас не было так резко заметно отсутствия журнальной деятельности и живого современного движения, как в последние два года, бесцветность была выражением большей части повременных изданий. Многие старые журналы превратились, другие тянулись медленно и вяло; новых, кроме «Библиотеки для чтения» и впоследствии «Московского наблюдателя», не показалось, между тем, как именно в это время была заметна всеобщая потребность умственной пищи, и значительно возросло число читающих. Как ни бедна эта эпоха, но она такое же имеет право на наше внимание, как и та, которая бы кипела движением, ибо также принадлежит истории нашей словесности. Читатели имели полное право жаловаться на скудость и постылый вид наших журналов: «Телеграф» давно потерял тот резкий тон, который давало ему воинственное его положение в отношении журналов петербургских. «Телескоп» наполнялся статьями, в которых не было ничего свежего, животрепещущего. В это время книгопродавец Смирдин, давно уже известный своею деятельностью и добросовестностью, который один только к стыду прочих недалеких своих товарищей, показал предприимчивость и своими оборотами дал движение книжной торговле, книгопродавец Смирдин решился издавать журнал обширный, энциклопедический, завоевать всех литераторов, сколько ни есть их в России, и заставить их участвовать в своем предприятии. В программе были выставлены имена почти всех наших писателей. Профессор арабской словесности г. Сенковский взялся быть распорядителем журнала; к нему был присоединен редактором г. Греч, известный уже постоянным изданием двух журналов: «Северной пчелы» и «Сына отечества». Не знаем, сами ли они взялись за сие дело, или упрощены были г. Смирдиным; но в том и другом случае книгопродавец, по общему мнению, поступил несколько неосмотрительно. Успевши соединить для своего издания такое множество литераторов, он должен был предоставить их суду избрание редактора.

Никто тогда не позаботился о весьма важном вопросе: должен ли журнал иметь один определенный тон, одно уполномоченное мнение, или быть складочным местом всех мнений и толков. Журнал на сей счет отозвался глухо, обыкновенным объявлением, что критика будет самая благонамеренная и беспристрастная, чуждая всякой личности и неприличности, обещание, которое дает всякий журналист. С выходом первой книжки публика ясно увидела, что в журнале господствует тон, мнения и мысли *одного*, что имена писателей, которых блестящая шеренга наполнила полстраницы заглавного листка, взята была только напрокат, для привлечения большего числа подписчиков.

Книгопродавец Смирдин исполнил с своей стороны все, чего публика вправе была от *него* требовать. Ту же самую честность, которая всегда отличала его, показал он

и в издании журнала. Журнал выходил с необыкновенною исправностию: подписчики вместе с первым числом каждого месяца встречали толстую книгу, какой у нас в прежнее время ни одна типография не могла бы поставить в два месяца. Вместо обещанного числа осьмнадцати листов в месяц, выходило иногда вдвое более. Теперь рассмотрим, исполнили ли долг те, которым он вверил внутреннее распоряжение журнала. Главным деятелем и движущею пружиною всего журнала был г. Сенковский. Имя г. Греча выставлено было только для формы, по крайней мере никакого действия не было заметно с его стороны. Г. Греч давно уже сделался почетным и необходимым редактором всякого предпринимаемого периодического издания: так обыкновенно почтенного пожилого человека приглашают в посаженные отцы на все свадьбы. Но какая цель была редакции этого журнала, какую задачу предположила она решить? Здесь поневоле должны мы задуматься, что, без сомнения, делает читатель. В программе ничего не сказал г. Сенковский о том, какой начертал для себя путь, какую выбрал себе цель; все увидели только, что он взошел незаметно в первый номер и в конце его развернулся как полный хозяин.

Впрочем, нельзя жаловаться и на это: положим, для журналиста необходим резкий тон и некоторая даже дерзость (чего, однако ж, мы не одобряем, хотя нам известно, что с подобными качествами журналисты всегда выигрывают в мнении толпы); но на что преимущественно было обращено внимание сего хозяина, какая мысль его пересиливала все прочие, к чему направлено было его пристрастие, были ли где заметны те неподвижные правила, без коих человек делается бесхарактерным, которые дают ему оригинальность и определяют его физиогномию?

Прочитавши все, помещенное им в этом журнале, следуя за всеми словами, сказанными им, невольно остановимся в изумлении: что это такое? что заставляло писать этого человека? Мы видим человека, который берет деньги вовсе не даром, который трудится до поту лица, не только заботится о своих статьях, но даже переправляет чужие, одним словом, неутомимым. Для чего же вся эта деятельность? Последуем за распорядителем во всех родах его сочинений и скажем несколько слов о главных качествах его статей. Это во всех отношениях необходимо.

Г. Сенковский является в журнале своим как критик, как повествователь, как ученый, как сатирик, как глашатай новостей и проч. и проч., является в виде Брамбеуса, Морозова, Тютюн-джу-Оглу, А. Белкина, наконец в собственном виде. Как ученый, г. Сенковский поместил довольно большую статью о сагах, статью, исполненную гипотез, не собственных, но схваченных наудачу из разных бегло прочитанных книг, гипотез, вовсе не принадлежащих русской истории. Эти саги, которые пронизательный Шлёцер, не имеющий доныне равного по строгому и глубокому критическому взгляду, признал за басни, недостойные никакого внимания, эти саги он ставит краеугольным камнем русской истории и не приводит ни одного доказательства, поверенного критиком: он вовсе не определил их истинного и единственного достоинства. Саги суть поэтическое создание народа, игравшего великую в истории роль. Эта статья, испещренная риторическими фигурами, понравилась добрым, но ограниченным людям, а г. Булгарин даже написал рецензию, в которой поставил г. Сенковского выше Шлёцера, Гумбольта и всех когда-либо существовавших ученых. Другое весьма важное притязание г. Сенковского и настоящий конек его есть Восток. Здесь он всегда возвышал голос, и как только выходило какое-нибудь сочинение, о Востоке или упоминалось где-нибудь о Востоке, хотя бы даже это было в стихотворении, он гневался и утверждал, что автор не может судить и не должен судить о Востоке, что он не знает Востока. Слово, сказанное с сердцем, очень извинительно в человеке, влюбленном в свой предмет и который между тем видит, как мало понимают его другие; но этот человек уже должен по крайней мере утвердить за собою авторитет. Г. Сенковскому, точно, следовало бы издать что-нибудь о Востоке. Человеку, ничего не сделавшему, трудно верить на слово, особенно, когда его суждения так легковес-

ны и проникнуты духом нетерпимости; а из некоторых его отрывков о Востоке видны те же самые недостатки, которые он беспрестанно порицает у других. Ничего нового не сказал он в них о Востоке, ни одной яркой черты, сильной мысли, гениального предположения! Нельзя отвергать, чтобы г. Сенковский не имел сведений; напротив, очень видно, что он много читал, но у него нигде не заметно этой движущей, господствующей силы, которая направляла бы его к какой-нибудь цели. Все эти сведения находятся у него в каком-то брожении, друг другу противоречат, между собой не уживаются. Рассмотрим его мнения, относящиеся собственно к текущей изящной литературе. В критике г. Сенковский показал отсутствие всякого мнения, так что ни один из читателей не может сказать наверное, что более нравилось рецензенту и заняло его душу, что пришлось по его чувствам: в его рецензиях нет *ни положительного, ни отрицательного вкуса, — вовсе никакого*. То, что ему нравится сегодня, завтра делается предметом его насмешек. Он первый поставил г. Кукольника наряду с Гете и сам же объявил, что это сделано им потому только, что так ему вздумалось. Стало быть, у него рецензия не есть дело убеждения и чувства, а просто следствие расположения духа и обстоятельств. Вальтер Скотт, этот великий гений, коего бессмертные создания объемлют жизнь с такою полнотою, Вальтер Скотт назван шарлатаном. И это читала Россия, это говорилось людям уже образованным, уже читавшим Вальтер Скотта. Можно быть уверену, что г. Сенковский сказал это без всякого намерения, из одной опрометчивости; потому что он никогда не заботится о том, что говорит, и в следующей статье уже не помнит вовсе написанного в предыдущей.

В разборах и критиках г. Сенковский тоже никогда не говорил о внутреннем характере разбираемого сочинения, не определял верными и точными чертами его достоинства. Критика его была или безусловная похвала, в которой рецензент от всей души тешился собственными фразами, или хула, в которой отзывалось какое-то странное ожесточение. Она состояла в мелочах, ограничивалась выпискою двух-трех фраз и насмешкою. Ничего не было сказано о том, что предполагал себе целью автор разбираемого сочинения, как оное выполнил и, если не выполнил, как должен был выполнить. Больше всего г. Сенковский занимался разбором разного литературного сора, множеством всякого рода пустых книг; над ними шутил, трунил и показывал то остроумие, которое так нравится некоторым читателям. Наконец даже завязал целое дело о двух местоимениях: *сей* и *оный*, которые показались ему, неизвестно почему, неуместными в русском слоге. Об этих местоимениях писаны им были целые трактаты, и статьи его, рассуждавшие о каком бы то ни было предмете, всегда оканчивались тем, что местоимения *сей* и *оный* совершенно неприличны. Это напомнило старый процесс Тредьяковского за букву ижицу и десятиричное *i*, который впоследствии еще не так давно поддерживал один профессор. Книга, в которой г. Сенковский встречал эти две частицы, была торжественно признана написанною дурным слогом.

Его собственные сочинения, повести и тому подобное, являлись под фирмою Брамбеуса. Эти повести и статьи вроде повестей, своим близким, неумеренным подражанием нынешним писателям французским, произвели всеобщее изумление, потому что г. Сенковский осуждал гласно всю текущую французскую литературу. Непостижимо, как в этом случае он имел так мало сметливости и до такой степени считал простоватыми своих читателей. Неизвестно тоже, почему называл он некоторые статьи свои фантастическими. Отсутствие всякой истцы, естественности и вероятности еще нельзя считать фантастическим. Фантастические сочинения барона Брамбеуса напоминают книги, каких некогда было очень много, как то: «Не любо — не слушай, и лгать не мешай», и тому подобные. Та же безотчетность и еще менее устремления к доказательству какой-нибудь мысли. Опытные читатели заметят в них чрезвычайно много похищений, сделанных наскоро, на всем бегу: автор мало заботился о их связи. То, что в оригиналах имело смысл, то в копии было без всякого значения.

Таковы были труды и действия распорядителя «Библиотеки для чтения». Мы почили нужным упомянуть о них несколько обстоятельнее потому, что он один законодательствовал в «Библиотеке для чтения» и что мнения его разносились чрезвычайно быстро, вместе с четырьмя тысячами экземпляров журнала, по всему лицу России.

Невозможно, чтобы журнал, издаваемый при средствах, доставленных книгопродавцем Смирдиным, был плох. Он уже выигрывал тем, что издавался в большом объеме, толстыми книгами. Это для подписчиков была приятная новость, особливо для жителей наших городов и сельских помещиков. В «Библиотеке» находились переводы иногда любопытных статей из иностранных журналов, в отделе стихотворном попадались имена светил русского Парнаса. Но постоянно лучшим отделением ее была *смесь* вмещавшая в себе очень много разнообразных свежих новостей, отделение живое, чисто журнальное. Изящная проза, оригинальная и переводная,— повести и прочее,— оказывала очень мало вкуса и выбора. В «Библиотеке для чтения» случилось еще одно, дотоле неслыханное на Руси явление. Распорядитель ее стал переправлять и переделывать все почти статьи, в ней печатаемые, и любопытно то, что он объявлял об этом сам довольно смело и откровенно. «У нас,— говорит он,— в «Библиотеке для чтения», не так, как в других журналах: мы никакой повести не оставляем в прежнем виде, всякую переделываем: иногда составляем из двух одну, иногда из трех, и статья значительно улучшается нашими переделками». Такой странной опеки до сих пор на Руси еще не бывало.

Многие писатели начали опасаться, чтобы публика не приняла статей, часто помещаемых без подписи или под вымышленными именами, за их собственные, и потому начали отказываться от участия в издании сего журнала. Число сотрудников так уменьшилось, что на другой год издатели уже не выставили длинного списка имен и упомянули глухо, что участвуют лучшие литераторы, не означая какие. Журнал хотя не изменился в величине и плане, но статьи заметно начали быть хуже; видно было менее старания. «Библиотеку» уже менее читали в столицах, но все так же много в провинциях, и мнения так же обращались быстро. Обратимся к другим изданиям.

«Северная пчела» заключала в себе официальные известия и в этом отношении выполнила свое дело. Она помещала известия политические, заграничные и отечественные новости. Редактор г. Греч довел ее до строгий исправности; она всегда выходила в положенное время; но в литературном смысле она не имела никакого определенного тона и не выказывала никакой сильной руки, двигавшей ее мнения. Она была какая-то корзина, в которую сбрасывал всякой все, что ему хотелось. Разборы книг, всегда почти благосклонные, писались приятелями, а иногда самими авторами. В «Северной пчеле» пробовали остроту пера разные незнакомцы, скрывавшиеся под разными буквами, без сомнения, люди молодые, потому что в статьях выказывалось довольно удалства. Они нападали разве уже на самого беззащитного и круглого сироту. Насчет неопрятных изданий являлись остроумные колкости, несколько похожие одна на другую. Сущность рецензий состояла в том, чтобы расхвалить книгу и при конце сложить с себя весь грех такою оговоркою: «Впрочем, желательно, чтобы почтенный автор исправил небольшие погрешности относительно языка и слога», или: «Хорошая книга требует хорошего издания», и тому подобное, за что автор разбираемой книги иногда обижался и жаловался на пристрастие рецензента. Книги часто были разбираемы теми же самими рецензентами, которыми мигали известия о новых табачных фабриках, открывавшихся в столице, о помаде и проч.; сии известия иногда довольно остроумны и в шутках своих показывали ловких и хорошо воспитанных людей, без сомнения, имевших основательные причины быть довольными фабрикантами. Впрочем, от «Северной пчелы» больше требовать было нечего: она была всегда исправная ежедневная афиша, ее делом было пригласить публику, а судить она предоставляла самой публике.

Журнал, носивший название «Сына отечества и Северного архива», был почти невидимкою во все время. О нем никто не говорил, на него никто не ссылался, несмотря на то, что он выходил исправно еженедельно и что печатал такую огромную программу на своей обертке, какую вряд ли где можно было встретить. В «Сыне отечества» (говорила программа) будет археология, медицина, правоведение, статистика, русская история, всеобщая история, русская словесность, иностранная словесность, наконец, просто словесность, география, этнография, историческая галерея и прочее. Иной ахнет, прочитавши такую ужасную программу, и подумает, что это огромное энциклопедическое издание, когда-либо существовавшее на свете. Ничуть не бывало: выходила худенькая, тоненькая книжечка в три листа, начинавшаяся статьею о каких-нибудь болезнях, которой не читали даже медики. Критическая статья, а тем еще более живая и современная, не была в нем постоянною. Новости политические были те же сухие факты, взятые из «Северной пчелы», следственно уже всем известные. Помещаемые какие-то оригинальные повести были довольно странны, чрезвычайно коротенькие и совершенно бесцветны. Если попадалось что-нибудь достойное замечания, то оно оставалось незаметным. Имена редакторов гг. Булгарина и Греча стояли только на заглавном листке; но с их стороны решительно не было видно никакого участия. Однако ж журнал существовал, стало быть, читатели и подписчики были. Эти читатели и подписчики были почтенные и пожилые люди, живущие в провинциях, которым что-нибудь почитать так же необходимо, как заснуть чашик после обеда или выбраться два раза в неделю.

Издавалась еще в Петербурге в продолжение всего этого времени газета чисто литературная, освобожденная от всяких вторжений наук и важных сведений, не политическая, не статистическая, не энциклопедическая, любительница старого, но при всем том имевшая особенный характер. Название этой газеты: «Литературные прибавления к Инвалиду». В ней помещались легонькие повести: беседы деревенских помещиков о литературе, беседы часто довольно обыкновенные, но иногда местами проникнутые колкостями, близкими к истине: читатель, к изумлению своему, видел, что помещики к концу статьи делались совершенными литераторами, принимали к сердцу текущую литературу и приправляли свои мнения едкою насмешкою. Этот журнал всегда оказывал оппозицию противу всякого счастливого наездника, хотя его вся тактика часто состояла только в том, что он выписывал одно какое-нибудь место, доказывающее журнальную опрометчивость, и присовокуплял от себя довольно злое замечание не длиннее строчки с восклицательным знаком. Г. Воейков был чрезвычайно деятельный ловец и, как рыбак, сидел с удой на берегу, не теряя терпения, хотя на его уду попадалась большею частию мелкая рыба, а большая обрывалась. В редакторе была заметна чисто литературная жизнь, и он с неохлажденным вниманием не сводил глаз с журнального поля. Я не знаю, много ли было читателей его газеты, но она очень стоила того, чтобы иногда в нее заглянуть.

В Москве издавался один только «Телескоп», с небольшими листками прибавления, под именем «Молвы»; журнал, вначале отозвавшийся живостью, но вскоре протывший, наполнявшийся статьями без всякого разбора, лишенный всякого литературного движения. Видно было, что издатели не прилагали о нем никакого старания и выдавали книжки как-нибудь.

Монополия, захваченная «Библиотекою для чтения», не могла не задеть за живое других журналов. Но «Северная пчела» была издаваема тем же самым г. Гречем, которого имя некоторое время стояло на заглавном листке в «Библиотеке» как главного ее редактора, хотя это звание, как мы уже видели, было только почетное, и потому очень естественно, что «Северная пчела» должна была хвалить все, помещаемое в «Библиотеке», и настоящего ее движителя, являвшегося под множеством разных имен, называть русским Гумбольтом. Но и без того она вряд ли бы могла явиться

сильною противницею, потому что не управлялась единою волею; разные литераторы заглядывали туда только по своей надобности. «Сын отечества» должен был повторять слова «Пчелы». Итак, всего только два журнала могли восстать против его мнений. Г. Воейков показал в «Литературных прибавлениях» что-то похожее на оппозицию; но оппозиция его состояла в легких заметках журнальных промахов и иногда удачной остроте, выраженных отрывисто, в немногих словах, с насмешкою, очень понятною для немногих литераторов, но незаметною для непосвященных. Нигде не поместил он обстоятельной и основательной критики, которая определила бы сколько-нибудь направление нового журнала. «Телескоп» в соединении с «Молвою» действовал против «Библиотеки для чтения», но действовал слабо, без постоянства, терпения и необходимого хладнокровия. В статьях критических он был часто исполнен негодования против нового счастливицы, шутил над баронством г. Сенковского, сделал несколько справедливых замечаний относительно его странного подражания французским писателям, но не видел дела во всей ясности. В «Молве» повторялись те же намеки на Брамбеуса часто по поводу разбора совершенно постороннего сочинения. Кроме того, «Телескоп» много вредил себе опаздыванием книжек, неаккуратностью издания, и критические статьи его чрез то еще менее были в обороте.

Очевидно, что силы и средства этих журналов были слишком слабы в отношении к «Библиотеке для чтения», которая была между ними, как слон между мелкими четвероногими. Их бой был слишком неравен, и они, кажется, не приняли в соображение, что «Библиотека для чтения» имела около пяти тысяч подписчиков, что мнения «Библиотеки для чтения» разносились в таких слоях общества, где даже не слышали, существуют ли «Телескоп» и «Литературные прибавления», что мнения и сочинения, помещаемые в «Библиотеке для чтения», были расхвалены издателями той же «Библиотеки для чтения», скрывавшимися под разными именами, расхвалены с энтузиазмом, всегда имеющим влияние на большую часть публики; ибо то, что смешно для читателей просвещенных, тому верят со всем простодушием читатели ограниченные, каких по количеству подписчиков можно предполагать более между читателями «Библиотеки», и к тому же большая часть подписчиков были люди новые, дотоле не знавшие журналов, следственно принимавшие все за чистую истину; что, наконец, «Библиотека для чтения» имела сильное для себя подкрепление в 4000 экземплярах «Северной пчелы».

Ропот на такую неслыханную монополию сделался силен. В Москве наконец несколько литераторов решились издавать какой-нибудь свой журнал. Новый журнал нужен был не для публики, т. е. для большего числа читателей, но собственно для литераторов, различно притесняемых «Библиотекою». Он был нужен: 1) для тех, которые желали иметь приют для своих мнений, ибо «Б. д. Ч.» не принимала никаких критических статей, если не были они по вкусу главного распорядителя; 2) для тех, которые видели с изумлением, как на их собственные сочинения наложена была рука распорядителя; ибо г. Сенковский начал уже переправлять, безо всякого разбора лиц, все статьи, отдаваемые в «Библиотеку». Он переправлял статьи военные, исторические, литературные, относящиеся к политической экономии и проч., и все это делал без всякого дурного намерения, даже без всякого отчета, не руководствуясь никаким чувством надобности или приличия. Он даже приделал свой конец к комедии Фонвизина, не рассмотревши, что она и без того была с концом.

Все это было очень досадно для писателей, решительно не имевших места, куда бы могли подать жалобу свету и читателям.

Но уже один слух о новом журнале возбудил негодование «Библиотеки для чтения» и подвинул ее к неожиданному поступку: она уверяла своих читателей и подписчиков с необыкновенным жаром, что новый журнал будет бранчивый и неблагоприятный. Статья, помещенная по этому же случаю в «Северной пчеле», казалось,

была писана человеком, в отчаянии предвидевшим свою конечную гибель. В ней уведомили публику, что новый журнал хочет уронить «Библиотеку для чтения», потому только, что издателя одного объявили, что будут выпускать таковое же число листов, как и «Библиотека для чтения». Поступок чрезвычайно неосмотрительный! В подобном деле необходимо скрыть свои мелкие чувства искусно и потом, выждав удобный случай, нанести обдуманный удар. Если я издаю журнал, зачем же не издавать его и другому? И как могу гневаться, если другой скажет, что он будет брать меня в образец? Не должен ли я, напротив, его благодарить? Не показывает ли он тем степень уважения, мною заслуженного в публике? Чем больше соревнования, тем больше выигрыша для читателей и для литераторов.

Но рассмотрим, в какой степени «Московский наблюдатель» выполнил ожидания публики, жадной до новизны, ожидание читателей образованных, ожидание литераторов и опасение «Библиотеки для чтения».

Новый журнал, несмотря на ревностное старание привести себя во всеобщую известность, не имел средств огласить во все углы России о своем появлении, потому что единственные глашатаи вестей были его противники — «Северная пчела» и «Библиотека для чтения», которые, конечно, не поместили бы благоприятных о нем объявлений. Он начался довольно поздно, не с новым годом, следственно не в то время, когда обыкновенно начинаются подписки, наконец, он пренебрег быстрым выходом книжек и срочною их поставкою. Но важнейшие причины неуспеха заключались в характере самого журнала. По первым вышедшим книжкам уже можно было видеть, что предположение журнала было следствием одного горячего мгновения. В «Московском наблюдателе» тоже не было видно никакой сильной пружины, которая управляла бы ходом всего журнала. Редактор его виден был только на заглавном листке. Имя его было почти неизвестно. Он написал доселе несколько сочинений статистических, имеющих много достоинства, но которых публика чисто литературная не знала вовсе. Литературные мнения его были неизвестны. В этом состояла большая ошибка издателей «Московского наблюдателя». Они позабыли, что редактор всегда должен быть видным лицом. На нем, на оригинальности его мнений, на живости его слога, на общепонятности и общезанимательности языка его, на постоянной свежести его, основывается весь кредит журнала. Но г. Андросов явился в «Московском наблюдателе» вовсе не заметным лицом. Если желание издателей было постановить только почетного редактора, как вошло в обычай у нас на ленивой Руси, то в таком случае они должны были труды редакции разложить на себя; но они оставили всю ответственность на редакторе, и «Московский наблюдатель» стал похож на те ученые общества, где члены ничего не делают и даже не бывают в присутствии, между тем как президент является каждый день, садится в свои кресла и велит записывать протокол своего уединенного заседания. В журнале было несколько очень хороших статей, его украсили стихи Языкова и Баратынского — эти перлы русской поэзии, но при всем том в журнале не было заметно никакой современной живости, никакого хлопотливого движения; не было в нем разнообразия, необходимого для издания периодического. Замечательные статьи, поступавшие в этот журнал, были похожи на оазисы, зеленеющие посреди целого моря песчаных степей. Притом издатели, как кажется, мало имели сведения о том, что нравится и что не нравится публике. Статьи часто хорошие делались скучными потому только, что они тянулись из одного номера в другой с несносной подписью: продолжение впрямь. Вот каков был журнал, долженствовавший бороться с «Библиотекой для чтения».

«Наблюдатель» начался оппозиционною статьею г. Шевырева о торговле, зародившейся в нашей литературе. В ней автор нападает на торговлю в ученом мире, на всеобщее стремление составить себе доход из литературных занятий. Первая ошибка была здесь та, что автор статьи обратил внимание не на главный предмет. Во-вторых:

он гремел против пишущих за деньги, но не разрушил никакого мнения в публике касательно внутренней ценности товара. Статья сия была понятна одним литераторам, нанесла досаду «Библиотеке для чтения», но ничего не дала знать публике, не понимающей даже, в чем состояло дело. Притом сии нападения были несправедливы, потому что устремлялись на непреложный закон всякого действия. Литература должна была обратиться в торговлю, потому что читатели и потребность чтения увеличилась. Естественное дело, что при этом случае всегда больше выигрывают люди предприимчивые, без большого таланта, ибо во всякой торговле, где покупщики еще простоваты, выигрывают больше купцы оборотливые и пронырливые. Должно показать, в чем состоит обман, а не пересчитывать их барыши. Что литератор купил себе доходный дом или пару лошадей, это еще не беда; дурно то, что часть бедного народа купила худой товар и еще хвалится своею покупкою. Должно было обратить внимание г. Шевыреву на бедных покупателей, а не на продавцов. Продавцы обыкновенно бывают люди наездные: сего дня здесь, а завтра бог знает где. При этом случае сделан был несправедливый упрек книгопродавцу Смирдину, который вовсе не виноват, который за предприимчивость и честную деятельность заслуживает одну только благодарность. Нет спора, что он дал, может быть, много воли людям, которым приличнее было заниматься просто торговлею, а не литературою. Талант неискателен, но корыстолюбие искательно. На это также смешно жаловаться, встретивши недальновидного чиновника. Для таланта есть потомство, этот неподкупный ювелир, который оправляет одни чистые бриллианты. Г. Шевырен показал в статье своей благородный порыв негодования на прозаическое, униженное направление литературы, но на большинство публики эта статья решительно не сделала никакого впечатления. «Библиотека» отвечала коротко, в духе необыкновенной своей тактики: обратившись к зрителям, т. е. к подписчикам, она говорила: «Вот какое неблагородство духа показал г. Шевырев, неприличие и неимение высоких чувств, упрекая нас в том, что мы трудимся для денег, тогда как» и проч... Это обыкновенная политика петербургских журналов и газет. Как только кто-нибудь сделает им упрек в корыстолюбии и в бездействии, они всегда жалуются публике на неприличие выражений и неблагородство духа своих противников, говорят, что статья эта писана с целию только поддеть публику и забрать от читателей деньги, что они почитают с своей стороны священным долгом предупредить публику.

Итак, выходка «Московского наблюдателя» скользнула по «Библиотеке для чтения», как пуля по толстой коже носорога, от которой даже не чихнуло тучное четвероногое. Выславши эту пулю, «Московский наблюдатель» замолчал. Доказательство, что он не начертал для себя обдуманного плана действий и что решительно не знал, как и с чего начать. Должно было или не начинать вовсе, или если начать, то уже не отставать. Только постоянным действием мог «Наблюдатель» дать себе ход и сделать имя свое известным публике, как сделал его известный «Телеграф», действуя таким же образом и почти при таких же обстоятельствах. «Наблюдатель» выпустил вслед за тем несколько номеров, но ни в одном из них не сказал ничего в защиту и подкрепление своих мнений. Чрез несколько номеров показалась, наконец, статья, посвященная Брамбеусу, по поводу одной давно напечатанной в «Библиотеке» статьи, под именем: «Брамбеус и юная словесность», в которой Брамбеус назвал сам себя законодателем какой-то новой школы и вводителем новой эпохи в русской литературе.

Это в самом деле было чрезвычайно странно. Случалось, что литераторы иногда похваливали самих себя, или под именем друзей своих, или даже сами от себя, но все же с некоторою застенчивостию, и после сами старались все это как-нибудь загрести собственными руками, чувствуя, что несколько провинились. Но никогда еще автор не хвалил себя так свободно и непринужденно, как барон Брамбеус. Эта оригинальная статья слишком была ярка, чтобы не быть замеченною. Ею занялся и «Телескоп»

и потрунил над нею довольно забавно, только вскользь; с обыкновенною сметливостью о ней намекнул и г. Воейков; она возродила статью и в «Московском наблюдателе». Цель этой статьи была доказать, откуда барон Брамбеус почерпнул талант свой и знаменитость? какими творениями чужих хозяев пользовался, как своим? другими словами: из каких лоскутов барон Брамбеус сшил себе халат? Несколько безгласных книжек, выходявших вслед за тем, совершенно погрузили «Московского наблюдателя» в забвение. Даже самая «Библиотека для чтения» перестала, наконец, упоминать о нем, как о бессильном противнике; продолжала шутить над важным и неважным и говорить все то, что первое попадалось под перо ее.

Вот каковы были действия наших журналов. Изложив их, рассмотрим теперь, что сделали они в эти два года такого, которое должно вписаться в историю нашей литературы, оставить в ней оригинальную черту; какие мнения, какие толки они утвердили, что определили и какой мысли дали право гражданства.

Длинная программа, сулящая статистику, медицину, литературу, ничего не значит. Извещение о том, что критика будет благонамеренная, чуждая личностей и партий, тоже не показывает цели. Она, должна быть необходимым условием всякого журнала. Даже множество помещенных в журнале статей ничего не значит, если журнал не имеет своего мнения и не оказывается в нем направление, хотя даже одно-стороннее, к какой-нибудь цели. «Телеграф» издавался, кажется, с тем, чтобы опровергнуть обветшалые, заматорелые, почти машинальные мысли тогдашних наших старожилов, классиков; «Московский вестник», один из лучших журналов, несмотря на то, что в нем немного было современного движения, издавался с тем, чтобы познакомить публику с замечательнейшими созданиями Европы, раздвинуть круг нашей литературы, доставить нам свежие идеи о писателях всех времен и народов. Здесь не место говорить, в какой степени оба сии материала выполнили цель свою; по крайней мере, стремление к ней было чувствуемо в них читателями. Но рассмотрите внимательно издававшиеся в последние два года журналы; уловите главную нить в каждом из них: сей-то нити и не сыщете. Развернувши их, будете поражены мелкостью предметов, вызвавших толки их. Подумаете, что решительно ни одного важного события не произошло в литературном мире. А между тем:

1) Умер знаменитый шотландец, великий дееписатель сердца, природы и жизни; полнейший, обширнейший гений XIX века.

2) В литературе всей Европы распространился беспокойный, волнующийся вкус. Являлись опрометчивые, бессвязные, младенческие творения, но часто восторженные, пламенные — следствие политических волнений той страны, где рождались. Странная, мятежная, как комета, неорганизованная, как она, эта литература волновала Европу, быстро облетела все углы читающего мира. Пусть эти явления будут всемирно-европейские, хотя они отражались и в России; рассмотрим литературные события чисто русские.

3) Распространилось в большой степени чтение романов, холодных, скучных повестей, и оказалось очень явно всеобщее равнодушие к поэзии.

4) Вышли новыми изданиями Державин, Карамзин, гласно требовавшие своего определения и настоящей верной оценки так, как и все прочие старые писатели наши, ибо в литературном мире нет смерти, и мертвецы также вмешиваются в дела наши и действуют вместе с нами, как и живые. Они требовали возвращения того, что действительно им следует; они требовали уничтожения неправого обвинения, неправого определения, бессмысленно повторенного в продолжение нескольких лет и повторяемого донныне.

Но сказали ли журналы наши, руководимые строгим размышлением, что такое был Вальтер Скотт, в чем состояло влияние его, что такое французская современная литература, от чего, откуда она произошла, что было поводом неправильного укло-

нения вкуса и в чем состоял ее характер? Отчего поэзия заменилась прозаическими сочинениями? На какой степени образования стоит русская публика и что такое русская публика? В чем состоит оригинальность и свойство наших писателей?

Напрасно в этом отношении читатель станет искать в них новых мыслей или каких-нибудь следов глубокого, добросовестного изучения. Вальтер Скотта у нас только побранили. Французскую литературу одни приняли с детским энтузиазмом, утверждали, что модные писатели проникнули тайны сердца человеческого, дотоле сокровенные для Сервантеса, для Шекспира... другие безотчетно поносили ее, а между тем сами писали во вкусе той же школы еще с большими несообразностями. Вопросом: отчего у нас в большом ходу водяные романы и повести? вовсе не занялись, а вместо того вдобавок напустили и своих еще собственных. О нашей публике сказали только, что она почтенная публика и что должна подписываться на все журналы и разные издания, ибо их может читать и отец семейства, и купец, и воин, и литератор; о Державине, Карамзине и Крылове ничего не сказали или сказали то, что говорит уездный учитель своему ученику, и отделались пошлыми фразами.

О чем же говорили наши журналы? Они говорили о ближайших и любимейших предметах: они говорили о себе, они хвалили в своих журналах собственные свои сочинения; они решительно были заняты только собою; на все другое они обращали какое-то холодное, бесстрастное внимание. Великое и замечательное было как будто невидимо. Их равнодушная критика обращена была на те предметы, которые почти не заслуживали внимания.

В чем же состоял главный характер этой критики? В ней очень явственно было заметно:

1) Пренебрежение к собственному мнению. Почти никогда не было заметно, чтобы критик считал свое дело важным и принимался за него с благоговением и предварительным размышлением, чтобы, водя пером своим, думал о небольшом числе возвышенно-образованных современников, перед которыми он должен дать ответ в каждом своем слове. Журнальная критика по большей части была каким-то гаерством. Как хвалили книгу покровительствуемого автора? Не говорили просто, что такая-то книга хороша или достойна внимания в таком-то и таком-то отношении, совсем нет. «Эта книга,— говорили рецензенты, — удивительная, необыкновенная, неслыханная, гениальная, первая на Руси, продается по пятнадцати рублей; автор выше Вальтер Скотта, Гумбольта, Гете, Байрона. Возьмите, переплетите и поставьте в библиотеку вашу; также и второе издание купите и поставьте в библиотеку: хорошего не мешает иметь и по два экземпляра».

Большая часть книг была расхвалена без всякого разбора и совершенно безотчетно. Если счесть все те, которые попали в первоклассные, то иной подумает, что нет в мире богаче русской литературы, и только через несколько времени противоположные толки тех же самых рецензентов о тех же самых книгах заставят его задуматься и приведут в недоумение. Та же самая неумеренность являлась в упреках сочинениям писателей, против которых рецензент питал ненависть или неблагоприятное расположение. Так же безотчетно изливал он гнев свой, удовлетворяя минутному чувству.

2) Литературное безверие и литературное невежество. Эти два свойства особенно распространились в последнее время у нас в литературе. Нигде не встретишь, чтобы упоминались имена уже окончивших поприще писателей наших, которые глядят на нас в лучах славы с вышины своей. Ни один из критиков не поднял благоговейно глаз своих, чтобы их приметить. Никогда почти не стоят на журнальных страницах имена Державина, Ломоносова, Фонвизина, Богдановича, Батюшкова. Ничего о влиянии их, еще остающемся, еще заметном. Никогда они даже не брались в сравнение с нынешнею эпохой, так, что наша эпоха кажется как будто отрублена от своего корня, как будто у нас вовсе нет начала, как будто история прошедшего для нас не

существует. Это литературное невежество распространяется особенно между молодыми рецензентами, так, что вообще современная критическая литература совершенно похожа на наносную. Не успеет пройти год-другой, как толки, вначале довольно громкие, уже безгласные, неслышные, как звук без отголоска, как фразы, сказанные на вчерашнем бале. Имена писателей, уже упрочивших свою славу, и писателей, еще требующих ее, сделались совершенною игрушкою. Один рецензент роняет тех, которых поднял его противник, и все это делается без всякого разбора, без всякой идеи. Иное имя бывает обязано славою своею ссоре рецензентов. Не говоря о писателях отечественных, рецензент, о какой бы пустейшей книге ни говорил, непременно начнет Шекспиром, которого он не читал. Но о Шекспире пошло в моду говорить — итак, подавай нам Шекспира. Говорит он: «С сей точки начнем мы теперь разбирать открытую пред нами книгу. Посмотрим, как автор наш соответствовал Шекспиру», а между тем разбираемая книга — чепуха, писанная вовсе без всяких притязаний на соперничество с Шекспиром, и сходствует разве только с духом и образом выражений самого рецензента.

3) Отсутствие чистого эстетического наслаждения и вкуса. Еще в московских журналах видишь иногда какой-нибудь вкус, что-нибудь похожее на любовь к искусству; напротив того, критики журналов петербургских, особенно так называемые благопристойные, чрезвычайно ничтожны. Разбираемые сочинения превозносятся выше Байрона, Гете и проч.! Но нигде не видит читатель, чтобы это было признаком чувства, признаком понимания, истекло из глубины притязательной, растроганной души. Слог их, несмотря на наружное, часто вычурное и блестящее убранство, дышит мертвящею холодною. В нем видна живость или горячая замашка только тогда, когда рецензент задет за живое, и когда дело относится к его собственному достоинству. Справедливость требует упомянуть о критике Шевыреве, как об утешительном исключении. Он передает нам впечатления в том виде, как приняла их душа его. В статьях его везде замечен мыслящий человек, иногда увлекающийся первым впечатлением.

4) Мелочное в мыслях и мелочное щегольство. Мы уже видели, что критика не занималась вопросом важным. Внимание рецензий было устремлено на целую шеренгу пустых книг и вовсе не с тем, чтобы разбирать их, но чтобы блеснуть любезностию, заставить читателя рассмеяться. До какой степени критика занялась пустяками и ничтожными спорами, читатели уже видели из знаменитого процесса о двух бедных местоимениях: сей и оный.. Вот до чего дошла, наконец, русская критика!

Кто же были те, которые у нас говорили о литературе. В это время не сказал своих мнений ни Жуковский, ни Крылов, ни князь Вяземский, ни даже те, которые еще не так давно издавали журналы, имевшие свой голос и показавшие в статьях своих вкус и знание: нужно ли после этого удивляться такому состоянию нашей литературы?

Отчего же не говорили сии писатели, показавшие в творениях своих глубокое эстетическое чувство? Считали ли они для себя низким спуститься на журнальную сферу, где обыкновенно бойцы всякого рода заводят свой шумный бой? Мы не имеем право решить этого. Мы должны только заметить, что критика, основанная на глубоком вкусе и уме, критика высокого таланта, имеет равное достоинство со всяким оригинальным творением: на ней виден разбираемый писатель, в ней виден еще более сам разбирающий. Критика, начертанная талантом, переживает эфемерность журнального существования. Для истории литературы она неоценима. Наша словесность молода. Корифеев ее было немного; но для критика мыслящего она представляет целое поле, работу на целые годы. Писатели наши отлились совершенно в особенную форму, и, несмотря на общую черту нашей литературы, черту подражания, они заключают в себе чисто русские элементы: и подражание наше носит совершенно северообразный характер, представляет явление, замечательное даже для европейской литературы.

Но довольно. Заключим искренним желанием, чтобы с текущим годом более показалось деятельности, и при большем количестве журналов явилось бы более независимости от монополии, а через то более соревнования у всех соответствовать своей цели. По крайней мере, заметно какое-то утешительное стремление уже и в том, что некоторые журналы с будущим годом обещают издаваться с большим противу прежнего рачением. Издатели «Сына отечества», издатель «Телескопа» заговорили об улучшениях. Нельзя и сомневаться, чтобы при большем старании невозможно было сделать большего. По крайней мере, со всем чистосердечием и теплою молитвою излагаем желание наше: да наградятся старания всех и каждого сторицею, и чем бескорыстнее и добросовестнее будут труды его, тем более да будет он почтен заслуженным вниманием и благодарностию.

НОВЫЕ КНИГИ

Востола, или Желания, Повесть в стихах, сочинение Виланда, издал А. Пушкин. С.-П-бург, в тип. Д. Внеш. Торг., 1836, в 8, стр. 96.

В одном из наших журналов дано было почувствовать, что издатель «Востолы» хотел присвоить себе чужое произведение, выставя свое имя на книге, им изданной. Обвинение несправедливое: печатать чужие произведения, с согласия или по просьбе автора, до сих пор никому не воспрещалось. Это называется *издавать*; слово ясно; по крайней мере до сих пор другого не придумано.

В том же журнале сказано было, что «Востола» переведена каким-то бедным литератором, что А. С. П. только дал ему напрокат свое имя, и что лучше бы сделал, дав ему из своего кармана тысячу рублей».

Переводчик Виландовой поэмы, гражданин и литератор заслуженный, почтенный отец семейства, не мог ожидать нападения столь жестокого. Он человек небогатый, но честный и благородный. Он мог поручить другому приятный труд издать свою поэму, но конечно бы не принял милостыни от кого бы то ни было.

После такого объяснения не можем решиться здесь наименовать настоящего переводчика. Жалеем, что искреннее желание ему услужить могло подать повод к намекам, столь оскорбительным.

Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Издание второе. Две части, в 8 д. л., XIV, 203 и X, 233, в тип. Д. Внешн. Торговли.

Читатели наши, конечно, помнят впечатление, произведенное над ними появлением «Вечеров на хуторе»: все обрадовались этому живому описанию племени поющего и пляшущего, этим свежим картинам малороссийской природы, этой веселости, простодушной и вместе лукавой. Как изумились мы русской книге, которая заставляла нас смеяться, мы, не смеявшиеся со времен Фонвизина! Мы так были благодарны молодому автору, что охотно простили ему неровность и неправильность его слога, бессвязность и неправдоподобие некоторых рассказов, предоставляя сии недостатки на поживу критики. Автор оправдал таковое снисхождение.

Он с тех пор непрестанно развивался и совершенствовался. Он издал «Арабески», где находится его «Невский проспект», самое полное из его произведений. Вслед за тем явился «Миргород», где с жадностью все прочли и «Старосветских помещиков», эту шутивную, трогательную идиллию, которая заставляет вас смеяться сквозь слезы грусти и умиления, и «Тараса Бульбу», коего начало достойно Вальтер Скотта. Г. Гоголь идет еще вперед. Желаем и надеемся иметь часто случай говорить о нем в нашем журнале*.

ПРИМЕЧАНИЯ «СОВРЕМЕННОМУ». ПЕРВЫЙ ТОМ

Вышел в свет 11 апреля 1836 г.

Пир Петра Первого. Стихотворение А. С. Пушкина (1835 г.).

Ночной смотр. Перевод стихотворения австрийского поэта И.К. фон Цедлица (1790-1862).

Скупой рыцарь. Одна из «маленьких трагедий» А. С. Пушкина. Написана болдинской осенью 1830 г.

О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году. Статья Н. В. Гоголя, написанная специально для первого тома «Современника» в феврале — марте 1836 г. «Резкий и благородный тон», «смелые и беспристрастные отзывы о наших журналах, верный взгляд на журнальное дело» — так отзывался о ней В. Г. Белинский.

Роза и кипарис. (Графине М. А. Потоцкой). Стихотворение П. А. Вяземского.

Востола, или Желания. Заметка А. С. Пушкина, написанная в связи с оскорбительной информацией по поводу «Востолы», данной О. И. Сенковским, и его же рецензией на эту книгу (Библиотека для чтения. — 1836. — № 1, 2). Анонимным автором перевода «Востолы», изданного Пушкиным, был Е. П. Люценко (1776—1854), один из служащих Царскосельского лицея в пору пребывания там Пушкина.

Вечера на хуторе близ Диканьки. Отклик Пушкина на второе издание сборника повестей Н. В. Гоголя.

* На днях будет представлена на здешнем театре его комедия «Ревизор».

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

Уважаемые читатели и авторы!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, почтитать и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует и ободряет все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится на второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются преимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, Тульского артиллерийского инженерного института, Дома учителя, гарнизонного Дома офицеров, Кульпросветучилища (ныне — колледж), Лицея на Пушкинской, Областного об-ва «Мемориал», всех музеев Тулы и Тульской области, в редакции общегородских газет «Тула» и «Ярило», в ИПО «Лев Толстой» и в редакции альманахов «НЛО» (г. Новомосковск) и «Прикосновение» (Тула), в библиотеки тульских филиалов московских вузов.

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

- Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого — абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);
- Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);
- Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201);
- Библиотека № 4 (ул. Metallургов, 34);
- Библиотека № 5 (ул. Metallургов, 2«а»);
- Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);
- Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);
- Библиотека № 20 (ул. М. Горького, 20);
- Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36).

По системе областного библиотечного коллектора ТОУНБ журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может знакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала 2007 года аудитория читателей потенциально многократно возросла, поскольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на

сайте www.medsu.tula.ru интернета. То есть журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры ведущих фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы и Администрации области, редакции ведущих литературно-публицистических газет России: «Литературной газеты», «Завтра», «Российский писатель». Доставляется журнал и в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одноименный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж). Журнал получают центральные библиотеки Рязани, Петрозаводска, Курска, Сургута, Фрязино, Новосибирска и ряда других городов.

Определенное число экземпляров (до пятидесяти) предназначается для организаций-учредителей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети Интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего, начального, периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедшее время он увеличился от 100 до 500 экз. Но это и немало, учитывая, что сейчас тиражи ведущих всероссийских «толстых» литературных журналов порядка 1000 экз.

В планах редколлегии на ближайшее время значится доведение тиража до 1000 экз., его регистрация в «Росхранкультуре», присвоение международного классификационного номера *ISSN* и включение в подписной каталог «Роспечати». Усилия к этому прилагаются серьезные, а итог просматривается вполне оптимистичный, в частности, администрация области планирует включение журнала, начиная с 2011-го года в культурную программу области.

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культпросветучреждений: если вы хотите регулярно получать (безвозмездно) наш журнал — сообщите об этом письменно главному редактору (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или e-mail. Начиная с предыдущих номеров журнал уже доставляется в ряд школ города Тулы.

Редколлегия журнала

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Редколлегия журнала «Приокские зори» поздравляет своего постоянного автора (см. рубрику «Журнал в журнале»; «Мосбасс» из Сокольников), писателя и поэта из г. Новомосковска, члена Союза писателей России Алексея Андреевича Логунова с 70-летием и желает ему дальнейших творческих успехов. Мы же, со своей стороны, надеемся на активное участие Алексея Андреевича в работе нашего журнала.

«Лет до ста расти нам без старости!»

Редколлегия журнала «Приокские зори» поздравляет своего главного редактора Алексея Афанасьевича Яшина, ставшего в декабре 2008-го года лауреатом международной литературной премии им. Александра Фадеева с вручением Золотой медали — за произведения последних лет и подвижническую литературную деятельность. Также он отмечен юбилейной медалью «75 лет Литературному институту им. А. М. Горького» и академической премией им. Н. И. Пирогова за выдающиеся достижения в медицинской науке.

Так держать, товарищ главный редактор!

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, вводится регулярная рубрика библиографии вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России (см. информацию в начале рубрики «Хроника литературной жизни»). Не поленитесь занести экземпляр в редакцию журнала.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (в верху листа) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу.

В Библиотеке журнала «Приокские зори» вышли книги:

Яшин А. А. Без руля и без ветрил: Современный русский литературный лубок. Изд. 2-е, исправленное и расширенное / Предисл. акад. Л. В. Ханбекова: Петровская академия наук и искусств. Независимое литературное агентство «Московский Парнас». — М.: «Московский Парнас», 2009. — 273 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

Яшин А. А. Любовь новоюрского периода: Философский роман / Предисл. акад. Л. В. Ханбекова: Петровская академия наук и искусств. Независимое литературное агентство «Московский Парнас». — М.: «Московский Парнас», 2009. — 680 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»). — В печати.

По состоянию на начало января 2009-го года в редакцию поступили книги (исключая ранее опубликованную библиографию книг):

Румянцев В. Удивительное рядом: Стихи, басни, пародии. — Сочи: «Омега-Принт», 2003. — 195 с.

Зюганов Г. А. Сталин и современность. — М.: Молодая гвардия, 2008. — 286 с. (Получено по почте от Г. А. Зюганова).

Новомосковское литературное объединение: Межобластной литературно-музыкальный альманах «НЛО» / Под ред. В. В. Киреева. Вып. 8. — Тула: «Инфра», 2008. — 412 с.

Городок наш маленький: К 50-летию г. Сокольники / Под ред. В. И. Кручинина-Русича. — Сокольники: ИП Н. В. Денисова, 2008. — 81 с. (Литературное приложение № 1 к журналу «Мосбасс» — журнал в журнале «Приокские зори»).

Тула: Литературный альманах / Под ред. С. Овчинникова, С. Галкина и М. Трофимовой. — Тула: Гриф и К., 2007. — 280 с.

Жихарев И. Родник желаний — сказка Велегожа: Стихи / Сост. И. В. Жихарев. — Тула: ИПК ООО «Селена», 2008. — 60 с. (Передана в редакцию повторно).

Серегина Е. М. Аллея: Рассказы. — Тула: Папирус, 2008. — 72 с.

Абрамова Г. Приют души: Стихотворения. — Узловая: ОАО «Узловская типография», 2006. — 118 с.

Кириллов М. М. Незабываемое: Путевые заметки, очерки, рассказы (1981—1987 гг.). — Саратов: ОАО «Полиграфист», 1997. — 114 с.

Елисеев М. М. Музыкант: Поэма. — Новомосковск: ИП Н. В. Денисова, 2008. — 48 с. (Лит. приложение к журналу «Православный Новомосковск»).

Ореховский А. И. Человек и любовь: Избранное, стихи. — Новомосковск, 2008. — 496 с.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с текущего года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;*
- поэзия;*
- публицистика, включая историко-политическую;*
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.*

Звание лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. По положению о лауреатах последними не могут быть члены редколлегии, руководство организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-ой стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются во втором номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2008-го года будут объявлены в № 2, 2009 «Приокских зорь». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс на 2009-ой год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

О НАС ПИШУТ

В очередной раз «Литературная газета» (№ 37 (6189) от 17—23 .09.2008.— С. 5) в рубрике «Губернские страницы» опубликована информация о «Приокских зорях»:

«Приокские зори», межрегиональный литературно-художественный и публицистический журнал. — Тула, № 2 (10), 2008.

У издания маленький юбилей. Вышел его десятый номер. За прошедшие годы иллюстрации на обложке стали цветными, появились и книги под логотипом «Биб-

лиотека журнала «Приокские зори». Много в номере прозы: главы из повести Бориса Роганкова и повесть Алексея Яшина, рассказы Виктора Грекова (в рубрике «Мастер-класс»), семь рассказов под рубрикой «Слово женщинам». Столь же обширна поэтическая тетрадь, среди авторов которой Борис Шепелев, Маргарита Андрианова, Олег Пантюхин, Евгений Черняев, Александр Хадарцев и Владимир Сапожников. Содержательны разделы «Литературная критика» и «Документы эпохи». «Журнал в журнале» знакомит с литературно-краеведческим народным журналом «МОСБАСС» из города Сокольники Тульской области.

От редакции: в заметке нами исправлены фактические неточности (опечатки).

ИСПЫТАНИЕ ДЛЯ ПАТРИОТОВ*

«Поэт Олег Кочетков давно вошел в историю русской литературы,— пишет в предисловии к книге главный редактор «Коломенского альманаха» Виктор Мельников.— И, надеюсь, надолго в ней останется...» Не один критик, говоря об Олеге Кочеткове, упоминал о его крепких корнях, литературных и генеалогических. Коренной русак, житель Коломны, он неразрывно связан с этой срединной частью русской земли. Но сейчас — переломное время, которое проверяет Олега Кочеткова (как и других, разумеется, поэтов) жесточайшими испытаниями. Совсем недавно, в «соцреалистическую» эпоху, литература, проще говоря, распалась на антисоветско-кукишную и патриотическую, построенную на воспевании Руси.

Первая за ненадобностью сгинула, вторая же на наших глазах маргинализируется. Что нынче остается воспевать патриотам, певцам России-Руси?

В стихотворении «Из окна вагона» Олег Кочетков пишет:

*...За нее, в ее далях просторных
Пьем во здравие — полной судьбой!
А выходит — как за упокой!..*

Поэт заново открывает ключевые темы классической русской поэзии: простора, бездны, стихии, пути, придавая им не только вольный, разгульный, восторженный, но и ранимый, незащищенный, даже болевой характер. Двадцатый век не прошел даром для русского человека.

Из стихотворения «Незащищенность»:

*Раздумье — уподобилось беде,
Но все ж опять летишь за ним без страха,
Лишь ветром обдувается рубаха,
А тело и душа — незнамо где!*

В своей новой книге Олег Кочетков, как представляется, прозревает действительно настоящий патриотизм, невозможный ранее. Мастер сейчас в расцвете лет. Дай, Бог, ему совершить еще многое.

Петр Калинин

* Заметка, посвященная творчеству члена редколлегии «Приокских зорь» Олега Кочеткова, перепечатана из «Литературной газеты» (№ 51(6203) от 17—23.12.2008.— С. 3, приложения «Подмосковье») с разрешения редакции газеты: эл. письмо первого зам. главного редактора Леонида Колпакова.

НАМ ПИШУТ...

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ**

103265, г. Москва, ул. Охотный ряд, д. 1, Тел.: 692 11 95 Факс 692 92 42 E-mail: pressldpr@duma.gov.ru

17 ноября 2008г.

№ 1.7/21-11.204

Яшину А.А.

а/я. 1842
г. Тула
3000026

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Я получил от Вас журнал «Приокские зори», и книгу они займут достойное место в моей библиотеке.

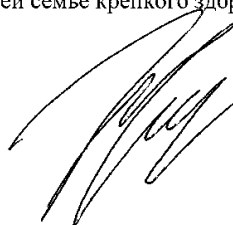
Партия ЛДПР, из года в год, проводит большую законотворческую работу. Благодаря инициативе депутатов фракции ЛДПР, были приняты законодательные акты, направленные на улучшение социально значимых программ, помощи семье, материнству, детству.

Особое внимание депутатского корпуса ЛДПР уделяется ветеранам войны и труда. Это их воинский и трудовой подвиг позволил выстоять нашей Родине в тяжелую годину, и мы должны обеспечить им достойную старость, окружив заботой и вниманием.

Возвращаясь к национальным истокам, мы обязаны сплотить наше общество вокруг вечных нравственных ценностей – государственности, патриотизма, духовности.

Желаю Вам и Вашей семье крепкого здоровья, счастья и благополучия!

С уважением,

В.В. Жириновский

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПЯТОГО СОЗЫВА

**ФРАКЦИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

ул. Охотный ряд, д. 1, Москва, 103265 Тел.: 692-87-42 Факс: 692-56-85 E-mail: zyuganov@duma.gov.ru

07 НОЯ 2008

200 г.

№ 52-26/2917

Главному редактору
журнала "Приокские зори"
А.А. ЯШИНУ

300600,
г. Тула,
пр-т Ленина,
д. 92, Тульский ГУ,
редакция журнала

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Получил бандероль с очередным номером журнала "Приокские зори" и две книги - Александра Яшина "Живописный паноптикум" и Леонида Ханкбекова "Тульский энциклопедист". Благодарю за подарки, неустанную поддержку литературных дарований и бережное отношение к отечественному литературному наследию.

Желаю Вам, всем авторам журнала "Приокские зори" новых успехов в жизни и творчестве. Поздравляю всех с 91-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции. Желаю крепкого здоровья и надеюсь на Вашу поддержку КПРФ.

С уважением,

Руководитель фракции

Т.А. ЗЮГАНОВ

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию

ГОУВПО «ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО»

РЕКТОР

123104, Москва, Тверской бульвар, 25. E-mail: rectorat@litinstitut.ru Http://www.litinstitut.ru Тел/Факс. 694-06-61

14.11.2008 г.

УВАЖАЕМЫЙ АЛЕКСЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ!

Литературный институт приглашает Вас принять участие в работе Съезда выпускников, посвященного 75-летию Литературного института им. А.М. Горького. Съезд пройдет с 3 по 4 декабря 2008 г. в Большом зале Центрального Дома Литераторов и в Литературном институте им. А.М. Горького. Регистрация будет проходить с 14.00 до 15.00 в ЦДЛ и с 11.00 до 14.00 в Литературном институте.

Ректор

Б.Н. Тарасов

**МУЗЕИ ТУЛЫ И ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ:
АЛЕКСИНСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ**

Внутренний дворик здания музея — бывшая городская усадьба купцов Масловых

Фасад здания Алексинского художественно-краеведческого музея

ПО СЛЕДАМ «ПЯТИДНЕВНОЙ ВОЙНЫ»
(Фото Александра Хадарцева)

16 августа 2008 года, г. Цхинвал. Перекресток наказаний

16 августа 2008 года, г. Цхинвал. Утраченные иллюзии

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Межрегиональный литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: В. В. Резцов, А. А. Яшин
Корректоры: В. В. Резцов, А. А. Яшин
Компьютерный набор: К. В. Струков, Л. П. Хохлова
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Подписано в печать 23.03.2009
Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Тульского государственного университета,
300600, г. Тула, ул. Болдина, 151